

Рафаэль Сабатини КОЛУМБ

Рафаэль Сабатини

КОЛУМБ







Rafael SABATINI
COLUMBUS
А Колумб

Перевод с английского
Вик. Вебера

Рафаэль САБАТИНИ
КОЛУМБ
Роман

Редактор
Н. Непомнящий
Художник
Е. Федоровская

Имя Рафаэля Сабатини, автора увлекательных "Хроники капитана Влада", "Одиссеи капитана Влада" и десятков других книг, не нуждается в особом представлении. Но пиратская тематика — не единственный предмет его творческих интересов. Роман "Колумб", впервые переведенный на русский язык, — одно из лучших произведений писателя. Новый Свет, Испания конца XV века, интриги придворных, любовь, наконец само плавание, полное опасностей и неожиданностей, через Атлантику в неизвестное... Произведение Р. Сабатини несомненно привлечет самые широкие круги читателей — любителей исторических романов.

© 1943 by Rafael Sabatini
Translated from edition published
in 1943 by The Book Club, 121,
Charing Cross Road, London, W.C.2.

ISBN 86422-076-0

© Общество по изучению тайн
и загадок Земли, 1992.

Пройдет год — и человечество отметит пятисотлетие открытия Америки Христофором Колумбом. В разных странах к этому событию относятся по-разному. В Испании, Италии и Португалии к годовщине готовятся как к празднику. Это их соотечественник, с их берегов и на их судах отправился в неведомое и открыл (в который уже раз!) Новый Свет. Только здесь открытие это повлекло за собой невиданный еще геноцид и порабощение многомиллионного населения Центральной и Южной Америки в течение буквально нескольких десятилетий. Правда, сам Колумб этого уже не увидел, хотя, наверное, догадывался о последствиях своих вояжей. Вот почему в Латинской Америке к славной дате относятся более чем сдержанно.

Общество по изучению тайн и загадок Земли вошло в подготовительный комитет по празднованию 500-летия и вносит свой вклад в мировое колумбоведение.

Мировая колумбоведческая библи-

отека насчитывает сотни и тысячи томов. В ней есть и сухие научные исследования, и художественные произведения, авторы которых, используя приемы беллетризованных биографических описаний, доносят до нас порой даже более эмоционально и впечатляюще, чем историки географических открытий, живую атмосферу тех далеких лет. Роман Р. Сабатини — одна из таких книг. Автор этот написал множество произведений, и каждый раз — будь то повесть о пиратах Карибского моря или роман об интригах итальянских правителей — глубоко погружался в тему, сам много читал, работал в библиотеках и архивах. Именно поэтому роман “Колумб” кажется нам таким достоверным и документальным.

Рассказ о Колумбе у Сабатини не строго биографичен. Мы не узнаем, что стало с мореходом после первого плавания в Новый Свет. Но ведь сегодня важно другое — понять само стремление Кристофера Колона в неведомое и тот путь, который привел его к достижению цели.



Глава I.
ПУТНИК



ВЕЧЕРНЮЮ ПОРУ ЗИМНЕГО ДНЯ МУЖЧИНА И РЕБЕНОК ПОДНИМАЛИСЬ ПО ВЫЮЩЕЙСЯ ПО СКЛОНУ МЕЖ СОСЕН ПЕСЧАНОЙ ТРОПЕ. В ТУ ЗИМУ ПРАВИТЕЛИ ИСПАНИИ ПОВЕЛИ НАСТУПЛЕНИЕ НА ГРАНАДУ, ПОСЛЕДНИЙ ОПЛОТ МАВРОВ НА ПОЛУОСТРОВЕ, ТО ЕСТЬ РЕЧЬ ПОЙДЕТ О СОБЫТИЯХ, СЛУЧИВШИХСЯ В ПОСЛЕДНЕЙ ДЕКАДЕ ПЯТНАДЦАТОГО СТОЛЕТИЯ.

Длинная череда дюн тянулась перед ними, простираясь на многие мили по направлению к Кадису. Порывы злого ветра, дуящего с юго-запада, бросали им в лицо песок. Позади, под серыми небесами, серел штормящий Атлантический океан.

Роста мужчина был выше среднего, широкоплечий, с длинными руками и ногами, судя по всему, недюжинной силы. Из-под простой круглой шляпы выбивались густые рыжие волосы. Серые глаза сияли на загорелом гордом лице патриция. Правда, одет он был куда как скромно. Куртка до колен из домотканого сукна, когда-то черная, но уже порядком выцветшая, перепоясанная простым кожаным ремнем. С ремня свешивался кинжал и кожаный мешок, первый — по правую руку, второй — по левую. Рейтузы из грубой черной шерсти, сапоги. На палке через плечо он нес свои скромные пожитки, завернутые в плащ. Лет ему было чуть больше тридцати пяти.

Ребенок, крепкий мальчишка лет семи или восьми, держась за правую руку мужчины, поднял голову и спросил: «Еще далеко?»

Спрашивал он по-португальски и ответ получил на том же языке.

— Этот вопрос, помоги мне Господи, я задавал себе все эти десять лет и еще не получил ответа. — Но затем ответил по существу: — Нет, нет. Смотри. Мы почти что на месте.

Поворот тропы вывел их к длинному низкому зданию, ослепительно белому квадрату на фоне темных сосен, подступающих к нему с востока. В центре квадрата, словно гриб с красной шляпкой, вздымалась к небу часовня под черепичной крышей.

— На сегодня это конечная цель нашего путешествия, Диего, — продолжил мужчина, указав на здание. — Возможно, и начало, — он словно размышлял вслух. — Приор, я слышал, образованный человек, имеющий немалое влияние на королеву, поскольку был ее духовником. Женщина всегда подчиняется тому, кто выслушивает ее исповедь. Такова одна из малых загадок нашей загадочной жизни. Но мы придем с поникшей головой, ничего не прося. В этом мире, мой сын, просить — значит нарваться на отказ. Это урок, который тебе еще придется выучить. Если хочешь получить то, чего у тебя нет, упаси боже выказать даже намек, что тебе это нужно. Наоборот, покажи им, какие они приобретут блага, если убедят тебя принять требуемое тебе. Вот тогда они будут счастливы облагодетельствовать тебя. Для твоего юного ума это слишком тонко, Диего. Даже я лишь недавно дошел

до этой истины, а ведь я куда как старше и опытнее. Мы проверим ее справедливость на добром францисканце.

Под добрым францисканцем мужчина подразумевал фрей Хуана Переса, приора монастыря Ла Рабида. Фрей Хуан полагал, что характер души человека открывается в его голосе. Приор, наверно, обладал более чутким слухом. Возможно, сказывался его опыт исповедника: он слушал грешника, не видя его, и только по голосу ему приходилось определить, сколь искренне раскаяние говорившего и, соответственно, каковым должно быть наказание.

И если б не то значение, которое придавал человеческому голосу фрей Хуан, нашему путнику, возможно, не удалось бы столь легко достигнуть поставленной цели.

Приор прохаживался по двору с раскрытым требником в руках. Его губы шевелились, как и требовал закон божий, беззвучно произнося слова молитвы, когда услышал просьбу, обращенную к светскому брату-привратнику.

— Милосердный брат мой, немного хлеба и воды для этого уставшего ребенка.

Не сами слова, привычные у ворот монастыря, привлекли внимание приора, но голос и, более чем голос, разительный контраст между звенящим в нем чувством собственного достоинства и гордости и униженностью просьбы. Скорее всего контраст этот не остался бы незамеченным и человеком с куда менее чувствительным ухом, чем у фрей Хуана. Слышался в голосе и иностранный акцент, но точность произношения каждого звука указывала, что говоривший уделял немало времени изучению испанского языка.

Фрей Хуан, не чуждый человеческого любопытства, особенно, если возникала возможность хоть немного разнообразить монотонность жизни в Ла Рабиде, закрыл требник, заложив указательным пальцем страницу, которую только что читал, и направился к воротам, чтобы взглянуть на просителя.

Один лишь взгляд показал ему, сколь полно внешний облик мужчины находится в соответствии с его голосом. В высоком росте, красивой осанке, выбритом лице с волевым подбородком и орлиным носом он увидел силы не только физические, но и духовные. Но особенно поразили приора глаза незнакомца, большие, серые, ясные, как у пророка или мистика, чей немигающий взгляд редко кто мог выдержать. Узел с вещами он опустил на каменную скамью у ворот. Не укрылась от приора и скромная одежда мужчины. А позади него стоял мальчик, для которого мужчина просил хлеба и воды, настойчиво глядя на приближающегося монаха с требником в руке.

Дон Хуан шел не торопясь, кругленький толстячок в серой рясе, с длинным бледным лицом, добрыми глазами и широкогубым ртом. Он приветствовал незнакомца улыбкой и латинской фразой, чтобы проверить, во-первых, его ученость, а во-вторых, веру, ибо острый нос над полными чувственными губами могли принадлежать и нехристианину.

— Pax Domini sit tecum.

— Et cum spiritu tuo, — ответил незнакомец, чуть склонив гордую голову.

— Вы — путешественник, — в голосе приора не слышалось вопроса, а привратник отступил в сторону, дабы не мешать разговору.

— Путешественник. Только что прибыл из Лиссабона.

— Куда лежит ваш путь?

— Сегодня я хотел бы добраться только до Узльвы.

— Только? — удивленно поднялись густые брови фрейа Хуана. — До него же добрых десять миль. А скоро ночь. Вы знаете дорогу?

Путник улыбнулся.

— Это не проблема для того, кто привык находить путь в океане.

Приор уловил в голосе нотку тщеславия, обусловившую его следующий вопрос.

— Вы — опытный мореплаватель?

— Судите сами. На север я плавал до Туле, на юг — до Гвинев, на восток — до Золотого Рога.

Приор глубоко вздохнул и еще пристальнее взгляделся в мужчину, пытаясь убедиться, что перед ним не хвостун. Удовлетворенный увиденным, он вновь улыбнулся.

— То есть вы побывали на границах мира.

— Вернее, известного нам мира. Но не действительного мира. До тех границ еще плыть и плыть.

— Как вы можете это утверждать, никогда не видел их?

— А как вы, святой отец, утверждаете, что есть рай и ад, никогда не видел их?

— На то есть вера и богооткровение, — последовал суровый ответ.

— Совершенно справедливо. В моем случае к вере и богооткровению добавляется космография и математика.

— А! — в глазах приора вспыхнула искорка интереса. — Проходите в ворота, сеньор, во имя Господа. Тут сквозит, да и вечер сегодня прохладный. Закрой ворота, Ияносенсио. Прошу вас, сеньор. Окажите нам честь, воспользуйтесь нашим скромным гостеприимством. Как вас зовут, сеньор?

— Колон. Кристоаль Колон.

Вновь пристальный взгляд приора прошелся по се-

мвтским чертам лица путника. Такая фамилия встречалась у новых христиан, а приор мог привести не один случай, когда Святая палата отправляла их на костер за следование еврейской религии.

— Чем вы занимаетесь?

— Я — моряк и космограф.

— Космограф! — приор сразу забыл о своих подозрениях. Среди прочего его очень интересовали загадки, то и дело подбрасываемые космографией.

Зазвонил колокол. Осветились изнутри удлиненные готические окна часовни.

— Я должен оставить вас, — сказал фрей Хуан. — Мне пора на вечернюю молитву. Инносен시오 проведет вас в келью для гостей. Мы увидимся за ужином. А пока мы утолим голод и жажду вашего ребенка. Ночь вы, естественно, проведете у нас.

— Вы очень добры к незнакомцу, господин приор, — Колон с достоинством принял приглашение, на которое и рассчитывал.

По натуре действительно добрый, приор тем не менее отдавал себе отчет, что движила им не только доброта. Он разбирался в людях и ясно видел, что не обычный путник постучался в ворота монастыря. Разговор с таким человеком мог принести немалую пользу. А если и нет, то хоть немного разнообразить теперешнюю довольно-таки скучную жизнь фрея Хуана.

Колон, однако, не поспешил в келью, а постарался уверить приора в глубине своей веры.

— Отдохнуть я еще успею. Сначала я хотел бы возблагодарить Господа вашего и Святую деву за то, что они привели нас к столь гостеприимному дому. Если вы позволите, святой отец, я пойду с вами на вечернюю молитву. Малыш, конечно, устал. Я был бы очень благодарен, если б мог поручить его заботам нашего брата.

Он наклонился, чтобы поговорить с ребенком, который, родившись и получив воспитание в Португалии, не понимал ни слова по-кастильски. Выслушав отца, пообещавшего ему долгожданный отдых и сытный ужин, мальчик с готовностью последовал за светским братом. Отец проводил его нежным взглядом, а затем повернулся к приору.

— Я задерживаю ваше преподобие.

Доброй улыбкой приор пригласил его войти в маленькую часовню Святой девы Рабиды, славящейся чудодейственной силой в предупреждении безумия.

Колокола затихли. Монахи уже собрались на клиресе, и приор, оставив Колона одного в нефе часовни, прошел на свое привычное место.

ПРИОР ЛА РАБИДЫ



ixit Dominus Domino Meo: Sede A Dextris Meis...

Молитва наполнила часовню, и фрей Хуан, шурясь от дыма свечей, с удивительностью отметил должную набожность колсно-преклоненного гостя.

И столь велико было любопытство приора, что он распорядился пригласить Колона к своему столу, а не кормить его в холодном зале, предназначенном для бездомных странников.

Колон принял приглашение как должное, без удивления или колебания, и братья, сидящие за длинными столами вдоль стен трапезной, украдкой разглядывали скромно одетого незнакомца, гордо, словно принц, вышагивающего рядом с приором, и спрашивали себя, что за идальго пожаловал в их скромную обитель.

Фрей Хуан подвел Колона к небольшому возвышению в дальнем конце трапезной, на которой стоял его столик. Стену за возвышением украшала фреска, изображающая тайную вечерю. Судя по качеству работы, автором ее был один из монахов. На потолке тот же художник нарисовал святого Франциска, причем и эта фреска не блистала мастерством. Теперь фрески освещала подвешенная к потолку шестирожковая масляная лампа. На стенах, вдоль которых стояли столы, выкрашенные белой краской, друг напротив друга висели картины двух герцогов Медина — Сели, изображенных в полный рост с одеревеневшими конечностями, торсом, головой. Герцоги сердито ммурились друг на друга. Окна, квадратные и забранные решетками, были лишь на северной стене, достаточно высоко, чтобы увидеть в них можно было только небо.

Разносолами в монастыре не баловали, но кормили хорошо: свежая, только что выловленная рыба в остром соусе, бульон с телятиной. Белый хлеб и ароматное вино из Палоса, с виноградников на западных склонах, что начинались за сосновыми лесами.

Ели они под монотонное бормотание одного из монахов, читающего с кафедры у южной стены главу из "Vita et Gesta" святого Франциска.

Колон сидел справа от приора, между ним и раздающим милостыню. Слева от фрей Хуана расположились его помощник и наставник послушников. В сумеречном свете, отбрасываемом масляной лампой, фигуры францисканцев за длинными столами внизу казались серыми тенями.

Когда монах на кафедре произнес последнее слово, серые фигуры зашевелились и в этот час отдыха над столами простых монахов поплыл приглушенный шумок разговора. А за стол приора тем временем подали блюдо с фруктами: апельсины, финики, яблоки, и кувшин сладкого вина. Фрей Хуан налил полную чашку своему гостю, возможно, с намерением развязать тому язык. А уж потом решился на прямой вопрос.

— Так что же, сеньор, после столь длительных и далеких странствий вы приехали в Узльву, чтобы отдохнуть?

— Отдохнуть? — вскинулся Колон. — Нет, Узльва лишь шаг к новому путешествию. Я, возможно, проведу здесь несколько дней у родственника моей жены, которая отошла ныне в мир иной, упокой, Господи, ее душу. А потом я вновь отправлюсь путешествовать. — И чуть слышно добавил: — Как Картафилус.

— Картафилус? — приор порылся в памяти. — Что-то я не припомню такого.

— Иерусалимский сапожник, который плюнул в Господа нашего и обречен ходить среди нас до второго его иршествия.

На лице фрея Хуана отразилось изумление.

— Сеньор, что за ужасное сравнение.

— Хуже. Это святотатство, вырванное из меня нетерпением. Разве зовут меня не Кристоаль? Разве не видится знак Божий в имени, которым нарекли меня? Кристоаль. *Christum ferens*. Носитель Христа. Вот моя миссия. Для этого рожден я на свет. Для этого избран. Нести знание о Нем в неизвестные еще земли.

Вопрос вертелся уже на языке приора, но, прежде чем он успел раскрыть рот, к нему наклонился помощник и что-то прошептал. Фрей Хуан согласно кивнул, и все встали, после чего помощник произнес благодарственную молитву.

Для Колона, однако, трапеза на этом не кончилась. Он было двинулся вслед за монахами, но приор удержал его и, заняв свое место во главе стола, предложил сесть.

— Спешить нам некуда, — и наполнил чашку Колона сладким вином.

— Вы упомянули, сеньор, неизвестные земли. Что вы имели в виду? Атлантиду Платона или остров Семи городов?

Колон сидел, опустив глаза, чтобы фрей Хуан не заметил вспыхнувшего в них огня. Этого-то вопроса он и ждал, вопроса, указывающего на то, что ученый монах, к мнению которого прислушивается королева, угодил-таки в сеть, расставленную гостем.

— Ваше преподобие шутит. Однако такой ли уж миф Атлантида Платона? Может, Азорские острова — ее

остатки? И нет ли других остатков, куда больших размеров, в морях, еще не нанесенных на карту?

— Они-то и есть ваши неизвестные земли?

— Нет. Я думаю не о них. Я ищу великую империю на западе, в существовании которой у меня нет ни малейшего сомнения и которой я одарю того государя, что поддержит меня в моих поисках.

Легкая улыбка заиграла на губах приора.

— Вы вот сказали, что у вас нет ни малейшего сомнения в существовании огромной империи. То есть вы видели эти земли?

— Мысленным взором. Глазами разума, который получил я от Бога, чтобы распространить в них знание о Нем. И столь ясным было мое видение, ваше преподобие, что я нанес эти земли на карту.

Как человек верующий, как монах, фрей Хуан воспринял видения со всей серьезностью. К провидцам же, однако, относился, исходя из жизненного опыта, с подозрением и зачастую не без оснований на то.

— Я немного интересовался космографией и философией, но, возможно, оказался туповат для столь сложных наук. Ибо ведомое мне не позволяет объяснить, как можно нанести на карту то, что не видно глазу.

— Птоломей не видел мира, который нанес на карту.

— Но он обладал доказательствами своей правоты.

— Имя обладаю и я. Более чем доказательствами. Ваше преподобие, наверное, согласится со мной, что логические умозаключения позволяют перебросить мостик от уже известного к открытию. В противном случае философия не могла бы развиваться.

— Вы, разумеется, правы, если речь идет о духовной сфере. Когда же дело касается материального мира, я бы предпочел реальные доказательства умозаключениям, как бы логично вы их ни обосновывали.

— Тогда позвольте обратить ваше внимание на реальные доказательства. Шторма, накатывающие с запада, выносили на побережье Порту-Санту бревна с вырезанным на них странным узором, которых не касался железный нож или топор, гигантские сосны, которые не растут на Азорах, тростник столь невероятных размеров, что в одной полости между перемычками помещается несколько галлонов вина. Их можно увидеть в Лиссабоне, где они хранятся. И это лишь часть, малая часть.

Колон прервался, как бы для того, чтобы передохнуть. На самом же деле, чтобы взглянуть на приора. Убедившись, что тот ловит каждое слово, продолжил ровно и спокойно.

— Двести лет назад венецианский путешественник Марко Поло отправился на восток. Ни один европеец ни до, ни после него не забирался так далеко. Марко Поло достиг Китая и владений Великого хана, обладающего сказочными богатствами.

— Я знаю, знаю, — прервал его фрей Хуан. — У меня есть экземпляр его книги. Как я и говорил, я немного интересовался этими вопросами.

— У вас есть его книга! — вскричал Колон, просяв. — Тогда моя задача сразу облегчается. Я не знал, — солгал он, — что говорю со знатоком!

— Не нужно льстить мне, сын мой, — фрей Хуан, возможно, уловил иронию в восклицании Колона. — Получается, вы нашли у Марко Поло то, что ускользнуло от моего взгляда. Что именно?

— Ваше преподобие вспоминает ссылку на остров Сипангу, известный жителям Манджи, самой дальней достигнутой им точки, расположенный еще в полутора тысячах миль на восток, — кивок фрея Хуана показал, что приору указанная ссылка знакома. — Вы помните, что те края славятся обилием золота. Его источники, говорит Марко Поло, неисчерпаемы. Столь расхож там этот металл, что дворец короля крыт там плитами из золота. Марко Поло говорит и о том, что там полным-полно драгоценных камней и жемчужин, особо упоминая огромные розовые жемчужины.

— Суэта сует, — осуждающе молвил приор.

— Нет, с вашего позволения, если использовать все это на благо, ради достойной цели. А богатства там такие, о которых европейцы не могут и мечтать.

— Но какое отношение к вашим открытиям имеет Сипангу Марко Поло? — приор не дал ему возможности рассказать о сказочных богатствах острова. — Вы говорили о землях, лежащих за западным океаном. Если допустить, что восточные чудеса Марко Поло — правда, каким образом доказывают они существование западных земель?

— Ваше преподобие верит, что земля — сфера? — Колон взял с блюда апельсин и поднял его. — Как этот апельсин?

— Большинство философов убеждены в этом.

— И вы, разумеется, согласны с разделением ее диаметра на триста шестьдесят градусов?

— Это математическая условность. С чем тут спорить. Но что из этого следует?

— Из этих трехсот шестидесяти градусов известный нам мир занимает не более двухсот восьмидесяти. С этим выводом оштраиваются все космографы. Таким образом, самую западную известную нам точку, Лиссабон,

отделяют от восточной границы мира восемьдесят градусов, примерно четверть земного диаметра.

Приор с сомнением пожевал нижней губу.

— Нам говорили, что там безбрежный океан, столь бурный и штормливый, что переплыть его не сможет ни один корабль.

Глаза Колона блеснули.

— Все это сказочки слабаков, не решившихся на такую попытку. Пугали же всех непреодолимой стеной огня на юге, но плаванья португальцев вдоль побережья Африки развеяли этот миф. Взгляните сюда, ваше преподобие. Вот — Лиссабон, — он указал точку на апельсине. — А вот восточная оконечность Китая. Огромное расстояние, порядка четырнадцати тысяч миль, исходя из того, что, по моим расчетам, на этой параллели один градус равен пятидесяти милям. А теперь, вместо того, чтобы идти на восток по суше, мы плывем на запад морем... — Его палец двинулся влево от Лиссабона. — И, пройдя восемьдесят градусов, попадаем в ту же точку. Как видит ваше преподобие, мы можем достичь востока, отправляясь на запад. От золотого острова Сипангу Марко Поло, если плыть на запад, нас отделяет чуть больше двух тысяч миль. Таковы доказательства. И наши умозаключения никоим образом не приводят нас к выводу, что Сипангу — край земли. Нет, это предел знаний венецианца. Там должны быть другие острова, другие земли, империя, которая ждет своего открытия.

Жар речи Колона опалил фрейя Хуана. Простой пример с апельсином открыл ему одну из очевидных истин, ранее ускользавших от его пронизательного ума. Бурный поток энтузиазма молодого космографа захватил и понес прибора. Но неожиданно возникло препятствие, за которое смог зацепиться его холодный разум.

— Подождите. Подождите. Вы говорите, должны быть другие земли. Вы заходите столь далеко, что я не решаюсь последовать за вами, сын мой. Все это не более чем ваши убеждения, а убеждения могут оказаться ложными.

Возбуждение Колона не спало. Наоборот, словно костерок, раздуваемый легким ветерком, вспыхнуло еще жарче.

— Не только убеждения, ваше преподобие, не только. Есть более серьезные доводы. Уже не математические, но теологические. Сошлюсь на пророка Эдраса, утверждавшего, что земля состоит из шести частей суши и одной — воды. Используйте это соотношение в предлагаемом мною расчете и скажите мне, где я ошибаюсь? Или оставьте без внимания мои воображаемые земли, но тогда получится, что не прав пророк, — он бросил апель-

сия в блюдо. — Так что Индии наверняка лежат от нас в двух тысячах миль к западу.

— И что из этого? — приор ужаснулся, представив себе безбрежный океан. — Две тысячи миль сплошной воды, таящих в себе бог знает какие опасности. От одной мысли об этом становится страшно. Кому хватит храбрости броситься в неведомое?

— Мне, — Колон ударил себя в грудь, его глаза пылали фанатичным пламенем. — Господь Бог столь ясно указал мне путь, что все эти доводы, математика и карты — ничто рядом с осенявшим меня вдохновением. Бог же даровал мне силу воли, необходимую для реализации Его замысла.

Колон шел напролом, его уверенность в себе отменяла все сомнения. И фрей Хуан, уже убежденный логикой и космографическими выкладками незнакомца, сам того не замечая, стал его верным союзником.

— В моем тщеславии, да прости меня Боже, я думал, что обладаю кое-какими познаниями. Но вы помогли мне понять, что я просто невежда, — он опустил голову, задумавшись. Колон пил вино маленькими глотками, не сводя глаз с фрей Хуана. Внезапно приор спросил: — Но откуда вы, сеньор? Из вашей речи ясно следует, что вы не испанец.

Колон помедлил, прежде чем ответить.

— Я был при дворе короля Португальского, а теперь еду во Францию.

— Во Францию? Но чего же вы ищете там?

— Я не ищу. Я предлагаю. Предлагаю империю, о которой только что говорил, — он словно подразумевал, что империя эта уже у него в кармане.

— Но Франция? — лицо фрей Хуана превратилось в маску. — Почему Франции?

— Однажды я предложил ее Испании, но с сутью моего предложения разбирался священнослужитель. Толку из этого не вышло, что вполне естественно. Не просим же мы моряка быть судьей в теологическом споре. Потом я отправился в Португалию и потратил немало времени на ученых болванов, но мне не удалось пробить броню их предрассудков. Там, как и в Испании, никто не мог поручиться за меня, и я четко уяснил для себя, что правители этих стран не услышат моего голоса, если только кто-то не замолвит за меня словечка. Я мечтаю отдать все эти богатства Испании. Я мечтаю служить под началом королевы Изабеллы Кастильской. Но как мне получить аудиенцию Ее величества? Будь у меня поручитель, к советам которого она прислушивается, будь он достаточно умен, чтобы

оценить ценность моего предложения, и настойчив, чтобы убедить ее принять меня, тогда... Тогда мне нет нужды покидать Испанию. Но где мне найти такого друга?

Рассеянно првор водил указательным пальцем по дубовому столу.

Украдкой наблюдая за ним, после короткой паузы Колом сам ответил на свой же вопрос.

— В Испании такого друга у меня нет. Вот почему я решил обратиться к королю Франции. Если и там я потерплю неудачу, то попытаю счастья в Англии. Наверное, вы теперь понимаете, почему я сравниваю себя с согрешившим евреем Картафилусом.

Указательный палец прнора продолжал путешествовать по столу.

— Кто знает? — пробормотал наконец фрей Хуан.

— Кто знает что, ваше преподобие?

— А! Возможно, слова ваши не лишены истины. Но не зря говорят, утро вечера мудренее. Давайте выспимся, а потом вернемся к нашему разговору.

Колом не стал возражать. Из трапезной он уходил с надеждой, что, возможно, не зря потратил время, приехав в Ла Рабиду.

Глава 3

ПОРУЧИТЕЛЬ



а долгие годы мирной монастырской жизни ни единого раза не испытывал фрей Хуан столь сильного волнения, как после разговора с Кристобалем Коломом. Ночь, как потом признавался он, прошла для него беспокойно. Ему грезились золотые крыши Сипангу, под этим названием, теперь это общепризнанно, Марко Поло говорил о Японии, и сверкающие драгоценностями острова, заросшие гигантским тростником, из стволов которого, если их срезать, ударял фонтан вина. Испанская душа фрея Хуана скорбела при мысли о том, что такие земли будут потеряны для его государей, которые очень нуждались в несметных богатствах, чтобы залечить раны, нанесенные стране войной с неверными. Вполне естественно, что, будучи одно время духовником королевы Изабеллы, он питал к ней не только верноподданнические, но и отеческие чувства. Он полагал, и небезосновательно, что вправе рассчитывать на взаимность и поручительство его за этого странного гостя не останется без внимания. Скорее всего ему удалось бы убе-

дать королеву всесторонне рассмотреть предложение Колона, в чем тому ранее отказывали.

Размышляя над этим, лежа без сна на жесткой койке, добрый приор начал уже усматривать руку Господа в своей, как он полагал, чисто случайной встрече с Колоном. Он, разумется, и не подозревал, что совсем не случай привел того в Ла Рабиду, а холодный расчет. Колон делал ставку на увлечение приором космографией и штучку, связывающую его с королевой. Он шел в монастырь только для того, чтобы повидаться со старым францисканцем и переманить его на свою сторону. Любопытство приора, подогретое зычным голосом путника, обделчило задачу Колона. Если бы приор не услышал его, Колон, получив хлеба и воды для сына, затем намеревался попроситься на ночлег. А уж за вечер он нашел бы возможность переговорить с приором и разбудить его интерес к собственной персоне.

Но в голове фрея Хуана не было места подобным мыслям, и он уже видел божественное вмешательство в результат, который дало его гостеприимство. Врожденная рассудительность, однако, сдерживала энтузиазм приора. И прежде чем поддержать Колона, он решил обратиться к сведущим людям, чтобы те высказали свое отношение к дерзкой идее.

Выбор он остановил на Гарсиа Фернандесе, враче из Палоса, знания которого далеко выходили за пределы медицины, и Мартине Алонсо Пинсоне, богатом купце, владельце нескольких кораблей, опытном мореплавателе.

Ему без труда удалось убедить Колона отложить отъезд хотя бы на день, и вечером, после ужина, когда маленького Диего уложили в постель, все четверо собрались в келье приора. Вся обстановка узкой комнатенки состояла из трех стульев, конторки, койки и двух полок с книгами у побеленной стены.

Затем Колона попросили повторить все то, что он рассказал приору днем раньше. Он согласился с видимой неохотой, вроде бы не желая отнимать время у занятых людей, но начав, уже не мог остановиться, все более зажигаясь от собственных слов. Скоро он уже не мог усидеть на стуле и начал вышагивать по келье с горящим взором, размахивая руками. В голосе улавливалось превращение к тем, кто пренебрег его талантом. Но Колон, похоже, не сомневался, что в конце концов кипящая в нем энергия сметет любые преграды на пути к заветной цели.

Задолго до того, как Колон перешел к подробностям, столь поразившим фрея Хуана, врач и купец были очарованы Колоном, ибо, как говорил епископ Лас Касос,

лично знавший его, Колон буквально влюблял в себя всех, кто смотрел на него.

Фернандес, врач, длинный, тощий, с яйцеобразной головой и лысиной под маленькой шапочкой, слушал, перебирая бородку костлявыми пальцами, с широко раскрытыми глазами. Его скептицизм таял с каждым словом Колона.

Пинсон, с другой стороны, уже шел к приору, полный желания поддержать незнакомца, потому что вопросы, поднятые Колонем, давно занимали и его самого. Широкоплечий, энергичный, заросший волосами, в расцвете сил, с ярко-синими глазами, сверкающими из-под густых черных бровей, он жадно впитывал в себя сказанное Колонем.

Апофеозом лекции стала демонстрация карты, на которую Колон нанес территории, о существовании которых говорил ему внутренний голос наряду с Марко Поло и пророком Ездрой. Все четверо тут же склонились над ней.

Фернандес и Пинсон, которым довелось повидать немало карт, сразу отметили совершенство работы Колона и, за исключением одной детали, полное соответствие его карты тогдашним представлениям об окружающем мире.

На отличие и указал Фернандес.

— Исходя из вашей карты, Лиссабон и восточную оконечность Азии разделяют двести тридцать градусов земного диаметра. В этом вы, как я понимаю, расходитесь с Птоломеем.

Колон только обрадовался замечанию врача.

— Как Птоломей поправлял Марина из Тира, так и я поправляю здесь Птоломея. Обратите внимание, я поправил его и в местоположении Туле, который западнее, чем предполагал Птоломей. Я это знаю, поскольку плавал туда.

Но Фернандес стоял на своем.

— С Туле все ясно. Вы поправили Птоломея, исходя из собственного опыта. Но на чей опыт вы опирались, нанося на карту местоположение Индии?

Колон помедлил с ответом.

— Вы слышали о Тосканелли из Флоренции?

— Паоло дель Поццо Тосканелли? — переспросил Фернандес. — Кто из интересующихся космографией не слышал о нем?

Фернандес ставил вопрос совершенно правильно, ибо среди людей культурных Паоло Тосканелли, недавно умерший, считался самым знаменитым математиком и физиком.

— Кто же его не знает? — прогремел следом Пинсон.

— Я могу сослаться на него. Расчеты, поправляющие Птоломея, выполнены не только мною, но и им. Мы пришли к одинаковому итогу. — И тут же Колон добавил: — Впрочем, невелика беда, если мы и ошиблись. Какая разница, окажется ли золотой Сипангу на несколько градусов ближе или дальше? Не в этом суть. И не нужно ссылаться на авторитет Тосканелли, доказывая, что на сфере можно попасть в одну и ту же точку, двигаясь как на восток, так и на запад.

— Действительно, как вы и говорите, нет нужды ссылаться на его авторитет, но ваша позиция будет значительно крепче, если вы сможете показать, что этот великий математик придерживался того же мнения, что и вы.

— Показать это я смогу, — торопливо ответил Колон и тут же пожалел об этом, ибо сорвавшись с губ слова давали ему тщеславие, словно намекая, что кто-то сможет ему получить конечный результат.

Но брошенная второпях фраза вызвала столь жгучий интерес, что ему пришлось объясниться.

— Как только я смог сформулировать свою теорию, я послал все материалы Тосканелли. Он написал мне, не только соглашаясь с моими выводами, но и прилагая свою карту, которая в главном ничем не отличается от той, что лежит сейчас перед вами.

Фрей Хуан подался вперед.

— И эта карта у вас?

— Карта и письмо, подтверждающие сделанные мною выводы.

— Это очень важные документы, — заметил Фернандес. — Я сомневаюсь, что кто-то из живущих сейчас обладает достаточными знаниями, чтобы оспорить мнение Тосканелли.

С присущей ему горячностью Пинсон поклялся Богом и Святой девой, что считает любой спор на эту тему бессмысленным. У него, во всяком случае, нет сомнений в правоте сеньора Колона.

А приор, сидевший на койке, разве что не мурлыкая от удовольствия, заявил: — Господь Бог осудит Испанию, если она не воспользуется этими землями, территория которых куда как превосходила все то, что открыли мореплаватели Португалии.

А манера Колона внезапно изменилась. Он заговорил жестко, ледяным тоном.

— Испания уже получила свой шанс, но не использовала его. Отвоевав у мавров одну провинцию, владыки Испании не заместили целой империи, которую я

им предлагал. А король Португалии, который вначале благожелательно отнесся к моему предложению, передал его в жалкую комиссию, состоящую из еврея-астронома, врача и священника. Комиссия отвергла меня, я полагаю, просто из зависти. Вот почему я оказался вдалеке от дома. Столько лет потеряно зря! — И он начал складывать карту, всем своим видом показывая, что говорить больше не о чем.

Но пронизательный Пинсон, знавший реальную жизнь куда лучше приора или врача, испытывал куда меньше почтения к коронованным особам, тем более к упоминанию их имен. Он спросил себя, с какой стати этому человеку, вроде бы решительно настроившемуся на отъезд во Францию, подробно излагать перед ними свои планы. И пришел к выводу, что Колон, на словах отказываясь от сотрудничества, на самом деле ищет тех, кто поможет ему в осуществлении столь захватывающего замысла. Так что заговорив, Пинсон уже знал наверняка, что не зря сотрясает воздух.

Он заявил, что недостойно испанца, поверив в услышанное, не принять все меры к тому, чтобы Испания не получила плоды этого невероятно важного открытия.

— Благодарю вас, сеньор, — последовал надменный ответ, — что вы мне поверили.

Пинсон, однако, на этом не остановился.

— Ваши доводы столь убедительны, столь совпадают с моими собственными размышлениями, что я даже смог бы принять участие в этом путешествии, помочь его подготовке. Подумайте, сеньор. Давайте еще раз вернемся к этому разговору, — Пинсон даже не пытался скрыть свое желание стать первооткрывателем Индии. — Я могу поставить под ваше начало корабль или два и полностью снарядить их для плавания. Подумайте еще раз.

— Позвольте мне вновь поблагодарить вас. Но такая экспедиция не может быть частным предприятием.

— Почему нет? Почему все блага должны доставаться лишь принцам?

— Потому что в столь многотрудном деле необходима поддержка короны. Управление землями за далекими морями и сокровищами, которые будут найдены там, потребует очень больших усилий. Я говорю не только о деньгах, но и о людях. Только монарх может обеспечить и то, и другое. Если бы не это, неужели вы думаете, что я потратил бы столько лет, стучась в двери дворцов и получая отказы от привратников.

Вот тут приор счел необходимым вмешаться.

— Думаю, я смогу помочь вам, сын мой. Особенно

теперь, когда мне известно, каким грозным оружием вы вооружены. Я имею в виду карту Тосканелли. Я, конечно, далек от двора, но, возможно, моя просьба не останется неслышанной королевой Изабеллой. В милосердии своем Ее величество сохраняет добрые чувства к тому, кто когда-то был ее духовником.

— Правда? — для бесхитростного приора изумление Колона показалось искренним.

С непроницаемым лицом выслушал он приора. Тот согласился с Пинсоном, что дело чести любого испанца добиться того, чтобы все эти богатства отошли Испании. Пусть сеньор Колон подождет еще немного. Он ждал годы, что по сравнению с ними несколько недель. Завтра, если будет на то согласие сеньора Колона, он, фрей Хуан, отправится ко двору, в Гранаду или куда-то еще, чтобы использовать свое влияние на Ее величество и уговорить королеву принять Колона и выслушать его. Фрей Хуан постарается добраться до двора как можно быстрее, а в его отсутствие о Колоне и его сыне позаботятся в монастыре.

В голосе приора все явственнее проступали просительные нотки. Ему хотелось пробить ледяную стену, которой отгородился высокий путешественник.

Когда фрей Хуан замолчал, сложив на груди, словно в молитве, пухлые руки, Колон тяжело вздохнул.

— Вы искушаете меня, святой отец, — повернулся и отошел к окну, сопровождаемый двумя парами озабоченных глаз, приора и врача. Во взгляде же купца Пинсона, хорошо знавшего жизнь и уловки торгующихся, озабоченность уступила место недоверчивости.

У дальней стены Колон обернулся. Высоко вскинул рыжеволосую голову, гордо расправил плечи.

— Невозможно отказаться от столь великодушного предложения. Пусть будет, как вы того желаете, святой отец.

Приор засеменил к нему, благодарно улыбаясь, а за его спиной громко рассмеялся Мартин Алонсо. Фрей Хуан решил, что тот радуется благополучному исходу, на самом же деле Пинсон смеялся потому, что не ошибся в своих предположениях.

ЗАБЫТЫЙ ПРОСИТЕЛЬ



ледующим утром приор Ла Рабиды оседлал мула и отправился в Гранаду, где владыки Испании готовились к наступлению на последнюю цитадель сарацинов.

Ехал он с уверенностью в успехе и не ошибся. Королева Изабелла приняла духовного отца с должной почтительностью. Внимательно выслушала его и, зараженная энтузiazмом фрей Хуана, вызвала казначея и приказала отсчитать двадцать тысяч мараведи¹ для снаряжения и путевых расходов Колона. И отпустила торжествующего францисканца с тем, чтобы он привел к ней этого человека.

Достопочтенный приор и не мечтал, что поездка его сложится столь удачно. И поспешил в Ла Рабиду, чтобы передать Колону добрые новости.

— Королева, наша мудрая и добродетельная госпожа, услышала молитву бедного монаха. Используйте этот шанс, и весь мир будет у ваших ног.

И Колон, еще не веря своему счастью, тут же собрался в дорогу. Сына, с согласия приора, он решил оставить на время в монастыре, а потом вызвать ко Двору их величеств.

Перед самым отъездом к нему заглянул Мартин Аловсо Пинсон.

— Я пришел пожелать вам удачи и поздравить с королевской аудиенцией. Клянусь Богом, вы не могли найти лучшего посланника, чем приор.

— Я это понимаю, как и чувствую вашу благожелательность в отношении меня.

— Благожелательность — еще не все. В конце концов, и я приложил руку к вашему успеху. — И отвечая на вопрос во взгляде Колона, продолжил: — Поймите меня правильно, сеньор. Именно благодаря тому, что я поддержал вас, фрей Хуан отправился к королеве.

— То есть я ваш должник, сеньор, — в голосе Колона зазвучал холодок.

Мартин Аловсо рассмеялся. В черной бороде за алыми губами блеснули его крепкие зубы.

— Этот долг вы сможете отдать мне с прибылью для себя. Помните, сеньор, что я готов поддержать ваш проект. Я люблю риск, и у меня есть деньги, чтобы оплатить его. Кроме того, как я и говорил вам, я умею ко-

¹ Испанская золотая монета.

мандовать кораблями.

— Вы вдохновляете меня на подвиг, сеньор, — с легкой всхлибчивостью ответил Колон, — но, кажется, я выразился достаточно ясно, говоря, что частным лицам такая экспедиция не по карману.

— Однако разве вы не допускаете мысли о том, что частные лица могут принять в ней участие? Почему, собственно, нет, если корона возьмет на себя львиную долю затрат?

— Мне представляется, что корона, если поддержит меня, должна взять на себя все расходы.

— Должна, но сможет ли, — не отставал Алонсо. — Королевская казна не переполнена золотом. Война порядком опустошила ее. Король и королева, возможно, примут вас благосклонно, но решатся ли на столь большие расходы? И вот тут моя помощь могла бы прийти весьма кстати. Я лишь прошу, чтобы вы вспомнили обо мне, если возникнет такая необходимость. В конце концов, я прошу лишь то, что причитается мне по праву, раз уж благодаря мне фрей Хуан поехал к королеве.

— Я вспомню о вас, — пообещал Колон.

Но уехал в твердой решимости забыть об Алонсо. Он не нуждался в сотоварищах, особенно не хотел видеть рядом с собой этого навязчивого купца с толстым кошельком, который не только потребовал бы участия в дележе прибыли, но и захотел бы урвать себе славу первооткрывателя.

Считая, что все беды позади, приодевшись на деньги королевы, Колон прибыл ко двору их величеств. В памяти его намертво отпечатались слова францисканца: "Королева, наша мудрая и добродетельная госпожа, услышала молитву бедного монаха. Используйте этот шанс, и весь мир будет у ваших ног".

Вдохновленный напутствием фрей Хуана, Колон не сомневался в успехе. Уж кто-кто, а он умел преподнести себя в лучшем свете.

Так что на аудиенцию во дворец Алькасар в белокаменном городке Кордова, прибыл не жалкий проситель, но разнаряженный красавец, убежденный в том, что он — хозяин своей судьбы.

Если бы все зависело только от королевы, Колон добился бы своего в тот же день. Пусть благоразумная и кладнокровная, она все же оставалась женщиной и не могла не поддаваться обаянию, энтузиазму, магнетическому взгляду Колона. Но рядом с ней находился король Фердинанд, не улыбкастый, суровый, один из самых расчетливых владык Европы. Ему еще не было сорока лет. Среднего роста, широкоплечий, светловолосый, с пронизатель-

выми глазами, он с явным неодобрением встретил протезе фрей Хуана, который к тому же вел себя так, словно был ровней королевским особам.

Их величества приняли Колон в тронном зале Алькаса, освещенном солнечным светом, падающим через огромные окна, со стенами, обшитыми кожей, выделкой которой славились мавры Кордовы, с мраморным полом, устланным дорогими восточными коврами. За спиной королевы стояли две ее фрейлины, миловидная, юная маркиза Мойя и графиня Эсканола. Короля сопровождали его казначей, Андрес Кабрера, маркиз Мойя, дон Луис де Сантанхель, седобородый канцлер Арагона и Эрнандо де Талавера, приор Прадо, высокий, аскетичный монах в белой рясе и черной мантии нерономита.

Все они, как и большинство ближайших советников правителей Кастилии и Арагона, были новыми христианами, евреями, принявшими крещение и возвысившимися благодаря талантам, присущим многим представителям их национальности. Возвышение их порождало зависть, начавшую проявляться во все большем преследовании евреев Святой палатой.

Колон, как следовало из его фамилии, был одним из них и при желании мог бы заметить симпатию в глазах Сантанхеля и Кабреры. Талавера же даже не взглянул на просителя. Бескомпромиссно честный, разумеется, в своем понимании честности, к новообращенным евреям он испытывал скорее враждебность, чем симпатию.

Колон же словно и не замечал сановников. Глаза его не отрывались от королевы, соблаговолившей последовать совету фрей Хуана Переса. Он видел перед собой женщину лет сорока, небольшого роста, полноватую, с добрыми синими глазами. В ней чувствовалась этакая домашность, скрыть которую не мог даже парадный наряд — алая, отороченная горностаем накидка и платье из золотой парчи, перепоясанное белым кожаным поясом с огромным, с кулак, рубином вместо пряжки.

Она мягко обратилась к нему, но в ее ровном голосе Колон уловил свойственную королеве власть. Похвалила идею, высказанные ей приором Ла Рабиды, и заверила его, что более всего хочет узнать поподробнее о том, как он намерен укрепить могущество Кастилии и Арагона.

— Я целую ноги вашего величества, — с высоко поднятой головой, громким голосом начал Колон. — Я благодарю вас за оказанную мне честь. Я принес обещание открытий, по сравнению с которыми все то, что получила Португалия, покажется малым и ничтожным.



— Обещания, — презрительно фыркнул король, но Колон это не остановило.

— Да, обещания, ваше величество. Но, видит Бог, обещания, которые будут выполнены.

— Говорите, говорите, — с усмешкой продолжил король. — Мы готовы вас выслушать.

И Колон приступил к изложению своей космографической теории. Но не успел он достаточно углубиться в доказательства, как его вновь прервал хриплый голос Фердинанда.

— Да, да. Все это мы уже слышали от приора Ла Рабиды. Именно его четкое изложение идей послужило причиной того, что Ее величество даровало вам аудиенцию в то время, когда, как вы, изверное, хорошо знаете, все наши помыслы заняты крестовым походом против неверных.

Человек, менее уверенный в себе, испытывающий большее почтение к коронованным особам, несомненно, смутился бы. Колон же решительно ринулся вперед.

— Богатства Индий, которые я положу к вашему трону, — неиссякаемый источник, черпая из которого вы залечите все раны войны и получите средства для ее успешного завершения, даже если она будет продолжаться до вызволения гроба господнего.

Едва ли кто смог бы найти лучший ответ, чтобы завоевать симпатии королевы. Но в лице Фердинанда он столкнулся с серьезным противником. Со скептической улыбкой на полных губах тот заговорил, прежде чем королева успела открыть рот.

— Только не забудьте сказать, что все это мы должны принять на веру.

— А что есть вера, сир? — позволил себе спросить Колон и, отвечая, дал понять, что вопрос чисто риторический. — Умение увидеть то, что дадено по наитию, без осязаемых доказательств.

— Это уже больше похоже на теологию, чем на космографию, — Фердинанд обернулся к Талавере. — Это скорее по вашей части, дорогой приор, чем по моей.

Монах поднял склоненную голову. Голос его звучал сурово.

— Я не стану спорить с подобным определением веры.

— Я, конечно, не теолог, — вмешалась королева, — но не слышала более понятной формулировки.

— Однако, — Фердинанд взглянул ей в глаза, — в подобных делах унция фактов перевешивает фунт всры. Чем практическим может подтвердить сеньор Колон свои рассуждения?

Вместо ответа королева предоставила слово Колону.

— Вы слышали вопрос Его величества?

Колон опустил глаза.

— Опять я могу лишь спросить, что есть опыт, и ответить, что опыт — не более как основание, на котором строит здание тот, кто наделен божественным даром воображения.

— Ваши слова достаточно запутанны, чтобы казаться глубокомысленными, — едко заметил Фердинанд, — но не подвигают нас ни на шаг.

— Но, ваше величество, они, по меньшей мере, указывают путь. Именно используя дар воображения, представляя себе неизвестное на основе известного, испытанного, человек и поднимался все выше и выше от варварского невежества.

Фердинанд начал выказывать раздражение. У Колона на все находился ответ.

— Вы уведите нас от реалий в мир грез, — бросил он.

Колон вскинул голову, словно его оскорбили. Глаза заглялись фанатичным огнем.

— Грезы! — голос его наполнял мощь. — Нет на свете такого, что не пригрезилось кому-либо, прежде чем стать реальностью. Даже Господь Бог, перед тем как создать наш мир, увидел его своим мысленным взором.

У короля отвисла челюсть. Талавера нахмурился. Но на других лицах, включая королеву, Колон прочитал одобрение, а Сантанхель даже чуть кивнул ему.

Король заговорил вновь, тщательно подбирая слова.

— Я надеюсь, сеньор, в пылу спора вы не впали в ересь, — и повернулся к Талавере, предлагая тому высказаться.

Приор Прадо покачал головой, длинное лицо его закамсело.

— Ересь я не нахожу. Нет. Но все же... — теперь он обращался непосредственно к Колону. — Вы зашли на опасную глубину, сеньор.

— Такой уж я есть, ваше преподобие.

— Опасность вас не страшит? — сурово спросил монах.

Приору он мог отвечать более резко, чем монарху.

— Будь я пуглив, святой отец, я бы не предлагал плыть в неведомое, не боясь всего того, что может встретиться на пути.

Фердинанд, похоже, решил подвести черту.

— Мы не сомневаемся в вашей отваге, сеньор. Если б дело было только в этом, мы, наверное, с радостью воспользовались бы вашими услугами. Но... такой уж я человек, что не могу сразу принимать решения, исходя только из того, что мне предлагают.

— Я тоже не сторонница скоропалительных решений, — добавила королева. — Но это не значит, что мы отвергаем ваше предложение, сеньор Колон. Просто сейчас мы не готовы оценить его по достоинству. Его величество и я создадим комиссию из ученых мужей, чтобы те изучили ваши материалы и посоветовали нам, как поступить.

Колон не мог не вспомнить, каково пришлось ему с португальской комиссией ученых невежд, и сердце его упало бы, если б королева не добавила:

— В ближайшее время я снова приму вас, сеньор Колон. А пока оставайтесь при дворе. Мой казначей, дон Аловсо де Кинтанилья, получит соответствующие указания и позаботится, чтобы вы ни в чем не нуждались.

На этом аудиенция закончилась. Полной победы Колон не одержал, но мог отнести в свой актив благоприятное впечатление, произведенное им на королеву.

Вскоре он убедился, что и многие другие сановники относятся к нему более чем благосклонно. И в первую очередь Кинтанилья, в доме которого он поселился по распоряжению королевы. Не только интересная внешность и хорошие манеры обеспечили ему теплый прием. Война с маврами донельзя истощила ресурсы обоих королевств, и казначей Кастилии постоянно терзался мыслями о том, где взять денег. Государственный корабль удавалось удержать на плаву лишь ужесточением преследования евреев. Святой палате развязали руки в поисках тех, кто, приняв христианство, продолжал тайно исповедовать иуданзм. Виновные лишались жизни, а их имущество конфисковывалось. Поддержали казну и займы, полученные у богатейших евреев, таких, как Абарнадель и Сениор, которые отчаянно боролись за то, чтобы хоть как-то ослабить гнет инквизиции, поскольку гонения на детей Израиля все усиливались. А кое-кто уже уговаривал короля и королеву издать указ об изгнании всех евреев из Испании с полной конфискацией их имущества, обещая, что полученные таким образом богатства с лихвой перекроют все военные расходы. Пока же деньги добывались с большим скрипом, и казначей Кастилии едва ли не более всех хотел познакомиться с тем, кто предлагал открыть Испании сокровищницу Востока. Вот тут Колон мог рассчитывать и на кредит и на поддержку.

Немалый интерес проявил к нему и Луис де Сантанхель, канцлер Арагона. И им двигали мотивы, весьма сходные с мотивами Кинтанилья. Увидев в Колоне потенциального спасителя евреев Испании, он сразу же уверовал, что тот — посланник божий. (Собственно, и

сам Колон придерживался того же мнения.) Ибо, хотя Сантанхель крестился и теперь исповедовал христианство, сердцем он оставался со своим народом. И столь плохо скрывал он свои чувства, что однажды ему пришлось ощутить на себе мертвую хватку Святой палаты Сарагоссы. Тогда все обошлось публичным покаянием. Лишь его незаменимость в государственных делах и любовь повелителей Испании спасли Сантанхеля от худшего.

В тот же день Сантанхель нашел Колона в доме Кинтанилья, сжал его руки в своих, заглянул в глаза.

— Я спешу объявить себя вашим другом до того, как ваши деяния позволят вам приобрести столько друзей, что я затеряюсь среди них.

— Иными словами, дон Луис, по доброте своей души вы хотите придать мне мужества.

— И не только. Я верю, что вас ждут великие дела, которыми вы прославите Испанию.

Колон криво улыбнулся.

— Если б и король придерживался того же мнения.

— Король осторожен. Никогда не спешит с принятием решений.

— Мне показалось, он довольно быстро решил, что я — шарлатан.

Дон Луис отшатнулся.

— Откуда у вас такие мысли! Его скиптицизм — лишь проверка, и вы выдержали ее с честью. Это слова королевы, друг мой. Так что наберитесь терпения, и, поверьте мне, ожидание не будет долгим. Сегодня вы отужинаете со мной, и вы тоже, дон Алонсо. А завтра вас приглашает маркиза Мойя. Она желает получше узнать вас. Я не ошибусь, если скажу, что ни к кому не прислушивается королева столь внимательно, как к ней, так что постарайтесь произвести на нее наилучшее впечатление. А впрочем, зачем я это говорю. Красота маркизы заставит любого распластаться у ее ног.

И на следующий день Колону удалось в полной мере насладиться красотой Беатрис де Бобадилья, маркизы Мойя, когда дон Луис привел его в особняк на Ронде.

Колон разделся, как на прием к королеве, а глаза его светились такой уверенностью, будто он уже достиг желаемого и все препоны остались позади. И маркиза встретила его одобрительной улыбкой.

Вчера, на аудиенции, он, разумеется, отдал должное ее красоте. Но вчера слишком многое отвлекало его внимание, тогда как сегодня ему не было нужды отрывать от нее глаз. Да и какой галантный кавалер мог отвести их от этой юной красавицы, высокой, с превосходной фигурой, одетой

по последней моде. Черные волосы обрамляли белоснежный овал лица, шелковый чепец сверкал драгоценностями. Влажные алые губы, бездонные черные глаза. Платье из желтого шелка с синей каймой, высокой талией и низким вырезом, подчеркивающим великолепие грациозной шеи.

Сантанхель, играя роль заботливого папаши, представил Колона.

— Маркиза, я привел нашего первооткрывателя поцеловать ваши ручки.

Она восприняла эту фразу буквально и протянула руку, блее которой видеть ему не доводилось, а кожа для его губ и кончиков пальцев показалась нежнее атласа. И губы Колона не отрывались от ее руки дольше, чем того требовали приличия.

— Могу я предсказать вам будущее? — улыбнулась маркиза. — Испания так же не захочет освободиться от вашей руки, как вы не хотите отпустить мою.

— Вы пьяните меня своим пророчеством, сеньора.

— Мне представляется, вас не так-то легко опьянить.

— Нет. Разумеется, нет. Но когда вино сладкое и крепкое, я за себя не ручаюсь. Но готов рискнуть.

— Уверенности в себе вам не занимать. Вчера мы в этом убедились.

— Вчера, сеньора, вы видели перед собой мореплавателя, демонстрирующего профессиональные знания.

— О! — ее брови изогнулись. — А сегодня?

— Сегодня я — смиреннейший проситель, ищущий вашего благоволения.

— Вот смирения я в вас что-то не заметила.

— Вчера же я не решился обратиться к вам.

— Как можно, сеньор, — мягко пожурив его маркиза. — Этим вы поставили бы меня выше королевы.

— Пожалейте меня, сеньора. Не толкайте на предательство.

— Вот этого нам не нужно. В королеве вы нашли верного друга, на поддержку которого можете всегда рассчитывать.

— Мои самые смелые надежды не простирались столь далеко.

— Но почему? — ее глаза вспыхнули. — В конце концов, королева — женщина, и в мужчинах ей нравится отвага. Как и король, она заметила, что ее вам хватает с лихвой.

— Она не ошибется, если поддержит меня. Я выполняю все, что обещаю.

— Вчера вы доказали это более чем убедительно. Не так ли, дон Луис?

— Полностью с вами согласен, — улыбнулся Сантанхель.

— И можете не сомневаться, — заверила Колона маркиза, — я позабочусь о том, чтобы королева ни на день не забывала о вас.

— За это благодарить вас буду не только я, — горделиво ответил Колон. — И королева Изабелла, и вся Испания будут перед вами в долгу.

— Ну вот, — рассмеялась маркиза, — теперь я слышу того же человека, что и вчера, сеньор Колон.

Так проговорили они не меньше часа, а при расставании, когда Колон вновь поцеловал руку маркизы, она сказала: "Считайте нас своими друзьями и пользуйтесь нашим домом, как своим собственным".

На улице, в лучах весеннего солнца, Сантанхель взял Колона под руку.

— Вы иностранец, сеньор Колон, и можете допустить ошибку, приняв слова, которые мы, испанцы, проносим из вежливости, за чистую монету.

Колон рассмеялся.

— Вы хотите сказать, что испанская вежливость предлагает все, рассчитывая, что собеседник, будучи таким же вежливым, от всего и откажется.

— Понимая, что к чему, вы не станете переоценивать слова маркизы.

— Так же, как и недооценивать ее доброту.

— И ее благоразумие, — добавил дон Луис. — Донья Беатрис де Бобадилья — ближайшая подруга королевы, пользующаяся немалым на нее влиянием, ей доверяются тайны, недоступные другим. Однако королева Изабелла весьма сурова в вопросах чести и не потерпит ни малейшей фривольности в поведении даже ближайшей подруги. Пожалуйста, имейте это в виду. Далее, есть еще и Кабрера, — Сантанхель помолчал, искоса глядя на Колона, затем добавил: — Он — один из нас.

Колон ничего не понял.

— Один из нас?

— Новый христианин, — объяснил дон Луис. — Пусть он маркиз Мойя, но останется сыном рабби Давида из Куэнки.

Многое стало ясным Колону. Во-первых, как он и догадывался, Сантанхель был мараном¹, во-вторых, из-за этого жена другого мараана была для него священна. Колон же, несмотря на испанизированную фамилию и характерную внешность, мараном не был. Но решил в этом

¹ Крещеный еврей.

не признаваться, поскольку подобный ответ мог изменить доброе отношение к нему человека, играющего важную роль в государственных делах.

— Понятно, — коротко кивнул он.

— Я не вдавался бы в такие подробности, если б не полагал, что говорю для вашей же пользы.

— А мне не остается ничего другого, как поблагодарить вас, — Колов рассмеялся. — Но не волнуйтесь, сеньор. Кристоаль Колон не тот человек, который может позволить страсти вмешаться в его судьбу. Поставленная мною цель слишком велика, чтобы уступать человеческим слабостям.

— Цель, возможно. Но вы сами? — в голосе канцлера Арагона слышалось сомнение. — Будьте поосмотрительнее, мой друг, если вы хотите добиться своего.

И потянулись дни ожидания, когда Колон, проходя по залам Алькасара, ловил на себе взгляды придворных. Он прошел долгий путь, от маленького домика на Вико Дритто ди Понтичелло в Генуе, где он родился, но искренне полагал, что достоин того. Этой убежденностью объяснялись его патрицианские манеры. Мужчины подталкивали друг друга, когда он проходил мимо, и часто он слышал, как с восторгом произносилось его имя. Гордые гранды, идальго, принцы церкви, известные воеводы и государственные мужи искали повода познакомиться с ним. И не одна красавица забывала в его присутствии о кастильской сдержанности, чтобы выразить взглядом свое восхищение. Его окружал ореол загадочности, и, зная об этом, Колон, разумеется, ни в коей мере не пытался развеять его. Никто не мог сказать с определенностью, кто он такой и откуда появился при дворе. Кое-кто считал его португальцем, другие — лигурийским дворянином. Некоторые говорили, что он учился в Павии и по праву считался гордостью университета. Упоминалось и о том, что он — знаменитый морской волк, гроза сарацин на Средиземном море. А самые догадливые утверждали, что он плавал в морях, которые еще не бороздили другие корабли. Соглашались придворные лишь в одном: его внешность, осанка, легкость в общении с дотоле незнакомыми людьми, плавность речи, чуть расцвеченной акцентом, безо всякого сомнения, указывали, что Колон — важная птица.

Эти дни, когда он запросто общался с цветом общества стали, возможно, счастливейшими его днями, позволили ему ощутить, что он наконец-то занял достойное место в жизни. Нетерпение покинуло его, ибо не зря говорится: путешествуя со всеми удобствами, нет нужды спешить к месту назначения. Но, к сожалению, всему

хорошему приходит конец. Окружающее его сияние меркло по мере того, как неделя сменялась неделей, не принося изменений для Колона. Подруга королевы маркиза Мойя могла обратиться к нему на публике, не скрывая своего расположения. Кабрера и Сантанхель, по мнению других, самый влиятельный сановник двух королевств, могли превозносить его достоинства. Но Колон не мог не почувствовать падения интереса к собственной персоне. И решил обратиться к маркизе Мойя, рассчитывая использовать в свою пользу ее влияние на придворных, которым она пользовалась вследствие близости с королевой.

Он отправился во дворец на Ронда, где его встретили более чем благожелательно, упрекнув в том, что так долго не видели у себя.

— Дело в том, сеньора, — оправдывался Колон, — что я не смел даже подумать об этом.

— Но ведь от первооткрывателя и ждут открытий, — маркиза пригласила его в гостиную.

— Пока я первооткрыватель, но боюсь, что скоро обо мне все забудут.

— Только не я, друг мой. Если б все зависело от меня или моих напоминаний королеве, у вас давно был бы уже целый флот. Меня даже попреслили за мою настойчивость.

Он разыграл рассказание.

— О, сеньора! И я был тому причиной!

— Я никогда не покину вас, — заверила маркиза Колона с такой теплотой, что тот разом позабыл и предупреждение Сантанхеля, и свои слова о том, что ему чужды человеческие слабости.

— Я еще не совершил ничего такого, чтобы заслужить ваше расположение. Мне стыдно, что я пришел к вам, чтобы досаждать своими заботами.

— Вам надо стыдиться только за то, что у вас не нашлось другой причины для визита.

— Я могу лишь вознести молитву, что вы помните о моих делах.

— Молитвы? О, Господи, сеньор, я не святая, чтобы мне молились.

— Как я могу в это поверить, если мои глаза видят другое?

— И что же они видят? — улыбнулась маркиза.

— Божественную красоту, на которую нельзя взирать со спокойным сердцем, — он вновь взял маркизу за руку, и на мгновение она не отняла руки.

Но глаза ее затуманились. В их черных глубинах что-то мелькнуло, возможно, страх, вызванный его жарко полыхнувшей страстью.

Голос ее упал до шепота.

— Сеньор Кристоаль, стоит ли нам совершать глупость, в которой потом придется раскаиваться. Ваши надежды получить согласие королевы...

— Сейчас пришел черед других надежд! — горячо возразил Колон.

— Но не для нас, Кристоаль. Будем же благоразумны, друг мой.

Но спокойствие ее тона не смогло сдержать Колона.

— Благоразумны! Что тогда подразумевается под благоразумием? — чувствовалось, что он сам готов ответить на свой же вопрос, но маркиза опередила его.

— Быть благоразумным — значит не ставить под удар то, чего можно добиться, ради иллюзии чего-то лучшего, но, увы, недостижимого, — она как бы просила его помочь ей устоять. — Что-то я могу дать вам и дать без ограничений. Удовлетворитесь этим. Требуя большего, можно потерять все. И вам, и мне.

Он вздохнул, беря себя в руки, склонил голову.

— Все будет, как вы скажете. Мое единственное желание — служить вам, а не доставлять неприятности.

Ответом ее был нежный взгляд. А появление Кабреры полностью привело их в чувство.

Низкорослый, с кривыми ногами, с улыбающимися чуть выпученными глазами, он тепло поздоровался с Колонем и не менее тепло попрощался, когда четверть часа спустя тот покинул дворец.

— Определенно я должен приложить все силы, чтобы мечты этого мореплавателя стали явью, — воскликнул Кабрера после ухода Колона. — Он знает, как поддерживать мой интерес к его делам.

— Я рада это слышать.

— И тебя не удивляет, что я готов вылезти из кожи вон, лишь бы побыстрее спровадить его на корабль, отплывающий в Индии или в ад?

— О, Андрес! Ты собрался ревновать меня?

— Нет, — засмеялся Кабрера. — Именно для того, чтобы избавить себя от этого мерзкого чувства, я и хочу помочь только что вышедшему отсюда господину побыстрее поднять якорь.

Рассмеялась и маркиза.

— Я не пошевелю и пальцем, чтобы помешать тебе. Он мечтает о море, а раз я хочу ему добра, то мечтаю, чтобы он вышел в море. К этому мы и будем стремиться.

Так искренне говорила она, что Кабрера решил, что лучше всего свести стычку с женой к шутке. Но не удержался от последней шпильки.

— Едва ли он ждет выхода в море столь же страстно, как я. Мне кажется, у него есть и другие интересы на берегу.

Разговор этот не пропал впустую, ибо два или три дня спустя Сантанхель подошел к Колону на одной из галерей Алькасара.

— Выясняется, у вас больше друзей, чем вы могли ожидать. Кабрера чуть не поссорился с королем, убеждая его принять решение в вашу пользу. Теперь вы можете оценить мудрость моего совета — быть осмотрительнее с очаровательной маркизой. Отсюда и результат — участие Кабреры в вашем проекте.

— Он просто хочет побыстрее избавиться от меня, — саркастично ответил Колон. — Но, если он лишь рассердил его величество, то какой мне от этого прок?

— Меня послала к вам королева. Кабрера говорил с ними обоими, и ее величество сегодня утром просила заверить вас, что дело скоро сдвинется с места. Столь долгая задержка вызвана лишь тем, что война в самом разгаре, да тут еще король Франции добавил нам забот.

— Дьявол его побери.

— Это еще не все, — лицо канцлера посуровело. — Торквемада¹ трсбует принятия закона об изгнании всех евреев из Испании.

— Пусть сатана лично поджарит его на костре.

Сантанхель сжался в комок.

— Ш-ш-ш! Ради Бога! Людей сейчас сжигают и за куда меньшие прегрешения. Горячностью тут не поможешь. Терпение. Терпение — наше единственное оружие.

— Терпением я сыт по горло. Сколько же можно еще терпеть.

Но потерпеть пришлось. Король и королева покинули Кордову, держа путь в Гранаду. Двор последовал за ними, Колон — за двором. Сначала в Севилью, потом, на зиму, в Саламанку, где приобрел нового и очень влиятельного друга, доминиканца Диего Десу, приора монастыря святого Эстебана, наставника юного принца Хуана. Неподдельный, искренний интерес Десы к его проекту оживил уже начавшие угасать надежды Колона. Своим авторитетом Деса поддержал тех друзей Колона, что по-прежнему уговаривали их величеств дать согласие на экспедицию в Индии. И, возможно, добились бы своего, но вспыхнувший в Галисии мятеж заставил правителей Испании забыть обо всем другом.

В отчаянии от этой новой задержки Колон заявил, что все легионы ада ополчились на него, чтобы не дать

¹ Торквемада (1420 — 1498) — с 80-х годов Великий инквизитор. Инициатор изгнания евреев из Испании (1492 г.).

выполнить волю Господню.

И вот, более года спустя после первой аудиенции у королевы, на которую он возлагал столько надежд, Колон вновь прибыл со двором в Кордову, все еще ожидая решения своей судьбы. Все забыли о нем, и даже королева не удосужилась предложить ему прежнее место проживания, а он из гордости не стал напоминать о себе. И по совету Сантанхеля снял комнатку над мастерской Бенсабата, портного, на Калье Атаюд, самой узкой и кривой улочке города, славящегося узкими кривыми улочками.

Король и королева, поглощенные подготовкой к решительному штурму Гранады, не могли уделить планам и мечтам мореплавателя ни единой минуты, в результате чего Колон, все еще меряющий шагами коридоры дворца, которым еще недавно все восхищались, попал на прицел насмешников. И скоро придворные делились друг с другом стишками, в которых намерение Колона достичь востока через запад, сравнивалось с возможностью попасть в рай через ад.

Один из таких стишков достиг ушей мессера Федерико Мочениго, венецианского посла при дворе их величеств королевы Кастильской и короля Арагонского. И хотя в Испании о Колоне вроде бы и думать забыли, в другом дворце сама мысль о возможности достичь востока через запад вызвала немалый переполох.

В далекой Венеции начал зреть опасный заговор, едва не положивший конец устремлениям Колона.

Глава 5

ДОЖ



Венеция того времени, в зените славы и богатства, недавно добавила к своим владениям Кипр, приобретя главный перевалочный пункт, а следовательно, монопольное право торговли между Востоком и Западом. Правил Венецией Агостино Барбаригго, элегантный, веселый, кем-то даже легкомысленный. Но не эти качества характеризовали его, как правителя, а трезвый, расчетливый ум и обостренное чувство патриотизма. Барбаригго шел на любые жертвы, по крайней мере, если жертвовать приходилось кем-то еще, ради сохранения могущества Республики. С этой целью он внимательно следил за всем, что происходило при различных королевских дворах Европы, благо его агенты поставляли ему обширную и многообразную информацию.

Сообщение из Испании, полученное от мессера Мочениго, встревожило его светлость, поскольку перед ним вновь возникла проблема, которую однажды ему уже приходилось разрешать. Об этом-то он и думал, сидя со своим шурином, Сильвестро Саразиним, возглавлявшим наводящий на всех ужас Совет Трех, инквизицию республики Венеция.

Они находились в одной из комнат дворца дожа, которую Барбариго превратил в личную гостиную, роскошно обставленную, с любовно подобранными картинами и другими произведениями искусства, на которых мог отдохнуть глаз после многотрудного дня.

Вот и сейчас Саразин, низенький толстячок с желтым, как у турка, лицом и двойным подбородком, разглядывал последнее приобретение Барбариго, картину, изображающую купающуюся Диану.

— Если ты ищешь себе невесту с такими формами, я, пожалуй, начну завидовать тому, что ты — дож. Мадам Леда, я полагаю, — он вздохнул. — А Богу, естественно, придется превращаться в лебедя.

— Это не Леда. Нет. Диана. Возжелав ее, ты рискуешь стать вторым Актеоном. Даже если она пощадит тебя, тебе не избежать мести моей сестры.

— Ты переоцениваешь влияние вашей семьи, — насутился Саразин. — Виргиния — женщина благоразумная. Она не видит того, чего не следует.

— Бедняжка! Значит, ты обрск ее на вечную слепоту.

— Иди-ка ты к дьяволу, — беззлобно ответил Саразин.

Практически одноподки, лет сорока с небольшим, внешне они разительно отличались: толстяк Саразин выглядел на свой возраст, светловолосый, стройный, высокий дож, разодетый в небесно-синий атлас, сохранял очарование юности. Он поднялся, постоял, засунув большие пальцы за золотой пояс, на его губах заиграла саркастическая улыбка.

— Интересно, как далеко заведет тебя сладострастие? Мне тут сказали, что тебя видели в новом театре на Санти Джованни э Паоло. Пристойно ли это государственному инквизитору?

Взгляд смых, вылезавших из орбит глаз Саразина впился в дожа.

— Тебе сказали? Кто же? Небось твои шпионы? Больше никто не мог узнать меня. Да, я не могу отказать себе в удовольствии ходить в этот театр. Но не могу и допустить, чтобы меня там видели. Поэтому появляюсь в плаще и маске. И не стоит меня в этом упрекать. Я хожу туда по долгу службы.

В последнем Саразин не лгал. Театр, который открыл Анджело Рудзанте, привлекал зрителей необычностью пьес и постановок. Назывался он Зал Лошади, Ла Сала дель Кавальо, вероятно, потому, что располагался на маленькой площади, украшенной громадной конной статуей.

— Тебе не занимать усердия, когда работу можно совместить с удовольствием, — усмехнулся дож. — И что ты там увидел?

— Повода для неодобрения я не нашел. Они играют несколько комедий, не похотливее фех, что я видел во дворце патриарха. Есть у них канатоходец, от выступления которого замирает душа, восточный жонглер, пожиратель огня и девушка, совсем как райская дева в представлении мусульман.

— Бедная моя обманутая сестра! И что делает она, эта дева из рая?

— Танцует сарабанду, заморский сарацинский танец, сопровождая себе какими-то трещотками, называемыми кастаньетами. Тоже, наверное, завезенные от мавров. Еще она поет под гитару, как соловей или одна из сирен, что завлекали Улисса.

Барбариго рассмеялся.

— Райская дева, соловей, сирена. Откуда взялось такое чудо?

— Мне сказали, из Испании. Песни у нее испанские, андалузские, кровь от них начинает быстрее бегать по жилам.

Веселость дожа сняло, как рукой.

— Из Испании? Ха! Как раз об Испании я и хотел с тобой поговорить, — танцующей походкой он прошелся к окну, вернулся обратно, пододвинул к себе стул. Сел. — Я получил из Испании тревожные новости.

Саразин весь подобрался.

— Насчет Неаполя?

— Нет, нет, речь пойдет о другом. Угроза эта еще очень неопределенная, но однажды она уже возникала. В Португалии, два года назад. Тогда мне удалось подавить ее. Пришлось изрядно потрудиться и заплатить кругленькую сумму. На этот раз, боюсь, деньги не помогут.

— Угроза, говоришь? — переспросил Саразин.

Барбариго положил ногу на ногу, чуть наклонился вперед, оперевшись локтем в колено.

— Шляется по свету один лигурийский авантюрист, сам знаешь, из лигурийского ничего путного выйти не может, который утверждает, что может добраться до Индий западным путем.

На лице Саразина отразилось облегчение.

— Сумасшедший, — облегчение сменилось презри-

тельной ухмылкой. — Сказки все это.

— Лигуриец утверждает, что у него есть карта, вычерченная самим Тосканелли из Флоренции, — добавил Барбариго.

— Тосканелли? — удивился Саразин. — Ба! Неужели Тосканелли в старости выжил из ума?

— О, нет. Лучшего математика еще не рождала земля. Он действительно нарисовал карту, основываясь на открытиях нашего Марко Поло и собственных математических расчетах. Карту эту вместе с письмом с обоснованиями он послал этому бродяге-лигурийцу, Коломбо, Кристоферо Коломбо, в Португалию.

— Как ты все это узнал? И с какой стати Тосканелли яхтаться с бродягами?

— Этот Коломбо немало плывал по морям и преуспел в составлении карт. Как я понял из полученных мною донесений, Коломбо вбил себе в голову, что Индий можно достичь, плывя на запад, и обратился за советом к Тосканелли. Так уж вышло, что мечты лигурийца совпали с выкладками флорентийского математика. И Тосканелли снабдил лигурийца картой, гордый тем, что открытия можно делать, не выходя из кабинета, нисколько не задумываясь, сколько бед могут принести они в реальной жизни.

С этой картой Коломбо отправился к королю Португалии. Имя и слава Тосканелли открыли ему двери королевского дворца. Король Жуан, покровительствующий мореплавателям, так как они принесли ему несметные богатства, создал комиссию из людей, которым доверял. К счастью, как и все комиссии, эта не спешила с выводами. И мои агенты, державшие меня в курсе событий, успели в точности выполнить мои указания. Мы подкупили двух членов комиссии. Третьего, еврея, подкупить не удалось. Может, этот Коломбо тоже еврей. Не знаю. Во всяком случае, двумя голосами против одного предложение Коломбо отвергли, карту и письмо Тосканелли предали забвению.

Но недавно мне сообщили из Испании, что этот молодчик объявился вновь, изменил фамилию на испанский манер и называет себя Колон. Теперь он пытается добиться своего у владык Испании. Пока его успехи весьма ничтожны, потому что война с маврами отнимает все время и деньги их величеств. Но едва падет Гранада, он получит свой шанс. Многие влиятельные сановники с ним заодно, и Испания, возможно, предпримет попытку обогатиться за счет заморских владений, как поступила ранее Португалия.

Дождь замолчал, а Саразин все не мог взять в толк, к

чему тот клонит.

— Ну и что? Какое нам дело до обогащения Испании?

— То ли ты меня не понял, то ли уже забыл, с чего я начал. Колумбо предлагает открыть западный путь к Индиям. Если ему это удастся, что станет с богатством и могуществом Венеции, построенных и сохраняемых нашей монополией на торговлю с Востоком, которая идет через наши рынки?

Саразина аж передернуло.

— Помилуй нас Бог! — воскликнул он.

Барбариго встал.

— Ситуация тебе, стало быть, ясна. Каким же будет наше решение? Взятки на этот раз не помогут. Королева Изабелла очень умна, Фердинанд — очень расчетлив. Они или примут решение сами, или назначат комиссию, к членам которой подступиться я не смогу.

Глаза Саразина сузились.

— Есть простое решение. Люди, слава Богу, смертны. Ты сможешь подступиться к Колумбо. В подобных случаях цель оправдывает средства.

Но дож покачал головой.

— Все не так просто. Иначе я не стал бы колебаться. Человек этот — пустое место. Важны карты и письмо. Не попав к нам, они будут висеть над нами постоянной угрозой, в руках Колумбо или кого-либо еще. Венеция будет в опасности, пока мы не заполучим их. В Португалии я попробовал разделаться с ним. Но мои агенты опростоволосились. Колумбо устроили засаду в Лиссабоне. Но он сумел отразить первые удары, а потом к нему подоспела поддержка. После этого он передал документы на хранение канцлеру. Я полагал, там они и остались, когда комиссия отвергла его предложение. Но он каким-то образом вновь заполучил их. И едва ли мы сможем отнять их у него насильно.

Саразин задумался.

— Вынесем вопрос на Большой Совет, — наконец изрек он.

— Если я бессилен, то чем поможет Большой Совет?

— Республика может купить его. У каждого человека есть цена.

— Предпринималось и такое. Колумбо выгнал моего человека. Этого и следовало ожидать. Если у тебя есть возможность открыть империю, этим можно поступить, лишь получив империю взамен. Так что мерзавец знает себе цену.

Саразин нашелся и здесь.

— Так перекупи его у Испании. Найди его, и пусть он откроет Индии для Венеции.

— А какая нам с этого будет выгода? По единожды проторенной дорожке устремится весь мир.

— А разве мы ничего не сможем приобрести в той империи, которую он грозитя открыть?

— Я не могу полностью полагаться на его слова. То, что есть у нас сейчас, — это реальность, и мы не можем отказываться от нее ради призрачной мечты.

— Ну, тогда я сдаюсь. Больше мне предложить нечего.

— Мне, к сожалению, тоже, но мы должны найти выход и растоптать этого авантюриста. Подумай над этим. А пока... — он приложил палец к губам. — Никому ни слова!

Глава 6

ЛА ХИТАНИЛЬЯ



сатр, основанный Анджеоло Рудзанте в Саладель Кавальо, процветал. Растущая популярность постепенно привела к тому, что чернь, поначалу заполнявшая театр, все более уступала место аристократии, и скоро уже днем на скамьях восседал цвет общества Венеции.

Верным поклонником театра стал и дон Рамон де Агндар, граф Арияс, посол Кастилии и Арагона в Венецианской республике. Пренебрегая мнением окружающих, гордый кастилец, презиравший всех, кроме испанцев, в отличие от Саразина ходил в театр открыто, не делая секрета из того, что Ла Хитанилья все более притягивала его к себе. После завершения ее выступления он обычно уходил, не обращая внимания на ахи и охи зрителей, перед которыми выделял чудеса канатоходец Рудзанте. Кое-кто, правда, говорил, что дон Рамона влекла в театр возможность услышать родные испанские песни, а не сама певица. По правде же говоря, у него не было музыкального слуха, в красоте же он разбирался и мог представить себе, какое блаженство сулят черные, жаркие глаза Ла Хитанильи.

Естественно, у него возникло желание отблагодарить певицу за радость, доставленную ее земляку на далекой чужбине, и он посылал ей цветы, сладости, украшения. Пользуясь своим положением, он добился у Рудзанте права видеться с ней между выступлениями, но был принят сдержанно и даже холодно.

Едва ли не при первой встрече, неправильно истолковав ее скованность и пытаясь расположить певицу к себе, граф воскликнул: "Дитя, забудьте о переполняю-

щем вас почтении ко мне“.

— А почему оно должно переполнять меня? — сухо спросила Ла Хитанилья. — Вы — известный идалго, знатный гранд, я это понимаю. Но вы же не Бог, а я чту только его.

Другого такой прием обратил бы в бегство, но граф решил, что это лишь профессиональный ход, призванный еще более разжечь в нем желание. И отшутился.

— Но ведь и вы, судя по всему, не богиня.

Певница, однако, и далее оставалась такой же недоступной, чем в немалой степени раздражала тщеславие графа, привыкшего к легким победам.

И ей приходилось снова и снова принимать дона Рамона в своей примерной, поскольку Рудзанте прямо заявил ей, что испанский посол — слишком важная персона, чтобы отказать ему в такой малости. Но ни великолепие его наряда, ни все еще приятная наружность, ни красноречие не могли растопить сердце красавицы.

Дон Рамон начал выказывать нетерпение. Можно, конечно, прикидываться скромницей, но до каких же пор? Надо же и честь знать! Вот и тем утром, когда ему доложили, что женщина, назвавшаяся Ла Хитанилья, умоляет его высочество принять ее, он размышлял, как положить конец этому затянувшемуся сопротивлению.

Губы дона Рамона медленно изогнулись в улыбке. Еще раз взглянув на себя в зеркало и оставшись довольные увиденным, он поспешил к неожиданной гостье.

Она ждала его в длинной комнате, балкон которой выходил на Большой Канал, залитый утренними лучами февральского солнца. И метнулась ему навстречу, от былой скромности не осталось и следа.

— Ваше высочество, вы так добры, согласившись принять меня.

— Добр? — он вроде бы обиделся. — Обожаемая Беатрис, разве я когда-либо вел себя иначе по отношению к вам?

— Это-то и придало мне смелости.

— Так проявите ее. Почему бы вам не снять ваш плащ?

Покорно она сняла коричневую мантилью с капюшоном, закрывающую ее с головы до пят, и осталась в светло-коричневом облегающем платье, подчеркивающим достоинства фигуры. Ее рост, и так чуть выше среднего, оптически увеличивался за счет удлиненной талии. Локоны светло-каштановых волос украшала одна узенькая золотая цепочка.

Дон Рамон оценивающе оглядел ее. Нежная кожа

лица и шею цвета слоновой кости, пятна румянца на скулах. Высокая грудь, от волнения часто поднимающаяся и опускающаяся. Осанка и грация танцовщицы. Нет, это не обычная потаскушка или цыганская колдунья, как можно понять из ее сценического имени. Скорее всего, думал он, в этих венах, так нежно синееющих сквозь белоснежную кожу шеи, течет благородная кастильская кровь. Иначе откуда такая гордость, уверенность в себе, чуть ли не патрицианское чувство собственного достоинства. Да, при всей своей разборчивости он не мог найти в ней ни единого недостатка.

Ясные, карие глаза смотрели на него из-под прекрасных черных бровей.

— Я пришла к вам просительницей, — в ее низком голосе слышалась чарующая хрипловатость.

— Нет, нет, — галантно возразил он. — Здесь — никогда. Тут вы можете только командовать.

Она отвела глаза.

— Я пришла к вам, как к послу их величеств.

— Тогда мне остается лишь возблагодарить Бога, что я — посол. Не присесть ли вам?

За руку он отвел ее к дивану напротив окон. Сам же остался стоять спиной к свету.

— Дело, по которому я пришла к вам, касается испанца, подданного их величеств. Речь идет о моем брате.

— У вас есть брат? Здесь, в Венеции? Ну, ну, расскажите мне поподробнее.

Она рассказала, путаясь и сбиваясь от волнения. Неделю назад в таверне Дженнаро в Мерсерии вспыхнула ссора, засверкали кинжалы, и дворянин из рода Морозини получил жестокий удар. В последующей суматохе, когда Морозини выносили, мой брат, находившийся в это время в таверне, поднял с пола кинжал. Рукоятку украшали драгоценные камни, и мой брат... — она вспыхнула от стыда, — взял его себе. Два дня назад он продал кинжал еврейю — золотых дел мастеру в Сан-Мойзе. Кинжал признали принадлежащим Морозини и этой ночью моего брата арестовали.

Дон Рамон насупился.

— Дело столь ясное, что едва ли мы сможем что-либо предпринять. Ваш несчастный брат, обвиняемый в краже, не может рассчитывать на защиту посла.

Она побледнела. Глаза превратились в озера страха.

— Это... это не кража, — взмолилась она. — Он поднял кинжал с пола.

— Но он продал кинжал. Безумие. Разве он не знает, сколь суровы законы Республики?

— Откуда ему знать их, он же кастилец.

— Но кража есть кража, в Венеции или Кастилии. Что заставляло его пойти на такой риск?

— Ума не приложу, потому что я зарабатываю достаточно, чтобы содержать и его, и себя, — не без горечи ответила она. — Но, может, я ограничивала его. Он жаждал большего, чем позволяли мои заработки.

— Ваш рассказ глубоко тронул меня, — посочувствовал дон Рамон. — Что привело вас в Италию?

Чтобы сохранить его симпатии, в надежде, что он не бросит ее в беде, она рассказала все, как есть, ничего не скрывая. Она покинула Испанию, уступив настойчивым просьбам брата. Он попал в беду. Убил человека в Кордове. О, убил честно, в открытом бою. Но его противник принадлежал к влиятельной семье. Разбором дела занялся алькальд. Его альгасилы начали розыски ее брата. И ему не оставалось ничего другого, как бежать из Испании. Она любила брата, знала, как он слаб и беспомощен. Кроме того, в Испании ее ничего не удерживало, и она согласилась уехать с ним. Она рассчитывала, что своим талантом сможет прокормить их обоих. Год назад они прибыли в Геную, и с тех пор она пела и танцевала в Милане, Павии, Бергамо, пока не оказалась в Венеции.

— А теперь... — она всхлипнула, — если ваше высокочество не поможет нам, Пабло... — и ее плечи задрожали от рыданий.

Опасность, грозящая никчемному брату, ничуть не тронула дон Рамона. Вор, полагал он, должен понести заслуженное наказание. Но он не смог устоять перед плачущей красавицей.

— Надо искать выход. Нельзя оставлять его в лапах венецианцев.

Произошла эти слова, дон Рамон опустился на диван, и его украшенная перстнями рука легонько легла на плечо Ла Хитанильи.

— Официально вмешиваться я не имею права. Но если я обращусь лично — это совсем другое дело. В конце концов, я пользуюсь здесь кое-каким влиянием. Попробуем использовать его с максимальной пользой.

— Я благословляю вас за надежду, которую вы вселили в меня, — дыхание ее участилось, щечки вновь зарумянились.

— О, я даю вам более, чем надежду. Я даю вам уверенность. Не в интересах Республики отказывать испанскому послу, даже если он высказывает личную просьбу. Так что довольно слез, дитя мое, такие божественные глазки должны лишь радоваться жизни. Ваш брат

вскорости будет с вами. Даю вам слово. Его зовут Пабло, не так ли?

— Пабло де Арана, — она подняла голову и повернулась к нему, преисполненная благодарности. — Да отблагодарит вас Святая дева.

— Святая дева! — его высочество скорчил гримаску. — Значит, я должен ждать, пока не окажусь на небесах? Ничто человеческое мне не чуждо, и я хотел бы, чтобы меня отблагодарили в этом мире.

Свет померк в ее глазах, и она отвернулась. Дон Рамон нахмурился, а затем протянул руку, коснулся ее подбородка и повернул к себе, чтобы видеть ее глаза. В них он прочел страх и презрение. Почувствовал, что ее вновь окружает ледяная стена, и никак не мог взять в толк, чем же это вызвано.

— Что с вами, моя Хитанилья? Вы хотите отвергнуть меня, когда я готов вам помочь? Мне кажется, я заслуживаю лучшего отношения. Стоит ли разыгрывать со мной такую недотрогу?

— Я ничего не разыгрываю, — ее глаза гордо блеснули. — Ваше высочество, похоже, и представить себе не может, что я — добропорядочная женщина.

Раздражение дона Рамона прорвалось наружу.

— Добродетель, выставлиющая себя на сцене! Ха! Как-то не верится, — он отпустил ее подбородок и поднялся. — Впрочем, навязываться я не собираюсь.

Проделал он это достаточно искусно, чтобы Ла Хитанилью охватила паника.

— Мой господин! Мой господин! Помогите мне, и небеса воздадут вам за ваше милосердие.

С усмешкой взглянул на нее дон Рамон.

— Значит, ваши долги за вас платят небеса? Пусть тогда небеса и спасают вашего брата от отсечения руки, галер и даже смерти.

Ла Хитанилья содрогнулась от ужаса.

— Это так безжалостно.

— На какую жалость вы рассчитываете? Вы сами пожалели меня? Разве не безжалостно отвергать сжигающую меня любовь? Вы хоть представляете себе, какая ревность гложет меня, когда я вижу, как другие пожирают вас глазами? Я хочу оградить вас от всего этого, чтобы наслаждение вы дарили только мне, — он помолчал. — Скоро я возвращаюсь в Испанию. Вы вернетесь со мной, под моей защитой. А ваш брат... Как я и сказал, я сделаю все, что смогу.

При всей добродетельности Ла Хитанилья знала мир, в котором жила. За два последних года она навиде-

лась всякого, ибо теперь полностью зависела от своего мастерства и своей красоты. Если одной рукой ее поддерживали, то другой тут же требовали расплаты. Пока ей удавалось противостоять всяческим притязаниям, и в этой непрерывной борьбе воля ее закалилась, и галантные слова уже пролетали мимо ушей. Она научилась идти по мирской грязи не пачкаясь. Но сейчас ей предлагалось выбрать между жизнью брата и собственной честью. И спасти Пабло мог только обман. Она должна завлечь этого человека обещаниями, а затем оставить его с носом, когда он вызволит брата из тюрьмы. И совесть не должна мучить ее, потому что этот злой человек, стремящийся нажиться на чужой беде, не заслуживал иного.

Отвернувшись, чтобы он не увидел стыда в ее глазах, Ла Хитанилья ответила: "Спасите Пабло, мой господин, и тогда..." — голос ее прервался.

Дон Рамон придвинулся к ней. Она почувствовала на своей щеке его дыхание.

— И тогда?

— О, неужели вы не можете этого сделать не торгуясь? — взорвалась Ла Хитанилья.

Дон Рамон изумился, ибо он-то ожидал смирения.

— Лед! — воскликнул он. — Камень! Хитанилья! Хитанилья! Из чего вы созданы, из плоти или гранита?

Она закрыла лицо руками, лишь бы не видеть его.

— У меня горе, — ответила она, все еще рассчитывая на его благородство.

Она встала, взяла плащ. Он подошел, чтобы помочь ей одеться, наклонился и прижался к ее щеке жаркими губами.

Резкость, с которой она отпрянула, привела дона Рамона в ярость.

— Думаете, меня можно пронять, отвечая жестокостью на великодушие? Приходите снова, когда поймете, что из этого ничего не выйдет.

Она выбежала из комнаты, ничего не ответив.

А дон Рамон подошел к окну, задумчиво посмотрел на Большой Канал. Он остался недоволен собой. Где-то допустил ошибку. Был же момент, когда она помягчала, а ему не удалось этим воспользоваться. В том, что она придет вновь, дон Рамон не сомневался. А пока нужно принять меры для освобождения ее брата, решил он, чтобы при следующей встрече объяснить ей, к какому результату приведет доброе к нему отношение. Она, похоже, из тех женщин, добиться от которых чего-либо можно, лишь проявляя к ним полное безразличие.

Так истолковал дон Рамон ее поведение, приходя к выводу, что игра стоит свеч.

ИНКВИЗИТОРЫ



реди мудрых установлений Венецианской республики было и запрещающее ее дожу любые контакты с представителями других государств. В этом, как и во многом другом, Агостино Барбариго воспринимал закон, как считал удобным для себя. Будучи дожем, он, естественно, не принимал послов в своем дворце, но, как частное лицо, неофициально, не отказывал себе в том, чтобы поддерживать тесные отношения с некоторыми из них, в том числе и с доном Рамоном де Агиларом. Он не видел ничего дурного в том, что нарушал дух закона, соблюдая его букву, поскольку полагал, что заслуги неред государством дают ему на это право.

Отсюда становится понятным, почему дон Рамон прибыл к ступенькам дворца дожа, спускающимся к Большому Каналу, на маленькой гондоле, а не на роскошной посольской барже с моряками в парадной форме. Пронзошло это через час после ухода Ла Хитанильи.

Саразин вновь сидел в гостиной дожа, когда посла ввели в эту роскошно обставленную комнату. Невзирая на присутствие инквизитора, сразу же после приветствий испанец перешел к делу.

— Я — проситель. И рассчитываю на вашу милость.

Дожд, в алой тунике, падающей на одну алую, а вторую — белую штанину, в маленькой алой же вышитой золотом шапочке на светлых кудрях, элегантно поклонился.

— Я к вашим услугам, ваше высочество, если это в моих силах.

— Я в этом не сомневаюсь. Дело-то пустяковое. Один бедолага, мой соотечественник, нарушил закон. Он нашел кинжал, а потом набрался смелости и продал его. Разумеется, это классифицируется как кража, но, принимая во внимание его незнание местных порядков, я надеюсь, что ваша светлость помилует его.

Саразин, удобно развалившийся в кресле, удивленно изогнул бровь, а дожд стоял, нахмурившись, потирая чисто выбритый подбородок.

— Мы не жалуем воров в Венеции, — в голосе его слышалось сомнение.

— О, мне это хорошо известно. Но едва ли случившееся можно назвать кражей. Этот человек не крал, во всяком случае, сознательно, кинжала. Он его нашел. Если ваша светлость сочтет возможным не заметить это

правонарушение, едва ли кто станет возражать. Я не окажусь у вас в долгу.

— Ну, если вы так ставите вопрос... — Дождь неопределенно взмахнул рукой. — Хотя я не могу не удивиться тому, что граф Арияс проявляет такой интерес к какому-то бедняку.

Дон Рамон искренне полагал, что с весельчаком Барбариго следует говорить откровенно.

— Меня интересует не он, а его сестра, очаровательная Хитанилья. Она умоляла меня вмешаться, а такой заступник превратит святого в дьявола, а дьявола — в святого.

— Так в кого же она превратила вас?

Дон Рамон рассмеялся.

— Я всего лишь смертный, а плоть человеческая слаба. Я не смог устоять перед очаровательной женщиной.

— При условии, — пробормотал Саразин, — что потом и она не станет ни в чем отказывать вашему высочеству.

— Если мне представится такая возможность, упустить я не намерен. На моем месте вы, сеньор, наверное, поступили бы точно так же.

— Еще бы. Еще бы, — Саразин расхохотался. — Я-то видел Ла Хитанилью и на таких условиях освободил бы всех воров Венеции.

— Моей сестре, как вы видите сами, — вздохнул Барбариго, — не повезло с мужем. Что же касается этого воришки, я, как и обещал, постараюсь помочь вашему высочеству. Раз он иностранец и вина его невелика...

— Вина пустяковая, я в этом уверен.

— Если так, то я не вижу препятствий для его освобождения, при условии, что он немедленно покинет пределы Республики. Как его зовут?

— Пабло де Арана, — ответил дон Рамон и рассыпался в благодарностях.

После его ухода Саразин тяжело поднялся с места.

— Если твоей сестре не повезло с мужем, то в таком же положении оказалась и Республика. Что можно сказать о дожде, не уважающем закон?

— Для меня высший закон — благополучие государства, — улыбнулся дождь. — Остальные законы — для моих подданных.

— Да спасет нас Бог! Освобождение вора служит укреплению благополучия государства. Похоже, мне вновь пора идти в школу.

— Если это освобождение приводит к тому, что по-

сол Испании чувствует себя нашим должником, то да. Разве ты забыл, что я говорил тебе о мессере Кристофере Коломбо, лигурийском мореплавателе?

Саразин устался на дожа.

— А чем сможет помочь тебе Арияс?

— Не знаю. Пока. Но я не пренебрегаю ни одной ниточкой, которая тянется в Испанию. Пусть он получит этого вора и его сестру-танцовщицу.

— Вора пусть берет. А вот Хитанилью жалко. Она заслуживает лучшей участи.

— Например, постели государственного инквизитора. Жаль, что ей это не известно. Иначе она обратилась бы к тебе, а не к дону Рамону. Не везет тебе, Сильвестро.

— Во всяком случае, везет меньше, чем дону Рамону. Ну да ладно. Что значит один вор в этом мире воров.

Но днем позже Саразин изменил свое мнение.

Тяжело дыша, весь в поту от быстрой ходьбы, он влетел в кабинет дожа и первым делом потребовал отослать секретаря, с которым работал Барбариго.

— Что случилось? — поинтересовался дож, когда они остались одни. — Султан Баярзет объявил войну?

— К дьяволу Баярзета. Этот испанский воришка, Арана. Я слышал от мессера Гранде, что ты подписал приказ о его освобождении.

— Это не в моих правилах, — согласился дож. — Но разве я не пообещал освободить его изнывающему от любви послу?

— К счастью, вчера ты пообещал освободить его от наказания за кражу. Но сегодня в Совет Трех поступило донесение, из которого следует, что Арана, приехавший к нам из Милана, может быть агентом герцога Лодовика.

Барбариго отмахнулся.

— Миланский шпион? Маловероятно. Отношения с Испанией у герцога Лодовика ничуть не лучше, чем с нами.

— Не стоит тебе быть таким доверчивым. В шпионаже все возможно. Донесение поступило от Гадлино, а он один из лучших наших агентов. Так что речь идет не о краже, а о преступлении против государства. Этому человеку не место в обычной тюрьме. Его нужно передать инквизиторам. Мне.

— Тебе? — Глаза дожа весело блеснули. — Значит, тебе? Интересная мысль, Сильвестро. И ты намерен сыграть с Хитанильей в ту же игру, что и дон Рамон, используя ее воришку-братца как козырного туза?

— Шутка твоя мне не понравилась. Разве я когда-

либо пользовался своей должностью в корыстных целях? Поговорим серьезно. Этого человека нельзя освобождать. Во всяком случае, пока мы не допросим его.

Дождь на мгновение нахмурился, ибо в голове его родилась новая идея, реализации которой освобождение Араны могло только помешать, а затем на его губах заиграла легкая улыбка.

— Да, да, как ты и говоришь, речь идет теперь не просто о краже. Пусть он и не шпион, но с этим необходимо тщательно разобраться, — он вздохнул. — Боюсь, нам придется разочаровать дону Рамона. Печально, конечно, но... Этого испанского мерзавца допроси немедленно. Но сначала без пыток, Сильвестро. И одновременно допроси девушку.

И в тот же день два здоровяка-стражника спустились в мрачную подземную тюрьму Подзи, расположенную под дворцом дожа, и вывели оттуда испанского узника, и так-то не избалованного жизнью, а за сорок восемь часов, проведенных в вонючей камере, превратившегося в комок страха.

Сжавшись, сидел он на деревянной полке, не решаясь заснуть, отбиваясь от полчищ крыс, мечущихся в кромешной тьме камеры. При виде стражников, огромных и страшных в слабом свете фонаря-коптилки, который они принесли с собой, вопль ужаса исторгся из груди Араны. Он принял их за палача и его помощника.

Его как могли успокоили и препроводили наверх, в маленький зал заседаний Тройки.

Инквизиторы уже ждали его, важно восседая в кожаных креслах за полированным столом, Саразин посередине, в красном, двое других по бокам, в черном.

Жалкий, перепуганный, щурясь от света, с черной щетиной на щеках и подбородке, провонявший тюрьмой, Арана дрожал мелкой дрожью, а инквизиторы сурово разглядывали его, не произнося ни слова.

Наконец Саразин прервал затянувшееся молчание. Про кражу упомянул и тут же забыли, так как один из черных инквизиторов совершенно справедливо отметил, что мера наказания не входит в компетенцию особого трибунала. Но Пабло сообщили, что совершенное им правонарушение карается отсечением правой руки или длительным сроком на галерах Республики. Решать, однако, должен суд низшей инстанции, поскольку Совет Трех разбирает более серьезные преступления.

Допрос повел Саразин.

Признает ли Арана, что приехал в Венецию из Милана? Тот признал. Что он делал в Милане и по какому делу приехал в Венецию? Арану предупредили, что запи-

рательство бесполезно, поскольку, чтобы добиться правды, трибунал готов пойти на применение пыток, поэтому лучше сразу говорить все, как есть.

И он рассказал, поминутно призывая всех святых, упомянутых в календаре, в свидетели тому, что не лжет. В Венеции у него не было никаких дел, кроме как охранять сестру, Беатрис Эрикес де Арана, известную как Ла Хитанилья.

Саразин саркастически улыбнулся.

— Ты телохранитель? Остается только пожалеть женщину, которая доверилась твоим заботам. Но это неважно. Мы хотим знать, почему ты не мог охранять ее в Милане?

Он с радостью остался бы в Милане, затараторил Пабло. Но мессер Анджеоло Рудзанте увидел одно из выступлений сестры и уговорил ее пересечь в Венецию, пообещав хорошие деньги.

Саразин погладил двойной подбородок.

— И это все? Подумай хорошенько, прежде чем отвечать. У тебя не было другой причины переезда в Венецию?

Другой причины не было. Он приехал, потому что не мог оставить сестру одну, так как жизнь актрисы полна опасностей. На этот раз он призвал в свидетели святого Хамеса Компостельского, чем вновь позабыл красного инквизитора.

— Я сомневаюсь, что святой Хамес Компостельский покинет чертоги рая, чтобы свидетельствовать за такого подонка, как ты. Но мы вызовем Рудзанте и эту женщину. После того, как мы услышим, что они скажут в подтверждение твоих слов, очередь снова дойдет до тебя, — и он махнул пухлой ручкой. — Уведите его.

Рудзанте, допрошенный Советом Трех в тот же день, подтвердил версию узника. Достаточно образованный, остроумный, он своими показаниями сослужил Пабло неплохую службу.

После Рудзанте перед инквизиторами предстала Хитанилья, которую привел агент трибунала Галлино, тот самый, кто заподозрил ее брата в шпионской деятельности.

Она стояла перед ними, прямая, гибкая, внешне ничем не выдавая охватившего ее страха.

Через вопросы, не имевших никакого отношения к краже, встревожила ее еще больше. Не поддаваясь панике, она отвечала низким, ровным голосом, мелодичностью которого всегда завосвывала зрителей. Но эти трое пожилых мужчин не поддавались ее чарам. Черные инквизиторы по очереди задавали вопросы, от которых веяло адским холодом, в то время как Саразин сидел, пристально разглядывая ее.

На вопросы, что она делала в Милане и почему переехала в Венецию, Ла Хитанилья ответила без запинки. Твердо заявила, что брат не принуждал ее принять предложение Рудзанте, вообще не участвовал в переговорах. Сразу же назвала имена артистов, с которыми выступала в Милане. Затем своими вопросами они вернули ее в Испанию, пожелав узнать, по какой причине они с братом уехали из страны. Скрыть истину ей не удалось, она запуталась, ее уличили во лжи, поэтому пришлось сознаваться, что ее брат бсжал, чтобы не попасть на скамью подсудимых.

Когда же допрос приближался к завершению, раскрылась узкая дверь позади инквизиторов и в дверном проеме возникла одетая в золото фигура. Дождь Республики, Барбариго, прибыл прямо с заседания Большого Совета, в парадном наряде, в золотой шапочке на белокурой голове.

Знаком руки он остановил начавших подниматься инквизиторов, предлагая им продолжать, а сам остался стоять у стены, затворив дверь.

Сам же он внимательно рассматривал свидетельницу, в длинной синей мантилье, с отброшенным на спину капюшоном. В огромных глазах под черными бровями он видел гордость, за которой прятался страх. Чувственный рот, нежный округлый подбородок. Красота красотой, но в женщине чувствовалась благородная кровь. Он, конечно, мог понять, почему дож Рамон де Агилар не мог ей ни в чем отказать, но ему претила сама мысль о том, что такая жемчужина достанется жалкому ничтожеству. Считая себя знатоком человеческой природы, он ясно видел, что даже святому Антонию понадобилось бы собрать в кулак всю силу воли, чтобы не уступить очарованию Ла Хитанильи.

Когда же Саразин отпустил ее с допроса, дож отметил, с каким достоинством эта танцовщица склонила голову, показывая, что слышит его.

И тут дож подал голос.

— Пусть она подождет в приемной.

Едва за ней закрылась дверь, Саразин оглянулся и в изумлении воззрелся на Барбариго. Но увидел не шурина, но дожа, и ничего не сказал. А тот обошел стол и остановился перед инквизиторами.

— Так что вы выяснили?

— Самую малость, — ответил Саразин. — Арана — никчемность, на которую эта женщина растрчивает свою любовь. Он паразитирует на ней, а она ради него пойдет на дыбу, — старший инквизитор взглянул на кол-

лег, которые согласно закивали. — Таким образом, ее показаниям грош цена, но они совпадают с ответами Рудзанте, да и сам Арана говорил то же самое. Но, возможно, Рудзанте и девушке известно далеко не все. Все-таки Галлино — наш лучший агент, и раз у него возникли подозрения...

Но дож прервал его. Ему все стало ясно.

— Неважно. Если вам угодно, можете продолжить расследование, — он помолчал, потирая подбородок. — Значит, ради него она пойдет на дыбу? И у меня создалось такое же впечатление. Под этой внешней холодностью таится жаркое пламя. Обойдемся с ней помягче. Наверное, ей хочется повидаться с братом. Поможем ей в этом.

— Если ваша светлость приказывает, я распоряжусь привести его к ней.

— Нет, нет. Наоборот, отведите ее к нему.

Один из черных инквизиторов ахнул.

— Он же в Подзи, ваша светлость!

Барбариго мрачно улыбнулся.

— Я знаю. Там она и увидит его.

Глава 8

БРАТ И СЕСТРА



Абло де Арана, вновь оказавшись в камере, впал в отчаяние, несравнимое с тем, что терзал его до допроса. Но не прошло и двух часов, как, к его полному изумлению, заскрежетал ключ в замке, приотворилась дверь и за ней возникло желтое пятно фонаря.

Как загнанное в западном животное, он в страхе прижался к стене, а затем, разглядев, кто пришел, подался вперед, к сестре.

Тюремщик поставил фонарь рядом с ней, на верхнюю из трех ступеней, ведущих к каменному полу камеры. Ла Хитанилья спустилась на одну ступеньку, но тут же отшатнулась от чавкающей грязи. Тюремщик громко расхохотался.

— Да, чистота тут не та, что в дамской гостиной. Но он посажен сюда. Мне приказано оставить вас с ним на десять минут.



Гулко хлопнула дверь, брат и сестра остались наедине.

На мгновение в камере повисло тяжелое молчание.

Затем Пабло разлепил губы, прохрипев имя сестры.

— Беатрис!

Из ее глаз брызнули слезы.

— Мой бедный Пабло!

Голос ее оборвался рыданием, лишь разъярившим Пабло.

— Пожалей, пожалей меня, тем более что я очутился здесь по твоей милости. Зачем ты пришла?

— О, Пабло! Пабло! — с упреком воскликнула она.

— Пабло! Пабло! — передразнил Беатрис брат. — Или я не прав? Или ты скажешь, что не по твоему желанию мы переехали в эту проклятую Венецию? Разве нам плохо жилось в Милане? Разве ты недостаточно зарабатывала там?

Упреки брата не удивили Беатрис. Она привыкла получать их за все хорошее, что делала для него. И принимала с тем же смирением, с каким принимала отсутствие в нем мужского характера. Пабло же, как все эгоисты, считал себя жертвой чьих-то козней, никогда не признавая за собой никакой вины.

Но его последний выпад был столь чудовищно несправедлив, что Беатрис решила возразить брату.

— Это неправда, Пабло, — попыталась защититься она. — Подумай! Ты же сам уговаривал меня согласиться на предложение Рудзанте.

— Зная твой характер, твою мнительность, мне не оставалось ничего другого. Ты бы запилила меня, попробуй я возразить.

— Пабло, дорогой, — в ее голосе слышался укор, — я ли украла кинжал?

Но и этот мягкий вопрос вызвал взрыв.

— Тело господне! — взревел он. — Я не крал кинжала. Я его нашел. Как ты смеешь упрекать меня? Мне никогда не пришлось бы продавать его, если б не твои вечные попреки. Виною всему твоя жадность. А теперь я в лапах этих венецианских собак, которые выдвигают против меня Бог знает какие обвинения. О Боже! С рождения мне не везет. Всю жизнь меня преследуют неудачи. Ну почему я должен так страдать? — он обхватил голову руками и застонал от жалости к себе. — Но ты не ответила мне. Зачем ты пришла?

— Инквизиторы разрешили мне навесить тебя.

— С какой целью? Чтобы ты могла порадоваться заботам государства, в которое привезла меня. Они намерены допросить меня. Говорили тебе об этом? Ты знаешь, что это означает? Ты знаешь, как выламывают на дыбе

руки? — он сорвался на крик. — Матерь божья! — и снова закрыл лицо руками.

Жалость, преодолев отвращение, привела ее ступенькой ниже, к самой вонючей жиже на полу. Она попыталась обнять его, успокоить, но он вырвался из ее рук.

— Мне это не поможет.

— Я делаю все, что могу. Я ходила к дону Рамону де Агилару, умоляла его заступиться за тебя, использовать свое влияние, чтобы помочь тебе.

— Дону Рамону? — он поднял голову, в его глазах блеснула надежда. — Дону Рамону! Клянусь Богом, удачная мысль. Из него ты можешь выжать многое. Я видел, как он смотрел на тебя, — он сжал руки Беатрис. — Что он сказал?

— Он предложил мне сделку, — голос ее упал. — Постыдную сделку.

— Постыдную! — он еще сильнее сжал ее руки. В его голосе послышалась тревога. — Какую же? Какую? Что может быть постыднее того, что твой брат сидит в этом аду? Святая дева Мария! До каких же пор ты будешь разыгрывать из себя недотрогу?

Чувствуя, как сжимается она от каждой его фразы, Пабло возвысил голос.

— Только потому, что так разборчива, меня могут вздергивать на дыбу, ломать мне кости, бить кнутом? Понимай совесть, сестра. Ты завлекла меня в эту передрагу. Так неужели ты оставишь меня здесь только потому, что не хочешь поступиться такой малостью?

— Малостью?

— А чем же? В конце концов, от тебя не убудет. И если я действительно хоть немного дорог тебе...

Она прервала Пабло.

— Конечно, дорог. О, господи. Но что я могу сделать?

— Что? Ты знаешь. Ты же не бросишь меня в беде, — в голосе его появилась теплота, он похлопал сестру по плечу. — Бог вознаградит тебя, Беатрис, и я тоже. Вот увидишь, выйдя отсюда, я стану совсем другим. Я буду жить ради тебя. Клянусь. В случае чего, я отдам за тебя жизнь. Еще раз обратись к дону Рамону. Не теряй времени. Ни в чем не отказывай ему, лишь бы он вызволил меня.

Тюремщик открыл дверь, положил конец мольбам Пабло.

— Время, госпожа. Вам пора уходить.

На прощанье Пабло успел добавить несколько фраз. О том, что такой сестры, как у него, ни у кого нет. О том, как он надеется на нее, как верит, что лишь ей по силам вернуть ему свободу.

А потом, волоча ноги, Беатрис поднялась по каменным ступеням. Тяжелая дверь захлопнулась за ее спиной, заскрежетал ключ в замке. Ей казалось, что самое ее душу вывалили в грязи, что покрывала пол камеры. Жалость к Пабло, укоренившаяся привычка защищать его от превратностей жизни боролись с отвращением к нему, вызванным бессердечностью, с которой он требовал от нее пожертвовать своей добродетелью. Оправдание она искала в слабостях его души и тела, усиленных многократно ужасом пребывания в зловонном подземелье.

Глава 9

ПРИМАНКА



а верхней ступеньке тюремщик удивил Беатрис, объявив, что его светлость ожидает ее. Галерея, парадная лестница с украшенными фресками стенами, еще одна галерея, залитая солнцем, резные, с позолотой двери. Короткая задержка в приемной, и ее ввели в сверкающий золотом тронный зал дожа, из готических окон которого открывался прекрасный вид на бухту Святого Марка и стоящие в ней на якоре корабли.

Там встретил ее Барбариго, не в золотом парадном наряде, но разодетый в алое, черное, серебристое.

В благоговении взирала она и на дожа, и на тронный зал.

Барбариго галантно подвинул ей стул.

— Пожалуйста, присядьте, — от него не укрылись ни запавшие глаза, полные ужаса от посещения подземелья, ни вымазанные грязью туфли и подол платья.

— Как будет угодно вашей светлости, — Ла Хитанья села и застыла со сложенными на коленях руками.

Дождь остался на ногах.

— Вы виделись с братом?

— Да.

Он вздохнул.

— Сожалею, что визит этот причинил вам боль. Такое зрелище не предназначено для женских глаз. Тяжелое испытание выпало на вашу долю. И поверьте мне, я хотел бы снять это бремя с ваших хрупких плеч.

— Благодарю вас за участие, ваша светлость, — с усилием над собой произнесла Ла Хитанья. Этот человек пугал ее. Под внешней элегантною, легконою движений, бархатным голосом она улавливала злобу и коварство.

— Он агент миланского...

— Это ложь, — взвилась Беатрис. — Беспочвенное подозрение. Оно ни на чем не основано. Пустые слова.

— Вы мне это гарантируете?

— Клянусь вам.

— Я-то вам верю, — но радость ее была преждевременной. — К сожалению, убедить государственных инквизиторов гораздо сложнее. Они могут подвергнуть его пытке. Если он выдержит ее, останется кража. Ему могут отсечь руку. Правда, сейчас на галерах Республики ощущается нехватка рабов-гребцов, поэтому руку ему скорее всего сохранят, и до конца дней он будет махать веслом.

Она вскочила, побелев от гнева.

— Как я понимаю, ваша святость насмехается надо мной.

— Я? — изумился дож. — Святой Марк! Мне-то казалось, что я на такое неспособен. Нет, нет, — рука его надавила ей на плечо, предлагая снова сесть. — Наоборот, — он отошел на несколько шагов, повернулся к ней. — Я послал за вами, чтобы предложить вам свободу вашему братцу, — она промолчала, но впилась в него взглядом. А дож, выдержав паузу, продолжил: — Не задаваясь вопросом, виновен он или нет.

Беатрис продолжала молча сверлить его взглядом, но в душу ее уже закралось подозрение. Дождь вернулся к ней, чуть улыбнулся.

— Тем самым я могу рассчитывать на вашу благодарность.

— Разумеется, мой господин, — прошептала она.

— И докажете вы мне ее не на словах, а на деле?

По ее телу пробежала дрожь, на мгновение она закрыла глаза. В голосе дождя ей слышались интонации дона Рамона. Ее передернуло от отвращения.

— Ну почему, почему я всегда слышу одно и то же? Да, жизнь заставляет меня петь и танцевать на радость людям, но это не означает, что от меня можно требовать чего угодно. Ну почему мне отказывают в добродетельности?

Дождь продолжал улыбаться.

— Вы слишком торопитесь. Если б не ваша добродетельность, я бы не обратился к вам с этим предложением. Вы, естественно, осознаете, что очень красивы. Однако красота еще не все. Только в сочетании с умом и аристократической гордостью, охраняющей вашу добродетель и позволяющей вам оставаться чистой среди всей этой грязи, ваша красота становится неотразимой для любого мужчины, на котором вы остановите свой выбор.

Беатрис смутилась.

— Я вас не понимаю.

— Еще поймете. Я прошу вас послужить не мне. Государству. Слушайте. При Испанском королевском дворе, в Кордове, или в Севилье, или где-то еще, отирается один авантюрист, обладающий картой, на которую у него нет никаких прав. С помощью этой карты и прилагаемого к ней письма авантюрист, о котором я веду речь, может причинить немалый вред Венеции. Достаньте мне карту и письмо, а взамен вы получите жизнь и свободу брата.

Ее глаза широко раскрылись, лицо побледнело.

— Взамен? Но каким образом я их достану?

— От вас требуется лишь желание. Все остальное уже есть. Такая красота, как ваша, открывает путь к сердцу любого мужчины, а тот человек, насколько мне известно, далеко не отшельник.

Отвращение вновь охватило ее. В конце концов, в своем предложении дож ничем не отличался от доня Рамона. Цена, которую ей предлагали заплатить, оставалась неизменной. А в ее ушах стояла мольба Пабло.

— Но как я найду этого человека? Как попаду к Испанскому двору? — схватила Беатрис за последнюю соломинку.

— Это наша забота. Вам помогут, вы получите в свое распоряжение значительные средства. Что вы на это скажете?

Она заломила руки. Губы ее дрожали. Она-то думала, что цена останется той же, но теперь поняла, что к ней добавляется и предательство.

Пристально наблюдая за Ла Хитанильсой, дож повторил: "Так что вы на это скажете?"

— Нет! — она вскочила. — Не стоило и просить меня об этом. Стать приманкой! Это позор.

Барбариго раскинул руки.

— Не буду настаивать. Если я оскорбил вас, извините меня. Я лишь хотел принять участие в этом деле, облегчить участь вашего брата.

— Милосердный Боже! — простонала она. — Неужели в вас нет ни капли жалости ко мне?

— Если бы я мог даровать вам жизнь и свободу вашего брата, он уже был бы с вами. Но даже дож не может преступить закон, если только не докажет, что делает это ради укрепления государства. А без этого, боюсь, ваш брат станет галерником, если, конечно, трибунал не сократит время его мучений, приговорив к удушению.

Крик невыносимой боли вырвался из нее.

— Матерь небесная, помоги мне! Скажите мне, что я должна сделать, мой господин. Скажите мне больше. Скажите мне все.

— Разумеется. Разумеется, вам все скажут. Своевременно. Сейчас вам известно достаточно, чтобы принять решение.

— А если я соглашусь, но потерплю неудачу? — чувствовалось, что она уже сдалась. — Я даже не знаю, возможно ли то, о чем вы меня просите. Вы же мне ничего не рассказали.

Дождь не заставил себя упрашивать и, вероятно, рассказал ей что-то очень важное, потому что дон Рамон де Агилар, появившись, по своему обыкновению, вечером в Сала дель Кавальо, не увидел на сцене Ла Хитанильи. И от Рудзанте он не добился ничего вразумительного. Тот лишь заверил графа, что Ла Хитанильи в его театре больше нет и он не знает, когда она вернется.

В растерянности дон Рамон пришел следующим утром к дождю, чтобы выяснить, как решился вопрос с Пабло де Арана.

Его заставили долго ждать в приемной, что не способствовало улучшению настроения посла.

Он нетерпеливо мерил приемную шагами, когда из-за двери показался разодетый толстяк с выпученными глазами и поклонился ему. Дону Рамону уже доводилось встречать этого человека по фамилии Рокка, корчившего из себя важную персону, но на самом деле служившего в Совете Трех, поэтому он с высоты своего положения не считал нужным отвечать на приветствие.

Но Рокка направился прямо к нему.

— Меня послали за вашим высочеством. Его светлость примет вас немедленно.

Бормоча про себя проклятья, дон Рамон последовал за агентом Совета Трех.

Дождь ничем не порадовал его.

— К сожалению, мой друг, в деле Пабло де Арана я не в силах вам помочь. Выдвинутые против него обвинения не ограничиваются только кражей. Этот несчастный передан инквизиторам, — дон Рамон понял, что последней фразой дождь объясняет присутствие при разговоре агента Совета Трех. — В их действия не может вмешиваться даже дождь. Между прочим, они потребовали от его сестры незамедлительно покинуть Венецию. И я полагаю, что ваш интерес к его персоне быстро угаснет. Во всяком случае, надеюсь на это.

На прощание Барбарито мило улыбнулся, но испанец еще долго гадал, то ли в последних словах дожда

проскользнула насмешка, то ли ему это почудилось от злости.

Глава 10 СПАСЕНИЕ



Кристобаль Колон слонялся по своей комнате над мастерской марана-портного Бенсабата, перебирая в памяти события прошлого и размышляя о будущем. От последнего он уже не ждал ничего хорошего.

Май подходил к концу, и белокаменный город Кордова купался в жарких лучах андалузского солнца. Еще несколько дней, и горы, подступавшие с севера, побелеют от цветущих апельсиновых деревьев, а в садах Алькасара зацветут гранаты.

Через открытое окно до него долетал уличный шум: треньканье колокольчиков мула, крики водоноса, детский смех, жужжание прялки.

Всем недовольный, он улегся на кожаный диванчик. Скромная обстановка комнаты указывала, что ее обитатель не из богатей. Кровать в нише, задернутой выцветшей портьерой. Дубовый стол посередине комнаты на голом полу. Гладильная доска, прислоненная к стене. Небольшой сундучок под окном. Пара стульев с высокими спинками.

Выбеленные стены украшала овальная картина в бронзовой раме. Изображала она деву Марию, с золотистыми волосами, белоснежной кожей, в очаровании юности. Картину эту Колон купил много лет назад в Италии, и она всюду путешествовала с ним. Нарисовал ее Алессандро Филиппи, более известный как Боттичелли. Иногда, в молитве, Колону казалось, что дева Мария на картине оживает, вслушиваясь в его слова.

Мрачно вглядывался он в низкий потолок комнатки, столь не соответствующей его честолюбию. Куда уютнее он чувствовал себя во дворцах. Хотя, по правде говоря, после возвращения двора в Кордову он редко появлялся в Алькасаре. Придворные подталкивали друг друга, когда он проходил мимо, как, впрочем, и восемнадцать месяцев назад, когда он впервые предстал перед очами короля и королевы, но теперь эти подталкивания сопровождались насмешливыми улыбками. Он устал от этих улыбок. И начал спасаться, что в какой-то момент не выдержит и как следует отделает одного из этих улыбающихся без-

дельников. Из-за этого, да и потому, что наряды его изрядно пообтрепались, он потерял всякий интерес ко двору, занятому войной с маврами, политическими интригами с Францией, подготовкой к изгнанию сврссв и не имеющему ни единой минуты, чтобы обдумать его заманчивое предложение.

А не поставить ли точку, подумалось ему. Утром Китанилья прислал ему ежеквартальное пособие, так что он мог купить себе мула и отправиться во Францию, чтобы попытаться счастья там. Но кто бы гарантировал, что во Франции его не ждет новое разочарование? Ничего другого он пока не видел. Все силы зла поднялись на борьбу с ним, возводя на пути к желанной цели преграду за преградой. Огорчится ли кто-нибудь, если он уйдет? Скорее всего двор даже не заметит его отсутствия.

Тут он, однако, возразил сам себе. По крайней мере, двое будут сожалеть о таком решении: Сантанхель, не оставляющий его без поддержки, и маркиза Мойя. При мысли о маркизе перед ним возникло ее лицо, улыбка на влажных алых губах, огромные глаза, бархатистая кожа. Чувственная женщина, на груди которой он мог бы забыть о бесконечной череде неудач. Но прочная стена отделяла их друг от друга. Стену, конечно, он мог и сломать, но, открыв дорогу к сердцу маркизы, он лишился бы благоволения королевы. Так что не оставалось ничего иного, как только мечтать о юной красавице.

Скрип ступеней прогнал ее образ. словно она убежала, боясь незваного гостя. В дверь постучали. Не поднимаясь с дивана, Колон крикнул: "Входите", — и повернулся к двери, чтобы посмотреть, кто пожаловал.

В следующее мгновение он уже вскочил, ибо дверной проем заполнила массивная фигура дон Луиса де Сантанхеля, сопровождаемого стариком Бенсабатом.

Канцлер переступил порог, дверь закрылась, и от роскоши его наряда маленькая комнатка стала еще более бедной и голой.

— Вы прячетесь от всех, Кристоаль, — в голосе дон Луиса слышался упрек.

Колон пожал протянутую руку.

— Лучше сидеть дома, чем выставлять себя на потеху обезьян.

— Обиделись, да? — улыбнулся дон Луис.

— Без всякой на то причины, скажете вы.

— Нет, нет, причины на то были. Но у меня для вас новости.

— Король и королева отправляются в Гранаду, они решили начать войну с Францией, собственной персоной

будут присутствовать на поединке золота Абарбанеля с дыбой и костром фрея Томаса де Торквемады. Видите, я и так все знаю.

Сантанхель покачал головой.

— Знаете, но не все. Ваш друг, фрей Диего Деса, прибыл ко двору. Он справился о вас и учинил королевск скандал. Он решился с прямотой доминиканцев упрекнуть ее, что она забыла о вас, хотя обещала совсем другое. Маркиза поддержала его, и вдвоем они так нажали на Ее величество, что в Саламанку отправили курьера. Он привезет ученых, чтобы те вынесли решение по вашей теории. Для вас это новость, не так ли?

— Новость, и чудесная. Впрочем, теперь чудо требуется и от меня. Как иначе добиться того, чтобы слепые увидели свет.

— Я думаю, вам это по силам, — Сантанхель опустился на диван, Колон остался на ногах. — Как я и говорил, Деса справлялся о вас. Неразумно пренебрегать таким верным другом.

— Я слишком долго отирал стены приемных. В мире, где о человеке судят по одежде, мне просто стыдно выходить на люди.

— Об этом я позаботился. Бенсабат шил вам такой наряд, что вам будет завидовать весь двор. Ну что вы так рассердились. Меня же по праву считают вашим другом, а друзья высшего сановника государства и должны выглядеть соответственно. Уж простите, что я сделал это без вашего ведома.

— Если наряд шит для меня, то, клянусь святым Фердинандом, я и заплачу за него.

— Если будете настаивать, то заплатите. Из сокровищ Индий, по возвращении. Помогите мне Господи. Неужели ваша гордость не позволяет принять подарок от старика, который любит вас?

Колон смутился.

— Я и так в огромном долгу перед вами.

— За что? С моей стороны вы не видели ничего, кроме веры в вас.

— Разве этого мало? Кто еще может похвастаться тем же?

— Я могу назвать одного или двух. А теперь вот ради вас Диего Деса ставит под угрозу свою репутацию. Этот добрый человек борется не только за вас. Ревностный христианин и доминиканец, он тем не менее маран. Он надеется, что открытие Индий и богатства, которые потекут оттуда, приостановят преследование евреев, — чувствовалось, однако, что в последнем Сантанхель

сильно сомневается. — Вы должны встретиться с ним завтра в Алькасаре. Нельзя отказываться от его поддержки.

— Вы помогаете мне из того же сострадания к евреям?

— Даже если и так, причина эта куда как веская.

Колон, конечно, понимал, что только грубиян или круглый дурак мог не поблагодарить того, кто вызволил его из забвения, поэтому следующим утром он появился в древнем мавританском дворце в великолепии черной и золотой парчи. Роскошный наряд придал ему сил, и он словно и не замечал удивленные взгляды придворных.

Впрочем, насмешники скоро прикусили языки и задумались, а не поспешили ли они, увидев, как беседует с ним влиятельный доминиканец, наставник принца.

Диего Деса, небольшого роста, с выпирающим животиком, с венчиком каштановых волос вокруг тонзуры, часто моргая близорукими глазами, заверил Колону, что долгое ожидание близится к концу.

Колоня он оставил в прекрасном расположении духа. Один тот пробыл недолго. Двое мужчин подошли к нему. Граф Вильямарга, высокий худощавый, в черном плаще с вышитым красным мечом, рыцарь ордена святого Хамеса Компостельского, и крупный, цветущего вида мужчина со светлыми волосами и синими, чуть навывкате глазами, которого граф представил как мессера Андреа Рокка, только что прибывшего к Испанскому двору из Венеции.

Их общество ни в малой степени не привлекало Колону, но он не нашел предлога откланяться, так что из вежливости ему пришлось стоять и поддерживать разговор ни о чем. Несколько минут спустя граф Вильямарга покинул их, остановив взмахом руки проходящего мимо курьера.

— Извините, но я должен кое-что передать дону Игнасио.

Едва они остались вдвоем, венецианец перешел на итальянский.

— Негоже итальянцам говорить на чужом языке. Тем более что с испанским я еще не в ладах, — под суровым взглядом Колоня он рассмеялся. — Я надеялся, что вы вспомните меня, мессер Кристофери, но вижу, что напрасно. Впрочем, почему вы должны меня помнить? Моя роль в той истории была совсем маленькой, тогда как вы стали ее героем. Я говорю о морском бое в Тунисе, десять лет назад, когда ваша решимость и мужество привели к разгрому турецкой эскадры.

— Вы участвовали в том сражении?

Рокка вздохнул и улыбнулся.

— И вы спрашиваете об этом! Я служил под командой капитана Ламбы, еще одного великого генуэзца. Потом я часто думал о вас. Мне хотелось знать, как идут ваши дела. Представляете себе мое удивление, когда я увидел вас здесь. И Вильямарга рассказал мне о задуманной вами великой экспедиции. Как же я завидую тем, кто поплывет с вами. Какое счастье — стать участником этого незабываемого путешествия. Какая честь служить под командой такого капитана!

Колон попытался прервать поток лести.

— Пока мне еще надо убедить в этом мир.

— В вас говорит скромность, сеньор. За вами пойдут без оглядки.

— Я имел в виду корабли. Заполучить их труднее.

— Корабли? — венецианец фамильярно взял Колону под руки и увлек к оконной нише. — Из слов Вильямарги я понял, что их величества готовы дать вам корабли. Но, если есть возможность принять участие в вашей экспедиции... Что ж, сеньор, я не слишком богат и не хотел бы упустить шанс умножить свое состояние. У меня хватит денег, чтобы снарядить один корабль. И таких, как я, будет много.

Он помолчал, пристально наблюдая за реакцией Колона. А тому вспомнился Пинсон, обратившийся к нему в Ла Рабиде с аналогичным предложением. Пожалуй, дела Рокка тут попал в точку.

Ответил он венецианцу точно так же, что и Пинсону. Такая экспедиция невозможна без поддержки короны. И прежде чем они продолжили беседу, заиграли трубы, возвещая о прибытии королевы Изабеллы и короля Фердинанда.

Распахнулись двойные двери в конце зала, и их величества вошли, предшествуемые гофмейстерами. Король Фердинанд, весь в темном, в темной же шапочке на светлых волосах, сопровождаемый высоким, элегантным кардиналом Испании, толстяком-герцогом Мединским и Эрнандо де Талаверой, и королева Изабелла, в золотом с красным, в сопровождении маркизы Мойя и пышногрудой герцогини Мединской. Мальчик-паж нес шлейф платья королевы.

Медленно шли они мимо придворных, обращаясь к некоторым из них. На этот раз Ее величество заметила и Колону.

— А, сеньор мореплаватель, в последнее время мы постоянно думаем о вас. Вы ждали долго, но вскорости ждите от нас известий.

Колон низко поклонился.

— Я целую ноги вашего величества.

С трудом ему удалось ничем не выдать охватившее его ликование. А проходившая следом за королевой маркиза Мойя одарила его теплой улыбкой. И отличного настроения Колон не испортил даже суровый взгляд, брошенный на него Талаверой.

Рука Рокки легла на его плечо.

— Слово от королевы, улыбка от самой очаровательной дамы при дворе. Только не говорите, что вас тут не ценят.

Колон только рассмеялся, не ждая вспоминать о недавнем прошлом.

Глава II

АГЕНТЫ



лучшем номере лучшей гостиницы Кордовы пышущий здоровьем, разодетый мессер Рокка докладывал о своих успехах.

— Я засыпал его комплиментами, а он в своем самодовольстве словно и не заметил их. Чего я только ему не наговорил, — и он принялся цитировать самого себя. — “Моя роль в той истории была маленькой, тогда как вы стали ее героем. Я говорю о морском бое в Тунисе, десять лет назад, когда ваши мужество и решимость привели к разгрому турецкой эскадры. Как я завидую тем, кто поплывет с вами. Какое счастье — стать участником этого незабываемого путешествия. Какая честь служить под командой такого капитана”. — Он замолчал, переводя дух. — Потом я предложил снарядить корабль для участия в его экспедиции. Если б он клюнул на это, я мог бы попросить его показать карту, и тогда, возможно, мы бы нашли кратчайший путь к нашей цели.

Он ожидал услышать аплодисменты, но их не последовало. Его единственный слушатель, низкорослый, с квадратными плечами мужчина, более всего похожий на огромную обезьяну, привык ругаться, а не говорить комплименты. Его костистое, загорелое лицо напоминало маску. Маленькие блестящие глазки буравили собеседника.

— К черту эти тонкости. Мы получили четкие указания и должны их выполнять.

Рокка, однако, гнул свою линию.

— Я и содействовал их выполнению. Теперь, когда я втерся к нему в доверие, остальное проще простого. Кровь у него горячая, я в этом убедился. Разумеется, мы будем следовать полученным указаниям. Но прямой путь

может оказаться куда как короче. Шесть дюймов металла между ребер темным вечером, и...

— И все пойдет прахом, если карты у него не окажется. Первым делом необходимо выяснить, где она. Он может хранить ее у канцлера, как в Лиссабоне. В этом случае Беатрис должна уговорить его забрать карту и принести ее домой. Если же карта и сейчас в его доме, тогда мы можем пойти прямым путем, как ты и предлагаешь. Но сначала мы должны знать наверняка, где она. Один неверный шаг, и мы все погубим, потому что он и так настороже после неудачного покушения в Лиссабоне. Мессер Саразин ясно дал понять, человек этот — тыфу, главное — карта. И не след тебе забывать об этом.

— Я же сказал, мы в точности будем следовать полученным указаниям.

— Именно этого от нас и ждут.

— Но мы можем не успеть. Время поджидает. Мессер Саразин как-то не придаст этому значения, а зря. Сегодня я узнал от Вильямарги, что их величества вот-вот ускорят решение дела. Они вызвали ученых докторов из Саламанки, чтобы те высказали свое мнение.

На мгновение собеседник Рокки встрепенулся, но тут же вновь расслабился.

— Королевская комиссия? И ты говоришь мне, что у нас мало времени? Ба! Королевские комиссии ползут к цели, как улитки, и никогда не достигают ее. Комиссия — благо для нас.

— Рад это слышать.

— Сказанное не означает, что мы должны медлить. Так какие отношения установились у тебя с этим мореплавателем?

Делла Рокка выложил ему все в мельчайших подробностях.

— Хорошее начало, — кивнул мужчина. — А теперь пару дней надо подождать, — говорил он властно, каждое свое слово расценивал как приказ, ибо его, Галлиаццо Галлино, лучшего агента Совета Трех, назначили руководителем всей операции. В помощники ему Саразин назначил Рокку. Пару он подобрал удачно, потому что каждый из них обладал теми качествами, которых не доставало другому. Рокка, любящий красиво одеться, легко сходящийся с людьми, с манерами аристократа, в светском обществе чувствовал себя, как рыба в воде. Галлино не доставало внешнего лоска, зато он обладал большим опытом и не раз доказывал, что ему по силам дела, о которых инквизиторы предпочитали не говорить вслух.

Рокка согласно кивнул.

— Как скажете. — И тут же добавил: — А как наша девушка?

— Она обо всем договорилась с ее мавром, как, собственно, и ожидалось. Она работала у него раньше и привлекала посетителей в его харчевню. Он рад, что она вернулась.

— Прекрасно. А что у нас на обед?

Они еще сидели за столом, когда в их номер зашла Ла Хитанилья,

Вошла она без стука, да и они не потрудились встать, чтобы приветствовать ее. Легкой походкой девушка направилась к столу, откинула капюшон, скрывающий лицо, расстегнула и сняла длинный плащ, села.

Простое черное платье еще более подчеркивало бледность ее щек. Под карими глазами появились черные мешки.

— Галдино сказал мне, что вы уже устроились.

Ла Хитанилья кивнула.

— Все оказалось не так просто, как я предполагала. Многое изменилось с моего последнего приезда в Кордову. Святая палата все более косится на морисков¹ и маранов, и Загарте очнь боится доминиканцев. Так что теперь он ставит только те спектакли, которые могут прийтись по вкусу Святой палате. Вроде "Мученичества святого Себастьяна". Когда я предложила выступить в перерыве между действиями, он чуть не лишился чувств от ужаса, — она невесело рассмеялась. — Но, в конце концов, не смог устоять перед редкой возможностью заработать приличные деньги. В Кордове полно солдатни, и они повалят валом, чтобы посмотреть, как я пою и танцую. На Себастьяна-то никто и не ходит, а те, что заглядывают в харчевню, мало едят и еще меньше пьют. Сначала, правда, он мне отказал.

— Отказал? — воскликнул Рокка. — Но...

— Дайте мне договорить, — прервала его Ла Хитанилья. — Я помогала ему преодолеть сомнения. Я стану участницей его спектакля. Буду исполнять роль Ирены, юной христианки, которая спасает Себастьяна от гибели, сама принимая мученическую смерть. Я заменю мальчика, играющего сейчас эту роль.

На лице Рокки отразилось недовольство.

— Зачем нам этот монашеский спектакль?

— Монашеский? Я буду петь и танцевать. Что в этом монашеского?

— В "Мученичестве святого Себастьяна"?

¹ Крещенные мусульмане.

— Такая возможность есть. Я буду петь над телом Себастьяна, под мелодию “Debaño de mi Veniano”, которую так любили в Венеции.

Глаза Рокки выкатились из орбит.

— Девочка моя, да ты закончишь на костре.

— Слова станут моей защитой. Не волнуйтесь. Да и танец мой будет более чем богопристойным.

— Благочестие в танце! — Рокка испугался еще больше. — Святость в аду!

Ла Хитанилья рассмеялась.

— В Испании мы ухитряемся совместить несовместимое. Вам следует посмотреть, как танцуют на страстной неделе перед алтарем в кафедральном соборе Севильи.

Галлино ухмыльнулся.

— Сумасшедшая страна, в которой возможно и такое безумство. Продолжай в том же духе.

— Пока у Святой палаты нет никаких претензий к Загарте. Так что и вам волноваться не о чем. А вот Колон... Что он за человек?

Ответил ей Рокка.

— Вспыхивает, как сера. При дворе шепчутся, что он пытался покорить прекрасную маркизу Мойя, но потерпел неудачу. Женщин он не чурается. Так что работа вам предстоит легкая.

— Легкая? — недоверчиво переспросила она.

— Да, да. В руках такой, как вы, он будет таять, словно воск.

Ла Хитанилья продолжала хмуриться, глядя на все-ское лицо Рокки.

— Я намерена предложить Загарте новую мистерию. Историю Самсона. Для филистимлянки Далилы танец будет более естественным, чем для Ирены. В танце она будет соблазнять Самсона.

— Прекрасно! — вскрикнул Рокка. Горечь в ее голосе осталась для него незамеченной. — Блестящая мысль. Именно это нам и нужно.

Галлино, однако, тут же охладил его энтузиазм.

— Идиот, она же смеется над тобой.

Улыбка сразу сбежала с лица Рокки.

— Нет, сеньоры, — Ла Хитанилья покачала головой. — Если я и смеюсь, то только над собой.

Галлино смерил ее суровым взглядом.

— В таком настроении не следует браться за работу.

— Если я сделаю все, о чем вы просите, что вам до моего настроения? — возразила девушка. — Дайте мне выпить.

Галлино налил ей вина, которое она разбавила водой из керамического кувшина.

Глава 12
У ЗАГАРТЕ



сопровождении говорливого мессера делла Рокки Колон гулял по садам Алькасара.

Тень, отбрасываемая цветущими апельсиновыми деревьями, защищала их от жарких лучей андалузского солнца.

Венецианец старался все более расположить к себе Колона. С лестью он не перегибал, зато с присутствием ему красноречием критиковал придворных, столь мало внимания уделяющих его спутнику. И Колон, окрыленный новой надеждой, принимал его речи тем более благосклонно, что делла Рокка пообещал снарядить корабль для экспедиции в Индии.

Потом разговор перекинулся на другие темы, от путешествий к границам известного мира, ведущихся военных действий до обычаев Испании и особенностей жизни в этой стране. Вполне естественно, что мессер Рокка, большой любитель наслаждений, вспомнил и об испанских женщинах.

— В их жилах смешалась кровь Востока и Запада, создав совершенство, смертельно опасное для таких, как мы, мужчин из других стран.

— Не более они опасны, чем все женщины, — возразил Колон. — Они всегда баламутят спокойствие души мужчины.

Рокка доверительно взял Колона под руку.

— Только когда не хотят потакать нашим желаниям. А вот в этом обвинить испанских женщин я не могу.

— Естественно, раз вы находите их более очаровательными, чем живущих в иных краях.

— А вы нет? Если так, позвольте мне обратить вас в свою веру. Здесь, в Кордове, я знаю жемчужину, с которой едва ли кто сравнится за пределами Андалузии. Вы бывали в харчевне Загарте? Нет? А давно вы в Кордове? Впрочем, это неважно. Сегодня мы можем убить двух зайцев. Во-первых, вкусно поужинать, а во-вторых, посмотреть спектакль, который ежедневно играет у Загарте. Моя жемчужина исполняет в нем главную роль.

Так что во второй половине дня Рокка и Галлино, которого представили Колону как соотечественника и купца, повели последнего по Калье де Альмадовара, вдоль череды выкрашенных в белое домов с высокими заборами и коваными воротами. Через них виднелись тенистые дворики с фонтанами. Окна домов, выходящие на улицу, были забраны решетками, балкончики радовали глаз разнообразием цветов.

Вокруг шумела улица. Толпился простой люд, среди которого прокладывали дорогу добротные одетые купцы и гордые идалго. По мостовой, весело позванивая колокольчиками, шли груженные дровами мулы. Юноша вел на веревке осла с двумя бочками воды, оглушая прохожих криками: "Вода! Кому воды?" Девицы в ярких шалях с жаркими глазами заговаривали с проходящими военными, благородные дамы с наброшенным на голову капюшоном старались не привлекать к себе внимания. Каждую сопровождала дуэнья или паж в диврсе.

Пробираясь сквозь толпу, Колон и венецианцы подошли к харчевне Загарте. Стену украшал золоченый щит с виноградной гроздью. Кучка горожан стояла у ворот, осаждаемая нищими. Рокка локтями проложил путь к воротам, не обращая внимания на недовольные взгляды. Привратник, завидев венецианца, гостеприимно распахнул воротину, а из глубины харчевни к ним уже спешил сам Загарте, маленький смуглый мориск с пронзительным взглядом, остреньким носиком и широким ртом, в белой рубашке и белом же фартуке, под которым скрывалась прочая одежда.

Он низко поклонился Рокке, заверил, что приготовил для его светлости лучший кабинет. И, если гости позволят, он сам отведет их туда. Загарте выразил надежду, что спектакль им понравится. Другие придворные, почтившие его своим присутствием, высоко отзывались об игре актеров и самой постановке.

Непрерывно тараторя, сверкая ровными белыми зубами, Загарте вел их по просторному двору, укрытому зеленым пологом от прямых лучей солнца. Подмости для актеров соорудили в конце двора. К ним вплотную примыкали дюжина или больше рядов скамей, на которых уже сидели зрители. Часть их, что победнее, стояли за скамьями. Напротив подмостков вдоль второго этажа тянулась открытая галерея со столиками для обедающих. В побеленных боковых стенах на первом и втором этажах темнели окна отдельных кабинетов, всего их было восемь, для тех, кто желал пообедать в уединении и мог себе это позволить. В один из этих кабинетов, на первом этаже, у самой сцены, мориск и ввел своих гостей. Посередине комнаты стоял большой стол для гостей с четырьмя стульями. Еще один столик, для посуды, притулился у стены.

Черноволосая, с цыганскими чертами девушка в ярком платье помогла Загарте перенести стулья поближе к окну. На столике у стены появился графин вина и три чашки. Получив заверения в том, что дорогим гостям по-

ка больше ничего не нужно, Загарте и девушка покинули кабинет.

Через окно они смотрели на оживленно беседовавших в ожидании начала представления зрителей. В трех других окнах первого этажа Колон видел дам и кавалеров, которых неоднократно встречал при дворе. Из этого он сделал вывод, что ничуть не уронил своего достоинства, приняв приглашение Рокки, поскольку и другие придворные не считали зазорным появляться у Загарте.

Рокка болтал без умолку, Галлино, наоборот, молчал, не обращая внимания на говорливого соотечественника. И Колон даже задался вопросом, а с какой стати привели сюда этого зануду.

Наконец раздались удары гонга, требующие тишины, зрители приумолкли, и спектакль начался.

На сцену вышел высокий воин в сверкающих доспехах и, подбоченясь, объявил, что он — центурион императорской гвардии, звать его Себастьян, он — любимчик императора Диоклетиана и боги так благоволят к нему, что в недалеком будущем он, несомненно, станет трибуном.

Один из первых христиан, в серой монашеской рясе, то ли святой Пстр, то ли святой Павел, услышал молодого воина и, выйдя вперед, громовым голосом объявил, что тот поклоняется ложным богам.

В последующей стычке Себастьян, поначалу чуть ли не с мечом набросившийся на старика монаха, понемногу начал прислушиваться к истинам, им изрекаемым, а затем упал на колени, умоляя обратить его в христианскую веру.

Под рукой у монаха оказалось ведро с водой, и он окропил центуриона, совершив обряд крещения. Вот тут-то на сцену выскочил толстяк в красной тоге, с браслетами на руках. Его сопровождали два солдата. Назвавшись императором Диоклетианом, толстяк с руганью набросился на Себастьяна, призывая того вернуться в лоно богов Рима. Зрители, вдохновленные ясными и точными ответами Себастьяна, не оставлявшими ни малейшего сомнения в его правоте, ахнули, когда разъяренный Диоклетиан приговорил Себастьяна к смерти.

Еще шесть солдат появились на сцене по зову императора. С центуриона сорвали доспехи и привязали его к столбу, спиной к зрителям. Половина солдат остались рядом, охранять мученика, другая половина, выстроившись в шеренгу перед ним, по очереди выстрелили в него из арбалетов, чем вызвали негодование зрителей. Правда, осталось не ясно, чем же они возмущались, то ли приказом императора, то ли из-за того, что не видели, как

стрелы вонзались в жертву. Себастьян лишь вздрагивал после попадания очередной стрелы и все сильнее обвисал на веревках. Наконец, возвестив присутствующим, что подобная участь ждет каждую христианскую собаку, Диоклетиан увел солдатню со сцены.

Пронзенный стрелами центурион недвижно висел на веревках, когда до зрителей донесся перезвон гитарных струн, к которому присоединился голос, женский голос, нежный и мелодичный. Женщина пела что-то радостное и веселое, и зрители, замороженные голосом, напроочь забыли о Себастьяне и его мучительной казни.

Певица пропела два куплета, прежде чем показалась на сцене. На мгновение застыла, продолжая петь, в белом платье, обтягивающем ее точеную фигурку, с гордо отброшенной назад головой. У мужчин даже перехватило дыхание. А потом ее блуждающий взгляд остановился на мученике, и песня оборвалась криком ужаса. Певица мгновенно преобразилась. Только что она не могла нарадоваться жизни, теперь же ее переполняли жадость и печаль, и зрители сразу же вспомнили о трагедии, случившейся на их глазах до появления певицы.

Она бросилась вперед, развязала веревки, Себастьян отделился от столба и рухнул на спину. Теперь все видели торчащие из его тела арбалетные стрелы. Девушка отложила гитару, склонилась над поверженным мучеником, одну за другой вынула стрелы, перевязала воображаемые раны. Не поднимаясь с колен, потянулась за гитарой. И вновь ее голос очаровал зрителей. Пела она страстную любовную песенку, которой недавно очаровывала всенцианцев, но слова разительно изменились: песня стала плачем скорби христианской девы над телом мученика.

То ли зрителей задела за живое песня, то ли голос и очарование певицы, но они не успокоились, пока она не спела песню еще раз.

Раны Себастьяна оказались не смертельными, а может, песня, совершив чудо, оживила его. Зрители, спроси их, склонились бы ко второму объяснению, но так или иначе Себастьян сел, чтобы поблагодарить и благословить свою спасительницу.

Она едва успела сказать, что зовут ее Ирена и она — христианская девственница, когда на сцену, перепугав зрителей, ворвался пышущий яростью Диоклетиан. Себастьяна уволокли прочь, чтобы покончить с ним более надежными средствами, а Ирене предложили выбор: разделить его судьбу или принести жертву языческим богам. Учитывая, что она певица, Диоклетиан предложил

ей воздать должное Аполлону. Тут же солдаты выволокли на сцену деревянный алтарь, а в руки Ирене сунули дымящее кадило.

Она постояла перед императором, пока тот расписал в подробностях все ужасы, ожидающие ее в случае отказа. Затем, не выпуская из рук кадила, она начала танцевать сарабанду, как бы в испуге перед мученической смертью. Двигалась она очень медленно, переходя от одной позы к другой, символизирующей страх и ужас, но танец набирал скорость, и скоро она уже кружилась по сцене, с грацией, достойной того, чтобы вдохновить Фидию. И резко остановилась перед алтарем, швырнула кадило в лицо Аполлону, после чего рухнула у ног Диоклетиана. Император подтвердил, что она мертва, пожалел, что христианский Бог лишил его законной добычи, и высказал мысль о том, что не является ли происшедшее свидетельством его превосходства над богами Рима. На этом спектакль и закончился.

Зрители, разгоряченные игрой Ирены, громко выкрикивали ее имя, забрасывая сцену золотыми и серебряными монетами. Колон, который следил за ее танцем, наклонившись вперед, откинулся на спинку стула, глубоко вздохнул.

Рокка, пристально наблюдавший за ним, рассмеялся.

— Ну? — спросил он. — Я прав? Доводилось ли вам видеть в своих путешествиях такую женщину?

— Великолепно, — согласился Колон. — Божественно.

— Нет, не божественно. Слава Богу, она всего лишь женщина. Богиней она стала бы совершенно недоступной, хотя и теперь никого к себе не подпускает. Она желанна всем, но такая скромница. Точь-в-точь, как христианская девственница, которую играет на сцене.

Появился Загарте в надежде, что дорогие гости хорошо отдохнули и теперь готовы отужинать.

Зрителя во дворе начали расходиться, актеры покинули подмостки. Венецианцы и Колон поднялись со ступень. Рокка велел Загарте подавать ужин.

— Если твой ужин окажется таким же съедобным, как Ирсна, — заметил он, — в нашем друге ты найдешь влиятельного покровителя.

Маленький мориск поклонился, блеснув в улыбке зубами. Он их не разочарует. Принесут самое вкусное, их светлости пальчики оближут.

— Мы не стали бы возражать, если бы ты попросил несравненную Ирену поужинать с нами, а, синьор Кристоферо?

Колон, стоявший, глубоко задумавшись, поднял голову, глаза его заблестели.

— О! Это возможно? — он посмотрел на Загарте.

Мориск больше не улыбался.

— Для нее это большая честь. Но я надеюсь, вы не рассердитесь на меня, если она откажется. Многие приглашали ее, но она ни разу не согласилась. Слишком уж скромна эта Беатрис Энрикес.

— Многие? — нахмурился Рокка. — Возможно. Но мы-то придворные. Скажи об этом Беатрис, мой добрый Загарте. Скажи ей это. И добавь, что в ее же интересах проявить учтивость по отношению к нам.

— Нет, нет, — вмешался Колон. — Не принуждайте ее. Мы должны уважать не только красоту девушки, но и ее добродетель.

— Ага! Если я смогу уверить Беатрис, что ее добродетель не подвергнется испытанию... — В голосе Загарте послышалась надежда.

— Святой Фердинанд! — воскликнул Колон. — За кого вы нас принимаете? Разве мы солдаты или дикари? Если она придет, жаловаться ей не придется. — И, поскольку Рокка рассмеялся, быстро добавил: — Я за это отвечаю.

Загарте поклонился.

— Заверяю вас, я сделаю все, что в моих силах.

Когда он ушел, Галлино презрительно хмыкнул:

— Столько суеты из-за вульгарной танцовщицы.

Колон ответил суровым взглядом.

— Она танцовщица. Но не вульгарная, надеюсь, вы понимаете, что я хочу сказать.

— А что тут не понимать. Повидал я достаточно, так что провести меня не так-то легко. Ба! Все это уловки, если не девушки, то мориска. Лишь бы мы не поспешили, раз уж она удостоит нас своим присутствием, — он почесал нос. — Давайте поспорим. Сколько вы ставите на то, что она не придет?

— Я лишь смею надеяться, что она не отвергнет вежливого приглашения.

— Или разочаруется, не увидев от нас ничего, кроме вежливости.

— Женоненавистник, — прокомментировал последнюю фразу Галлино Рокка. — Простите его.

— Не женоненавистник. Отнюдь. Но и не дурак. У меня нюх на разврат, как бы глубоко он ни прятался.

Колон не выдержал.

— Сеньор, если уж вы учуяли разврат здесь, обоняние полностью отказало вам.

Рокка счел нужным вмешаться, стыдя Галлино за циничность, и венецианцы все еще ломали комедию, когда Загарте ввел Ла Хитанию.

— Господа мои, мне пришлось объяснить ей, что приглашение от придворных их величеств должно расцениваться как приказ.

— А приказу я, естественно, обязана подчиниться, — добавила девушка с ироничной улыбкой. Достоинству, с которым она держалась, могла бы позавидовать не одна благородная дама.

Была она все в том же облегающем белом платье, но сверху накинула синюю мантилью, а над левым ухом воткнула в темно-каштановые волосы цветущую алую веточку граната.

— Мы благодарим Бога, что вы оказались такой послушной, — Рокка назвал сам и представил своих спутников.

Каждому она чуть кивнула. На Колоне ее взгляд задержался, а он поклонился ей, как принцессе.

— Я почитаю за счастье лично поблагодарить вас за ту радость, что вы доставили нам.

Она не приняла его любезности.

— Я пою и танцую не ради благодарности. Мне за это платят.

— Каждый артист, мастерство которого достойно оплаты, живёт на заработанные деньги, но ремесло свое не бросает только потому, что не видит в мире ничего более достойного. Я думал... я надеялся... что сказанное в полной мере относится и к вам.

— Вы надеялись? Почему?

— Потому что дарить радость, делясь с людьми своим талантом, уже счастье.

Она посмотрела на него, прежде чем ответить.

— Вы говорите так, словно и сами артист.

— Артист, нет. Но человек, которого вдохновение гонит вперед и вперед, не может остановиться.

— Если меня что-то и гонит, так это нужда. Слово на плечах у меня сидит дьявол.

Галлино чуть изогнул бровь, глянув на Рокку.

— Ваши слова полны загадочности. Что за тайна кроется за ними?

— Тайна женственности, — встрял в разговор Рокка, — ухватить которую не под силу мужчинам.

— Жаловаться на это не стоит, — заметила Беатрис. — Если она ухвачена, интерес к женщине разом пропадет. Не так ли?

Загарте внес в кабинет большое блюдо под крышкой. Галлино указал на него.

— Если уж мы не можем без тайн, друзья мои, давайте лучше посмотрим, что находится под этой крышкой.

Мориск опустил блюдо на боковой столик.

— Никаких тайн, достопочтенные господа. Только совершенство. Ваши ноздри сейчас это почувствуют, — и он снял крышку. С жаркого из голубей поднялся пар.

— У меня текут слюнки, — рассмеялся Колон. — Так вспомним о том, что не только душа, но и тело требует пищи.

— Слава Богу, — пробурчал Галлино, — вы не из тех, кто сыт лишь травами да молитвами.

— Разумеется, нет. Мне не чужды никакие человеческие слабости.

Служанка принесла тарелки, юноша — корзину с бутылками.

Колон придвинул стул к столу, улыбкой приглашая Ла Хитанилью садиться.

— Вы заставляете нас стоять, — мягко укорил ее он.

Их взгляды встретились, и ее гордость чуть смягчилась от искреннего восхищения, которое она увидела в его глазах. Она поблагодарила Колона, села, расстегнула мантилью. Он, однако, не отходил от нее. Нарезал ей хлеб, налил вина из одной из бутылок, поставленных на стол. Ла Хитанилья поблагодарила его за внимание к ней.

— Для меня это большая честь, — пробормотал Колон.

— Сказал змей, предлагая Еве яблоко, — хохотнул Рокка. — Остерсгайтесь его, сладкозвучная Ева. Скромники — самые большие соблазнительники.

— Я это учту, — улыбнулась Ла Хитанилья.

Рокка перенес стул к столу и сел.

— Да, все-таки не зря я приехал в Испанию.

— А почему вы приехали? — спросила она.

— Чтобы посмотреть на вас. Разве это недостаточно веская причина, мессер Колон?

— Ради этого можно объехать весь свет.

— Господин мой! — воскликнула Ла Хитанилья. — Неужели есть женщина, достойная столь долгого путешествия.

— До встречи с вами я думал, что нет.

Отвечать почему-то расстроил ее. Она отвела глаза, но попыталась скрыть замешательство смехом.

— Наверное, вы говорите это каждой женщине.

— Если это правда, пусть я умру, выпив чашку вина.

— Цитируете змея, — она наблюдала, как он пьет.

— О, отец всех обольстителей, — пробормотал Галлино с полным ртом.

— Как видите, я не солгал, — Колон поставил на стол пустую чашку.

— А так ли плоха ложь? — задал Рокка риторический вопрос. — Вполне допустимое оружие в войне и, следова-

тельно, в любви, поскольку любовь — разновидность войны.

— Я не улавливаю ни малейшего сходства, — возразил Колон.

— Неужели? Что есть любовь, как не договоренность между нападающим и защищающимся, между осаждающим и осажденным. Или я ошибаюсь, божественная Беатрис?

— Надеюсь, что да. Может, сеньор Колон все объяснит нам. Он должен разбираться в этом лучше меня.

— Я скажу вам, в чем его ошибка. Он говорит лишь о жалком подобии любви. А то просто о ее маске.

— Давайте послушаем, что же сеньор Колон называет любовью, — поддал голос Галлино. — Я и сам частенько задумывался, что это такое?

— Вы просите меня дать определение неопределимому, загадочной силе, не поддающейся никакому контролю, которая влечет друг к другу два существа, сметая все преграды.

Галлино рассмеялся.

— Не так уж плохо для того, что вы только что называли неопределимым.

Колон покачал головой.

— Моему определению все равно недостает четкости. Но я знаю, что в любви нет места вражде.

— Вот тут я с вами не соглашусь, — заспорил Рокка. — Вражда придает любви остроту. Я уверси, что Беатрис согласится со мной.

— Откуда такая уверенность? Вы словно намекаете, что по части любви у меня немалый опыт, и намек этот не украшает меня.

— Что? Святой Марк! Такие лицо и фигура дадены вам не для того, чтобы идти в монастырь или изображать монашку.

Беатрис потемнела лицом.

— Лицо и фигура — это еще не вся я.

Рокка загоготал.

— Для меня или любого другого мужчины вполне хватит и этого, не так ли, сеньор Колон?

— Для любого мужчины, который не может различить ничего более, — отпарировал Колон.

У Рокки отвисла челюсть.

— А что там различать? — изумился он.

— Раз вы задасте этот вопрос, едва ли вам понять ответ.

— Если б вы его знали, то не отвечали бы столь уклончиво. О господи! Ну зачем все эти тонкости. Мужчина должен удовлетворяться тем, что открывают ему его пять чувств.



Колон рассмеялся, снимая возникшее в компании напряжение.

— Может, это и есть мудрость: думать глазами вместо того, чтобы видеть разумом. Возможно, я избавил бы себя от многих тревог, если бы следовал этому. Но что за жизнь без тревог? Без борьбы жить неинтересно.

— Если борьба приносит успех, — поправила его Беатрис.

— Без надежд на успех в борьбу не ввязываются. Никто заранее не обрекает себя на поражение.

Взгляд Беатрис становился все дружелюбнее.

— Как хорошо быть мужчиной, — в голосе слышалась нотка грусти. — Быть хозяином своей судьбы.

— Это удавалось немногим.

— Но мужчина может за это бороться, а борьба, как вы только что сказали, это и есть жизнь.

Рокка не выдержал.

— К дьяволу все эти рассуждения. Мы пришли сюда веселиться или упражняться в философии?

И начал веселиться, рассказывая забавные, зачастую скабрзные истории. Но ни в ком не нашел поддержки. Галлино просто не умел поддерживать светскую беседу. Беатрис сидела, иногда улыбаясь, но глаза ее затянула дымка тумана. Колон, занятый мыслями о сидящей рядом красавице, не слушал, и слова Рокки пролетали мимо него.

В конце концов Рокка не устоял перед тем, чтобы поддеть его.

— Сеньор Колон, недостаток думающих глазами заключается в том, что весь мир может прочесть его мысли.

— Что же в этом плохого, если среди мыслей нет бесчестных?

Беатрис осушила свою чашку и поднялась.

— Я принесу гитару, чтобы расплатиться песней за столь щедрое угощение.

Едва она вышла за дверь, Рокка повернулся к Колону.

— Я сослужил себе плохую службу, пригласив вас с собой. Те надежды, что были у меня, развеялись, как дым. Девушка не смотрит ни на кого, кроме вас.

Колон посмотрел ему прямо в глаза.

— Если у вас честные намерения, я сейчас же уйду.

— Честные! — Рокка рассмеялся, и Галлино тут же присоединился к нему. — Она же танцовщица!

Колон пожал плечами, не желая продолжать разговор. Этот говорливый, разодетый в пух и прах всенцианец начал действовать ему на нервы.

— Наш добрый Рокка так привык к легким победам, — проскрипел Галлино, — что перестал верить в доб-

родетель. Но я согласен с вами, сеньор. Если он решится попытать счастья с этой девушкой, я думаю, его тщеславию будет нанесен жестокий урон.

— Не хотите ли пари? — взвился Рокка.

— Постыдитесь, сеньор, — одернул его Колон. — Разве можно на это спорить?

— Черт побери! Если вы настроены столь серьезно, я оставляю вам поле боя, друг мой. И благословляю вас.

— Вы не так меня поняли... — начал Колон, но появление Беатрис прервало его объяснение.

Она спела две короткие любовные песенки, простенькие, но близкие сердцу андалузцев, в которых тесно переплелись смех и слезы. Этим она окончательно покорила Колона.

При расставании, пока Рокка и Галлино рассчитывались с Загарте, он наклонился к Беатрис и прошептал: "Могу я прийти снова, чтобы услышать, как вы поете, увидеть, как танцуете?"

Она склонила голову над гитарой, лежащей у нее на коленях.

— Вам не требуется моего разрешения. Загарте примет вас с распростертыми объятиями.

— А вы нет?

Беатрис подняла голову, их взгляды встретились, и в ее глазах он заметил туманное облачко. Затем она вновь устала на гитару.

— Разве это имеет значение?

— Еще какое. Я не приду, если вы не будете мне рады.

Она тихонько, но невесело рассмеялась.

— Загарте тепло принял меня, и я не могу отплатить ему черной неблагодарностью, отлучив вас от его харчевни.

— Я хочу приходить не в харчевню, а к вам.

— Как вы настойчивы, — Беатрис вздохнула. — Но, наверное, такой уж у вас характер, не так ли? — И, прежде чем он ответил, добавила: — Я буду рада вашему приходу. Да. Почему бы и нет?



Рокка остался ею недоволен. В тот же вечер он вернулся к Загарте, у которого она сняла две комнатки. Галлино, полностью не доверявший его методам, пришел вместе с ним.

— Послушай, девочка моя, это не тот случай, когда ты должна изображать благородную даму и жеманную добродетель. Ты знаешь, что от тебя требуется.

Беатрис надула губы.

— Что же вы, совсем хотите превратить меня в шлюху? Я должна и вести себя соответственно?

— Святой Боже! — раздраженно воскликнул Рокка. — Хорошенькое же у тебя настроение. Так слушай! Поменьше бы тебе думать о собственном достоинстве и побольше — о Пабло де Арана, гниющем в подземелье в компании крыс.

Тут Беатрис взбеленилась.

— Трусливые вы подонки. Обязательно вам мучить меня лишь для того, чтобы поскорее достигнуть своей мерзкой цели? Я и так достаточно окунулась в грязь, чтобы ублажать вас и вашего хозяина, который ничем не лучше...

— Заткнись! — оборвал ее Рокка. — Не смей говорить так о его светлости!

— Ш-ш-ш! — одернул его Галлино. — Ты хочешь, чтобы тебя слышала вся Кордова? Спешка никого не доводила до добра.

— А как же нам не спешить, если времени остается все меньше? Как только комиссия...

— Достаточно! — Галлино оттолкнул его, встал перед девушкой, положил руку ей на плечо.

Она отпрянула.

— Говорите, что хотите сказать, но не прикасайтесь ко мне!

— Ой, какие мы недотроги, — хмыкнул Рокка.

Но Галлино и не подумал убрать руку.

— Чем быстрее мы с этим покончим, Беатрис, тем будет лучше для нас всех, включая твоего брата. Нам представляется, что сегодня ты попусту потеряла время. Конечно, это лишь первая встреча. Когда он придет в следующий раз, подпусти его поближе. Вот и все, — и направился к двери, где, обернувшись, добавил: — Оставайся с Богом!

— Идите с Богом, — автоматически ответила Беатрис.

На улице Рокка не смог сдержать расправившего его раздражения.

— Я говорю одно, ты — другое. К чему этот разнобой?

— Потому что я хочу, чтобы она выбрала именно тот путь, который сама считает кратчайшим. Chi va capo... — процитировал он пословицу. — Тише едешь — дальше будешь.

После этого от Беатрис уже не требовали, чтобы она как можно быстрее заманила Колона в свою сеть. Да, собственно, он сам буквально рвался туда. Скромность Беатрис, свойственная ее характеру, оказалась отличной приманкой, а распушенность, на которой настаивал Рокка, скорее всего отвратила бы Колона.

Увиденное им сочетание красоты и благородства обещало нежную дружбу, в которой он нуждался более всего в те тяжелые для него дни.

Колон едва дождался следующего дня, чтобы вновь прийти к Загарте. Он снял тот же кабинет, теперь уже только для себя, и просидел у окна весь спектакль, следя жадным, голодным взглядом за каждым ее движением.

Она приняла приглашение, посланное ей через Загарте, пришла, смутилась, увидев, что Колон один, подалась назад, но все-таки уступила его настойчивым просьбам отужинать с ним.

Днем позже и еще через день он вновь приходил к Загарте, и Беатрис каждый раз приходила к нему на ужин. Отношения их становились все более близкими, но не выходили из жестких рамок, переступить которые он, похоже, не решался.

Ее врожденная сдержанность все более будоражила его чувства. В манерах ее не было лукавства. Он лез из кожи вон, чтобы развлечь Беатрис, и наградой ему часто звучал ее мелодичный смех, но в нем слышалась грусть, как бы отражавшая тяжесть, лежащую у нее на душе. Она словно выжимала из себя этот смех, поскольку более всего ей хотелось плакать, а не веселиться.

И Колон не мог этого не почувствовать.

— Если я правильно понимаю, госпожа моя, жизнь жестоко обошлась с вами? — спросил он в один из вечеров.

— А разве жизнь к кому-нибудь бывает добра? — уклонилась она от ответа.

— А, так вы заметили ее суровость?

— Я же одинока, защитить меня некому.

Он покачал головой.

— Нет, ваш характер — надежный щит. Но одинока? Почему?

— Так ли это необычно?

— Человек остается один, такое случается. Но ему не обязательно быть одиноким.

— На мою долю выпало и то, и другое, — она попыталась перевести разговор. — Но что это мы все обо мне.

Колон, однако, гнул свое.

— Что же, у вас нет родственников?

— Есть. Два брата. Оба уехали из Испании. Бродят где-то по свету. А теперь расскажите мне о себе.

— Обязанность хозяина — развлекать гостя. А в моей жизни нет ничего занимательного.

— Нет занимательного? Но вы же при дворе.

— Да, но не придворный. Я лишь проситель. Терпеливый проситель.

— А о чем же вы просите?

— Для их величеств моя просьба — пустяк. Столь ничтожный, что они постоянно забывают о ней. Речь идет о корабле, может, двух, на которых я собираюсь в неведомое. По профессии я мореплаватель.

— Какая интересная профессия.

— Интересная, когда плаваешь. В гавани же я страдаю, сердце щемит от того, что впустую уходят месяцы и годы. А обещания, которые мне дают, никогда не выполняются. На берегу мне так одиноко, — он улыбнулся, глянув в ее черные глаза. — В этом у нас есть что-то общее, не правда ли? Наше одиночество объединяет нас. Связывает исцеляющими душу узами.

На мгновение, словно в испуге, она отвела глаза. Но затем они вновь встретились с его томлящимся взглядом.

— Узами? Но моряки так легко рвут их.

— Даже если и так, узы эти, пока крепки, несут утешение и покой.

— А порвавшись, оставляют за собой разбитые сердца, — она пренебрежительно улыбнулась. — Какой прок женщине от таких уз?

— Не стоит упускать мимолетную радость, потому что в нашей жизни все они — мимолетны.

— Однажды я в это поверила и приняла предложенную радость, не задумавшись о печали, которая может прийти следом.

— Вы страдали, — мягко заметил Колон. — Это видно по вашим глазам.

— И не только в прошлом. Я ем теперь горький плод, выросший из лепестков, пьянящих своим ароматом.

— Таков удел большинства мужчин.

— А женщины тем более. Но почему мы так отвлеклись? Разговор наш совсем не весел. Позвольте мне наполнить вашу чашу, — с неожиданной для нее живостью она налила Колону вина. А потом, подчиняясь се вопро-

сам, он развлекал Беатрис рассказами о своих плаваниях, чудесах, виденных в далеких землях, опасностях, подстерегающих моряков. А уж из прошлого она перекинула мостик к настоящему и будущему.

— Скажите мне, что за экспедицию вы готовите? Что вы хотите найти в вашем, как вы сказали, неведомом?

— Откуда мне знать, раз это неведомое?

Но отшутиться ему не удалось.

— Неведомое — всего лишь слово. Раз вы плывете туда, значит, на что-то надеетесь.

— Будем плыть на ощупь, как ходим в темноте.

— То есть выйдете в море без карты? — ее глаза широко раскрылись.

Ее изумление вызвало у Колона улыбку.

— О, карта есть. Если ее можно назвать картой.

— Карта неведомого? Разве такое возможно? Расскажите мне о ней, — Беатрис наклонилась вперед, оперевшись локтями о стол, положив подбородок на ладони, дыхание ее участилось.

— Что я могу вам сказать? Карта существует, нарисованная пером воображения, водила которое рука логики.

— Должно быть, странная карта. Как портрет человека, которого художник в глаза не видел. Как бы мне хотелось взглянуть на нее.

Колон улыбнулся.

— Но почему? Вы, наверное, не представляете себе, что такое карта. Там нет моря и суши, но лишь линии, некоторые прямые, другие — изгибающиеся. Для ваших глаз карта что китайская грамота. Хватит об этом! — интонацией голоса, взмахом руки он показал, что эта тема закрыта. — Теперь вы знаете обо мне все, а я о вас — ничего. Почему вы плаваете под чужим флагом?

Она, ужаснувшись, отпрянула.

— Чужим флагом? — ее лицо побледнело, голос дрогнул.

— Называете себя Ла Хитанилья, — пояснил он, — хотя у меня нет ни малейшего сомнения в том, что вы родились не цыганкой.

Беатрис облегченно рассмеялась.

— А, вы об этом! — она уже взяла себя в руки. — Я родилась не танцовщицей. И взяла псевдоним, приличествующий моему нынешнему занятию.

— А почему вы избрали его?

— От нужды. Я могу прядь, вышивать, немного рисую, и мне повезло, что среди ненужных достоинств, свойственных женщинам благородной крови, я обладаю музыкальным слухом и врожденным чувством танца.

— Повезло? Интересно. Разве сцена — место для женщины благородной крови?

— Я же не говорю, что отношусь к их числу. Лишь обладаю некоторыми их достоинствами.

— А как иначе могли они — вам достаться, — Колон нетерпеливо махнул рукой. — И так ясно, что вы — благородного происхождения.

О картах в тот день больше не говорили.

На прощание он, как обычно, поцеловал Беатрис руку и спросил: “Вы позволите прийти к вам завтра?”

Она рассмеялась, блеснув ровными, белоснежными зубками.

— Сколько хитрости таится в вашем смирении!

Колон рассмеялся в ответ, пожал плечами.

— Кто ж не пойдет на хитрость, чтобы достигнуть своей цели?

Улыбка сбежала с лица Беатрис.

— А какую цель ставите перед собой вы, приходя ко мне?

— Дитя мое, разве я не сказал вам? Я хочу, чтобы нас связали тесные узы, отогнав прочь наше одиночество. Нет, не хмурьтесь. Подумайте об этом перед тем, как мы встретимся вновь.

И Колон ушел, не дожидаясь ответа, оставив ее в смятении, полной жалости к жертве, которая с готовностью подставляет шею под нож.

А Колон так увлекся Беатрис, что даже мысли об экспедиции в Индии начали отступать на второй план. Два дня он сдерживал себя, не появляясь к Загарте. На третий, в воскресенье, он вместе с придворными присутствовал на мессе в Меските, как до сих пор называют кафедральный собор Кордовы, бывшую мечеть, построенную Абдеррахманом и превращенную в христианский храм.

Он прошел по среднему из девятнадцати проходов, образованных лесом восьмисот узких колонн из мрамора, яшмы, порфирита, соединенных мавританскими арками с чередующимися красными и белыми треугольниками. На алтаре стояла статуя девы Марии. Пел хор, благовония пропитали воздух.

Опустившись на колени у одной из колонн, он попробовал молиться, но Беатрис не выходила у него из головы. Дошло до того, что статуя девы Марии, которую он всегда считал своей покровительницей, начала улыбаться ему улыбкой Ла Хитанильи, а в ее лице проступили черты очаровательной танцовщицы.

Он истово отгонял видение, умоляя деву Марию о

помощи. Но, случайно взглянув направо, за порфиритовую колонну, у которой стоял, увидел Беатрис, молящуюся в соседнем проходе, в дюжине ярдов от него. Поначалу он решил, что это тоже видение, иллюзия, возникшая в сто воспаленном мозгу. Но потом понял, что только острый взгляд любимого мог распознать, кто скрывается под низко опущенным капюшоном и длинной мантилей. И действительно, неосторожное движение головки открыло ему, что он не ошибся.

В тот день он больше не молился. Его божеством стала колснопреклоненная закутанная в синее фигурка. И мечтал он не о спасении души, а о том, чтобы заговорить с Беатрис после мессы.

Надежды его не сбылись. Выйдя через громадные бронзовые двери в Апельсиновый сад, где бьющая из фонтанов вода блестела на солнце, а ряды апельсиновых деревьев образовывали точно такие же проходы, как в Меските, он оказался в кругу придворных. И прежде чем успел выскользнуть, рядом возник Сантанхель, взял под руку. Они отступили под дерево, давая остальным пройти, и тут к ним присоединились Кабрера и его супруга, маркиза Мойя.

— Мой друг, — радостно воскликнула она, — мой дорогой Кристоаль, насколько я знаю, уже близок конец вашего долгого ожидания.

— Могу подтвердить слова маркизы, — вставил Кабрера.

— Если б все зависело только от вас, я бы уже давно поднял паруса, — улыбнулся Колон. — Вы столько сделали для меня. Я так благодарен вам.

— Ну нет! — возразила маркиза. — Если и сделали, то слишком мало. Их величества прислушались не к нам, а к фрею Диего Десс. Именно он открыл дверь, ведущую к успеху, но теперь я приложу все силы, чтобы она не закрылась, пока не будет принято нужное вам решение.

Колон спросил себя, почему он так холоден, почему впервые ее голос не волнует его, а красота не убыстряет биение сердца.

— Ваша маркиза, мой господин, — обратился он к Кабрера, — мой ангел-хранитель.

Кабрера улыбнулся.

— Она покровительствует всем мужчинам, кто того заслуживает.

— А они в ответ поклоняются ей, — бесстрастно ответил Колон. Взгляд его, да и мысли следили за Беатрис, только что вышедшей из собора. Она не шла, а дрыла в длинной мантилье, под капюшоном, перебирая в затянутых перчатками руках агатовые четки. Следом

за ней семенила женщина-мориска в белом бурнусе.

Сантанхель и маркиза о чем-то говорили, но Колон их не слушал. Взгляд его не отрывался от Беатрис, душа рвалась к ней. Когда она поравнялась с первым фонтаном, перед ней возник какой-то мужчина и поклонился так низко, что его шляпа коснулась земли. Она попыталась обойти его, но мужчина вновь заступил ей путь.

Колон закаменел, у него перехватило дыхание. Маркиза, Кабрера, Сантанхель не могли этого не заметить и проследили за его взглядом.

Беатрис вновь шагнула в сторону, резко дернула головой, кашпоном чуть откинулся, открывая ее профиль. Губы ее быстро зашевелились, и Колон легко представил себе, какой яростью блеснули ее карие глаза. Незадачливого кавалера как ветром сдуло.

— Танцовщица у Загарте, — сухо прокомментировала маркиза.

Едва ли Колон услышал ее. Но когда Беатрис продолжила путь, он дал волю чувствам.

— Этого типа следовало бы охладить, искупав в фонтане, — резко бросил он.

Кабрера усмехнулся.

— Но я бы посоветовал вам не делать этого лично. Это граф Мирафлор. При дворе он пользуется немалым влиянием.

— Меня бы это не остановило.

— Но почему, Кристоаль? — изумилась маркиза. — Возможно ли, что и вы тоже прихожанин этого дешевого храма?

С трудом сумел он сдержать негодование.

— Я не заметил никакого храма, тем более дешевого, — ответил он ровным голосом.

— Но танцовщица!

— Каждый из нас силой обстоятельств становится тем, кто он есть. Лишь немногие сами определяют свою судьбу. Эта девочка зарабатывает средства к существованию своими голосом и ногами. И только ум защищает ее от злобы этого мира.

— Вы хотите, чтобы мы пожалели ее? — едко спросила маркиза.

— Не пожалели. Нет. Поняли. Вы заметили, как она одернула этого шаркуна. Он, похоже, тоже принял ее за дешевый храм.

Кабрера рассмеялся.

— Ради Бога, Кристоаль, не так громко, а не то вы станете жертвой своего рыцарства.

— Если я и пострадаю, то не от его рук.

— Опасность для вас скорее будет исходить не от мужчин, но от женщины, которую вы так защищаете, — вмешалась маркиза. — Многие будут завидовать ее избраннику, — такого ледящего холода в ее изгляде и голосе он еще не видел и не слышал. Она взяла мужа под руку, чуть кивнула. — Пойдем, Андрес.

Колон низко поклонился.

— Целую ваши руки, сеньора, и ваши, сеньор.

Рука Сантанхеля легла на его плечо, когда они ушли. Беатрис уже скрылась из виду.

Канцлер добродушно хохотнул.

— Удивляться тут нечему, Кристобаль. Маркиза, зная о той страсти, которую пробудила в вас, считала, что вы навсегда останетесь ее поклонником. Естественно, ей неприятно, что вы дарите свое внимание кому-то еще. Неразумно, конечно. Но по-женски.

Колон, однако, не видел за собой никакой вины.

— Останется только сожалеть, если я нажил себе врага. Но потакать ей я не намерен.

— Похоже, эта танцовщица запала вам в душу.

— Во всяком случае я не потерплю, чтобы кто-то презирал ее лишь потому, что сму или ей больше повезло с родителями. В жилах Беатрис Эрикес течет благородная кровь. Если же нет, мое уважение к ней лишь возрастет. Значит, она обладаст редким достоинством — врожденным благородством.

— Спаси мою душу, Господи, но я начинаю подозревать, что эта девушка — ведьма.

— Для вас это шутка.

— Отнюдь. Вас ждет опасная экспедиция, и женщина эта тяжелым грузом может повиснуть на вашей шее.

— Или вдохновить меня на подвиг.

— Пожалуй, возможно и такое... — Сантанхель пожал широкими плечами. — В конце концов, куда разумнее любить женщину во плоти, чем понапрасну сжигать себя страстью к благородной даме, от которой толку как от святого, нарисованного на окне кафедрального собора.

— Наверное, мне и самому следовало прийти к такому выводу, но случай помог мне встретить Ла Хитанилью, — он помолчал. — Жаль, конечно, что маркиза Моя стала моим врагом.

— Ей, разумеется, не понравилось, что вы обратили взор на другую женщину, но о чем подумают при дворе, если она открыто выразит свое недовольство? Тут волноваться вам не о чем, Кристобаль. Давайте-ка поведем ко мне и вместе пообедаем.

И они двинулись к Вратам прощения. Каждый из

встреченных ими придворных кланялся Сантанхело. Кто кивал в Колону. Настроение у него заметно ухудшилось. Последние слова маркизы нарушили спокойствие его души.

Глава 14

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОНА РАМОНА



ледующий день принес Колону новые разочарования.

Как обычно, вечером, он пришел к Загарте, после спектакля попросил мориска пригласить к нему Беатрис, но получил ответ, что та прийти не может. Колона это не устроило.

— Это еще почему? — взорвался он.

Загарте развел руками, его плечи поникли.

— Женские капризы. Что я могу поделать?

— Тогда посмотрим, что смогу сделать я. Где она?

— У нее жуткий темперамент, ваше высочество. Если ее рассердить, она превращается в дикую кошку.

— Так рассердим ее. Показывай дорогу.

Как он выяснил в тот вечер, Беатрис занимала две комнатки на верхнем этаже. Одна служила для нее костюмерной, из нее дверь вела в крохотную спальню. На полу спальни лежал восточный ковер, у одной из стен стоял диван с яркими подушками. Беатрис встала, когда Колон возник в дверях, высокий, решительный. Ее отказ от совместного ужина вывел его из себя.

— Вы, сеньор? Но я же просила...

— Я знаю, о чем вы просили, — он захлопнул дверь, оставив Загарте в костюмерной. — Такого ответа я не приемлю. Я пришел узнать, почему мне отказано?

— Разве я обязана во всем потакать вашим желаниям?

— Нет, если они уже не совпадают с вашими. Послушайте, Беатрис, чтобы отказать мне, должна быть веская причина.

— Вы разговариваете со мной так, будто я — ваша собственность, — она опустила на диван. — Я, однако, вам не принадлежу. И будет лучше для нас обоих, если вы вернетесь к вашим друзьям при дворе.

— Беатрис! Что все это значит?

— Лучшего совета я вам дать не могу, — она не смотрела на него. — Эта очаровательная дама, вчера, в Меските. Такая величественная, подруга королевы. Она подходит вам куда больше, чем я.

Он подошел ближе, оперся коленом на диван, склонился над ней.

— Неужели и удостоился такой чести? Вы приревновали меня?

— Приревновала? Да. Я же не игрушка придворного кавалера.

— А я — не придворный кавалер. Скорее одинокий мужчина, который любит вас.

Беатрис чуть слышно ахнула, столь неожиданными оказались его слова. Медленно подняла полные страхи глаза.

— О чем вы говорите? Мы знакомы едва ли с неделю.

— Мне этого хватило, чтобы полюбить вас, Беатрис, и я не могу поверить, что вы не догадываетесь о моих чувствах к вам. Вы вернули мне мужество, прогнали прочь одиночество, расцвелили до того тусклую жизнь. Для меня вы не просто женщина, но воплощение женственности, которую я боготворю, благодаря двум моим матерям, тоже женщинам, одной на земле и одной на небесах.

Теперь она смотрела на Колона с благоговейным трепетом. Глаза ее наполнились слезами. Губы задрожали. Но Беатрис переборола себя и рассмеялась.

— Дьявол может снабдить мужчину языком ангела, лишь бы совратить женщину.

— И вам кажется, что я преследую именно эту цель?

— Судьба многого лишила меня, но даровала умение разбираться в людях.

— Значит, во мне вы видите только плохое? Это, моя Беатрис, не что иное, как чистое упрямство. — произнося эти слова, Колон обнял ее и притянул к себе.

Поначалу, захваченная врасплох, она не сопротивлялась. Но когда его губы коснулись ее щеки, словно очнулась и начала вырываться, отбросив его от себя.

— Нет! — выкрикнула она. — Нет!

— Беатрис, — молил он, — ну почему вы не хотите прислушаться к голосу сердца.

— Моего сердца? Что вы знаете о моем сердце?

— То, что говорит мне мое.

Беатрис опустила голову, и Колон, решив, что сопротивление сломлено, сел рядом и вновь обнял ее.

— Вы рады, Беатрис? Скажите мне, что вы рады, — губы его прижались к шее Беатрис, и та, как ужасенная, вырвалась из его объятий.

— Ах, вы слишком спешите. Дайте мне время. Дайте мне время.

Ее смятение удивило Колона.

— Время? Но жизнь так коротка. И времени у нас так мало.

— Я... я должна увериться, — в отчаянии выкрикнула Беатрис.

— Во мне?

— В себе. Ах, оставьте меня. Умоляю, если вы действительно любите меня, как говорите, оставьте меня сейчас.

Смятение, охватившее ее, было столь велико, что ему не оставалось ничего другого, как подчиниться.

Колон встал.

— Я не понимаю, почему вы так расстроились. Но не буду требовать немедленного ответа. Вы все расскажете мне, когда мы снова увидимся.

Наклонившись, он поцеловал ей руку и ушел.

Несколько минут спустя Загарте, заглянув в спальню, застал Беатрис в слезах.

— Что случилось? — обеспокоился он. — Этот долговязый мерзавец обидел вас?

— Нет, нет. И не смей так называть его.

— Зря вы его защищаете. На вашем месте, Беатрис, я бы не тратил на него столько времени. Как мне сказали, за душой у него ничего нет. Он даже не придворный, а иностранный авантюрист, живущий на подачки. Добра от него не жди. Да еще он ухлестывает за женщинами. Вот и маркиза Мойя...

Продолжать она ему не дала.

— Прикуси свой злобный язык, Загарте. А не то тебе его укоротят. Оставь меня одну. Уходи.

— Успокойся, моя девочка. Я еще не успел сказать, зачем пришел. Вас хочет видеть очень важный идальго.

— А я никого не хочу видеть.

— Ш-ш! Ш-ш! Послушайте меня. Ему нельзя отказывать. Он — племянник главного инквизитора Кордовы. Только что вернулся в Испанию и утверждает, что он — ваш давний друг, граф Арияс.

Ее глаза широко раскрылись.

— Кто?

Загарте потер руки.

— Вижу, вы его знаете.

— Знаю. И тем более не хочу видеть.

— Ну перестаньте. Проявите благоразумие. Он...

— Я знаю, кто он такой. Он полностью соответствует тому описанию, которые ты дал сеньору Колону.

— Но тут же другой случай. Важный идальго. Так что мне ему сказать?

— Пусть убирается к дьяволу.

— И это все? — в голосе Загарте сквозило раздражение.

— Слова подбери сам, но смысл должен остаться тем же, — Загарте открыл было рот, чтобы возразить, но Беатрис вскочила с дивана с таким сердитым лицом, что мориск отшатнулся. — Ни слова больше. Уходи! Вон отсюда!

Загарте попятился к двери.

— Хорошо, хорошо. Обойдемся без скандала. Попытаюсь все уладить. Скажу, что вам нездоровится. Такому гостю нельзя отказывать безо всякой на то причины.

И ушел, бормоча себе под нос, что только мусульмане знают, как указать женщине ее место.

Беатрис же неожиданный визит в Кордову дон Рамона живо напомнил о подземелье, в котором сидел ее брат. И венецианские агенты едва ли нашли бы лучшее средство ускорить дело. Тем более что Колон сам открыл ей дорогу к своему сердцу.

В тот вечер она избавилась от дон Рамона. Загарте уговорил его не тревожить девушку, поскольку ей нездоровится. Но назавтра дон Рамон появился вновь, посмотрел спектакль и опять пожелал увидеться с Беатрис.

Загарте поднялся к ней и передал просьбу посла.

— Не желаю я его видеть. Ни сегодня, ни завтра. Вообще не желаю. Так ему и скажи, — ответила она.

— Я не посмею, — насулился Загарте. — Поймите это. Не посмею. Я и так зашел слишком далеко. Заикнулся о том, что не знаю, захотите ли вы принять его. Он же заявил, что не потерпит отказа. Или уговори ее, сказал он, или пеняй на себя. Так что деваться некуда, Беатрис, — он прокашлялся. — Да и как можно отказывать идальго, испанскому гранду, отдавая предпочтение безродному иностранцу. Где же тут здравый смысл?

— Не желаю я видеть это чудовище! — взвизгнула Беатрис.

Загарте пошел на крайнюю меру.

— Тогда вам тут не петь, не танцевать.

Она рассмеялась ему в лицо.

— И кто от этого проиграет? Сколько народу приходило посмотреть спектакль до того, как я появилась на сцене?

— Приграем мы оба. Но для меня лучше прикрыть спектакль, чем остаться без головы, если они найдут в нем ересь. Я не хочу участвовать в аутодафе. А одного намека графа Арияса достаточно, чтобы отправить меня на костер. Разве вы этого не понимаете? Я всего лишь мориск. — И после короткой паузы добавил: — Я прошу от вас лишь немного благоразумия, Беатрис! Ради нас обоих.

Монолог его оказался достаточно убедительным. Она, конечно, злилась на дон Рамона, но не хотела навлечь беду на маленького мориска.

— Хорошо, — вздохнула Беатрис. — Пусть он приходит.

Но ее согласие еще больше встрясило Загарте.

— Но вы встретите его доброжелательно?

— Раз я принимаю его, ты его поручение выполнил. Что будет дальше — мое дело.

Вот так дон Рамон попал в покои Беатрис, чтобы сыграть ту маленькую роль, что уготовила ему судьба.

Он постоял в дверях, оглядывая Беатрис. На его губах играла легкая улыбка. Темно-оливковый камзол свободного покроя, расшитый золотом, прибавлял массивности его слишком тощему телу. Голову украшала шапочка того же цвета с черным плюмажем и пряжкой с драгоценными камнями.

— Что вам угодно, сеньор? — сердито спросила Беатрис. — Почему вы столь назойливы?

Дон Рамон непринужденно шагнул вперед, улыбка его стала шире.

— Я, конечно, понимаю, что вы боитесь принять меня...

— Боюсь?!

— ...После того, как, ничего не сказав, убежали из Венеции. Так, моя дорогая Беатрис, не поступают с друзьями, которые не жалеют сил, чтобы помочь вам, — в голосе его слышался упрек. — Благодарите Бога, что я не злопамятен. Во всяком случае, видя доброе ко мне отношение, я обо всем забуду.

Он взял ее руку и, несмотря на слабое сопротивление, поднес к губам. Мгновением спустя Беатрис выдержала руку и ответила сухо и бесстрастно.

— Я не считала нужным отчитываться перед вами. Я вам ничего не должна. Вы предлагали мне сделку... грязную сделку. Вот и все.

— Как неблагородно! И сколь далеко от истины, — нисколько не смутившись, продолжил дон Рамон. — Хотя вы ничего не пообещали, я сделал все, что мог. Повидался с дожем. Попросил его об освобождении вашего брата, поступившись при этом достоинством посла, и даже добился обещания выпустить несчастного Пабло из тюрьмы. К сожалению, после нашего разговора, как он сам сказал мне, открылись новые обстоятельства. И так как речь шла о безопасности государства, он не смог выполнить своего обещания. Но вы даже не поблагодарили меня за участие. Вы поступили нехорошо, Бе-

атрис, покинув Венецию без моего ведома. И это после того, как я делом доказал вам свою преданность.

— Вы искали собственную выгоду в моей беде, — напомнила она дону Рамону. — Но теперь все это в прошлом.

— Отличная мысль. Перевернем страницу и подумаем о будущем.

— Будет лучше, дон Рамон, — холодно ответила она, — если вы сразу уясните для себя, что вам нет места в моем будущем, как и мне — в вашем.

— Если я в это поверю, у меня разорвется сердце.

— Рвите его поскорей и уходите. Вы чересчур навойливы.

— Разве я так противен вам? — он все еще улыбался, но теперь улыбка его скорее пугала Беатрис.

А потом дон Рамон пододвинул к себе стул и сел, положив ногу на ногу.

— Вы, кажется, не услышали меня. Я попросила вас уйти.

Он покачал головой, всем своим видом выражая сожаление.

— С давними друзьями так не поступают. Тем более с теми, кто может помочь и теперь, как помогал раньше.

— Я не прошу вас о помощи, дон Рамон, и не нуждаюсь в ней.

— Напрасно вы так думаете. Этот спектакль, в котором вы играете. Довольно рискованная, знаете ли, трактовка некоторых эпизодов жизни святых. Кое-кто может задуматься, нет ли тут ереси, а сцены с вашим участием могут показаться святотатством. Решение по таким вопросам выносит Святая палата, а Загарте к тому же и мориск. К ним инквизиторы относятся с особым подозрением. Конечно, ваше наказание может ограничиться лишь публичным покаянием, но кто знает, вдруг Святая палата сочтет, что преступление ваше куда серьезнее. Надеюсь, теперь вы начинаете понимать, сколь необходим в такой ситуации верный друг, готовый заступиться за вас?

И дон Рамон улыбнулся, видя, как смертельно побледнело лицо Беатрис.

— И в чем же выразится ваше заступничество? — спросила она.

— Вы хотите знать, чем я смогу вам помочь? Извольте, — он распахнул камзол, чтобы она увидела вышитый на жилете красный кинжал с рукояткой в форме цветка лилии. — Я не только пользуюсь немалым влиянием в ордене святого Доминика, но и мой дядя, фрей Педро Мартинес де Баррио — главный инквизитор Кордо-

вы. Мои свидетельские показания могут стать вам надежной защитой. Теперь вы понимаете, что...

— Что ваше влияние может как спасти меня, так и погубить. Именно это я должна понять. Не так ли, дон Рамон? Будем откровенны.

Ее полный презрения взгляд разбился о добродушную улыбку графа.

— А чего вы так рассердились? В конце концов, я представил вам доказательства того, что мое отношение к вам не изменилось. — И добавил уже более жестко: — В Венеции вы обратили в прах мои самые радужные надежды. Я не привык сдаваться без боя. И никогда не отказываюсь от принятых решений, — он поднялся, шагнул к Беатрис, в голосе появились просительные нотки. — Беатрис, ну почему вы заставляете меня прибегать к таким средствам? Ведь достаточно одного вашего слова, и все мои богатства будут у ваших ног.

Шум за дверью вынудил его замолчать. “Но я говорю вашей светлости, что к ней нельзя”, — проворещал голос Загарте. “Прочь с дороги, Загарте! Прочь с дороги!” — ответил мужской голос. Затем дверь распахнулась и на пороге возник высокий мужчина, разодетый в черное с золотом.

Последовала немая сцена.

— Что вам угодно? — первым пришел в себя дон Рамон.

Лицо незнакомца стало еще более суровым, брови сошлись над стальными глазами.

— Ну, сеньор? Вы меня слышали? Что вам угодно? Кто вы?

Колон закрыл дверь.

— Поставим вопрос иначе. Кто вы такой и по какому праву спрашиваете меня?

— Я — граф Арияс, — дон Рамон надеялся, что его имя произведет должное впечатление, но ошибся.

— И что из этого? Судя по вашему тону, вас можно принять за герцога.

Дон Рамон не верил своим ушам.

— Да вы наглее, сеньор.

— Я лишь отвечаю на вашу грубость. Впрочем, я пришел к даме. А до вас мне нет никакого дела.

— Но вы же видите, что сейчас вы — незванный гость. Сеньора Беатрис примет вас в другое время, если пожелает, — он взмахнул рукой, предлагая Колону выйти вон.

Но тот не сдвинулся с места.

— Я не понимаю, по какому праву вы тут командуете.

— А пора бы и понять. Я не привык к тому, чтобы

— К дьяволу вас и ваши приказы. Плевать мне на то, выполняются они или нет, кем бы вы ни были, — взгляд Колона остановился на Беатрис. Она же обратилась в статую, утраченная последними словами дона Рамона. Тот же продолжал бушевать.

— Я позабочусь о том, чтобы вы узнали, кто я такой. И вы еще пожалесте о своем поведении. Вон отсюда! — дон Рамон опять указал на дверь. — Вон! Немедленно!

Не обращая на него ни малейшего внимания, Колон продолжал смотреть на Беатрис.

— Уйду я или останусь, зависит от сеньоры Беатрис.

Она словно очнулась, и движимая страхом, который вселил в ее душу дон Рамон, воскликнула: «О, уходите, уходите! Пожалуйста, уходите!»

Слова ее поразили Колона в самое сердце. И вся переполнявшая его душевная боль выплеснулась во взгляде, брошенном на Беатрис.

— Вы слышали, — тут же зрелел дон Рамон.

— Слышал, — эхом отозвался Колон.

— Так чего же вы ждете? Убирайтесь отсюда, мерзавец!

Вот тут Колон и взорвался. Собственно, он давно уже весь кипел, лишь невероятным усилием воли сохраняя внешнее спокойствие.

— Я не мерзавец, — он сорвал с головы шапочку и ударил ею по бледному лицу дон Рамона. Тот отшатнулся. — Я — Колон. Кристоаль Колон. И любой скажет вам, где меня найти.

Дон Рамон побагровел от ярости.

— Вы еще услышите обо мне. Ад и дьявол! Вас следует проучить. И, будьте уверены, вас проучат.

Но дверь уже захлопнулась за спиной Колона. Дон Рамон развернулся к Беатрис.

— Кто он? Кто этот негодяй?

Но Беатрис уже переборола сковывавший ее страх.

— Уходите, — приказала она. — Оставьте меня. Уходите! Вы и так принесли мне много горя.

— Да? — оскалился он. — Великий Боже и все его святые! Я принес много горя, а? Ну что ж. Не останется ничего другого, как идти дальше. Доведем дело до конца. Ударить меня! Меня! — он замстался по комнате. — Клянусь Богом, это был его последний удар.

Ярость его заставила Беатрис сжаться в комок.

— О чем вы? — воскликнула она. — Что вы задумали?

— Задумал? — он рассмеялся неприятным смехом. — Мои люди знают, что нужно делать. Когда они с ним разберутся, у вас станет на одного друга меньше.

В панике она схватила дона Рамона за руку.

— Матерь божья! Что вы хотите этим сказать?

— Разве вам что-то не ясно? Вы думаете, можно оставлять в живых человека, который будет похваляться тем, что ударил меня?

— Вы задумали убийство! — ахнула Беатрис.

Дон Рамон задумчиво посмотрел на нее, поскольку в голове у него созрел новый план.

— Мы можем это обсудить, — и он увлек Беатрис к дивану. — Присядем.

Глава 15

НАСЛЕДСТВО



олон, пулей вылетев из харчевни Загарте, едва не столкнулся с крупным, разодетым мужчиной, который бесцеремонно схватил его за руку. Итальянский язык смахнул пелену злобой ярости, застилавшую ему глаза.

— Синьор Кристофери, что случилось? Куда это вы летите?

— Не сейчас. Не сейчас, — Колон вырвал руку. — Дайте мне пройти, — и помчался дальше.

Рокка, поглаживая подбородок, следил взглядом за высокой фигурой мореплавателя, пока тот не скрылся за углом. Лицо его потемнело.

— Дьявол! — пробормотал он и твердым шагом вошел в ворота. Он хотел убедиться, что не Беатрис была причиной столь необычного поведения Колона.

Он пересек двор, быстро поднялся по ступеням, но по коридору, ведущему к комнатам Беатрис, уже крался на цыпочках. У двери он замер. Изнутри до него донесся мужской голос.

— Поймите же, обожаемая Беатрис, сколь выгодно быть моим другом и сколь опасно — врагом?

Фраза эта более чем убедила Рокку, что появление его весьма кстати.

Он постучал в дверь и без дальнейших церемоний отворил ее и вошел.

Беатрис, сама печаль, сидела на диване с поникшей головой. Над ней, словно чудовищный паук, как показалось Рокке, навис долговизый, оливково-зеленый дон Рамон.

Рокка изобразил на лице изумление.

— Да простит меня Бог, наверное, я помешал. О, извините меня, сеньора.

Уходить он, разумеется, не собирался, да и Беатрис не отпустила его. Она молнией вскочила с дивана, в голосе ее звучало безмерное облегчение.

— О, заходите, заходите. Его высочество как раз собирались откланяться.

Дон Рамон побагровел, сначала потому, что ему вновь помешали, потом — что выставили за дверь. Он вскинул голову.

— Я вернусь в более удобное время. Когда вам не будут докучать другие гости.

Он подождал, ожидая ответа, но Беатрис промолчала, и ему не оставалось ничего иного, как повернуться к Рокке, которого он в последний раз видел в приемной дожа.

— О, сеньор... Я вас знаю. Вы из Венеции.

Рокка поклонился.

— У вашей светлости прекрасная память, — он решил, что лезть еще никому не вредила. — Я служу при после.

— Каком после? Я знаю, что вы — агент государственных инквизиторов.

Внешне Рокка оставался невозмутим, хотя развитие ситуации нравилось ему все меньше и меньше.

— О, я выполнял лишь отдельные специальные поручения. А теперь я на службе у посла Венецианской республики при дворе их величеств королевы Кастильской и короля Арагонского.

— Странное назначение, — глаза дона Рамона сузились. Он перевел взгляд на Беатрис, снова посмотрел на венецианца. — Очень странное.

— Мы с Беатрис — давние друзья, — пояснил Рокка. — Еще с Венеции.

— Я в этом не сомневаюсь. Совершенно не сомневаюсь. Дружба агента Совета Трех может оказаться очень и очень полезной. Возможно, даже в Кордове. Об этом следует хорошенько подумать.

— Сеньор, я же сказал вам, что мое назначение в посольство никоим образом не связано с Советом Трех.

— Вы-то сказали, будьте уверены, — дон Рамон чуть усмехнулся. — Но вопросы-то остаются. Ну, мне, пожалуй, пора.

Он холодно поклонился и вышел.

Беатрис и Рокка молча смотрели друг на друга, пока шаги дона Рамона не затихли в глубине коридора. Рокка передернул плечами.

— Чертовски неудачная встреча. Интересно, о чем сейчас думает этот болван? — Но гадать он не стал, а перешел к главному: — Он что, угрожал тебе?

— Еще как. Заявил, что по его наущению мою роль в спектакле объявят ересью или святотатством. Он — племянник главного инквизитора Кордовы и пользуется большим влиянием в ордене святого Доминика. Достаточно одного его слова, чтобы послать меня на костер.

— Да, у тебя объявился страстный поклонник, — саркастически заметил Рокка. — А почему убежал Колон? Что произошло?

— Они поссорились. Наговорили друг другу гадостей. И этот дьявол поклялся, что его люди перережут Колону горло.

— Так, так! Значит, ему не чужды ни костер, ни кинжал. Разносторонний господин. Придется им заняться, — он пристально посмотрел на Беатрис. — Колон вылетел отсюда в ярости. Он не поссорился с тобой из-за этого идиота?

Беатрис боялась того же и рассказала все, как было.

— Ваши отношения наладятся, едва Колон узнает, чем эта тварь грозила тебе.

— Он должен узнать немедленно. Его надо предупредить об опасности.

— То есть ты хочешь пойти сама и предупредить его. Великолепно. Такую возможность упустить нельзя. У вас сразу все пойдет, как по маслу. Ты это понимаешь, не так ли?

— Да, — со вздохом ответила Беатрис.

— Так иди к нему. И чего ты такая грустная? Удача сама плывет нам в руки. — И возбужденно продолжил: — Он живет в доме Бенсабата на Калье Атаюд. Клянусь Богом, дон Рамон, сам того не подозревая, сослужил нам добрую службу. Не теряй времени, отправляйся. Отыщи Колона. Я надеюсь, ты сразу найдешь и то, что нужно нам.

Подобная перспектива сразу улучшила его настроение. Но озабоченность вновь вернулась к нему, когда он пришел к мессеру Галлино и доложил о случившемся.

— Чертов болван, — закончил он, — смешал нам все планы, словно шмель, влестевший в паутину.

Смуглое лицо Галлино оставалось непроницаемым. Он сидел за столом, готовя очередное донесение Совету Трех.

— Не вовремя он заявился. Опасный тип. Очень опасный. К счастью, мы предупреждены. Пока он не причинил нам вреда.

— А что будет дальше? Он признал во мне агента инквизиторов. Более того, для себя решил, что Беатрис — тоже агент и работает со мной в паре. Едва ли он будет скрывать свои мысли. Одно его слово дядюшке, и

нам придется держать ответ.

— Думаешь, я этого не предвижу? То, что он влез между Колоном и Беатрис — пустяк. Колон влюблен, и рана эта быстро затянется. Но если Беатрис и тебя арестуют, как венецианских шпионов, — он пожал плечами. — Ты привел точный пример, Рокка. Шмель, влестивший в паутину, — он откинулся на спинку стула, задумался. — Как же он нам мешает, наш дон Рамон де Агилар, для которого отправить неугодного ему человека на костер или заколоть кинжалом — сущий пустяк. — Галлино вздохнул. — Ты знаешь, где живет этот дурак, не так ли?

— Выяснить это просто. Но зачем?

Галлино вновь склонился над столом.

— Мне кажется, и так все ясно, — пододвинул к себе чистый лист бумаги, обмакнул в чернильницу перо. — Подожди, — он написал несколько строчек. — Вот, — и протянул лист Рокке.

Тот прочитал:

“Господин мой!

Вы оставили меня в таком ужасе, что я не могу найти себе места. Мне не уснуть, пока я не помирюсь с вами. Умоляю вас немедленно прийти ко мне, и, поверьте, ваша покорная служанка, которая целует ваши руки, ни в чем вам не откажет”.

Рокка нахмурился.

— Мысль дельная. Но почерк?

— А ты думаешь, она писала ему раньше?

— Едва ли. Нет, конечно, — Рокка вернул лист Галлино. — Не хватает ее подписи.

Галлино покачал головой, и губы его чуть разошлись в усмешке.

— Одни поймут все и без подписи. Другим она скажет слишком много, — он сложил лист, запечатал его комочком воска, написал имя получателя. — А теперь прикажи подать ужин. Письмо пусть постоит.

В тот час, когда жители Кордовы готовились отойти ко сну и на узких улочках встречались лишь редкие прохожие, закутанный в черный бурнус мужчина постучался в ворота мавританского дворца на Ронде. Привратнику он сказал, что принес срочное послание, которое может вручить только дону Рамону де Агилару.

Привратник впустил его во двор, где единственный фонарь освещал журчащую воду фонтана. Мужчина встал у самой стены, где и нашел его дон Рамон.

— Что за послание?

Мужчина молча протянул ему сложенный вчетверо лист бумаги.

Дон Рамон сломал печать и при свете фонаря прочитал записку. Его глаза блеснули, щеки зарделись пятнами румянца.

— Гонсало, шляпу и плащ, — приказал он.

— Я могу идти, ваша светлость? — пробормотал посылный.

— Да. Нет. Подожди.

Привратник накинул плащ на плечи своего господина.

— Мне позвать Сальвадора или Мартина, чтобы сопровождать ваше высочество?

— Нет. Меня проводит он, — дон Рамон мотнул головой в сторону мужчины в бурнусе. — Возможно, я вернусь только утром. Мое оружие.

Привратник подал пояс с мечом и кинжалом. Приказав посылному следовать за ним, дон Рамон выскользнул за ворота. Они шли по широкой улице. На чистом небе ярко сияли звезды, над горизонтом только что поднялся узенький серпик луны. Лишь звук шагов нарушал тишину ночи, да далекое бреньканье гитары.

Дон Рамон свернул налево, к огромному Мавританскому мосту через Гвадалквивир, шесть арок которого казались черными дырами. Он летел словно на крыльях, не думая ни о чем, кроме только что полученной записки.

Хотя Беатрис ничего не знала об этой записке, последняя достаточно точно отражала состояние души ее предполагаемого автора. Беатрис печалила не столько ссора с Колоном, как опасение за его жизнь. Она подозревала, что дон Рамон действительно может приказать расправиться с мореплавателем.

Правда, Рокка обещал все уладить. Но каким образом мог он повлиять на такого могущественного человека, как граф Арияс?

Она то холодела при мысли о том, что может случиться с Колоном, то ее бросало в жар, когда она представляла себе, что думает он о ней в этот час. Так что Беатрис не нашла другого выхода, кроме как немедленно пойти к нему и объясниться.

И выбежала на улицу, даже не вспомнив об опасностях, которые могут подстергать одинокую женщину, не кликнув свою служанку. Калье Атаюд находилась неподалеку, несколько прохожих, встретившихся на пути, не обратили на нее ни малейшего внимания.

У ворот в дом Бенсабата она дернула за цепь звонка. Изнутри донесся мелодичный перезвон. Дверь распахнулась, Бенсабат в фартуке вышел на порог, всматриваясь в темноту.

— Я ищу сеньора Колона. По срочному делу, — от

быстрой ходьбы у нее перехватило дыхание.

— Сеньора Колона? Понятно, — Бенсабат хохотнул, отодвигая засов. Приоткрыл воротину. — Заходите. Заходите, — указал на дверь слева. — Он там. Поднимитесь по лестнице.

Беатрис поблагодарила его, открыла указанную дверь, взбежала по ступенькам, постучалась.

— Входите! — раздался голос.

Она толкнула дверь, та отворилась.

Колон в рубашке и бриджах сидел за столом. Ярко горели две свечи в деревянных подсвечниках, перед ним лежала карта, на которой он что-то рисовал разноцветными чернилами. То есть собирался рисовать, потому что чернила уже высохли на перо, а перед глазами стояло перекошенное страхом лицо Беатрис. В ушах звучал ее голос: "Уходите! Уходите!"

Обернувшись на скрип открываемой двери, он подумал, что все еще находится во власти видений. В дверном проеме застыла Беатрис.

Колон отбросил перо, вскочил.

— Можно мне войти? — И, не дожидаясь ответа, переступила порог, закрыла за собой дверь.

Они стояли лицом к лицу, смотрели друг на друга через разделявший их стол. Ее губы дрожали, он ждал внешне спокойный, даже суровый. Наконец Беатрис собралась с духом и заговорила.

— Вы понимаете... не правда ли?.. Почему я попросила вас уйти. Вы видели... не так ли?.. В таком я была состоянии.

Колон не смог скрыть обиды.

— Я нахожу вполне естественным, что такие, как вы, отдадут предпочтение испанским грандам.

— Такие, как я! Да за кого вы меня принимаете? Ладно, все это неважно. Вы хотите наказать меня за оскорбление, которое, как вам кажется, я вам нанесла.

— Что значит "как мне кажется"?

— То и значит. Если б вы верили в меня, то вели бы себя иначе. Неужели так трудно понять, что я вела себя подобным образом лишь из страха за вас.

— Мне нечего бояться.

— Нечего? Если бы так. Думаете, в противном случае я бы пришла к вам?

— Я уже задаюсь вопросом, а почему вы пришли?

Слова полились бурным потоком.

— Чтобы предупредить вас. Тот человек ушел от меня, поклявшись, что наймет убийц, чтобы расправиться с вами. Вы знаете, кто он такой. Злобный, жестокий,

совести у него ни на грош. Не остановится ни перед чем, лишь бы получить желаемое. Поэтому я и пришла. Хочу предупредить вас, чтобы вы остерегались.

Колон задумчиво смотрел на нее.

— Кто для вас этот человек, если позволяет вести себя так, словно он — ваш хозяин?

Беатрис горько улыбнулась.

— Вы не правы, если думаете, что я — его наложница. Если бы так было на самом деле, едва ли я прибежала бы к вам. О, разве вы не видите сами? — страстно воскликнула она. — Более всего я хотела, чтобы вы остались тогда со мной, с вами мне было куда покойнее, но я крикнула вам: “Уходите!”, потому что боялась за вашу жизнь. Неужели вы этого не понимаете?

Пыл ее слов сорвал Колона с места. Он обогнул стол, обнял Беатрис, прижал к себе.

— Иногда я тупею, — в раскаянии пробормотал он. — Непростительно тупею. Мне хватило ума рассердиться на вас. Я жестоко ошибся. Решил, что вы отвергли предложенное мною сердце.

— Вы исходили лишь из того, что увидели. Вот почему я поспешила прийти сюда.

— Мне следовало верить не только глазам.

— Да, — согласилась Беатрис. — Вам следовало понять, что вы стали свидетелем одной из несправедливостей, что преследуют меня всю жизнь.

— Но, может, вам изменить образ жизни?

— Мы уже говорили об этом. Я актриса. Сцена кормит меня. И другого выбора у меня нет, разве что уйти в монастырь.

— Вы не рождены для монастыря.

— Знаю ли я, для чего рождена? Я не рождена для нищеты. Но судьба ввергла меня в нее, и выбраться нет никакой возможности.

— С этим надо кончать, Беатрис, — решительно заявил Колон. — Ваш дон Рамон наглядно показал мне, чем грозит вам такая жизнь. Я, знает Бог, сейчас не могу предложить вам ничего, кроме моей любви. Но скоро положение изменится, и все мои богатства я сложу у ваших ног, Беатрис. Мое имя защитит вас от всех тревог, если вы будете носить его.

— Если я буду носить его? — отозвалась она, словно не понимая, о чем речь.

— Если вы станете моей женой, дорогая моя.

Колон почувствовал, как задрожало ее тело. Ответила она после долгой паузы.

— Вы предлагаете мне стать вашей женой, — она

вырвалась, отступила назад. Глаза ее переполнились болью. — О, а что вы обо мне знаете?

Вопрос озадачил Колону.

— Я знаю, что вы — моя женщина, что я люблю вас, Беатрис.

— Пожалей меня Бог! — воскликнула она.

— Беатрис! — он шагнул вперед, протягивая руки. Она же отпрянула от него.

— Нет, нет, — она повернулась и не твердым шагом, словно слепая, направилась к диванчику. Упала на него, словно ноги отказались слушаться, бессильно сложила руки на коленях. — Это невозможно, Кристоаль. Невозможно.

Окончательно сбитый с толку, он подошел, наклонился над Беатрис.

— Невозможно?

— Чего бы я только не дала, чтобы пойти с вами к алтарю. Ваши слова — самое дорогое, что у меня есть. Я — ваша, Кристоаль, до последнего моего вдоха. Я буду любить вас и служить вам всю жизнь.

— Но тогда...

— Я уже замужем, Кристоаль.

Он резко выпрямился.

— Замужем! Вы замужем?

— Мужа у меня нет. Это единственная милость, которую даровала мне судьба. Человек, которому я стала женой, отбывает пожизненное наказание на галерах королевы Кастильской. Этот развратник кончил, как ему и положено, заколов мужчину, с которым поссорился из-за проститутки. Так уж случилось, что тот мужчина остался в живых. Благодаря этому и из-за постоянной нужды в гребцах Энрикесу даровали жизнь вместо того, чтобы задушить его. Он будет галерником, пока не умрет. Но я и он связаны церковью, так что... — она всплеснула руками и вновь уронила их на колени.

Потрясенный ее словами, Колон присел рядом, положил руку ей на плечи, привлек к себе.

— Бедняжка! Как мне утешить вас!

— Не надо, Кристоаль. Не надо. Лучше всего дать мне уйти. Уйти из вашей жизни. Словно мы никогда и не повстречались.

— Нет, никогда! Никогда. Никогда. Пусть вы не можете стать моей женой, но я все равно буду заботиться о вас. Больше того, только теперь я понимаю, сколь это необходимо.

— Ах, если б вы только знали. Если б вы знали все. Послушайте...

Но Колон прервал ее.

— Мне уже достаточно известно. Больше чем достаточно. Я знаю, что люблю вас, а вы признались, что любите меня.

— Это так! Но...

— Все остальное не имеет никакого значения. Я вот сказал, что у меня ничего нет. Но я верю, что стою на пороге великого открытия, и скоро мне будут принадлежать огромные земли. И мои богатства позволят вам занять то положение, которое вы, несомненно, заслуживаете, — Колон крепко прижал ее к груди. — Беатрис! — и жадно поцеловал в губы.

Но в девушке вновь проснулась тревога.

— Дайте мне уйти, — взмолилась она. — Дайте мне уйти. Отпустите меня.

Повинуясь, он оторвался от нее.

— Я только накину плащ и провожу вас.

Беатрис схватила его за руку, не дав встать.

— Нет! — воскликнула она. — Разве вы забыли, почему я здесь? Что привело меня к вам? Я не могу допустить, чтобы вы в одиночку шли по темным улицам.

— Ба! — рассмеялся Колон.

— Я говорю серьезно. Вы не знаете графа Арияса. И когда я пришла к вам, мне показалось, что у ворот крутятся два подозрительных типа. Я не знаю, убийцы ли это, посланные доном Рамоном. Но я их боюсь.

— Я возьму с собой оружие, — попытался успокоить ее Колон.

— Днем оно может помочь. Но не ночью. Обещайте мне, что никогда более не будете ходить один.

— Выполнить это довольно сложно.

— Обещайте, — настаивала Беатрис. — Обещайте, если любите меня. Если с вами что-то случится, где я найду защитника?

— Защитника, которого вы защищаете, — Колон усмехнулся. — Хорош защитничек.

Но улыбка быстро уступила место серьезным мыслям. Действительно, а кто позаботится о ней, если его убьют. Такое возможно, то ли по наущению дона Рамона, то ли кого-то другого. Что нужно сделать, чтобы Беатрис не осталась одна? Решение созрело быстро.

— Послушайте, Беатрис. Прежде чем вы уйдете, я хочу вам кое-что сказать. Что касается дона Рамона, не волнуйтесь, я сумею постоять за себя. Но вы, однако, напомнили мне, что я смертен и должен принять некоторые меры предосторожности.

Он подошел к картине мадонны, снял ее и из маленькой ниши за ней достал ключ. Открыл им сундучок под окном, откнул крышку, вынул жестяную коробку

длиной в пол-ярда и шириной порядка фута.

— Видите эту коробку?

Беатрис молча кивнула.

Колон положил ее на место, опустил крышку, запер сундук, вернулся к дивану и сел рядом с Беатрис.

— Это мое наследство, которое я оставляю вам. В коробке этой все мое состояние. Но цена его может оказаться очень велика. Там карта, а вместе с ней полный перечень аргументов и фактов, на основе которых она была вычерчена.

Беатрис замерла, пальцы ее сжались в кулачки.

— Если со мной что-то произойдет, Беатрис, вам надлежит сделать следующее, — продолжал Колон. — Вы возьмете эту коробку и отнесете ее дону Луису де Сантанхелю, канцлеру Арагона. Я предупрежу Бенсабата, что в случае моей смерти вы вправе распоряжаться всеми моими вещами.

Беатрис вцепилась ему в руку, прервав его.

— Нет, нет! — выкрикнула она.

— Подождите, дайте мне договорить. К карте я приложу письмо для дона Луиса де Сантанхеля, в котором поручу продать ее их величествам, чтобы кто-то еще с ее помощью открыл новые земли, которые принесут славу и богатства Испании. Дон Луис, я уверен, возьмет за карту хорошую цену. Половина этих денег позволит вам жить в достатке. Другая половина отойдет моему маленькому сыну. Он сейчас в Палосе, в монастыре Ла Рабида.

— Матерь божья! — с такой душевной болью воскликнула Беатрис, что Колон вздрогнул.

Глаза ее превратились в черные озера на бледном, как мел, лице. Лишь на мгновение выдержала она его взгляд, а затем разрыдалась, опустив голову.

Колон ничего не понимал.

— Ну, почему, Беатрис? Почему? — он нежно обнял ее. — Зачем эти слезы? Это же самые обычные меры предосторожности. Я, конечно, не верю, что со мной что-либо случится, но вдруг... И я не могу не позаботиться о вас...

— Мне стыдно, — рыдала она. — Так стыдно.

— Стыдно? Чего тут стыдиться?

— Моей никчемности.

Колон лишь крепче прижал ее к себе.

— Для меня вы дороже всех богатств Индии.

— Вы не понимаете, — она подняла голову, а затем порывисто обняла за шею, спрятав лицо у него на груди.



В ПРЕДДВЕРИИ ПРАЗДНИКА ТЕЛА ХРИСТОВА



олон открыл дверь, и Бенсабат, шаркая ногами, по обыкновению внес в комнату гостя медный поднос с завтраком: хлеб, сыр, оливки, финики и кувшин с крепкой "малагой".

Поставив поднос на краешек стола, на котором все еще лежала карта, над ней работал Колон, когда пришла Беатрис, старик огляделся и сразу же заметил синий женский плащ, брошенный на диванчике. С бесстрастным лицом он посмотрел на Колону, одетого в рубашку и бриджи. Чуть поклонился.

— С добрым утром, сеньор Колон.

— С добрым утром, Хуан.

Бенсабат указал на поднос.

— Ваш завтрак. И письмо, которое прислал с посыльным дон Луис де Сантанхель.

Колон кивнул. Бенсабат переминался с ноги на ногу, кося глазом на задернутую портьерой нишу, где стояла постель.

— Сегодня утром вам больше ничего не нужно, сеньор?

— Больше ничего, Хуан.

— Да, есть новости! Говорят, что их величества через день или два покинут Кордову и отправятся в Вегу. Туда прибыли свежие войска. Осада вступает в решающую стадию, и поговаривают, что еще до Рождества христианский крест сменит полумесяц над стенами Гранады.

— Ясно! — рассеянно кивнул Колон. Ему-то хотелось, чтобы Бенсабат поскорее ушел.

— Есть и плохие новости, — не унимался портной. — Этим утром из реки выловили идальго, мертвого, как Магомет, с разбитой головой. Очень знатного идальго, графа Арияса, племянника главного инквизитора Кордовы.

Колон почувствовал, как учащенно забилося сердце. Услышал он, а может, ему почудилось, как ахнули за портьерой. Внешне, однако, он оставался совершенно невозмутим, а глуховатый Бенсабат, естественно, ничего не расслышал.

— Бедняга, — вздохнул Колон. — Упокой Господи его душу.

— Амен, сеньор! Амен! — портной перекрестился, как требовала того новая его религия. — Пока неясно, то ли он разбил голову при падении, то ли его сначала удари-

ли по голове, а уже потом сбросили в реку. Важный господин, этот граф Ариас. Умный, образованный. Его будет недоставать нам.

— Несомненно, — кивнул Колон и взял с подноса письмо. — Вы можете идти, Хуан.

Бенсабат, поняв, наконец, что он лишний, вышел из комнаты.

Едва за ним закрылась дверь, откинулась портьера и из ниши выскользнула Беатрис.

— Я слышала, — ее глаза раскрылись в испуге.

— Граф Ариас, — он посмотрел на головку Беатрис, приникшую к его плечу, и обнял ее. — Бедняга. Я закажу мессу за упокой его души. Если б не он, ты не пришла бы ко мне вчера вечером.

— Как мы теперь знаем, избежать этого нам бы не удалось.

— Согласен, не удалось бы, но так это произошло раньше. Или ты сожалешь об этом?

— Нет, — искренне ответила Беатрис. — И никогда не буду сожалеть.

— Клянусь Богом, я не дам тебе повода, — Колон наклонился и поцеловал ее. — Теперь я буду заботиться о тебе. Сядь сюда, — он пододвинул ей стул, смахнул карту на диванчик, поставил перед Беатрис поднос. — Подкрепись, дитя мое. А Индии могут подождать.

Его, словно юношу, переполняла энергия. Глаза горели ярким огнем. Говорил он без умолку.

— Это бедное жилище, но все же крыша над головой. Оно в полном твоем распоряжении. Когда же я вернусь из земель Великого Хана, где дома кроют золотом, ты переселишься во дворец, достойный твоей красоты. А пока придется тебе побыть драгоценным камнем в простенькой оправе.

Колон прервался, чтобы налить ей вина.

— Отчего ты такая серьезная, Беатрис?

— От твоих слов поневоле станешь серьезной.

— Тогда мне лучше помолчать. Я хочу, чтобы ты улыбалась. Или ты несчастлива? Ты не испытываешь дурного предчувствия, доверяя себя такому бродяге, как я?

— Милый мой! — воскликнула она, отбрасывая подобные мысли.

— Если это означает, что не боишься, тогда все хорошо, — и Колон тоже принялся за еду. С набитым ртом распечатал письмо, и глаза его засияли еще сильнее.

— Доктора из Саламанки, о которых я говорил тебе вчера, прибыли в Кордову, чтобы вынести решение по моему предложению. Я должен немедленно предстать пе-

ред ними. Их величества желают, чтобы я узнал результат до отбытия в Вегу. Не завтра, предупреждает дон Луис, ибо завтра — праздник тела Христова. И... ха-ха!.. — хитрый канцлер советует мне принять участие в процессии со свечкой в руках, чтобы расположить к себе теологов, из которых и состоит высокая. Теологи, судящие о космографии. Смех, да и только. Посмеемся, Беатрис. Все это столь же забавно, как увидеть космографа, проповедующего на аутодафе.

Однако ни этой шуткой, ни в дальнейшем ему не удалось развлечь Беатрис. Ела и пила она мало, мысли ее, похоже, были далеко-далеко. И наконец, Колумб прямо спросил ее об этом.

— Что-то тяготит тебя, Беатрис?

Она выдавила из себя улыбку.

— Мысль о том, что мне пора идти. Уже день на дворе. Загарте будет волноваться, — она встала.

Колон помог ей надеть плащ.

— Когда я снова увижу тебя, дорогая моя?

— Когда захочешь. Я буду ждать твоего прихода.

— Нам еще столько надо сказать друг другу. Так много, что мне кажется, мы никогда не выговоримся.

Он поцеловал Беатрис, и та, низко надвинув капюшон, ушла.

Быстрым шагом добравшись до Загарте, она пересекла пустынный двор, поднялась по лестнице, открыла дверь своей комнаты, переступила порог и чуть не вскрикнула, увидев сидящего за столом мужчину. Тот поднял голову, и она подавила крик, узнав Галлино.

— Что вы тут делаете? — сурово спросила она.

Галлино встал, двинулся ей навстречу.

— Дожидаюсь тебя, дорогуша. И того, что, я надеюсь, ты мне принесла.

Грубый его голос разом вернул Беатрис на землю.

— Ничего я не принесла, — прошептала она.

— Как это ничего? — его маленькие глазки впелись в ее лицо. — Что значит "ничего"? Закрой дверь, — приказал Галлино. Взгляд его гипнотизировал Беатрис, и она послушно выполнила требуемое. — Как же так, девочка моя, ты пошла, чтобы предупредить его, и осталась на ночь, чтобы он мог отблагодарить тебя. Ты не могла потратить это время впустую. Ни в косм разе, — он помолчал. — Ну?

— Повторяю, я ничего вам не принесла.

— Ага! — Галлино подступил к ней вплотную. — Но откуда столь вызывающий вид? Что это должно означать? — Он больно схватил ее за руку, глазки его злобно

блеснули. — Уж не свалилась ли ты в ту яму, что вырыла для него? Не поддавалась ли чувствам? Не приняла ли нас за дураков?

— Отпустите мою руку, — фыркнула Беатрис.

Галлино не просто отпустил руку, отбросил с отвращением.

— Глупая потаскушка! Я получил ответ. Я уже заподозрил неладное, когда Рокка рассказал мне, как ты испугалась, услышав угрозы твоего дружка графа Арияса в отношении этого паршивого моряка.

— Графа-то вы убили, — глухо ответила Беатрис.

Взгляд его сквозил презрением.

— Думай, что тебе хочется. Но держи эти мысли при себе, если тебе дорога собственная жизнь. А лучше забудь об этом. И вспомни своего брата, гниющего в подземелье. Ты, и только ты, оттягиваешь его освобождение.

Смертельно поблдев, она добралась до дивана и рухнула на него, ничего не ответив. Но Галлино все напирал и напирал.

— Уж не хочешь ли ты сказать мне, что тебя обманули? Что ты заплатила установленную цену, удовлетворила сладострастие подонка и ничего не получила взамен? Так ли это?

— О, какой же вы мерзкий. Мерзкий! Мерзкий!

— Мне без разницы, каким я тебе представляюсь, но я должен знать истинное положение дел. Ты отдала все, но ничего не получила? Если да, то почему? Я хочу знать, остались ли мы в исходной точке или все же продвинулись к цели.

Галлино наклонился над ней и заговорил вновь, уже без угрозы в голосе, будничным тоном.

— Для меня, собственно, неважно, что случится с твоим братом. Но, по меньшей мере, будь с нами честна. Не транжирь нашего времени, если у тебя отпало желание спасти его. Если ты решила отдать его в руки закона. А по закону, как ты знаешь, его ждут или галеры, или палач.

— Пабло! Пабло! — заголосила она.

— Ну?

Раздираемая противоречивыми чувствами, она никак не могла ступить на одну из двух лежащих перед ней троп. Каждая вела к предательству, одна — брата, вторая — возлюбленного. В ужасе перед таким выбором, она думала только о том, как бы потянуть время.

— Подождите, подождите, — Беатрис обхватила голову руками. — Вы требуете невозможного. Как я могла взять карту, когда он был там?

Посмотри она на Галлино, то увидела бы по хищному блеску его глаз, как много сказала ему эта фраза. Голос его сразу смягчился.

— Действительно, как? Ты, однако, знаешь теперь, где он хранит карту, а это уже кое-что. — Галлино помолчал, пристально наблюдая за Беатрис. Та отпираться не стала, и Галлино понял, что угадал. — Когда ты сможешь проникнуть в его тайник?

С этим вопросом он, похоже, поспешил.

— Никогда! — вскинулась Беатрис. — Красть я не буду! Не буду!

Он шумно вздохнул, чтобы успокоить себя, не сорваться на крик. И, улыбаясь, продолжил:

— Столько трудов, и все понапрасну. Ты зашла достаточно далеко, узнала, где карта. Почему же не сделать еще шаг и спасти своего несчастного брата?

— Я вам ответила. Красть я не буду.

— Да. Ответила, — улыбка стала мрачной. — Действительно, ответила.

Но она уже не слушала его. Галлино еще постоял, а затем резко повернулся, пересек комнату и скрылся за дверью. Беатрис так и осталась на диване, сердце ее переполняли скорбь и тревога.

Галлино же вернулся в "Фонда дель Лион" дожидаться Рокку, который появился лишь после полудня, со свежими новостями. Из Саламанки ко двору прибыла ученая комиссия. Слушания начнутся незамедлительно. Не завтра, поскольку завтра — праздник тела Христова, но в пятницу, возможно, в субботу, во всяком случае никак не позднее следующей недели, поскольку их величества спешат в Вегу. Поэтому действовать нужно сейчас же. Беатрис должна сегодня же раздобыть карту. Слишком уж она медлит. Но, может, прошлой ночью...

Рокка умолк на полуслове, увидев, как дернулось лицо Галлино.

— Она не медлит. Нет. Все гораздо хуже. Эта дура сама угодила в расставленную сю сеть.

Глаза Рокки выкатились из орбит.

Он разразился потоком ругательств в адрес Беатрис, прервать который Галлино удалось с большим трудом.

— Подожди. Подожди. Нет худа без добра. Она знает, где спрятана карта.

— Если она знает это, то не так уж сложно заставить ее сделать и остальное.

— Не так уж сложно? При ее-то характере? Принуждение только укрепит ее в верности Колону.

— А ее брат?

— Есть любовь посильнее сестринской. Разве ты этого не знаешь? От нас требуются терпение и осторожность. Саразия не прощает неудач.

Рокка на мгновение задумался.

— Если она знает, где он прячет карту, значит, она ее видела. То есть у нас не должно быть сомнений в том, где она находится. В его квартире.

Галлино пренебрежительно хмыкнул.

— Да, ты у нас кладезь премудрости.

Рокка пропустил шпильку мимо ушей.

— Значит, так, — продолжил он, — завтрашний день — наш верный шанс. Колон примет участие в торжественной процессии. То есть полдня дома его не будет. За это время мы успеем перетрясти все его пожитки.

Галлино уже не хмыкал.

— А как же мы войдем?

— Если не отыщем ключ, я просто взломаю замок.

— А владеец дома, портной?

— Уж его-то не будет наверняка. Ни один новообращенный в Кордове не решится поставить под сомнение свою приверженность к христианству. Все они уйдут на праздник. Такая удача выпадает не часто.

Галлино медленно кивнул.

— Я прихожу к выводу, что ты совершенно прав.

Глава 17

ПРАЗДНИК ТЕЛА ХРИСТОВА



од жарким июньским солнцем Андалузии людское море заполнило Апельсиновый сад Мескиты. Придворные, разодетые в шелк и парчу, офицеры в стальных доспехах, рыцари в алых и синих плащах, священнослужители в черном, монахи в коричневом, сером, белом, геральды и трубачи в желтом и красном. Руководил всем алькальд Кордовы дон Мигуэль де Эскобедо.

Споры между светскими и духовными лицами, человеческая глупость, ошибки организаторов съедали минуты и часы, и трубачи по знаку алькальда подали сигнал, лишь когда солнце уже достигло зенита и жара стала невыносимой.

В то же мгновение загудели колокола кафедрального собора, поднятые на вершину минарета, и распахнулись огромные бронзовые двери собора, знаменуя начало праздника.

Пока зажигались свечи, алькальд в черных латах и черном же шлеме прошел по двору.

За красными стенами, по массивности приличествующими скорее крепости, чем храму, ждали конные альгасилы.

Дон Мигуэль вскочил на коня, тут же подведенного ему, по его команде и взмаху руки всадники выстроились двумя рядами, формируя голову процессии, и со скоростью пешехода двинулись по улице, тротуары которой запрудили зрители. Жители окрестных домов наблюдали за процессией из окон и с балконов.

Альгасилы продвигались вперед в солнечном свете, льющемся с безоблачного, синего неба. Первым из Апельсинового сада вышел монах-францисканец с распятием, а за ним — шестьдесят хористов, юными нежными голосами поющие "Veni Creator Spiritus". Далее следовал главный инквизитор Кордовы под хоругвью Святой влаты, с зеленым крестом между оливковой ветвью и обнаженным мечом, которую нес доминиканец. Рядом с главным инквизитором шагал приор доминиканцев, позади — пятьдесят монахов этого ордена, идущих парами, с зажженными свечами. Им в затылок шло столько же светских братьев, сплошь дворяне, в черных накидках с вышитым красным крестом святого Доминика. Новые хоругви, новые монахи, на этот раз ордена святого Франциска, и из ворот вышли геральд и шесть горнистов. Они предшествовали появлению кардинала Испании. Ехал тот на белом муле, с головы до ног — от носка сапожков до широкополой шляпы — весь в ярко-красном. За ним следовала толпа его грумов и пажей в красных ливреях.

Появление кардинала послужило сигналом для стоящих на тротуарах. Люди опускались на колени, чтобы получить благословение, которое кардинал щедро раздавал правой рукой, также затянутой в алое, с сапфировым перстнем, знаком его сана, надетым поверх перчатки.

Зрители не поднимались с колен, а мимо них прислужник в стихаре нес колокол, шествуя меж двух кадильщиков, ритмично покачивающих дымящимися кадильницами. За ними плыло огромное золотое полотнище, которое поддерживали на золоченых шестах шесть рыцарей Калатравы. Под полотнищем прелат в расшитой золотом ризе нес золотую дароносицу. Его окружали четверо священнослужителей в белых стихарях и алых епитрахильях. Две цепочки монахов со свечами в руках отделяли рыцарей Калатравы от зрителей.

Кадильщики следовали и за полотнищем. Еще один геральд, трубачи, и, наконец, появился сам король Фердинанд с обнаженной головой, в золоченой броне и белой

накидке с вышитым на ней красным геральдическим крестом великого магистра ордена Алькантары. Его свиту составляли двадцать рыцарей ордена, в доспехах и белых накидках.

Далее потянулись придворные, возглавляемые канцлерами Кастилии и Арагона, гранды Испании, менее родовитые дворяне. Среди последних, выделяясь ростом и осанкой, шагал Кристобаль Колон.

Придворных сменила колонна воинов в стальных доспехах, с пиками в руках. Среди них плыла колоссальная фигура святого Георгия, покачиваясь на могучем скакуне. Два груга, шедшие рядом, придерживали стацию, не давая ей упасть.

Медленно, со многими остановками, ползла процессия под уже невыносимо жарким андалузским солнцем, среди запрудивших улицы толп. Наконец, замкнув круг, авангард колонны достиг Альмодовара, где в специально сооруженном павильоне дожидались королева и придворные дамы.

Прошло полных три часа, прежде чем процессия вновь втянулась в Апельсиновый сад и в кафедральном соборе началась торжественная служба.

Эти три часа венецианские агенты использовали весьма продуктивно.

Мастерская Бенсабата, как и все другие лавчонки и магазинчики, закрылась по случаю великого праздника. Но ворота во двор портной не запер, а на улице не было ни души, поскольку все ушли на торжества. Так что Галлино и Рокка проникли во двор незамеченными.

Они поднялись по лестнице, и предусмотрительный Рокка достал из кармана связку ключей. С шестой попытки ключ повернулся в замке и дверь распахнулась.

Обыск не занял много времени. Их внимание сразу же привлек запертый сундучок, стоявший под окном. Рокка уже собирался сломать замок, поскольку не смог подобрать ключ, но более опытный в подобных делах Галлино остановил его. Ему не хотелось оставлять следов. С помощью Рокки он перевернул сундук и осмотрел дно. Как он и предполагал, оно представляло собой несколько тонких планок, прибитых к массивным боковинам. Действуя кинжалом, как фомкой, он без особых усилий оторвал одну планку. Одно за другим достал из сундука какие-то книги, одежду, свитки пергамента и металлическую коробку. Из этой коробки Галлино вынул большую карту, сложенную в размер коробки, вычерченную самым Колоном, несколько карт поменьше и, наконец, карту с печатью и подписью Тосканелли и письмо последнего.

Тонкие губы Галлино разошлись в улыбке.

— Теперь у нас есть все, что нам нужно.

Остальные карты он положил обратно в жестянку, закрыл ее, через щель засунул книги, одежду, жестянку в сундук, установил отодранную планку на место, забил гвозди, и сундук вновь оказался под окном, словно его и не трогали.

Менее чем полчаса, прежде чем процессия полностью покинула Мескиту, торжествующие венецианцы уже возвращались к себе.

Едва они поднялись в свою комнату в “Фонда дель Леон”, возбужденные и веселые, Галлино запер бесценные документы в железный ящик.

— Его светлость может наградить нас годовым жалованьем, — неожиданно он рассмеялся. — Дело сделано, и оказалось, что все не так уж сложно. А этот болван может теперь повеситься на ее подвязках. Если, конечно, не задушит ее сам, когда обнаружит пропажу. А нам, пожалуй, надо сматываться, да побыстрее, — он чуть задумался. — Усдем завтра.

Но Рокка покачал головой.

— Ничего из этого не выйдет. Надо подготовиться к отъезду, нанять лошадей и все такое. Сегодня вся Кордова гуляет, так что с нами не будут даже разговаривать. Да и к чему такая спешка? Мы подождем, пока не узнаем решения, вынесенного докторами Саламанки, чтобы доложить о нем его светлости.

— Какая разница, что они решат, — нетерпеливо возразил Галлино.

— Нам, конечно, разницы никакой нет, но дож, возможно, придерживается иного мнения.

— Задерживаться здесь опасно.

— Так ли? День или два не делают погоды. А его светлость, возможно, одобрит нашу медлительность.

С неохотой Галлино согласился.

— Мне не будет покоя, пока мы не поднимемся на борт корабля в Мадаге, — признался он.



олон вышел из Мечеты поздно, после того, как собор давно уже покинули последние верующие, и мысли его мгновенно переключились с божественного на греховное. Прямым ходом он направился к Загарте.

Харчевню заполнили гуляющие. Не осталось ни одного свободного места ни во дворе, ни за столиками на галерее, ни в кабинетах. Загарте и его слуги, мужчины и женщины, сбились с ног, ублажая дорогих гостей.

Колон, протиснувшись сквозь заполнившую двор толпу, добрался до лестницы и поднялся в комнату Беатрис, в которой как раз прибиралась ее служанка.

Через открытое окно до него долетел голос Беатрис, и ему показалось, что сегодня ей недостает привычной живости. Когда же она появилась в комнате, ее потускневшие глаза разом зажглись, обрадованные его приходом, но потухли, прежде чем Колон склонился над ее рукой.

Беатрис отпустила служанку, слабо улыбнулась.

— Немножко устала, вот и все, — объяснила она, перехватив озабоченный взгляд Колона. — Танцевала сегодня из последних сил.

Колон нежно обнял ее.

— Может, тебе больше и не стоит развлекать толпу, — пробурчал он.

— Нет смысла, друг мой, противостоять неизбежному.

— Я же пообещал тебе, что вскорости с этой неизбежностью будет покончено. Как только мои дела пойдут в гору, а ждать осталось недолго, тебе больше не придется выходить на сцену. Я буду заботиться о тебе.

— Надо ли мне обременять тебя, Кристоаль?

— Надо ли мне любить тебя, Беатрис? Ответь на мой вопрос, и ты получишь ответ на свой. Все, к чему я стремился, что казалось не целью, на самом деле не более чем средства, ведущие к цели настоящей, — он помолчал. — Когда окончилась служба и все ушли, я час или более оставался на коленях, молился в Мечети деве Марии, молился за тебя и за себя; молился, чтобы я наконец смог избавить тебя от всего этого.

На глазах Беатрис выступили слезы.

— Помолись за меня сегодня, Беатрис, в уверенности, что, молясь за меня, ты молишься за себя.

— Мой дорогой, мой дорогой! — по щекам ее потек-

ли слезы, о причине которых он даже и не подозревал. — Я бы и так помолчилась за тебя. Ты всегда будешь в моих молитвах.

— Они придадут мне сил, — и Колон страстно поцеловал ее.

Уходил он от Беатрис в превосходном настроении. Он чувствовал, что переполняющая его энергия сметет все преграды и победа, несомненно, останется за ним.

Та же уверенность не оставляла Колона и на следующее утро, когда он начал собираться в Алькасар.

Решив одеться понаряднее, он открыл сундук и с удивлением обнаружил, что внутри все перевернуто. Замешательство его длилось недолго, поскольку замок взломан не был. И Колон уже решил, что беспорядок — результат его собственной поспешности, когда он доставал из сундука жестянку с картой Тосканелли. Достал он ее и на этот раз, вытащил большую карту, которую намеревался продемонстрировать докторам из Саламанки. Свернул ее, перевязал лентой. Потом решил, что следует взять с собой карту и письмо Тосканелли, хотя и не предполагал, что они могут понадобиться. Мгновением позже Колон прошиб пот, потому что ни карты, ни письма он не обнаружил. Он перенес жестянку к столу, вывалил на него все ее содержимое, перебрал бумаги. Драгоценные документы исчезли.

Колон постоял, не зная, что и делать. Затем вернулся к сундуку, но лихорадочные поиски и тут закончились неудачей.

Оглушенный, он стоял над сундуком, прежде чем открылась истина: его ограбили. Но как это могло случиться? Замок-то цел. Тем не менее карта пропала, причем пропала в тот самый момент, когда была нужнее всего. В ярости спрашивал он себя, кто, кто мог сделать такое, кто вообще знал, что эта карта у него. Он не говорил об этом никому, кроме Беатрис, но даже сама мысль о том, что она хоть как-то замешана в этом деле, казалась ему кощунственной.

Подозрения его пали на португальцев. Король Жуан знал о существовании карты. Возможно ли, что ему стало известно об обращении Колона к владыкам Испании. Не испугался ли он, что предложение, которое он отверг, будет принято, а в выигрыше останется сопредельное государство? Не мог ли он послать агентов, чтобы выкрасть карту и, таким образом, лишить Колона самого веского аргумента?

Он многого натерпелся от короля Португалии. Но и подумать не мог, что тот решится на кражу. Правда, карту эту он сам раскрывал не один месяц назад.

Медленно, очень медленно приходил в себя Колон. Ему нанесли жестокий удар. Но постепенно мысли его потекли в другом направлении. О чем, в конце концов, тут волноваться? Документы Тосканелли лишь подтверждали его собственные выводы. Выводы эти основывались на фактическом материале, собранном до того, как он обратился за консультацией к Тосканелли. И именно эти данные, не оставляющие ни йоты сомнения, могли убедить любую комиссию.

Колон приободрился. Если этот жалкий португальский король действительно приказал выкрасть карту, он скоро поймет, что все его усилия пропали зря.

И в Алькасар Колон прибыл с прежней решимостью добиться победы. Поручкой тому была не только доброжелательность Сантанхеля, но твердая поддержка фрей Десе. Монах направлялся в зал заседаний совета, где собиралась комиссия, но, увидев в приемной Колону, пошел к нему.

— Будьте уверены в успехе, сын мой. Мой голос — не единственный, на который вы можете рассчитывать.

Какая нужда, спрашивал себя Колон, горевать об украденном, когда и без карты Тосканелли его доводы оказались столь весомыми, что такой умница, как Деса, безоговорочно поверил ему? С этой мыслью он смело прошел в зал заседаний.

Тринадцать человек сидели вдоль длинного стола, застеленного красным бархатом, перед каждым лежали письменные принадлежности. Все они смотрели на Колону.

Председательствовал фрей Эрнандо де Талавера, теперь епископ Авильский. Его кресло с резными ручками стояло на небольшом возвышении. По правую руку от него сидел Деса, по левую — дон Родриго Мальдонадо, опытный мореплаватель, губернатор Саламанки. В состав комиссии входило еще трое мирян, дон Матиас Ресенде, адмирал, командующий флотом Арагона, и два канцлера, Кинтанилья и Сантанхель. Из остальных пятеро представляли орден святого Доминика, все профессора университета Саламанки. Шестой, фрей Иеронимо де Каларра, известный математик, носил серую сутану ордена святого Франциска. А последним, седьмым, был дон Хуан де Фонсека, священник, живущий в миру, обладающий особым даром находить новобранцев для армии и флота. Именно ему доверяли король и королева подбирать команды на новые корабли. Этим, собственно, и объяснялось его включение в состав комиссии.

Напротив Талаверы, по другую сторону стола стояло одинокое кресло, которое епископ взмахом руки и предложил занять Колону.

Тот поклонился комиссии и сел, положив карту на колени. Талавера тотчас же обратился к нему.

— Мы собрались здесь, сеньор, по приказу их величеств, чтобы выслушать ваше предложение, изучить доказательства, на которых основаны ваши выводы, и вынести решение об осуществимости такой экспедиции. Позвольте заверить вас, сеньор, в наших суждениях не будет места предвзятости. Мы приглашаем вас начать.

Хотя Колона и не просили, он встал, для большей убедительности своих слов.

Он рассказал о путешествии Марко Поло, процитировал строки из книги венецианца, касающиеся расположения острова Сипангу в полутора тысячах миль к востоку от той точки, где остановился Поло. Напомнил присутствующим о сферичности Земли, о теории Птолемея, нашедшей немало подтверждений в последующих открытиях. Указал, что теория эта неопровержимо доказывает, что, плывя на запад, можно достичь и острова Сипангу, о котором писал Поло, и земель, лежащих за ним. Независимым доказательством существования этих земель являются предметы, выбрасываемые западными штормами на берег Азорских островов. Стволы деревьев с резьбой, гигантский тростник, какой не растет в известном нам мире, но о котором упоминал Птоломей.

Тут его впервые прервали.

— Вы говорите, сеньор, — подал голос Мальдонадо, — о том, что вы видели или слышали. Но нам показать этого вы не можете, как и мы не можем принять ваши слова на веру.

Две или три головы согласно качнулись. Колон вспыхнул. Взгляд его горящих глаз уперся в дона Родриго.

— Я говорю, господа, о тех фактах, которые известны практически всем, кто уделил какое-то время изучению этого вопроса.

Его расчет оказался верным. Никто не пожелал признать себя невеждой.

И после короткой паузы Колон продолжил изложение своих аргументов. Отступив от математики и физики, он напомнил уважаемым членам комиссии слова пророка Ездры, которому Господь Бог поведал, что водная гладь занимает седьмую часть Земли. Отталкиваясь от этого божественного пророчества, он провел расчеты, которые показали, что земля находится примерно в семистах лигах к западу, и земля эта — восточная оконечность Индий, как следует из карты, которую он хотел бы представить на суд комиссии.

Колон развернул пергамент, подошел к столу и по-

ложил карту перед председателем комиссии, епископом Авилы.

По знаку Талаверы Деса и дон Родриго придвинулись ближе, чтобы повнимательнее рассмотреть карту. Они не произнесли ни слова, и карта перешла к другим членам комиссии. По двое, по трое они разглядывали ее, тыча пальцами, качая головами, перешептываясь, в то время как Колон ждал, усевшись в кресло.

Наконец, когда карта вновь оказалась перед Талаверой, темные глаза епископа остановились на Колоне.

— Наверное, у вас есть и другие аргументы?

— А разве тех, что я привел, недостаточно? — спокойно возразил Колон.

— Мы слышали в основном предположения, подкрепленные, разумеется, логическими рассуждениями, но не фактами. Так что доказательства вашей правоты мы, к сожалению, не получили.

Колон вновь вскочил.

— Позвольте с вами не согласиться. Я думаю, ваше преподобие, они у вас есть. Дедуктивный метод поиска доказательств знаком каждому математику и, пусть и в меньшей степени, любому моряку.

Талавера повернулся к адмиралу.

— Что вы на это скажете, дон Матиас?

— Я думаю, это хороший ответ, мой господин. И едва ли можно спорить, принимая во внимание сферичность Земли, а в этом уже ни у кого нет сомнений, что, плывя на запад, мы обязательно достигнем восточной оконечности суши.

Но с конца стола прозвучал хриплый голос.

— Является ли сферичность Земли доказательством того, что суша наличествует и на другой половине сферы? — в спор вступил Калаорра, монах-францисканец. — Мне представляется, что те, кто поплывет в открытый океан, лишатся даже надежды на возвращение.

— Однако дальние плавания уже не в диковинку, — заметил Колон. — Португальские моряки совершили их немало, принеся славу и богатство королю Жуану.

— Мы говорим о плавании в открытом океане, не так ли? Они же плыли вдоль Африканского побережья, не теряя его из виду. Это совсем другое дело.

— И огибали мыс Мучений, переименованный потом в мыс Доброй Надежды. То есть плавали в морях, которых суверенно населило страшными чудовищами.

— Наверное, вы знаете об этом лучше меня, — францисканец бросил на Колона злобный взгляд. — Но португальцы тем не менее не покидали границы меж суши и океаном. Вы же предлагаете нечто

иное — плыть на запад, через океан.

— Совершенно иное, — согласился другой голос, возвещающий, что у Колона появился новый противник, дон Хуан де Фонсека, толстяк среднего роста, с круглым желтым лицом и обширной лысиной.

А францисканец тем временем продолжал:

— Сама сферичность Земли, на которую вы так упираете, указывает на то, что возвращение невозможно. Вы сможете плыть вниз по склону морей. Как же вы надеетесь подняться вверх по склону?

— Да, ответьте нам, — поддакнул Фонсека.

Колон позволил себе выразить сомнение в компетентности спрашивающего.

— Едва ли теологи достаточно хорошо разбираются в этой проблеме. И я предлагаю морякам вспомнить из своего опыта, приходилось ли им видеть, как корабль скрывается за горизонтом, так что видимыми остаются лишь верхушки мачт, а затем появляется вновь?

Он посмотрел на Мальдонадо и Ресенде. Оба согласны кивнули.

— В этом нет никаких сомнений, — подтвердил дон Родриго.

— Каждый моряк это знает, — вторил ему адмирал.

Францисканец признал свое поражение, пожав плечами. Фонсека, однако, не собирался сдаваться.

— Иллюзия, — твердо заявил он. — Такая же иллюзия, как остров святого Брандана, который видели многие, но не достиг ни один. Кто может это отрицать? Принять ваши теории все равно, что признать такую глупость, как существование антиподов.

— Разве это глупость? — спросил Колон. — Пятнадцать столетий назад Плиний утверждал, что антиподы — это борьба между знанием и невежеством. Если бы мы принимали за абсурд все то, чего мы не можем понять, что бы осталось от нашего мира?

— Вполне достаточно для разумного человека, — пробурчал Фонсека.

Но спор на этом не закончился. Слово взял один из доминиканцев, фрей Хустино Варгас, доктор канонического и гражданского права.

— Что бы там ни говорили космографы, один из основоположников нашей церкви выражает сомнение в существовании антиподов. Лактанций ставит вопрос так: можно ли дойти до такой глупости, чтобы верить, что люди ходят ногами вверх, а головами — вниз, или, что есть земли, на которых деревья растут в глубь тверди, а капли дождя падают в небо?

— Он был мореплавателем, этот Лактанций? — сухо осведомился Колон.

От этого вопроса лица теологов, сидящих за столом, помрачнели, а Талавера резко одернул Колону.

— Вы слышали, сеньор, Лактанций — один из основоположников нашей церкви, святой человек, по авторитету сравнимый с авторами Евангелия.

Но Колон уже завелся.

— Евангелие не имеет никакого отношения к тому, чем мы сейчас занимаемся.

— Вот тут вы не правы, сеньор. Великий святой Августин особо подчеркивал, сколь важна проблема антиподов для нашей веры. Если допустить, что на другой стороне Земли есть населенные острова, это равносильно признанию, что люди там произошли не от Адама, поскольку нас разделяет океан, пересечь который невозможно. Возникает противоречие со священным писанием, где ясно сказано, что все мы произошли от первого человека, сотворенного Богом.

На мгновение Колон оцепенел, провалившись, как он мог догадаться, в теологическую трясиину. Борьба с ней грозила немалыми опасностями, но признать свое поражение, смирившись, он не мог, хотя и понимал, что может кончить на костре за ересь.

— Являются ли высказывания святого Августина догматами церкви? — спросил он, чем привел в ужас сидящих за столом.

— Вы говорите, — сурово напомнил ему Талавера, — об одном из величайших светочей нашей веры.

Но неожиданно Диего Деса, эрудит, признанный авторитет в вопросах теологии, пришел на помощь Колону.

— Он, несомненно, знает об этом, господин мой епископ, — спокойно заметил Деса. — Он лишь спрашивает, считаются ли высказывания святого Августина догматами веры. И на вопрос этот мы должны ответить: нет, не считаются, — он оглядел присутствующих, но никто не возразил. — Не будем пугать сеньора Колона тем, что его слова могут быть истолкованы как ересь, — и он улыбнулся, предлагая Колону продолжить.

— Благодарю вас, дон Диего. Я должен сказать, что святой Августин, должно быть, упустил из виду один нюанс: изменения поверхности Земли после ее сотворения. Суша, которая теперь лежит за океаном, когда-то, возможно, находилась гораздо ближе к нам. Взять хотя бы Атлантиду Платона. Некоторые считают ее мифом, но другие утверждают, что те же Азорские острова — остатки погрузившегося в океан континента. Если Атлантида

существовала, а кто сможет аргументированно возразить против этого, она могла служить тем мостом, по которому дети Адама добрались до восточных земель, которых я намерен достичь, плывя на запад.

Деса кивнул.

— Действительно, святой Августин мог не обратить на это внимания.

Адмирал тем временем разложил перед собой карту и с пристрастием изучал ее. Тут он поднял голову.

— Не могу спорить с вами, сеньор, ваше предложение внушает доверие. Но, с моей точки зрения, не более того. Мы все знакомы с книгой Марко Поло, и до какой-то степени она подтверждает ваши рассуждения. Но лишь до какой-то степени. Далее мы должны полагаться на вашу математику.

— Нет, нет, не только на математику, — глаза Колона вспыхнули. — На факел Божьей воли, осветивший мне путь к открытию, которое продвинет имя Божие на край света.

— Сеньор, сеньор, — запротестовал Талавера, — о чем это вы говорите?

Голос Колона зазвучал еще торжественнее.

— О той силе, что бьется во мне. И она должна победить, чтобы святая вера распространилась на земли, еще неведомые, и на живущих там, как бы сатана ни настраивал людей против истины, которую я несу, как бы ни вдохновлял их противиться мне.

Он словно увеличился в росте, нависнув над теми, кого чохом причислил к агентам сатаны. А выдержав паузу, продолжил:

— Король Жуан Португальский не смог осознать того, что я ему предлагал. В этом я усматриваю волю небес, так как теперь земли эти будут открыты под сенью испанской короны, прославившей себя борьбой с сарацинами. А получив богатства тех земель, владыки Испании с новой силой обрушатся на неверных и доведут войну до победного конца, отбив у них Гроб Господний. Вот та цель, уважаемые господа, достижение которой я, не более чем инструмент Божьей воли, могу обещать вам на основании этой карты.

Сантанхель, ловивший каждое слово, заерзал в кресле, опасаясь, как бы его протеже не перегнул палку, чересчур понадеявшись на присущий ему магнетизм.

Но, взглянув на лица сидящих рядом, он понял, что тревоги его напрасны. Речь Колона достигла сердца.

Затянувшееся благоговейное молчание нарушил скрипящий голос Фонсеки.

— Возможно, все так, как вы говорите. Но на текущий момент у нас нет другого подтверждения, кроме вашего слова. А принимать решение, основываясь только на этом, весьма затруднительно.

Он хотел добавить что-то еще, но его прервал Талавера.

— Вы высказали ваше предложение, сеньор Колон. А уж комиссия решит, достаточно ли убедительны были приведенные вами доводы.

Взгляд его остановился на Десе, приоре Сан-Эстебана.

— Есть ли у кого-нибудь вопросы?

— Лично я, — Деса принял этот взгляд за приглашение ответить первым, — полностью удовлетворен. Даже помимо убежденности сеньора Колона в том, что им движала Божья воля, о чем он нам только что сказал, его космографические расчеты безупречны.

Высокий авторитет Десы не позволял вступить с ним в открытый спор. Фонсека, сидящий на конце стола, скорчил недовольную гримасу. Голос подал лишь фрей Хустино Варгас.

— Не смею спорить с высокоученым приором. Однако доказательства того, чего мы не можем увидеть собственными глазами, из разряда предположений. А принимая предположение на веру, не должно ли нам прислушаться к мнению известных авторитетов, если таковые имеются?

— В данном случае авторитеты мы сами, — отпарировал Деса. — Мы оцениваем высказанное предположение, руководствуясь нашим разумом и логикой.

— Согласен. Разумеется, согласен. Но достаточно ли этого. Мы ступили в область рассуждений. Самое большое, на что мы способны, выслушав аргументы сеньора Колона, — заявить, что существование земель, которые он видит своим мысленным взором, возможно. Мы признаем, что аргументы эти весьма убедительны. Но позволяют ли знания высокоученых членов комиссии оценить компетентность сеньора Колона?

— Другими словами, — заговорил Талавера, — у нас может возникнуть сомнение в выводах сеньора Колона, поскольку мы не знаем, сколь велик его авторитет среди космографов и математиков.

— В этом суть проблемы, господин мой епископ.

Колон стоял, раздираемый противоречивыми чувствами. Складывающаяся ситуация заставляла его размыслить последнюю карту. Карту козырную, но делать этого ему не хотелось, ибо могло создаться впечатление, что

он не сам пришел к своим выводам, но почерпнул их из трудов знаменитого ученого. Разумеется, будь эти важные документы при нем, он бы решился представить их комиссии. Но их украли, и в душе Колона зародилась тревога. Все с большей очевидностью он начал осознавать... что без карты и письма Тосканелли нечего рассчитывать на победу.

Фрей Диего Деса и тут не оставил его в беде.

— К счастью, — заметил он, — проблема эта легко разрешима. Сеньора Колбна поддерживает авторитет величайшего математика современного мира — Паоло дель Поццо Тосканелли.

Вдоль стола пробежал одобрительный шумок. А Сантанхель тут же добавил: «Именно благодаря этой поддержке Ее величество и собрала нашу комиссию».

Талавера уставился на Колону.

— Почему вы ранее не сказали нам об этом?

— Не видел в этом необходимости. Мне представлялось, что логики моих аргументов и лежащей перед вами карты более чем достаточно.

— Мы сбережем немало времени, — вмешался Деса, — если вы представите карту, полученную от Тосканелли.

— У вас есть карта, вычерченная его рукой? — воскликнул Талавера, и Колон увидел, как вытянулись лица его противников.

Ничем не выдавая бушующую внутри ярость, Колон пытался ответить правдиво, но не на последний вопрос.

— Сформулировав свои выводы, я, прежде чем представить их королю Португалии, решил проконсультироваться с Паоло Тосканелли. Ознакомившись с моими расчетами, он прислал мне письмо и карту. Последняя отличалась от той, что лежит перед вами, только в одном: расстоянии до суши при плавании на запад. По моему разумению, оно меньше, чем считал Тосканелли.

— Да это и неважно, — заметил Талавера. — Главное — принцип, и тут слово величайшего космографа имеет первостепенное значение, — сидевшие слева и справа от него согласно покивали.

— Я имею честь уверить вас, что в принципе Тосканелли полностью согласился со мной, — твердо заявил Колон.

— Мы хотели бы слышать не только ваши заверения, но увидеть саму карту.

Этой фразой Колон прижали к стенке.

— К сожалению, я не могу положить ее перед вами. Карту у меня украли.

Повисла зловещая тишина. Колон увидел, что округлились глаза Сантанхеля, как побледнело обычно румяное лицо Десы. Фонсека что-то шепнул своему соседу.

— Но, сеньор, — бесцветным голосом спросил Талавера, — кто мог украсть у вас эту карту?

— Мой господин, ответить на этот вопрос — выше моих сил. Да сейчас это не суть важно. Карты у меня нет. Но, если бы она и была, клянусь вам, на ней вы увидели бы именно то, о чем я и говорил.

Он услышал чей-то смешок. Ему словно отвесили пощечину. Колон вспыхнул. Глаза полыхнули жарким пламенем. Но ничего не успел сказать, потому что Талавера задал ему следующий вопрос.

— Сеньор Колон, по приезде в Испанию вы показывали кому-нибудь эту карту?

— Никогда. Никому.

— Значит, теперь, после смерти Тосканелли, подтвердить ее существование можете только вы?

— Совершенно верно, — признал Колон.

— И, если я правильно понял дона Луиса де Сантанхеля, их величества собрали эту комиссию только потому, что вы заверили их в существовании этой карты?

— Карта была лишь одним из доводов. Не более того.

— А мне представляется, — проскрипел Фонсека, — что наша комиссия никогда б не собралась, если б их величества знали, что никакой карты нет.

И Колон не сдержался.

— Если вы намекаете, что я ввел в заблуждение короля и королеву необоснованными претензиями, то я подобные обвинения отвергаю. Я обманывал бы их величества, если бы карты не существовало. На самом же деле карта есть, и я посмею лишь добавить, что и не собирался представлять ее, поскольку считаю, что убеждать должны логика и математические выкладки, а не громкие имена.

Едва ли последняя фраза оказалась удачной. Если кто-то из членов комиссии все еще симпатизировал Колону, то после нее он потерял последних союзников. Даже глаза Десы посуровели. Сантанхель и Кинтанилья старались не смотреть на него.

— Вы вот сказали, что были при дворе короля Жуана, когда получили карту и письмо, — напомнил доминиканец Варгас. — Вы показывали их королю?

— Да.

Брови доминиканца взметнулись вверх.

— И тем не менее король Жуан не счел нужным дать вам корабль?

— Благодаря этому, — отвечивал Колон, — влады-

кам Испании представился шанс получить в свое распоряжение богатства новых земель.

Фрей Хустино Варгас лишь презрительно улыбнулся.

Талавера подождал еще немного, но так как желающих выступить не нашлось, откашлялся.

— Если вам нечего добавить, сеньор, позвольте нам перейти к обсуждению. Вы можете удалиться.

Но даже в атмосфере всеобщего недоверия Колон решился на последнее слово.

— Я вынужден повторить, мой господин, что все сказанное мною о документах Тосканелли — истинная правда, и я призываю в свидетели Господа Бога. Я благодарю вас, господа, за терпение, с которым вы выслушали меня, и целую ваши руки.

Он поклонился и направился к двери.

Но прежде чем Колон закрыл за собой дверь, он услышал голос Фонсеки: "Мне думается, господин мой епископ, нам не стоит терять времени на подобные пустяки. Совершенно ясно, что нас собрали понапрасну. К счастью, мы вовремя это выяснили".

Глава 19

ДОКЛАД



ордость поддерживала Колона до тех пор, пока их взгляды упирались в его спину, но ни секундой больше.

Как только двери зала заседаний захлопнулись, голова его поникла, спина согнулась под свалившейся на нее непосильной ношей, и, полуослепший от злой обиды, Колон, волоча ноги, еле доплелся до скамьи у стены.

Два пажо шептались в углу. Охранник застыл у дверей. Они не обращали на него ни малейшего внимания, а кроме них, в полутемной приемной не было ни души. Никто не видел его жестокого поражения. И оставался он в приемной не потому, что в нем еще теплилась надежда на успех. Просто не мог уйти, не объяснившись с Сантанхелем.

Глубоко задумавшись, он не замечал бега времени. И вздрогнул от неожиданности, когда раскрылись двери, выпуская из зала заседаний членов комиссии. Ему показалось, что не прошло и пяти минут, как он вышел в приемную. На самом деле комиссии потребовалось полчаса, чтобы прийти к единому мнению.



Талавера шел первым, за ним — Мальдонадо и Ресенде.

Инстинктивно Колон встал. Их взгляды, привлеченные его движением, тут же скользили в сторону, едва они видели, кто поднимается со скамьи.

Четвертым показался Деса, с низко опущенной головой. Деса, который верил ему, которого он убедил в своей правоте, который защищал его перед владыками Испании. Деса тоже увидел его и тоже прошел, не сказав ни слова, не подав ни знака, из которых он мог бы понять, принимают ли его за бесчестного шарлатана, не останавливающегося ни перед какой низостью.

Фонсека не удостоил Колона и взгляда, оживленно беседуя о чем-то с одним из доминиканцев, и Колон уже проклинал себя за то, что сразу не покинул приемную, а остался, подвергаясь новым унижениям.

Наконец появился Сантанхель, молча шагающий рядом с Кинтанильей. По телу Колона пробежала дрожь. Неужели и этот верный друг, которому он стольким обязан, покинет его? Но нет, Сантанхель, заметив Колона, напрямик направился к нему. На лице его отражалась тревога. Он тяжело вздохнул и покачал седой головой, прежде чем заговорить.

— Пока не могу обещать вам ничего хорошего, мой дорогой Кристобаль. Но все еще можно поправить. Мы должны приложить все силы, чтобы вернуть карту.

— Спасибо и за то, что вы хоть верите в ее существование. Другие-то сразу решили, что карты никогда и не было. Эти господа...

Рука Сантанхеля легла на его плечо.

— Чем дольше я живу, дорогой Кристобаль, тем больше убеждаюсь, сколь мало в человеке милосердия.

— Тогда мне все ясно. Комиссия приняла меня за шарлатана. А предложение мое, как искренне полагает Фонсека, — сплошной обман.

— Поменьше думайте об этом наглom священнике, да и вообще постарайтесь успокоиться. Сегодня я загляну к вам. А теперь идите.

Он похлопал Колона по плечу, чтобы подбодрить, но едва ли вдохнул в него хоть каплю энергии. Домой тот ушел в отчаянии, потрясенный совершившимся.

С трудом преодолевая каждую ступеньку, он поднялся по лестнице, открыл дверь и оцепснел, увидев Беатрис, сидящую у стола.

Она метнулась ему навстречу, черная, обшитая кружевами мантилья осталась на спинке стула.

— Я не могла не прийти, Крестобаль. Хотела дождаться тебя и сразу узнать обо всем. Я не находила себе места от волнения. Ты победил, дорогой мой. Я знаю, что победил.

Он шагнул к окну, и Беатрис увидела, как печально его лицо. В ужасе она отшатнулась.

— Крестобаль!

Улыбка его более всего напоминала гримасу боли. Он усадил ее на стул, сам опустился перед ней на колени, уткнулся лицом в ее платье.

— Все кончено, — простонал он. — Я лишился всего: надежд, доверия, собственной чести. До наступления вечера королю и королеве доложат, что я обыкновенный лгун и обманщик. Если они проявят милосердие, мне просто прикажут покинуть Испанию, если же король Фердинанд решит, что я должен расплатиться за жалкие гроши, которые выдавались мне, меня бросят в тюрьму.

Руки ее нежно гладили Колона по волосам. Наконец он поднял голову, посмотрел на Беатрис.

— Меня ограбили.

— Ограбили? — от внезапно нахлынувшего страха Беатрис осипла. — Что? Что у тебя украли?

— Все, — он поднялся. — Все, кроме жизни. Оставили только отчаяние и стыд, которые будут преследовать меня до последнего часа. У меня украли оружие, которым я мог сокрушить этих твердолобых ученых из Саламанки, этих священников, которые не видят дальше собственного носа.

И Колон закружил по комнате, как разъяренная пантера, передавая Беатрис все насмешки, все намеки, которые пришлось ему выслушать.

Она сидела, не дыша, побледнев, как полотно, ее глаза не покидали лица Колона. А потом он остановился перед ней, горько улыбнулся.

— Таков конец всех моих грез, моя Беатрис. Я должен идти в другие края, предлагать мои услуги кому-то еще, но едва ли меня захотят слушать, потому что, как выяснилось сегодня, бумажкам доверяют куда больше, чем человеку.

Беатрис оперлась локтями о стол, обхватила голову руками. Она пыталась в точности вспомнить, какие слова удалось вырвать из нее Галлино. А вспомнив, поняла, как много сказала, сколь важные сведения узнал от нее всенцианец.

И заставила себя говорить.

— Когда ты в последний раз видел эти документы?

— Когда? Откуда мне знать? У меня и мысли не

было проверять, на месте ли они. Даже в среду, когда я положил в жестянку письмо для Сантанхеля, о котором говорил тебе, я не стал перетряхивать содержимое, уверенный, что документы в полной сохранности.

— А может, ты не положил карту на место, когда в последний раз работал с ней?

— Невозможно. Я держу ее в той жестянке, и больше нигде. Кроме того, я все перерыл.

— Вчера тебя не было дома целый день, — напомнила ему Беатрис. — Может, тебя ограбили в твоё отсутствие?

— Я не нашел следов взлома. Все замки целы. Правда... — Колон что-то вспомнил. — Сегодня утром, открыв сундук, чтобы достать карту, я заметил, что вещи лежат в беспорядке. Во всяком случае, не так, как я их клал. До того я открывал сундук в среду утром, после твоего ухода, — он помолчал. — Пожалуй... да, меня могли ограбить вчера. Но как? Замок на сундуке цел. И кто мог знать, где я храню ключ?

— Я знала.

— Ты? — он уставился на Беатрис. — Ты полагаешь, раз я сказал тебе, то мог сказать и кому-то еще? Но я не говорил. И даже ты не знала, какая из лежащих в жестянке карт вычерчена Тосканелли.

Она поняла, что должна рассказать ему обо всем, чем бы это ей ни грозило.

— Послушай, Кристоаль... — Но встретилась взглядом с его полными муки глазами, и решимость покинула ее. Она не могла, не могла вылить еще одну каплю в чашу страданий, которую пришлось ему испытать в этот день.

— Я слушаю, любовь моя.

— Нет, ничего... ничего, — у нее перехватило дыхание. — Глупая, шальная мысль.

Колон наклонился, поцеловал ее в холодные губы.

— Когда я встретился с тобой, Беатрис, я так нуждался в тебе. А теперь ты нужна мне еще больше... но я должен отказаться от тебя.

Ответа не последовало. Беатрис словно обратилась в статую.

И тут раздался стук в дверь.

Колон подошел к ней, открыл, оказался лицом к лицу с Сантанхелем.

— Дон Луис! — он отступил в сторону, давая канцлеру войти.

Сантанхель переступил порог, увидел Беатрис, остановился.

— Я, похоже, не вовремя.

— Нет, нет. Это мой близкий друг, сеньора Беатрис Энрикес. Она навестила меня в час, когда большинство друзей отвернулось от меня.

Дон Луис сдернул шапочку с головы, поклонился. Он узнал в Беатрис танцовщицу, которую защищал Колона от насмешек маркизы Мойя. Его острый взгляд отметил не только удивительную красоту девушки, но и темные круги озабоченности под глазами, и следы слез на щеках.

— Я решил незамедлительно поставить вас в известность, Кристобаль, что их величества смогут принять епископа Авила только вечером. Я вырвал у него обещание перечеркнуть изложенные в докладе комиссии выводы, если до этого времени пропавшая карта будет найдена.

Взгляд Колона потеплел.

— Пусть я умру, если у меня есть более верный друг.

Сантанхель лишь махнул рукой.

— Карта, — вернулся он к интересующей его теме. — Кто, по-вашему, мог ее украсть?

— Понятия не имею.

— А вы подумайте, подумайте. Все зависит от этого, даже ваша честь. Вспомните старую пословицу: "Сие бо по fuerit?" Кому это выгодно?

— Знаете, я подумал о португальцах. Но скорее потому, что больше ничего не пришло в голову. Подозрения мои, разумеется, ничем не обоснованы.

Дон Луис раздраженно закружил по комнате.

— Ну ради чего Деса заговорил о Тосканелли. Мы бы достигли своего и без этой карты.

— Он хотел мне помочь.

Дон Луис печально покачал головой.

— Да, конечно. Намерения у него были самые добрые. Но результат-то ужасен. Даже Деса, ваш верный друг, отвернулся от вас. Как и остальные, он решил, что история о краже — чистая выдумка. Он вам больше не верит.

Ярость охватила Колона.

— Помогите мне Господи! Ну почему в человеке ищут только плохое? С какой легкостью его лишают чести! Как же завидуют иностранцу, который может добиться расположения владык Испании! Как хочется им объявить меня лгуном!

Сантанхель грустно вздохнул.

— Если вы не укажете мне на возможных похитителей... — он пожал плечами, не договорив.

Беатрис, сжавшись, сидела у стола. Ее распирало желание выложить все, что ей известно, но страх перед разрывом с Колоном заставлял молчать.

— Я пойду к королеве, — прервал молчание дон Луис. — У нее доброе сердце и проникательный ум. Я еще поборюсь за вас.

— Спасибо, друг мой. Ибо я оказал вам плохую услугу.

— Посмотрим. Посмотрим. Не теряйте мужества. Я еще загляну к вам. Может, сегодня вечером.

Едва он ушел, поднялась и Беатрис. Ес уже ждали у Загарте. Она опаздывала.

— Да, — кивнул Колон. — Тебе надо идти. Я-то обещал выволить тебя из этого вертепа. Смех, да и только.

Она выбежала из дома, но на полпути к харчевне Загарте остановилась, как вкопанная. Ей недоставало мужества сказать все Колону, но уж с Сантанхелем она могла бы поговорить. А потом исчезнуть из Кордовы, чтобы не спорить со стыда. Ей понадобилось лишь несколько секунд, чтобы принять решение. Загарте, спектакль и публика подождут.

Она повернулась и вновь застыла на месте. Перед ее мысленным взором возник несчастный Пабло, томящийся в грязном, вонючем подземелье, умоляющий ее спасти его даже ценой собственной добродетели. Вновь ей приходилось выбирать между братом и любовником. Только предав и пожертвовав одним, она могла спасти второго.

Проходивший мимо солдат подтолкнул ее и игриво шепнул пару слов, предложив весело провести время. Беатрис разом очнулась. Одним взглядом отшив солдата, она поспешила к Меските. Дон Луис жил на улице, выходящей к западной стене кафедрального собора, неподалеку от реки. Алебарщик, охранявший ворота, только осведомился, что ей нужно, как из дома вышел Сантанхель.

Беатрис смиренно попросила выслушать ее. Отказываться Сантанхелю не хотелось, но он очень спешил.

— Вы выбрали неудачную минуту. Я иду к королеве. Полагаю, вы понимаете, почему я должен немедленно увидеться с ней.

— То, что я собираюсь рассказать вашему высочеству, возможно, поможет вам в разговоре с королевой.

Его добрые глаза всмотрелись в бледное, дышащее страданием лицо.

— Пойдемте со мной.

Они пересекли залитый солнцем двор, вошли в прохладный вестибюль. Слуги бросились им навстречу, но Сантанхель отослал их прочь и ввел Беатрис в маленькую гостиную.

— Так что вы хотите мне рассказать?

— Я знаю, кто воры и где их найти, — выпалила

Беатрис и, увидев, как изумленно раскрылись глаза Сантанхеля, продолжила. — Это агенты государственных инквизиторов Венеции. Их двое, Рокка и Галлино. Рокка утверждает, что входит в состав посольства Венецианской республики при королевском дворе Испании. Живут они в “Фонда дель Леон”.

Сантанхель шагнул к ней.

— Откуда вы все это знаете?

— Зачем вы спрашиваете меня, — с болью в голосе отозвалась Беатрис. — Разве вам недостаточно их имен?

— Недостаточно, если возникнет необходимость оставить их. Тем более, как вы сами сказали, один из них пользуется дипломатической неприкосновенностью, — и тут же добавил: — Кристоаль знает об этом?

— Я не решилась сказать ему.

— Ага! — его густые брови сдвинулись к переносице. Но заговорил он очень мягко.

— Почему же? Будьте со мной откровенны, дитя мое.

Колебалась она недолго.

— В Венеции мой брат брошен в подполье Подзи. Его обвиняют в краже, и на то есть основания, и в государственной измене, хотя никакой он не шпион.

Беатрис рассказала все, ничего не утаивая. Сантанхель слушал внимательно, с непроницаемым лицом, не упуская ни единого слова.

— Я знаю, какой мерзавкой выгляжу в ваших глазах, — закончила Беатрис. — Я сама себе противна. Однако, клянусь госпожой нашей, девой Марией, я не намеревалась предать Кристоаля, когда Галлино вытянул из меня то, что хотел узнать. Ибо любовь, которую у меня требовали лишь изобразить, превратилась в настоящую.

— И не надо отказываться от нее, — улыбнулся Сантанхель. — Бедная вы моя. Какой жестокий выбор выпал на вашу долю — между братом и возлюбленным.

— Но так ли я выбрала? — взмолилась она.

— Вы поступили по справедливости, — твердо заявил Сантанхель. — Вы не можете нести ответственность за вину вашего брата. В тюрьме он оказался не из-за вас. И не должен требовать, чтобы вы принесли себя в жертву ради его освобождения. Этим он лишь умножает свои грехи. Кристоаль же угождал в западню. Причем вас использовали как приманку. Ваша любовь к нему или его — к вам не имеют тут никакого значения. Ваш долг — любой ценой выволить его из этой западни.

Облегчение отразилось на лице Беатрис. Доводы Сантанхеля показались ей убедительными.

— Вы так думаете? Какая тяжесть свалится с моих плеч!

— Это же легко проверить. Пойдите и исповедуйтесь. Ни один священник не отпустит вам грехи, пока вы не сделаете все, от вас зависящее, чтобы приуменьшить нанесенный вами ущерб. Так что не терзайтесь угрызениями совести. Идите с миром. А я прямо необходимые меры. Немедленно повидаясь с алькальдом Кордовы, и мы займемся этими венецианцами.

— Вам потребуются мои свидетельские показания.

Улыбаясь, Сантанхель покачал головой.

— Они-то мне как раз и не нужны. Ваши показания вынудят алькальда арестовать вас.

— Я знаю. Но меня это не волнует.

Улыбка Сантанхеля стала шире. Он видел, что Беатрис готова принести себя в жертву.

— Дитя мое, арест — это ваша погибель, а я не уверен, что Кристобаль поблагодарит меня, если узнает, какой ценой я спас его честь. Положитесь на меня. Я управлюсь без вас. А пока не теряйте времени и расскажите обо всем Кристобалу. Ничего не утаивая.

По телу Беатрис пробежала дрожь.

— Я... я не решусь. По крайней мере, сейчас... — Она помолчала, затем продолжила: — А не могли бы вы... ваше высочество, рассказать ему? Пусть он сам решит, как поступить со мной.

Сантанхель задумался.

— Если хотите. Но поверьте мне, дитя мое, будет лучше, если обо всем он узнает от вас.

Беатрис заломила руки.

— Я не решусь. Не решусь до тех пор, пока ему не возвратят карту.

— Ладно, ладно, — покивал Сантанхель. — Именно этим мы сейчас и займемся. А остальное может и подождать. Не будем терять времени.

Дело оказалось не столь простым, как рассчитывал дон Луис. Дон Мигуэль де Эскобедо, верховный судья Кордовы, свято чтит дух и букву закона. И не собирался что-либо предпринять, не получив ответ на интересующие его вопросы.

— Нет смысла напирать на меня, дон Мигуэль, — протестовал Сантанхель. — Считайте лучше, что эти сведения получены мною в исповедальни.

— С каких это пор вы стали священнослужителем, дон Луис?

— Не только священникам доводится выслушивать исповедь. Я обещал не выдавать человека, который передал мне эти сведения. Иначе он бы не заговорил. Неужели мне следовало оставить это преступление безнаказанным?

— Но где доказательства совершения преступления?

— Мое слово.

— Вернее, слово неизвестного человека.

— Я его хорошо знаю. Разве вам этого недостаточно?

— Ума не приложу, что и делать. Один из этих людей, как вы говорите, числится в венецианском посольстве. Даже при наличии неопровержимых доказательств его вины мне не хотелось бы связываться с ним, — алькальд погладил седую бороду. — Если искомым документов при них не окажется, мне грозят немалые неприятности. Не могли бы вы принести мне приказ от королевы?

— Нет. Но уверяю вас, когда все будет кончено, она одобрит ваши действия.

— Непростую вы мне задали задачку. Пошлю-ка я за коррехидором¹.

Несколько минут спустя в кабинет вошел мужчина, в котором за милую душу узнавался военный. Дон Ксавьер Пастор обладал более богатым воображением, чем алькальд, и оказался не столь щепетилен.

— Говорите, карта и письмо? — Он помолчал, потом добавил: — А если мы найдем их у одного или другого венецианца, как мы докажем, что они принадлежат не ему?

— Сеньор Колон, несомненно, назовет вам особые отличия и карты, и письма.

— Тогда позвольте мне начать с сеньора Колона.

— А потом? — пожелал знать алькальд, несколько сбитый с толку такой прытью подчиненного. — Один из этой пары, не забывая об этом, приписан к посольству.

— Мы же не обязаны действовать официально, — дон Ксавьер позволил себе подмигнуть Сантанхелю. — И не будем называть себя. Постараемся избежать огласки.

— Если вы напортачите, я выгоню вас со службы, — предупредил алькальд.

— Значит, я того заслужил, — рассмеялся дон Ксавьер, который все больше нравился Сантанхелю.

Вдвоем, он и Ксавьер, сразу отправились к Колону, причем коррехидора предупредили: кто воры, он вроде бы ничего знает.

— Я принес вам надежду, Кристоаль, — приветствовал его Сантанхель. — Это коррехидор, который займется поисками вашей карты.

— Даже если нам не известно, кто ее украл?

— Поиски, я думаю, и выведут нас на воров, — уверенно заявил коррехидор. — Положитесь на нас, сеньор. Мы знаем Кордову лучше, чем вы.

¹ Сегодня он назывался бы начальником полиции.

— Вы сотворите чудо, если вам удастся отыскать карту.

— Попробуем сделать это с вашей помощью. Как нам узнать, что карта — ваша, если мы ее и найдем?

— Вместе с ней у меня украли письмо, адресованное на мое имя, с подписью Тосканелли и его печатью: орел с распростертыми крыльями под герцогской короной. Те же печать и подпись имеются и на карте.

— Это все, что мне нужно. Надеюсь вскорости вновь увидеться с вами. Отдыхайте с миром, сеньор, — и он вышел из комнаты.

— Самоуверенный господин, — заметил Колон. — И очень уж легко сыплет обещаниями.

Пожалуй, он недооценивал коррехидора, который напрямик направился в “Фонда дель Леон”.

Кисада, хозяин гостиницы, встретил его с должным почтением.

— Храни вас Бог, ваша милость.

— И тебе желаю того же, Кисада. У тебя есть свободные комнаты?

— Слава Господи, нет. Когда их величества в Кордове, моя гостиница всегда забита до отказа.

Дон Ксавьер покрутил длинный черный ус.

— Жаль, жаль. И никто из постояльцев не собирается уезжать?

— Уезжают. Завтра. Освобождается моя лучшая комната на втором этаже.

— Это точно? И кто уезжает?

— Два господина, венецианцы. Они приказали поехать мулов к восьми утра.

— Мулов? — усмехнулся коррехидор. — Они собрались ехать верхом до самой Венеции?

— Нет, нет, ваша милость. Только до Малаги, а там пересесть на корабль.

— Конечно, конечно, — коррехидор рассмеялся. — Возможно, их комната подойдет. Вечером я дам тебе знать.

Узнав все, что требовалось, коррехидор покинул гостиницу. В тот же вечер он пришел к алькальду, у которого застал и Сантанхеля.

Канцлер вернулся из Алькасара получасом ранее в глубокой озабоченности. Он присутствовал при докладе комиссии их величествам. Талавера, сопровождаемый Десой, Фонсекой и Мальдонадо, разнес предложение Колона в пух и прах.

— Это мечта бесчестного авантюриста, который не остановился даже перед тем, чтобы безо всяких на то ос-

нований заявить о поддержке его бредовых идей знаменитейшим математиком, — заключил Талавера.

Лицо королевы разочарованно вытянулось. Король же воспринял доклад как должное. Похоже, он и не ожидал услышать ничего иного.

— Ваше заключение пришлось весьма кстати, — благосклонно кивнул он Талавере. — Вот-вот падет Гранада, и мы должны сосредоточить свое внимание на серьезных проектах, а не распылять его на безосновательные грезы, — улыбаясь, он повернулся к королеве. — Как вы знаете, я с самого начала не одобрял того энтузиазма, с которым вы восприняли выдумки этого ловкача. Я даже опасался, что он злоупотребляет вашей доверчивостью.

Королева чуть зарделась. Она не терпела упреков.

— Если я и рисковала моей доверчивостью, то сознательно. Я считаю необходимым использовать любую возможность для приумножения могущества и славы королевства Кастильского, во главе которого соблаговолил поставить меня Господь Бог.

— Смею заметить, мадам, что и я не менее ответственно отношусь к своим обязанностям перед Испанией. Возможно, я излишне осторожен, но осторожность эта во благо испанцам и испанской казне.

— Я в этом не сомневаюсь, — ответила королева. — Но сверхосторожность может помешать развитию страны, — она посмотрела на Талаверу. — Ваш доклад, господин мой епископ, должно рассматривать как решение комиссии?

— Это наше общее решение, ваше величество, — поклонился Талавера.

— Позвольте вам возразить, — вмешался Сантанхель. — Я, к примеру, с ним не согласен.

Король Фердинанд добродушно рассмеялся.

— Но ты же не космограф, Сантанхель.

— Не космограф, но юрист, ваше величество, и достаточно опытный, чтобы не путать аргументы за и против.

— В этом я полностью согласна с вами, дон Луис, — королева кивнула канцлеру и вновь повернулась к Талавере. — Почему вы решили, что кража карты — чистой воды выдумка?

— Позвольте мне напомнить вашему величеству, что само существование этой карты подтверждается только словом Колона.

— А то, что Колон лгал, подтверждается только вашим словом, — отрезал Сантанхель. — Да, Колон не смог представить доказательства своих расчетов, но это не

есть свидетельство того, что он лгал нам.

— Само по себе нет, — признал Талавера. — Но в сложившихся обстоятельствах очень существенно, что карты этой никто не видел. О краже он упомянул, лишь когда от него потребовали представить карту. Весьма удачный ход для мошенника, который добился созыва столь представительной комиссии, козыряя тем, что карта у него есть.

Королева нетерпеливо махнула рукой.

— Но с какой стати козырять ему несуществующей картой, если в конце концов все обязательно бы открылось?

— Для того, чтобы получить возможность изложить свои доводы, которые могли сбить нас с толку и толкнуть на ложный путь.

— Чересчур сложно. И не убедительно, — стояла на своем королева, защищая скорее себя, а не Колона. — Доверчивой оказалась не только я. Доводы Колона убедили и фрейя Диего. Неужели они потеряли свою убедительность только потому, что он не смог представить карту?

— Моя вера в его расчеты, — отвечивал Деса, — базировалась на вере в самого Колона и, естественно, на том, что его поддержал Тосканелли. Именно я поднял вопрос о флорентийской карте, когда стало ясно, что аргументы Колона не представляются достаточно убедительными членам комиссии. И признаюсь, у меня возникли серьезные сомнения в правдивости его утверждения о краже.

Сантанхель попытался развеять впечатление, которое произвели слова Деса.

— А вот у меня не возникло ни малейших сомнений. Я узнаю благородство, когда вижу его, а Колон слишком благороден, чтобы опускаться до лжи.

Король Фердинанд вновь рассмеялся.

— Если я хоть немного разбираюсь в людях, такого благородства не найти ни в ком. Ты говоришь от сердца, Сантанхель, а не от разума.

— Таково мое мнение, ваше величество, и я еще надеюсь доказать свою правоту.

— Доверчивость, вижу, уживается в тебе с оптимизмом, — ответил король. — Ну что ж, одно другому не помеха, — он повернулся к королеве. — Наверное, вы согласитесь, мадам, что нам следует заняться более важными делами и не возвращаться к этому вопросу, пока дон Луис не докажет нам, что этот Колон — не обманщик?

Королева неохотно кивнула, а улыбка, дарованная Сантанхелю, показала тому, что искорка надежды все же остается.

Поэтому, несмотря на поздний час, он и пошел к алькальду, чтобы убедиться, что розыски начаты. Там и застал его коррехидор.

— Мы уже начали расследование, — доложил дон Ксавьер. — Венецианцы утром отправляются в Малагу, чтобы сесть там на корабль. Мулов они заказали на восемь утра. Вы согласитесь со мной, дон Мигуэль, их отъезд — прямое свидетельство того, что порученное им задание выполнено. То есть карта и письмо у них.

Алькальд сухо кивнул. Сантанхель же встрепенулся.

— Но почему вы не приняли никаких мер, придя к такому выводу? Этих людей нельзя выпускать из Кордовы!

— Напротив, пусть уезжают, — усмехнулся коррехидор. — У нас нет приказа на их задержание, и едва ли мы его получим.

— Разумеется, не получите, — заверил его алькальд. — Лучше мне провалиться в ад, чем подписать приказ на арест сотрудника посольства безо всяких доказательств его вины.

— А что же вам делать? — растерянно спросил дон Луис.

— Мы не можем помешать их отъезду, — коррехидор продолжал усмехаться, — но в наших силах воспрепятствовать их прибытию в Малагу. Тамошние дороги пользуются дурной славой. Полным-полно разбойников, знаете ли. Наших альгасилов не хватает для поддержания порядка. Так что едва ли государство будет нести ответственность за ограбление двух иностранцев, не так ли, дон Мигуэль? И у нас не возникнет никаких трений с посольством Венеции.

Облегчение Сантанхеля выразилось добродушным смехом.

— У меня возникают подозрения, что должность коррехидора Кордовы может приносить немалую прибыль.

Глава 20 ЦЫГАНЕ



толпа, запрудившая в то субботнее утро в самом начале июня улицы Кордовы и дорогу, ведущую на юго-восток, задержала отъезд венецианцев. Ибо в те же часы владыки Испании, сопровождаемые отборными войсками, отправились в Вегу, чтобы лично руководить решающим штурмом Гранады.

Жители Кордовы с восторгом провожали уходящих в бой. Трубили трубы, развевались стяги и хоругви, их величества возглавляли длинную колонну рыцарей. Король — в сверкающей броне и даже королева — в стальном панцире, украшенном арабесками.

За рыцарской фалангой следовала кавалькада придворных дам, на мулах с дорогими седлами, далее — придворные, священнослужители и миряне, королевские слуги, грумы, сокольничие. За двором двигались войска, кавалерия, копейщики, марширующие по четыре в ряд, с десятифутовыми пиками в руках, арбалетчики, швейцарские наемники в коротких кожаных куртках с панцирем, прикрывающим только грудь, ибо они утверждали, что враг никогда не видит их со спины. Замыкали колонну обозные повозки с провиантом и снаряжением и осадные орудия.

В пыли, на жарком солнце армия выползла из Алькасара, пересекла Гвадалквивир по Мавританскому мосту и взяла курс на Гранаду.

А вслед за ней Рокка и Галлино через тот же мост отправились в Малагу. Вместе с ними, чуть впереди ехал погонщик мулов, у которого они наняли животных. Двигались они не спеша, под мелодичное позвякивание колокольчиков на шею мулов.

На другом берегу реки, под раскидистым деревом расположилась корчма. Полдюжины мужчины о чем-то оживленно болтали с полными кружками в руках. Своих мулов они привязали к железным кольцам в заборе. Худые, поджарые, небрежно одетые, мужчины чем-то напоминали степных волков.

— Цыгане, — пренебрежительно процедил погонщик мулов, когда он и венецианцы проезжали мимо.

Скоро они миновали окраину, где толпа нищих, выставивших напоказ свои язвы и увечья, взывала к их

милосердию, понапрасну рассчитывая получить хоть одну мелкую монетку. Милей позже они услышали позади топот копыт, и погонщик мулов предложил венецианцам отъехать на обочину, чтобы пропустить приближающуюся кавалькаду. В промчавшихся всадниках он узнал цыган, что недавно пили вино у моста, и долго честил их, пока не осела поднятая ими пыль.

— Пусть дьявол сломает их грязные шеи, — пожелал он цыганам перед тем, как снова тронуться в путь.

Так же вespешно они поднялись на холм, за гребнем которого скрылись цыгане, придержали мулов, чтобы те могли отдышаться.

Внизу текла речка, справа зеленел лес, в который ныряла серая лента дороги, слева тянулись виноградники, за ними начинались зеленые пастбища.

Под синим безоблачным небом они двинулись вниз и уже достигли леса, когда раздался громкий крик и из-под сени деревьев возникли три всадника, заступивших им путь. То были все те же цыгане, и их предводитель, долговязый, тощий, в широкополой шляпе и с черной тряпкой, закрывавшей пол-лица, на полкорпуса опережал своих спутников.

Хриплым голосом он приказал путешественникам остановиться, хотя те замерли на месте, едва увидев незнакомцев.

— Господи Боже, защити нас! — заверещал погонщик мулов.

Но Галлино и Рокка были не из тех, кто легко впадает в панику, и спросили в ответ, что тому угодно.

Предводитель расхохотался.

— Ваши пожитки, благородные господа. Спешивайтесь, да поживее.

Шум за спиной заставил Галлино обернуться. Еще трое цыган появились сзади, отрезая путь к отступлению.

Рокка вырутался, Галлино не стал попусту сотрясать воздух, но обмахнул меч.

— Вперед, Рокка! Изрубим их на куски!

Шпоры вонзились в бока мулов, обезумевшие животные рванулись вперед, венецианцы привстали на стременах, занеся мечи для удара.

Но предводитель ускользнул от меча Галлино, а сам толстой палкой изо всей силы ударил венецианца по голове. Легкая бархатная шапочка оказалась ненадежным шлемом. Удар выбил Галлино из седла, и, бездыханный, он упал в дорожную пыль.

Рокки повезло ничуть не больше. Цыган, на которого он напал, першиб такой же длинной палкой передние

ноги мула. Животное рухнуло на колени, а Рокка по инерции полетел вперед, врезавшись головой в землю.

В себя он пришел в прохладе леса, на мшистом берегу ручейка. Открыв глаза, увидел привязанного к дереву погонщика мулов, затем — Галлино, без чувств лежащего рядом с ним. Их окружали смуглые, суровые лица. Он чувствовал, как руки шарят по его телу. Попытка подняться не удалась, ибо грабители связали ему руки и ноги. Камзол с него сняли. Грубый голос под ухом известил предводителя, что денежного пояса нет.

— С этим все ясно, — отвечал тот. — Займись другим.

Грабитель оставил Рокку, который перевернулся на бок и в бессильной ярости сверлил взглядом предводителя цыган. Тот же уже вывернул все карманы камзола и теперь ощупывал матерю. Вскоре он нашел утолщение, взрезал подкладку и вытащил спрятанный между ней и бархатом тонкий клеенчатый мешок. Отбросил камзол, раскрыл мешок и достал карту и письмо Тосканелли. Внимательно осмотрел их и убрал обратно в мешок. Мешок положил в свой карман, ногой подкинул камзол поближе к Рокке, посмотрел на грабителя, обыскивающего Галлино.

— Оставь его. Пусть лежит, — он покачался на каблуках. — Мы можем трогаться.

К Рокке вернулся дар речи.

— Подождите! — воскликнул он. — Подождите! Возьмите наши деньги. Но бумаги в этом мешке не представляют для вас никакого интереса. Оставьте их мне.

Бандит усмехнулся.

— Значит, не представляют? Тогда почему же ты прятал их? Зашивал в камзол? Я найду ученого книгочея, и мне скажут, сколько они стоят. А пока они останутся у меня.

Рокке удалось сесть, голова у него раскалывалась на части.

— Если за них кто и заплатит, так это я.

— И сколько ты заплатишь?

— Десять тысяч мараведи, — последовал незамедлительный ответ.

— Значит, они стоят по меньшей мере сто тысяч, — рассмеялся предводитель. — Спасибо, что сказал мне. А покупателя я найду сам.

— С этими поисками вы угодите в петлю. Послушайте меня. Вы получите ваши сто тысяч.

Предводитель вновь расхохотался.

— И где же ты их возьмешь?

— В Кордове. Приходите ко мне завтра и...

— И ты накинешь мне на шею ту самую петлю, о которой только что упоминал. Святой Хамес! Ищи прощачков в другом месте.

— Послушайте...

— Ты и так наговорил достаточно. Что твое, оставлю при себе.

К тому времени Галлино не только очнулся, но сумел достаточно точно оценить ситуацию.

— Одну минуту, мой друг! Одну минуту! — он замолчал, перемогая нахлынувшую волну боли. — От вас не убудет, если вы выслушаете меня. Отдайте моему приятелю этот мешочек со всем содержимым и отпустите его в Кордову за деньгами. А я останусь у вас заложником, пока он не заплатит.

Бандит лишь смеялся.

— Я знаю, к чему это приводило, — он покачал головой. — Мне хватит и того, что у меня есть.

Он уже двинулся с места, но вопли Рокки вновь остановили его.

— Вор! Негодяй! Тебя за это повесят! Отдай документы, и мы разойдемся мирно. Иначе, клянусь Богом...

— Тихо! Чего разорался? Есть у нас толковая поговорка: мертвые молчат. Помни об этом и не сердь меня, а не то вам живо свернут шеи.

И он зашагал прочь, на ходу отдавая приказы. В манерах его чувствовалась воснная выправка, и слушались его беспрекословно. Кто-то из цыган отвязал мулов и увел их к дороге, другие развязали погонщика.

Предводитель на минуту задержался перед ним.

— Освободишь своих господ, когда мы уйдем. До Кордовы доберетесь пешком. Идти-то всего три лиги. Мулов мы заберем с собой. Ты сможешь забрать их в корчме Ламего у Мавританского моста, — он поклонился венецианцам, махнул широкополой шляпой. — Оставайтесь с миром, господа мои.

— Иди ты к дьяволу, — сквозь зубы процедил Рокка.

В пресскверном настроении, с гудящими головами, агенты Совета Трех, сопровождаемые погонщиком мулов, вышли из леса. Им не оставалось ничего другого, как возвращаться в Кордову на своих двдах.

Солнце уже скатилось к горизонту, когда они добрались до Мавританского моста. У корчмы погонщик предложил венецианцам передохнуть, пока он справится о мулах. Венецианцы, уставшие, покрытые пылью, с саднящими ногами, воспользовались привалом, чтобы утолить жажду. Они вошли в просторный зал, и Рокка, плюхнув-

шись на деревянную скамью, громким, раздраженным голосом потребовал вина.

Корчмарь с подозрением оглядел их рваную одежду, окровавленную повязку на голове Галлино. И обслужил их лишь потому, что хорошо знал Гавилана, погонщика мулов.

Венецианцы жадно пили терпкое вино, не отставал от них и погонщик. Лишь как следует утолив жажду, он справился о мулах.

— Их привели три часа назад, — ответил Ламе-го. — Я понял, что это твои мулы, и отправил на пастбище за корчмой. — И тут поинтересовался: — Что случилось?

— Нас ограбили и бросили в лесу, — прохрипел Рокка. — Только в этой чертовой стране такое возможно. Кто привел мулов?

— Откуда мне знать? Какой-то деревенский парнишка.

— А может, один из тех веселых цыган, что пили у тебя этим утром?

Корчмарь задумчиво почесал затылок.

— Нет. Сегодня тут пили многие. Я не помню.

— Я так и думал, — пренебрежительно хмыкнул Галлино. — И ты, разумеется, не помнишь, куда он пошел, этот парнишка, оставив мулов?

— Нет, такого я никогда не запоминаю. Я обслуживаю моих гостей, но разом забываю о них, едва они переступают порог корчмы.

— В общем, ты у нас идеальный корчмарь.

Рокка, однако, никак не мог успокоиться.

— Идеальный корчмарь для страны воров и головорезов, — добавил он.

— Вам не следует говорить такого, господин иностранец. Во всяком случае, о Кастилии, где, как все знают, царит полный порядок. Дороги у нас охраняются, и путешественникам на них ничего не грозит.

— Охраняются! Если охраняются, то бандитами. Других охранников на ваших кастильских дорогах мы не видели.

Корчмарь отошел, не желая продолжать этот оскорбительный для Испании разговор, а погонщик через дверь черного хода направился на пастбище, чтобы убедиться, что мулы его в целости и сохранности.

Рокка вновь наполнил кружку.

— Ну и отрава. Только жажда... — он не договорил, глаза его вылезли из орбит. Потом с такой силой шваркнул кружкой об стол, что та разбилась и вино разлилось по поверхности стола, закапало на пол. Все это, да руга-

тельство, с которым Рокка вскочил на ноги, заставило Галлино обернуться.

В зал вошел высокий, худошавый мужчина, небрежно одетый, в котором Галлино сразу признал предводителя цыган.

— Да поможет нам Бог! — выкрикнул Галлино и метнулся следом за Роккой, который уже набросился на бандита.

Тот, однако, увернулся от рук Рокки и коротким, сильным ударом отбросил его от себя.

— Пьянчужка! Обнимайся с дьяволом!

— Грабитель! — орал Рокка.

Вдвоем с Галлино они схватили цыгана.

— Ты еще пожалелся о сегодняшнем, — пообещал ему Галлино. — Мы позаботимся о том, чтобы твоя грязная шея оказалась в петле.

Цыган пытался вырваться.

— Пусть дьявол поломаст ваши кости. Эй, хозяин! Останови этих убивцев!

В итоге все трое покатались по полу, поднимая пыль, переворачивая столы. Корчмарь уже прыгал вокруг них.

— Господа! Господа! Ради Бога! Что вы делаете?

Рокка тем временем успел усесться на живот цыгана, который перестал сопротивляться.

— Это один из бандитов, что ограбил нас. Позови стражу, пока мы держим его. Позови стражу.

— Да вы сошли с ума, — заверещал корчмарь. — Это же сеньор Рибера. Никакой он не бандит.

— Отпустите меня, кретины! — вновь задергался цыган. — Эй, сюда! На помощь! На помощь!

Зов его не остался безответным. Распахнулась дверь, и в корчму ввалились четверо альгасилов.

— Что такое? Что случилось? — выкрикнул их командир и, не дожидаясь ответа, прошелся тупым концом алебарды по спинам венецианцев, сидевших на цыгане. — Встать! Встать! Вы хотели убить этого человека?

— Пьяные, чокнутые иностранцы! — загомосил цыган. — Ни с того, ни с сего набрасываются на людей!

Рокка, безуспешно пытаясь вырваться из рук двух альгасилов, стащивших его с цыгана, проревел в ответ: "Нас ограбили на дороге, и это — один из бандитов, что грабили нас".

Цыган сел, ощупал себя, желая убедиться, что ему не оторвали ни руку, ни ногу и все ребра целы.

— Они пьяны. Я целый день не покидал Кордовы. Дюжина свидетелей может это подтвердить. Эти мерзав-

цы хотели меня убить. Я думаю, они сломали мне не одну кость. О! О! — морщась от боли, он тем не менее удивительно легко поднялся.

— Оставьте их нам, сеньор Рибера, — твердо заявил командир альгасилов. — Они будут держать ответ перед самим коррехидором. Пошевеливайтесь, подонки, — и подтолкнул венецианцев к двери.

— Придержи язык, — посоветовал Рокка, — иначе пожалеешь. Веди нас к коррехидору. Но возьми с собой и этого мерзавца.

— С каких это пор ты отдаешь мне приказы? Пусть дьявол испепелит тебя. Отвечай за свои действия, сеньор иностранец. И не перекладывай вину на других. Это же надо, нападать на мирных кастильцев! А ну, пошли!

— Только вдниоты... — фраза прервалась криком боли, так как его крепко ударили тупым концом алебарды.

— Шагай, болтун ты паршивый! Поговоришь с коррехидором.

Кипящих от бессильной ярости, их вывели из корчмы и под конвоем провели по улицам Кордовы к рыночной площади, где размещались коррехидорня и тюрьма.

Скоро они оказались в мрачном помещении с низким потолком и маленькими оконцами, забранными решетками. Их имена внесли в регистрационную книгу, там же отметили вменяемое им правонарушение, а их самих препроводили в камеру, размерами не превосходящую собачью будку.

Коррехидор, который, как сказали венецианцам, займется ими утром, в этот момент вместе с доном Луисом де Сантанхелем находился на втором этаже домика Бенсабата на Калье Атаюд.

Поднявшись по лестнице и открыв дверь, они увидели, что Колом собирает вещи, готовясь к отъезду.

Сантанхель добродушно рассмеялся.

— Какой вы предусмотрительный. В Вегу-то нам ехать только завтра. Если позволите, я составлю вам компанию.

Смех показался Колону неуместным.

— Я еду во Францию, дон Луис.

— А чего вас туда потянуло?

— Надежда, что король Шарль сможет принять решение, не прибегая к помощи комиссий.

— Похоже, вы недооценили нашего дорогого коррехидора. Ему есть что вам сказать. Поэтому я и привел его с собой.

— Я благодарен ему за участие. Но, боюсь, он ничем не может мне помочь.

— Более, наверное, ничем, — дон Ксавьер подошел к столу. Положил на него два документа. — Вот, сеньор, то, что вы, кажется, утеряли.

Колон даже лишился дара речи. А затем плечи его распрямились, глаза вспыхнули победным огнем.

— Значит, в Кордове вы можете творить чудеса?

Дон Ксавьер засмеялся.

— Стараемся помаленьку. Мои альгасилы шутить не любят. Вор — ваш знакомый венецианец, некий Рокка. Нам удалось изъять у него письмо и карту, не вызывая жалоб посла Венеции. Как мы это сделали, не спрашивайте. Пусть это останется нашим секретом.

Глава 21 МАРКИЗА



анцлер Арагона путешествовал, как того требовал его высокий пост, в сопровождении двенадцати хорошо вооруженных всадников. У каждого на кожаном нагруднике красовался герб Сантанхеля — серебряный крест на лазурном фоне. Позади мулы везли палатки и походное снаряжение.

Под жарким июньским солнцем маленькая кавалькада продвигалась на юг, и на третий день после выезда из Кордовы они пересекли реку Хениль. Вокруг простиралась зеленая равнина, ветры, дующие с заснеженных вершин Сьерра-Невады, несли долгожданную прохладу. Скоро они приблизились к высоким тополям, словно часовые охранявшим многоцветье шатров и палаток испанского лагеря, растянувшегося на километры города из шелка и брезента, с развевающимися над ним штандартами и хоругвями. А еще дальше, в туманной дымке, возвышались башни и минареты Гранады, последней мавританской твердыни на полуострове, окруженной мощными укреплениями.

Дорога вилась меж виноградников и оливковых рощ, зарослей акации и цветущей сирени, полей овса, пшеницы, на которых тут и там адели маки.

Колон ехал в прекрасном настроении. Еще бы, ему было чем пристыдить тех, кто во всеуслышание обозвал его обманщиком и лгуном.

Но дон Луис полагал, что спешить с этим не стоит.

— Позвольте мне самому разобраться с ними, — настаивал он.

— Я позабочусь о том, чтобы они проглотили свои слова. Вы еще успеете выговориться.

Об этом они договорились еще до отъезда из Кордовы. Разногласия возникли в другом: как быть с Беатрис. Сантанхель уговаривал Колону немедленно повидаться с девушкой, причем столь настойчиво, что его заинтересованность даже удивила Колона. Он же твердо стоял на своем: не искать с Беатрис встреч, пока не сможет сообщить ей что-либо определенное. А чтобы успокоить девушку, послал ей записку, в которой сообщал, что карта и письмо найдены и возвращены законному владельцу. Сантанхель переборол искушение рассказать Колону обо всем, что произошло на самом деле, так как резонно решил, что признание должно исходить из уст Беатрис. Покаявшись, она могла рассчитывать на быстрое отпущение грехов.

На закате солнца они достигли окраин огромного лагеря. Бесконечные ряды повозок, стада лошадей, мулов, ослов, кузницы, столярные мастерские, пекарни, камнетесы, канатные мастера, плетельщики корзин, строители бастионов, тоннелей, мостов и всего прочего, необходимого для транспортировки артиллерии, которую особо опекала сама королева.

Далее они ступили на длинные улицы, образованные солдатскими палатками. Удары молота о наковальню, грохот деревянных колотушек жестищиков, лошадиное ржание сменилось песнями бардов и менестрелей, криками торговцев, шествующих от палатки к палатке мулами и ослами, в торбах которых имелся товар на любой вкус. Не было лишь полчищ проституток, обычно сопровождавших войска. Если они и появлялись, из лагеря благочестивой и набожной Изабеллы их гнали кнутом.

Павильоны короля и королевы расположились на большой площади в центре лагеря. Тут же красовались шатры и палатки придворных. Пурпурная — кардинала Испании, который привел с собой две тысячи солдат, герцога Медины, маркиза Кадиса и других испанских грандов, вассалов их величеств, пришедших со своими отрядами. Над каждым шатром развевался стяг с гербом его обитателя.

Сантанхель и Колон спешили у шатра маркиза Мойя. Маркиза встретила их более чем благожелательно.

— Какой вы молодец, дон Луис. Если б вы не привезли с собой нашего Кристобаля, он, наверное, не навещал бы нас.

Колон низко поклонился.

— Целую ваши ручки. Вы же знаете, что я в опале.

— Именно в такой момент вам и должны помочь друзья.

Кабрера поддержал маркизу.

— Сейчас, правда, нам трудно что-нибудь сделать. Но мы на вашей стороне и докажем вам, сколь мало верим вашим обличителям.

— Господь припомнит им их злобу, — добавила его супруга.

— Я приехал сюда, чтобы развенчать их, мадам.

Маркиза покачала головой.

— Сейчас не время. Я пыталась говорить с королевой.

— Вы заступались за меня?

— Неужели вы решили, что я сразу же отрксусь от вас? Или меня смутят необоснованные нападки на вас?

— Я ваш вечный должник, мадам, — Колон вновь поклонился.

— Я тонко чувствую настроение королевы. Сейчас не стоит появляться у нее на глазах. Она оскорблена. Считает, что унизила себя в глазах короля Фердинанда, который сразу же принял ваше предложение в штыки.

— Вот и отлично, — Сантанхель потер руки. — Ничего так не обрадует ее величество, как реабилитация Колона.

Кабрера нахмурился.

— Это легкомысленно. Настойчивость может вызвать еще более бурную реакцию.

Улыбка Сантанхеля стала шире.

— И все-таки мы рискнем. Потому что на этот раз мы пришли не со словесными аргументами, но с вещественными доказательствами. Доказательствами, которые так жаждали получить высокоученые члены комиссии. Мы привезли карту и письмо, а также имена грабителей, их укравших.

— Черт побери! — радостно выругался маркиз, хватив кулаком по столу.

— Теперь вас оправдают по всем статьям, — улынулась маркиза.

— По крайней мере, будет спасена моя честь, — ответил Колон.

— И все остальное.

— Едва ли. Слишком уж велико сопротивление. Если бы я представил карту комиссии, боюсь, что ее члены сочли бы, что и этого недостаточно.

Над последней фразой маркиза задумалась, и плодом ее размышлений стал план, который она реализовала в тот же вечер.

— Кажется, я знаю, что нужно сделать. Положитесь на меня. И вы поймете, какой дипломат погиб в Беатрис де Бобадилья.

Они поужинали утрем и форелью, выловленными в Хениле, птичками, попавшими в силки в лесах Веги, запивая еду белым вином Аликанте, охлажденным в горном снегу. За столом то и дело слышался смех. И Колон видел, сколь искренне рады маркиз и маркиза его возвращению из небытия.

После ужина паж, неся над головой ярко горящий факел, отвел их к павильону, над которым вздымался штандарт с гербами двух королевств.

Король играл в шахматы с епископом Авилы, а королева, сидя за небольшим столиком, слушала доклад капитана Рамиреса, командующего ее артиллерией, которого в армии прозвали Эль Артильеро. Речь шла о новых бомбардах, призванных усилить огневую мощь армии. Тут же, естественно, отирался и Фонсека, весь в черном и, как полагалось священнослужителю, без оружия.

Рамирес уже уходил, когда паж поднял тяжелую портьеру, пропуская в павильон маркизу Мойя. Ближайшая подруга королевы, она имела право приходить в любое время дня и ночи.

Ее величество оторвалась от списка необходимых орудий, оставленного Эль Артильеро, подняла голову, улыбнулась маркизе. Неслышно шагая по мягкому восточному ковру, великолепная в платье из синего бархата с низким вырезом, смело открывающим всю шею, маркиза подошла к столику и присела на указанный королевой стул.

— Обычно ты не приходишь так поздно, Беатрис. Предпочитаешь оставаться у себя.

— Сегодня я не могла не прийти. У меня новости для вашего величества. Касательно Колона.

Она не могла удивить их более, даже если бы сбросила на пол канделябр. Король, услышавший ее, резко обернулся.

— Надеюсь, вы пришли сказать, что мерзавец покинул Испанию.

— Ну что вы, сир, я не из тех, кто спешит сообщить дурные новости.

— Дурные? Мне доводилось слышать и похуже. Но вы, я вижу, все еще благоволите к этому долговязому пройдохе.

Епископ двинул вперед фигуру.

— Шах, сир.

— К его уму я отношусь с большим уважением, чем к росту, ваше величество, — ответила маркиза.

— А мне кажется, лучшее, что у него есть, — это ноги, — рассмеялся Фердинанд. — Вот ими-то ему и следует сейчас воспользоваться, — и он вновь склонился над доской.

Королева вздохнула.

— К сожалению, он не выдержал испытания, устроенного комиссией, в том числе и доном Хуаном.

— Мне повезло, что я застала у вас дону Хуана, — улыбнулась маркиза.

Фонсека поклонился, но и тени улыбки не мелькнуло на его круглом лице.

— Я лелею надежду, — продолжала маркиза, — что принесенные мною новости побудят его изменить свое отношение к сеньору Колону.

— К сожалению, мадам, мое отношение покоится на прочном основании.

— Прочном? А по-моему, на песке, дон Хуан.

Король торопливо сделал ход и вновь обернулся.

— Что я слышу? Вы вновь защищаете этого лжеца?

— Только от ошибок его судей, сир.

— Клянусь бессмертной душой, откуда такая безрассудная страсть?

— Это страсть к процветанию Испании и чести и славе ваших величеств.

Королева похлопала ее по руке, опять вздохнула.

— Никто не сомневается в твоих добрых намерениях, Беатрис. Но вопрос уже рассмотрен.

— И решение вынесено, — добавил Фердинанд. — Дело закрыто.

— Шах, сир, — вмешался епископ. — Боюсь, следующим ходом будет мат.

— Да? — король уставился на доску. — К дьяволу этого Колона! Из-за него проиграл партию.

Маркиза не отрывала от него взгляда.

— Я могу доказать вашему величеству, что из-за Колона вы можете проиграть больше, чем партию в шахматы.

— Согласен с вами, клянусь святым Хамссом. Он и так отнял у меня много времени и нервов.

— Поэтому не будем увеличивать эти потери, — решила королева.

— Сможет ли моя любовь к вам, мадам, оправдать мое непослушание?

Фердинанд тяжело поднялся, хмуро посмотрел на маркизу.

— Ради Бога, Беатрис, неужели вы не понимаете, что словами тут ничего не изменишь?

— Из-за слов я бы не стала отвлекать ваше внимание. Я говорю о доказательствах.

— Доказательствах чего? — спросила королева.

— Того, что с Колоном поспешили.

Фердинанд рассмеялся.

— Своей настырностью вы превзошли паука.

— Тогда позвольте мне доплести свою паутину, — и с улыбкой она повернулась к королеве.

— Ох уж эти сирены, — вздохнул король, а королева спросила: “Так что ты хотела нам сказать, Беатрис?”

Маркиза не заставила себя упрашивать.

— Как хорошо, что при нашем разговоре присутствуют епископ Авиды, который был председателем комиссии, и дон Хуан де Фонсека, оказавший немалое влияние на принятые решения.

Талавера встал из-за стола вместе с королем. И теперь молча сверлил Беатрис холодным взглядом. Дон Хуан еще раз поклонился маркиза.

— Не переоценивайте моих заслуг, мадам. Я лишь помог сорвать маску с этого человека.

— Или приписать ему те качества, которых у него нет и в помине.

— Нет, нет, мадам. Он сам вырыл себе яму.

— Вот об этом мы сейчас и поговорим. Вы позволяете мне высказаться, мадам?

Королеву в немалой степени удивила настойчивость маркизы.

— Да, мы вас выслушаем, — она откинулась на спинку стула. — Я не сомневаюсь, дон Хуан найдет, чем вам ответить.

Подошел и король в сопровождении епископа Авилы. На его лице играла улыбка.

— Послушаем и мы. Рыцарский посидинок между женщиной и священником. Такое войдет в историю.

Маркиза всматривалась в круглое желтое лицо донна Хуана де Фонсеки.

— Вы убедили себя и других, не так ли, что сеньор Колон лгал, утверждая, что у него есть карта великого Тосканелли?

— По-вашему, я убедил себя, маркиза? — он торжествующе улыбнулся. — Простите меня, но в этом убедил нас сам Колон.

— Признался, что он лжец, не так ли?

— Убедил нас своим поведением, — возразил Фонсека. — Типичным, кстати, для большинства шарлатанов. Сначала они утверждают, что их поддерживает знаменитость с непререкаемым авторитетом. Тем самым привлекают внимание к собственной персоне. Так, собственно, поступил и Колон, на этом он и споткнулся. Когда мы, выполняя свой долг, потребовали от него доказательств, он притворился, будто его ограбили. Заезженный приемчик.

— Заезженный? А на чем основывается ваша уверенность, что это был приемчик?

Фердинанд открыто рассмеялся.

— Да, поневоле убеждаешься, что спорить с женщиной — все равно что нести воду в плетеной корзине.

Но Изабелла нахмурилась.

— Быть может, дон Хуан и не нашел другой емкости. Давайте выслушаем его.

Фонсека бросился в бой.

— Уверенность моя идет от знания жизни. Как могло случиться, что человек, имеющий на руках неопровержимые подтверждения своих взглядов, не упоминал об этом до тех пор, пока наша настойчивость не заставила его признать, что они у него есть?

— Я понимаю, — с видимой неохотой согласилась маркиза. — Это существенно.

— Слава тебе Господи, — насмешливо воскликнул король. — Ее глаза открылись.

— Не совсем, ваше величество. Кое-что остается неясным. Если выводы Колона представляются кому-то недостаточно убедительными, почему то же самое, сказанное другим человеком, уже не вызывает ни малейших сомнений? Я, разумеется, женщина глупая. Но, убей Бог, не вижу, в чем тут разница.

Ей ответил Талавера.

— Разница в том, кто высказывает эти выводы, невежественный моряк или лучший математик современности.

— Вы удовлетворены ответом, маркиза? — спросил ее король.

— Разумеется, сир. Ну почему я такая бестолковая. — Она рассмеялась, как бы прикрывая собственную неловкость. — Но, господа, — она перевела взгляд с Талаверы на Фонсеку, — вы переоцениваете эту разницу. Не станете же вы притворяться, что поддержали бы Колона вместо того, чтобы отвергнуть его, предъяви он эти несчастные карту и письмо.

— Никакого притворства нет, мадам, — сурово возразил Талавера.

— Что? — брови маркизы взметнулись вверх. На лице отразилось изумление. — Вы можете уверить меня, мой господин, что Колон получил бы вашу поддержку, если б у него на руках оказались документы, подписанные Тосканелли?

— Заверяю вас в этом, мадам, — твердо ответил епископ Авила.

— Несомненно, мадам, — добавил Фонсека.

Недоверчивый смех маркизы не вызвал у них ничего, кроме раздражения.

— Легко говорить о том, что невозможно доказать. Я думаю, едва ли вы были бы такими стоворчливыми, если б еще не требовали у Колона эти документы.

— Мадам! — возмущенно воскликнул епископ.

— Вы ошибаетесь, мадам, — вторил ему Фонсека. — Серьезно ошибаетесь. И немилосердны к нам. Извините за грубость.

— Как раз грубости я и не заметил, — засмеялся король.

Королева промолчала. Она уже давно поняла, что маркиза вдет какую-то игру.

— Немилосердна! Фи, дон Хуан! Но я, пожалуй, соглашусь с вами и принссу свои извинения, если вы сейчас вот, немедленно, посоветовали бы их величествам поддержать Колона, положи он перед вами карту Тосканелли. Сможете вы это сделать?

Фонсека поджал губы.

— Кажется, я уже это сказал.

— А вы, господин мой, епископ?

Талавера пожал плечами.

— Все это пустые разговоры, мадам. Но, чтобы доставить вам удовольствие, в этом случае я без колебания приму сторону Колона.

Улыбка, теперь уже победная, заиграла на губах маркизы, когда она повернулась к королеве.

— Ваше величество слышали, что сказали их преподобия. Я повязала их по рукам и ногам, не так ли?

Фонсека обеспокоился:

— Повязали нас, мадам?

— Оплела паутиной, как и предупреждала. Может, вы не обратили внимание на мое предупреждение?

Королева наклонилась вперед.

— Вы задали нам уже немало загадок, Беатрис. Объясните по-простому, о чем, собственно, идет речь?

— Ваше величество, я лишь хотела, чтобы эти господа лишились той предвзятости, которую они испытывают по отношению к Колону. Он совсем не обманщик. Ему уже возвращены украденные у него карта и письмо. Он здесь, в лагере, и готов положить их перед вами.

Глава 22
РЕАБИЛИТАЦИЯ



ристобаль Колона стоял перед их величествами в золотистом отсвете свечей.

Королева Изабелла решила, что восстановление справедливости не терпит отлагательств. Кроме того, ей хотелось еще раз убедиться, что в отличие от комиссии она

сразу и по достоинству оценила предложение Колона.

Сантанхель и Кабрера вошли вместе с Колоном. Маркиза Мойя, теперь главный покровитель Колона, стояла на полпути между ними и столиком, за которым сидела королева. Король, Талавера и ФONSEКА тесной группкой застыли за ее спиной. Документы Тосканелли и собственная карта Колона лежали на столе, перед ее величеством.

С разрешения королевы Сантанхель рассказал о своем участии в спасении документов.

— Вору, — докладывал он, — два агента Венецианской Республики. Один из них какое-то время находился при дворе ваших величеств, заявляя, что состоит в штате мессера Мочениго, посла Венецианской Республики. Их взяли в десяти милях от Кордовы, по дороге в Малагу. Чтобы исключить возможные осложнения с Венецией, коррекхидор Кордовы обставил все так, будто на них напали обыкновенные бандиты.

Тут его прервал король Фердинанд:

— Чушь какая-то. Какой интерес может проявлять Венеция к этим документам?

— Чушь это или нет, но я излагаю вам факты, и коррекхидор Кордовы может подтвердить мои слова.

— С вашего дозволения, ваше величество, интерес Венеции мне более чем ясен, и теперь я даже начинаю понимать, почему встретил в Португалии такое противодействие. Богатство и могущество Венеции зиждется на ее торговле с Индией. Венеция контролирует всю европейскую торговлю с Востоком. Стоит нам достичь Индий западным путем — ее монополия рухнет.

Фердинанд задумался.

— Пожалуй, в этом что-то есть, — нехотя пробурчал он.

Королева оторвалась от карты, которую внимательно изучала.

— Я сожалею, сеньор, что с вами обошлись столь несправедливо, и очень рада, что вы доказали полную свою невиновность.

Фонсека, однако, не желал признать себя побежденным.

— Возможно, я перестраховываюсь, ваше величество, но не следует забывать, что Тосканелли уже умер, и нам могут подsunуть подделку.

От громкого насмешливого смеха маркизы кровь бросилась ему в лицо, черные глаза полыхнули яростью. Но королева не дала ему заговорить.

— Почерк на карте тот же, что и на письме, одинакова и печать, — сухо заметила она.

— Можно подделать и то, и другое, — отвечивал Фонсека.

— Действительно, — согласился Фердинанд, — нельзя исключить такой возможности.

Королева взглянула в глаза Фонсеки.

— Так вы утверждаете, что перед нами подделка? Говорите, ваше преподобие, не стесняйтесь. Вопрос серьезный.

Чувствуя за собой поддержку короля, Фонсека не замедлил с ответом.

— Как угодно вашему величеству. Мне представляется, что в критической ситуации человек может не устоять перед искушением, тем более что сеньору Колону нарисовать такую карту, а мы можем судить о его способностях по его собственной карте, не составит большого труда.

Колон рассмеялся, вызвав неудовольствие королевы.

— Что развеселило вас, сеньор?

— Сколь тонко дон Хуан завуалировал свои намеки. Почему бы не высказаться более откровенно. Обвинить меня в том, что я подделал эти документы, чтобы добиться одобрения моего предложения.

— А если бы я прямо сказал об этом, смогли бы вы указать мне, в чем я не прав?

— Я бы не стал этого делать. Да это и не нужно. Вы и сами должны понимать, будь эти документы поддельными, а я — их автором, они появились бы перед уважаемым председателем комиссии, едва я переступил порог зала заседаний. Хотелось бы услышать ваш ответ и на другой вопрос: с какой стати Венецианская Республика послала агентов, чтобы те выкрали у меня подделки перед заседанием комиссии?

Фердинанд громко рассмеялся. Улыбнулся даже Талavera.

Фонсека поджал губы. Поклонился их величествам.

— В рвении услужить вашим величествам я иногда делаю и ошибки.

— И не только вы, — добавил Колон.

— Сеньор, сегодня вы можете быть более великодушным, — мягко упрекнула его королева. — Возьмите ваши карты. Вы можете идти. Завтра мы вновь ждем вас у себя.

— Целую ноги вашего величества, — и Колон удалился, весьма довольный исходом аудиенции.

Наибольшее впечатление на королеву произвело не возвращение карты Тоскавелли, но сама попытка венецианцев украсть ее и объяснение Колона. Тут уж у нее не осталось ни малейших сомнений: она поступила мудро, сразу же высказавшись за экспедицию в Индию.

— Ну и хитры же эти венецианцы, — сказала она королю Фердинанду, когда они остались вдвоем. — Сразу поняли, что обогащение Испании, обещанное Колоном, произойдет за их счет.

— А разве нам не хватит богатств Гранады?

Изабелла покачала головой.

— Священный долг правителей — не останавливаться на достигнутом, когда у них есть возможность расширить владения государства во главе которых они поставлены Господом Богом.

— Все так. Но давайте не путать грезы с реалиями. Земли, которых можно достичь, плывя на запад, пока не более чем мечта.

— Не так давно мечтой казалось и покорение Гранады. Однако ждать осталось совсем недолго.

— Гранада у нас перед глазами. Мы знаем, что она существует. Но не можем увидеть земли сеньора Колона.

— Есть другие глаза, души. Ими Колон видит Индию так же ясно, как мы — Гранаду.

— Об этом я и толкую. Стоит ли нам рисковать людскими жваньями и богатством, кровью и золотом, чтобы доказывать, что его видения — не миф?

— Кто не рискует, тот не выигрывает.

— А должны ли мы рисковать? Война опустошила нашу казну и может затянуться еще на много месяцев. Каждый мараведи на счету.

Собственно, последней фразой и определялось решение, которое услышал Колон на следующий день, придя в королевский павильон. Исполнение его надежд вновь откладывалось. Но он получил твердое заверение, что владыки Испании на его стороне.

— Мы всесторонне рассмотрели ваше предложение и решили вас поддержать, — сообщила ему королева. — Но осуществление экспедиции возможно лишь после покорения Гранады. Только тогда у нас будут необходимые

средства. А пока дон Алонсо де Кинтанилья получит указание выплачивать вам ежеквартальное пособие, чтобы вы ни в чем не знали нужды.

От встречи с королевой Колон ждал большего, но и такой итог не обескуражил его.

— В конце концов, — резонно заметил Сантанхель, — стоит ли раздражаться из-за нескольких недель задержки, когда позади годы ожидания.

Они сидели вдвоем в шелковом шатре канцлера. Пообедали, но еще не встали из-за стола. Канцлер одну за другой брал из вазы вишенки.

Колон вздохнул.

— Меня все еще считают молодым, а годы несбывшихся надежд уже посеребрили мне голову, — он наклонился, чтобы показать седые волосы, действительно появившиеся в его великолепных рыжевато-красных кудрях.

— Не ищите у меня сочувствия, — улыбнулся Сантанхель. — Я весь поседел на королевской службе.

— Служба, разбивающая сердца. Гранада! — фыркнул Колон. — Город. И ради него откладывается покорение целого мира.

— Успокойтесь. Задержка будет недолгой. Война закончится еще до конца года. Владыки знают, что говорят.

— Я буду ждать ее окончания в Кордове с Беатрис. Она поможет мне набраться терпения.

Сантанхель согласно кивнул.

— Вы правы, Кристоваль, поезжайте к ней. Она ждет вас. И... — Он помолчал, а затем добавил: — Будьте добры к ней.

Глаза Колона изумленно раскрылись.

— Уж в этом-то вы можете не сомневаться.

Глава 23

ЧАША СТРАДАНИЯ



аутро после заточения в каменный мешок оба венецианца предстали перед коррехидором Кордовы.

Они стояли перед ним с налитыми кровью, от недосыпания и злости, глазами, неряшливые, искусанные клопами и блохами.

Громогласная речь Рокки, которую тот респетировал едва ли не полночи, оборвалась на второй фразе сердитым окриком дона Ксавьера.

— Вы здесь не для того, чтобы оглушить меня свои-

ми воплями. Будете говорить, только когда вас о чем-то спросят. Вы сейчас в Кастилии, а в Кастилии мы во всем придерживаемся установленного порядка. — Он обернулся к нотариусу. — Зачитайте жалобу.

Надувшись, венецианцы выслушали перечень оскорбительных выходов, допущенных ими в корчме. Затем их спросили, отрицают ли они предъявленные обвинения.

Рокка попытался воспользоваться представившимся случаем и продолжить свою речь.

— Мы ничего не отрицаем. Но ваша милость...

Его милость остановил венецианца, взмахом руки, а сам глянул на нотариуса.

— Они не отрицают. Сделайте соответствующую пометку. Это все, что меня интересует.

— Но, сеньор...

— Это все, что меня интересует! — прогремел коррехидор. Рокка больше не пытался открыть рта, и дон Ксавьер продолжил: — Судить вас будет алькальд. Уведите их.

— По меньшей мере вы должны разрешить нам отправить письмо, — ввернул Галлино.

— Вам не разрешено ничего писать до рассмотрения вашего дела алькальдом, — возразил коррехидор.

— А когда мы предстанем перед ним?

— Когда он сочтет нужным назначить суд. Идите с Богом, — и венецианцев увели.

Суд состоялся лишь через неделю. Грязные, голодные, оборванные предстали перед алькальдом. Тем более фантастическим показалось тому утверждение Рокки, что он приписан к посольству Венецианской Республики. А уж требование немедленно вызвать посла Венеции просто вызвало возмущение.

— Вы же должны понимать, — сурово заявил ему алькальд, — что посольские привилегии и иммунитет не распространяются на тех, кто грабит и увечит подданных короля и королевы Испании.

Рокка ответил, что они никого не собирались грабить, наоборот, их самих ограбил тот самый мужчина, в нападении на которого они обвиняются. Алькальд сухо уведомил их, что они ошибаются, но сообразовал разрешить им отправить письмо. И когда прибыл секретарь посольства, им вернули свободу, получив предварительно письменное обязательство уплатить штраф и компенсацию сеньору Рибере. Далее алькальд милостиво согласился выслушать подробности ограбления, которому они будто бы подверглись, и пообещал рассмотреть этот вопрос с коррехидором.

Как выяснилось, чашу страдания они испили еще не до дна. Последние капли выплеснул на них венецианский посол, к которому их доставили сразу же после освобождения.

Федерико Мочениго, крупный, импозантный мужчина, ворота патрицианским носом от запаха экскрементов, которыми пропитались лохмотья агентов Совета Трех, выслушал их печальный рассказ.

— Вашим действиям недоставало благоразумия, необходимого для служащих вашего учреждения, — в голосе посла чувствовалось пренебрежение не только к агентам, но и к самому Совету Трех.

Лицо Галлино осталось бесстрастным. Рокка же возмутился.

— Я не могу согласиться, ваше высочество, что мы действовали неблагоразумно. Мы вели операцию к успешному завершению. Но никто не застрахован от нападения разбойников, и едва ли можно упрекать нас в том, что мы попали в их руки. Такого, кстати, я бы не пожелал и своему врагу.

— Напрасно вы со мной спорите, — ответил посол. — На вашем месте я бы принял определенные меры предосторожности, чтобы грабители не смогли захватить то, что досталось вам с большим трудом. Но мне нет нужды поучать вас в ваших делах, — его высочество поднес к носу платочек, смоченный апельсиновой водой. — Теперь, как я понимаю, вам нужно дать денег на возвращение домой.

— Пока еще нет, ваше высочество, — возразил Галлино. — Наша миссия не закончена. Возможно, мы еще сможем вернуть утерянное. И сейчас вы должны поддерживать нас и добиться наказания грабителей и возвращения нам нашей собственности.

— По меньшей мере, карты, — поддакнул Рокка.

Мессер Мочениго поскучнел.

— Вижу, вы намерены поучать меня. Полагаю, у вас есть мозги. Пораскиньте ими. Я должен подать иск алькальду Кордовы. И что, напишу я в нем, у вас отняли? Карту и письмо, которые вы украли сами. Как же, по-вашему, отреагирует алькальд? Вы вот, мессер Рокка, приписаны к моему посольству. Вы хотите, чтобы алькальд напомнил мне, чем должно, а чем не должно заниматься дипломату? Вы хотите, чтобы посла Венецианской Республики отчитывали, как нашкодившего мальчишку? — лицо Мочениго из презрительно-насмешливого стало суровым. — Вы вернетесь в Венецию за государственный счет, и чем быстрее покинете Испанию, тем будет лучше.

Рокка аж взвился при столь явном неуважении к Совету Трех.

— Значит, нам придется доложить государственным инквизиторам, что вы помешали нам выполнить задание.

— Да вы, я вижу, наглец. Что касается вашего задания, то оно, похоже, выполнено и без вашего участия. Насколько мне известно, в нужный момент карты у ее владельца не оказалось, и его претензии были признаны необоснованными. Дело, таким образом, закрыто. А я не могу допустить дальнейшей компроматации его светлости и возглавляемой им Венецианской Республики. Деньги на обратный путь вам выделяют. Это все, что я могу вам сегодня сказать.

Пристыженные, разъяренные, они вышли из посольства и отправились в свой прежний номер в "Фонда дель Лсон". Там, смыв с себя грязь и пересодевшись, они сели за стол, чтобы обсудить создавшуюся ситуацию.

Неудача не объединила их, но наоборот, побудила переложить вину с себя на другого. Галлино уж точно винил во всем Рокку, поскольку именно из-за него они уехали не сразу, а через день.

— Черт бы побрал этого мессера Мочениго, — бурчал Рокка. — Болван и есть болван. Небось ни куска хлеба в жизни не заработал. Легко ему судить тех, кто рискует своей шеей, служа государству.

— Мне кажется, что недолго оставаться нам на государственной службе.

— О чем ты говоришь? Разве мы виноваты в том, что нас ограбили?

— Если что-то идет не так, в этом всегда обвиняют таких, как мы. Для этого нас и держат. И никому нет дела, что лишь случай помешал нам.

— Ты вот упираешь на случай, а я придерживаюсь обратного мнения. Все было подстроено. И тому много свидетельств. Я уже говорил об этом. Они же не вспороли подкладку твоего камзола. Ибо в моем нашли то, что искали. И этот мерзавец Рибера остановил бандита, обыскивающего тебя, как только карта и письмо оказались у него в руках.

Галлино все еще сомневался.

— Похоже, что так, не буду с тобой спорить. Но, если бы Колон узнал, что мы украли карту, он не стал бы посылать за нами цыган. Скорее добился бы нашего ареста.

— Предположим, что ты прав. Но я уверен, эти подонки знали, что искать, и даю руку на отсечение, что Бсатрис нас выдала.

— Для того, чтобы повесить своего братца? Ха. Как она могла выдать то, чего не знала?

Рокка дернул щекой.

— Я иногда удивляюсь, Галлино, как с твоими куриными мозгами тебе удалось так далеко продвинуться по службе. Это одна из загадок нашей жизни. Девушка знала, что тебе известно, где спрятана карта. Потом карта исчезла. Неужели она не поняла, кто ее украл?

— Если исходить из этого, получается, что цыган напустила на нас эта девчонка. Тогда, по крайней мере, в твоих умозаключениях будет какая-то логика.

Кулак Рокки с грохотом обрушился на стол.

— Клянусь Богом, так оно и есть. Этим все объясняется. Не остается ни малейшего сомнения. Так что пора браться за дело.

У Галлино словно открылись глаза.

— Да, скорее всего так оно и было. И почему я не додумался до этого раньше? — он встал. — А что мы можем сделать?

— Навестить Беатрис и узнать все из первых рук. Вполне возможно, что карта все еще у нее. Во всяком случае, надо разобраться с этой потаскухой.

Они нашли Беатрис в ее комнате у Загарте. Она вышивала. До представления оставалось еще несколько часов. Надо отметить, что число зрителей значительно уменьшилось после того, как двор покинул Кордову.

Она что-то напевала, но слова замерли у нее на губах, когда открылась дверь.

— Благослови тебя Бог, Беатрис, — мягко поздоровался Рокка, переступив порог. Вслед за ним в комнату вошел и Галлино.

— Благослови вас Бог, — ответила девушка. — Я думала, вы уехали.

— Не попрощавшись с тобой? — слащаво спросил Рокка. — Как ты могла подумать такое?

— И с чего у тебя могли появиться такие мысли? — добавил Галлино. — Мы же не довели дело до конца.

Внешне Беатрис оставалась невозмутимой, но внутренне сжалась от исходящей от венецианцев ненависти.

— Что же ты молчишь? — продолжал Галлино, подойдя вплотную. — Раз ты решила, что мы уехали, значит, подумала, что мы добыли то, за чем нас послали. Так?

— Естественно.

— Ты выдала нас Колону, — в голосе Галлино слышался не вопрос, но утверждение.

Беатрис рывком поднялась.

— Почему вы здесь? Почему разговариваете со мной в таком тоне?

— Отвечай мне, — жилистая рука Галлино легла ей на плечо и усадила на диван. — Не шути с нами, девочка. Одно дело, если ты больше не хочешь нам помогать. За это поплатится твой брат. И совсем другое — твое предательство. Если так, тебе несдобровать.

— Что вы от меня хотите? Я и так многое сделала для вас.

— Сначала сделала, а вот потом сильно напортила. Напортила так, что все нужно начинать заново. Где Колон?

— Не знаю.

— Не лги нам, потаскуха. Где Колон?

— Говорю вам, не знаю. Я не видела его больше недели. Уходите. Оставьте меня. Мне больше нечего вам сказать.

Галлино наклонился еще ниже.

— Может статься, ты уже никому не сможешь что-либо сказать.

В страхе смотрела она на Галлино, а Рокка тем временем шмякнулся рядом с ней на диван, знаком предложил Галлино помолчать, а сам заворковал.

— Послушай меня, Беатрис. Мы ведем с тобой честную игру. Неужели ты предпочтешь нам этого мерзавца, который все равно обманет и бросит тебя? Неужели ты так влюблена и не осознаешь, что он — придворный и будет искать пару среди равных себе? И что для него танцовщица, как не игрушка в час досуга? Послушай, дитя мое, вся Кордова знает, что прекрасная маркиза Мойя — его любовница. Неужели ради такого человека ты готова пожертвовать собственным братом?

— Для чего вы мне все это говорите?

Галлино молча наблюдал, как Рокка ведет свою партию.

— Мы хотим тебе помочь. Но для этого ты должна помочь нам. Даже теперь еще не все потеряно. Многие можно поправить. Десять дней назад, на дороге в Малагу, грабители отняли у нас карту. Не буду объяснять тебе, что это не обычное ограбление. И вот что нам теперь нужно...

— Рокка, мы не одни! — прервал его хриплый вскрик Галлино.

Рокка и Беатрис инстинктивно посмотрели на дверь. На пороге стоял Колон.

Он шагнул вперед, затворил за собой дверь. Бледный, как полотно, с сухой улыбкой на губах, с горящими серыми глазами.

— Пожалуйста, продолжайте, мессер Рокка. Расскажите даме, что она должна делать.

Рокка и Беатрис встали. Вместе с Галлино они не сводили глаз с Колона, от неожиданности лишившись дара речи.

— Что? Больше нечего сказать? Ну, ну. Наверное, вы уже наговорили достаточно. Более чем достаточно, чтобы прочистить мозги простосердечному слепому дураку, звать которого Кристобаль Колон. Теперь, когда мне все известно, остается только восхититься вашим мужеством. Будь вы трусоваты, давно удрали бы из Кордовы вместе со своей приманкой.

— О боже! — ахнула Беатрис, прижав руки к груди. Рука Рокки исчезла за его спиной.

— Поосторожнее со словами, господин мой.

— Как вам будет угодно. Хочу только предупредить вас. Если завтра к этому времени вы не покинете Кордову, все трое, я позабочусь о том, чтобы вас бросили в темницу.

— Это, должно быть, шутка? — прохрипел Галлино.

— Вам лучше знать, шутка это или нет. Воров сажают в тюрьму. А я могу доказать, что вы обокрали меня.

Рокка чуть улыбнулся.

— Приятно осознавать, что все обстоит, как я и предполагал.

— Надеюсь, что ваша проницательность теперь подскажет вам, что мое предупреждение — не пустые слова. Только благодаря этой женщине я даю вам возможность уехать.

Он повернулся, чтобы уйти, а Беатрис, придавленная чувством вины, не произнесла ни слова, чтобы остановить его.

Она не знала, то ли Колон пришел, уже зная от Сантанхеля о ее предательстве, то ли все понял, застав у нее венецианцев. В своем отчаянии она, правда, не видела особой разницы между первым и вторым.

Так что отвечать пришлось Рокке. Рука появилась из-за спины, но уже с кинжалом.

— Мы благодарим вас за предупреждение. Оно очень даже ко времени.

Колон скорее почувствовал, чем увидел метнувшегося к нему Рокку. И успев обернуться, перехватил руку последнего с зажатым в ней кинжалом.

Сильному, крепкого сложения венецианцу по роду своей деятельности не раз случалось попадать в переделки. Но и Колон, закаленный долгими годами, проведен-

ными в море, был не робкого десятка и обладал недюжинной силой и отменной реакцией. Он крутанул руку венецианца назад, зацепил его ногу своей ногой и сильно толкнул. И Рокка рухнул на пол, взыв от боли, с естественно вывернутой правой рукой.

А на Колона уже бросился Галлино. Более хладнокровный, он понимал, что Рокка поторопился, выхватывая оружие, но сейчас ничего иного просто не оставалось. В руке у него тоже оказался кинжал, а Колон, недолго думая, ухватил за гриф гитару Беатрис, прислонившую к стулу, и изо всей силы ударил ею по лицу венецианца. Тот покачнулся, и тут же гитара вновь обрушилась на Галлино. Этот удар пришелся по макушке, доньшки не выдержали, голова пронзила их насквозь, и гитара застыла на шее, как ядро. Галлино подался назад, сшиб спиной стол. Из многочисленных порезов хлестала кровь. Он же безуспешно пытался освободиться от этого зазубренного воротника.

Рокка, едва не теряя сознание от боли, перехватил кинжал в левую руку и уже начал подниматься, когда удар ногой вновь уложил его на пол.

Тут распахнулась дверь, и в комнату заглянул привлеченный шумом Загарте. За ним маячили двое работавших у него парней и служанка Беатрис. Его брови взлетели вверх.

— Святой Боже, что тут происходит?

— Эти убийцы напали на меня с кинжалами. Вызовите стражу.

Появился третий слуга и тут же убежал за альгасилами. Галлино тем временем избавился от остатков гитары и двинулся к двери, не обращая внимания на струившуюся по лицу кровь. За ним прихрамывал Рокка. За их спинами, на диване, застыла полумертвая от ужаса Беатрис.

Загарте сердито заорал на Галлино, что ничего подобного в его харчевне никогда не случалось. Галлино же потребовал, чтобы ему дали пройти.

— Вы пройдите, когда появятся альгасилы. Пусть я умру, если кто-то еще будет вести себя в моей харчевне, как в борделе. Нападать на людей с кинжалами в руках! Коррехидор вас проучит!

И он со слугами задержали венецианцев до прибытия альгасилов. Впрочем, пришли они достаточно быстро. И забрали с собой не только венецианцев, но и Колона. Их командир заявил, что коррехидор во всем разберется и решит, кто нападал, а кто защищался.



еатрис, потрясенная случившимся, осталась с Загарте и служанкой. Их попытки успокоить ее ни к чему не привели.

— Эти нечестивые собаки сломали вашу гитару, — печально вздохнул Загарте.

— Что гитара, Загарте, — Беатрис слабо взмахнула рукой. — Петь я больше не буду. Так что другая мне не нужна.

— Как не нужна? — Загарте запнулся. — О чем вы говорите?

Беатрис тяжело поднялась с дивана.

— Именно об этом, Загарте. Все кончено, мой друг. Петь я больше не буду ни здесь, ни где-либо еще.

— Да перестаньте, перестаньте. Я понимаю, эти сукины дети перепугали вас. Сегодня дадим вам выходной. А завтра...

Она покачала головой.

— Завтра не будет, — она коснулась руки мориска. — Пожалей меня, Загарте. Я больше так не могу.

Мориск по-отечески обнял ее. Морщины на его смуглом лице стали глубже.

— Все это пройдет. Пройдет. Такая красивая девушка, как вы, не должна столь легко поддаваться панике.

— Это не паника. Я раздавлена. Разбита, как эта гитара.

— Но что сделали с вами эти негодяи? — воскликнул Загарте. — Чтоб собаки разрыли их могилы!

— О, виноваты не они. Жизнь. Я сама. Расплатись со мной, Загарте, за предыдущие выступления и позволь уехать. Проку от меня больше не будет.

Долго еще Загарте умолял Беатрис остаться. Разве у нее нет сердца? Или он мало ей платит? Он готов платить больше. И что станет с его спектаклем?

— Найми того мальчика, которого я заменила.

— Да кто будет смотреть на него после вас?

— Я видела от тебя только добро, Загарте, и мне жаль подводить тебя. Но я должна уехать.

— Куда же вы поедете, дитя мое?

— Подальше от Кордовы. От жизни, которую вла. А там уж как получится.

И Загарте понял, что принятого решения Беатрис не изменит. В тот вечер посетители харчевни не увидели ее на сцене. А на следующее утро с опухшими от слез глазами она попрощалась с мориском, села на мула и в со-

провождении служанки и погонщика выехала из Кордовы через Альмодоварские ворота, по дороге, ведущей на восток, в Севилью.

Примерно в тот же час коррехидор, сидя под распятием на белой стене, мрачно взирал на Рокку и Галлино.

Ночь они вновь провели в тюрьме Кордовы, после того, как хирург вправил Рокке вывихнутое плечо.

Колон, ознакомленный коррехидором с подробностями дела, выступал не только потерпевшим, но и обвинителем.

С разрешения дона Ксавьера, он, призвав в свидетели дона Луиса де Сантанхеля, заявил, что эти двое несколько дней назад совершили кражу в его квартире. Вчера же, когда он обвинил их в этом, они вытащили кинжалы и набросились на него, вынудив его защищаться. И ему пришлось прибегнуть к силе, чтобы сохранить себе жизнь.

Дон Ксавьер откашлялся.

— По имеющимся в нашем распоряжении сведениям, первая часть обвинения — сущая правда. Нет у нас оснований сомневаться и в остальном, — он бросил на венецианцев мрачный взгляд. — Благодаря вмешательству посла Венецианской Республики и с учетом того, что доказательства вашей вины не были столь очевидными, в прошлый раз с вами обошлись достаточно гуманно. Но вы не вняли голосу разума и продолжали свою преступную деятельность. Как и прежде, решение по вашему делу примет алькальд. Каким оно будет, мне неизвестно. Но, учитывая, что вы — мужчины крепкие и на здоровье не жалуетесь, можете надеяться, что он не отдаст вас в руки палачу, а отправит на галеры кастильского флота.

Такого венецианцы не ожидали. Галлино тут же заявил, что нельзя осуждать человека, не дав ему возможности оправдаться. Рокка вновь потребовал разрешения отправить письмо мессеру Мочениго, упирая на свой статус дипломата.

Дон Ксавьер резко осадил их.

— Оправдываться будете перед алькальдом. Он определенно вас выслушает. В Кастилии мы не лишаем человека его прав. Но преступления ваши столь очевидны, что едва ли слова смогут изменить приговор, которого вы заслуживаете.

Что же касается обращения к послу Венецианской Республики, алькальд скорее всего согласится со мной в том, что необходимо всеми доступными средствами избегать осложнений в межгосударственных отношениях. Идите с Богом.

Когда венецианцев вывели, дон Ксавьер повернулся к Колону.

— Будьте уверены, больше они вас не потревожат. Но скажите мне, сеньор, альгасилы доложили мне, что в комнате с ними находилась женщина, танцовщица Загарте.

У Колона екнуло сердце. Но ответил он ровным, спокойным голосом:

— Это чистая случайность. Она не имеет к этому делу никакого отношения.

До такой степени он мог проявить милосердие к той, что не испытывала к нему ни малейшей жалости. Но не более того. Он рвался к ней и одновременно не желал ее видеть. Он встретил ее в час беды и за утешение, которое она принесла ему, отдал ей все, что у него было, все без остатка. Она стала ему дороже любого человеческого существа, не исключая и любимого сына, оставленного в Ла Рабиде. В ней его душа нашла душу, на которую могла опереться. Союз этот придавал ему сил, вдохновлял на подвиг. К ее ногам хотел он сложить плоды своего успеха. И вот оказалось, что ноги эти по колени запачканы обманом и подлостью. Он молился на жалкую приманку, нанятую для того, чтобы одурачить и ограбить его. И она украла у него не просто карту. Лишила его последних иллюзий, веры в человеческую любовь и человеческую порядочность. Что ж, пусть она уйдет, жалкая потаскушка. Наказание настигнет ее и без его участия. Господь Бог и судьба воздадут ей должное.

А ему останется только одно — открывать новые земли. В этом его призвание. И, наверное, хорошо, что он отправится в плавание, оборвав все то, что связывало его с берегом, свободный, как птица, орудие божье, поставленное на службу человечества.

Этим пытался он подсластить горечь, переполнявшую его сердце, заглушить гложущую его боль. День за днем он метался по Кордове. Не раз и не два порывался пойти к Загарте, где, как он полагал, продолжала петь и плясать Беатрис. Чтобы устоять перед искушением, он отправлялся в Мескиту и, распростершись перед статуей девы Марии, взывал к ней, моля избавить от несчастной любви.

Так он промучился неделю, а потом, узнав, что дон Алонсо де Кинтанилья отправляется в Вегу, присоединился к нему.

Их встретили облака дыма, поднимающиеся над зеленой равниной, грохот бомбард королевы, поливающих сарацинские стены каменным и железным дождем.

В стгушающихся сумерках они подъехали к шатру Сантанхеля, и добрый прием, оказанный канцлером, согрел заледеневшее сердце Колона.

— Вы правильно сделали, что вернулись. Надо напоминать их величеству о себе. Но что с вами случилось?

Сантанхель взял его за плечи, повернул так, чтобы свет падал ему на лицо.

— Вы больны?

— Не телом, но душой, — ответил Колон и рассказал об обрушившейся на него беде.

Сантанхель ужаснулся.

— И она не пыталась оправдаться?

— Чем? — усмехнулся Колон. — Я застал их врасплох, когда они строили свои коварные планы. Я услышал слишком многое.

— Слишком многое! Многое, но не все. Идиот! А вы не удосужились спросить себя, каким образом нам удалось так быстро вернуть украденные у вас карты и письмо? Вам не приходило в голову, что кто-то сказал нам, где их искать? — Колон в замешательстве молча смотрел на него. — Это была Беатрис. Беатрис Эрикес. Кто еще мог помочь нам? Ненароком она дала понять Галлино, что карта хранится у вас на квартирс. Но едва узнав, что карта украдена, она пришла ко мне и рассказала обо всем.

— К вам? — в голосе Колона все еще слышалось сомнение. — К вам? Но почему к вам? Почему не ко мне?

— Это долгая история, и несчастная...

— Кроме того, услышанное мною не оставляло сомнений, что она была заодно с этими мерзавцами, они наняли ее, чтобы заманить меня в ловушку и ограбить. Отрицать это невозможно.

— Никто и не отрицает, — согласился Сантанхель. — Но какова цена! Бедняжка, она же не какая-то прожженная авантюристка. Ее принудили, сыграв на естественной любви к брату, схваченному венецианской инквизицией. Брат, конечно, у нее дрянь, но она не могла бросить его в беде. А потом влюбилась в вас. И доказала силу своей любви. Доказала на деле, пожертвовав братом ради вас. Это она назвала мне воров. Та женщина, которую вы сейчас клянете, та женщина, которой вы из гордыни не дали молвить слова в свое оправдание. И сердце ее теперь разбито.

Колон тяжело опустил на стул.

— Я, наверное, сойду с ума. Почему, если все так и было, она ничего мне не сказала?

— А вы спросили ее? Нет, вам хватило того, что вы подслушали.

— Не сейчас, а когда она обратилась к вам.

— Неужели вы не понимаете, сколь ужасно для нее было бы такое признание? Стоит ли удивляться, что сначала она хотела возместить нанесенный урон. — Сантанхель вздохнул. — Мне следовало рассказать вам обо всем до вашего отъезда в Кордову. Она просила меня об этом. Но... — он пожал плечами. — Я подумал что, будет лучше, если вы объяснитесь сами. Я подумал, что, исповедовавшись вам, она скорее получит отпущение грехов.

Колон обхватил голову руками.

— Отпущение грехов! Исходя из того, что вы сказали, оно нужно скорее мне, а не ей.

— Милосердием божьим вы его получите, — дон Луис подошел к нему, положил руку на плечо. — Не теряйте времени. Возвращайтесь в Кордову и положите конец ее страданиям. Помиритесь с ней.

И через пять дней после отъезда Колон вновь появился в Кордове. Но у Загарте он узнал, что Беатрис уехала.

— Уехала? Куда?

На этот вопрос мориск ответить не смог. Она собрала свои нехитрые пожитки и уехала наутро после сго драки с венецианцами. Со служанкой и погонщиком нанятых ею мулов. Возможно, тот знал, куда направилась Беатрис.

Погонщик мулов, которого Колон нашел в конюшне у Гальегских ворот, сообщил, что отвез Беатрис в монастырь неподалеку от Пальмы дель Рио, там, где Хенил впадает в Гвадалквивир.

Колон выехал туда на следующее утро и преодолел тридцать миль, отделяющих Кордову от Пальмы, за четыре часа. Монастырь, низкое белое здание, окруженное высокой стеной, располагался на холме, у самого берега реки. Ворота открыла беззубая старуха, подозрительно оглядела его. Колон объяснил, кого он ищет. Старуха ответила, что Беатрис Энрикес пробыла в монастыре два дня, а затем уехала. Куда или по какой дороге, привратница не знала. Но посоветовала спрашивать в Пальме.

За два часа Колон обошел всех погонщиков мулов и все харчевни города. Но не узнал ничего путного. Переночевал в местной гостинице, а затем продолжил поиски на дорогах, ведущих на юг и запад. В Ларио дель Рио, в Тосино, в Кадахосе, в корчмах на перекрестках дорог он задавал вопросы, описывая Беатрис и ее служанку, никто в глаза их не видел. Беатрис исчезла без следа. Отчаявшись, он вернулся в Кордову и обратился за помощью к коррехидору.

Дон Ксавьер приложил максимум усилий, чтобы помочь тому, кто пользовался покровительством могущественного канцлера Арагона. Его альгасилы изъездили всю округу. Но безрезультатно. Колон ждал, но дни сливались в недели и с каждой из них таяли надежды. И оставалось лишь корить себя, что он так споро осудил Беатрис.

Глава 25 УСЛОВИЯ



то лето военный лагерь^о в Веге сгорел от пожара. Чтобы укрыть армию в случае непогоды, король Фердинанд заменил брезентовые палатки кирпичными и каменными домами, возвел целый город, названный им Санта-Фе. Построенный в виде креста, он как бы показывал маврам, что Испания обосновалась здесь навсегда.

А накануне нового года измученная осадой Гранада признала свое поражение. И король Бобадил выехал из ворот, чтобы сдаться победителям. Его встречали вышедшие из Санта-Фе испанцы, ведомые кардиналом.

На праздник крещения серебряный крест, освященный в Риме, украсил крышу замка Кольмарес, заменив сброшенный оттуда полумесяц. Рядом с ним сияли золотом королевские штандарты.

Победоносно завершив десятилетнюю войну, окончательно разгромив мавров, королева Кастильская и король Арагонский гордо въехали в последнюю сарацинскую твердыню на земле Испании. А за ней, в январском солнце, ярко сияли покрытые снегом горные вершины.

Колон, печальный и угрюмый, тащился в самом хвосте праздничной процессии. Он замкнулся в себе, компания сильных мира сего перестала его интересовать. Ни в чем он не находил радости, ко всему относился с пренебрежением. В том числе и к процессии, в которой принимал участие. Многочисленные знамена, трубачи, разряженные рыцари. Покорение маленького королевства. Нашли, что праздновать. Разве можно сравнить Гранаду с тем, что предлагал он, Колон. И в то же время он не мог не осознавать, что окончание осады знаменует для него очень многое: владыки Испании обещали ему деньги и корабли после падения Гранады.

Процессия втянулась в узкую кривую улочку, со стенами без окон, по арабскому обычаю, достигла ворот, украшенных каменными гранатовыми деревьями. За ними



начиналась другая улица, широкая и прямая. Она вела к площади, на которой всадники спешили. А затем, меж двух башенок, образующих Врата справедливости, вошли во дворец-крепость Альгамбра. Переход от мрачных, суровых крепостных стен к тончайшему убранству и красоте внутренних помещений поражал глаз и душу. Колонны, столь тонкие, что, казалось, они не могли выдержать покоящихся на них каменных арок с изумительной резьбой, окружали Миртовый дворик. Здесь аккуратно подстриженные кустики выстроились вдоль бассейна, наполненного водой цвета турмалина. Анфилады, колоннады, мозаичные панно, позолоченные сводчатые потолки, мраморные полы, застеленные шелковистыми коврами, стены, увешанные гобеленами из Персии и Дамаска.

Вместе со всеми прошел Колон через огромный зал Мексуара в мосалу, где возвышался наскоро установленный алтарь. Кардинал Испании отслужил благодарственную мессу. Опустившись на колени, затерянный в толпе, Колон спрашивал себя, дождется ли он такого дня, когда "Те Деум" пропоют в честь его возвращения из дальнего плавания. Вот-вот должен был прийти его час. Если король и королева сдержат слово, ждать осталось недолго.

Возвращаясь с мессы по великолепным аркадам, ведущим к Львиному дворику, он столкнулся с доньей Батрис де Бобадилья и ее мужем.

— Вы что-то слишком грустны в столь праздничный день, — заметила она.

— Я думаю, и вы на моем месте не слишком бы радовались. Ожидание рождает усталость, усталость — печаль.

— Но ожидание ваше окончилось. Вам дала слово королева, которая всегда выполняла обещанное. Только поэтому вы должны радоваться падению Гранады.

— Обещания так легко забываются.

— Разве вы не верите в своих друзей?

— У меня их так мало, да и оставшимся, боюсь, уже надосла моя назойливость.

— Такими подозрениями вы обижаете нас, — заверил его Кабрера.

— Думаю, он это понимает, — маркиза улыбнулась мужу, затем — Колону. — А я могу пообещать, что королева примет вас в течение недели.

Так оно и вышло. В следующий понедельник, на пятый день после торжественной мессы, дон Лопе Перальте, королевский альгасил, сообщил Колону, что его ждут во дворце.

Королева приняла его в Кuarto Дорато, богато об-

ставленном зале с черным с золотом потолком, в одном из тех помещений, где находился гарем мавританских правителей Гранады. На аудиенции присутствовали только три ее дамы, в том числе и маркиза Мойя.

— Целую ваши ноги, ваше величество, — поклонился Колон.

Королева милостно протянула ему руку, которую он поцеловал, опустившись на колени.

— Мы заставили вас ждать, сеньор Колон, много дольше, чем было на то наше желание. Но теперь, после окончания войны, я могу выполнить свое обещание. Я послала за вами, чтобы заверить вас в этом.

Доброе отношение королевы чуть приободрило Колона.

— Невежество, ваше величество, назвало мой проект мечтой. Но я рискну предположить, что эта экспедиция принесет вашему величеству успех и славу, еще не выпадавшие на долю царствующих особ.

Тем самым он хотел показать, что Гранада — песчинка в сравнении с той: громадой, которую он хотел положить к ее ногам.

— Вам свойственна уверенность в себе, — ответила королева. — Но, возможно, другой человек и не замахнулся бы на такое.

— Я уверен в себе, потому что знаю, о чем говорю.

— Да сбудутся ваши слова, к вящей славе господиней. Завтра вы с моими советниками обсудите оставшиеся вопросы, чтобы перейти к практическому осуществлению наших планов.

С этим его отпустили, и впервые за долгие месяцы у него полегчало на душе: близость экспедиции отвлекла его от мучительных мыслей о Беатрис, а в дом дон Луиса де Кинтанильи в Санта-Фе, у которого он теперь жил, Колон возвратился с легким сердцем.

На следующий день в Санта-Фе из Гранады прибыл двор, а вечером Колон встретился с советниками королевы. Их было четверо. Кинтанилья, канцлер и казначей Кастилии, Эрнандо де Талавера, теперь архиепископ Гранады, дон Хуан де Фонсека и адмирал дон Матнас де Ресенде.

Они сидели в просторной комнате, согретой жаровой.

Талавера, представлявший все еще сомневающегося короля Фердинанда, открыл заседание. Затем Ресенде, сам опытный мореплаватель, пожелал узнать, что необходимо Колону для успешного завершения задуманного.

Колон ответил, что, по его мнению, эскадра должна

состоять как минимум из четырех кораблей, хорошо оснащенных и полностью укомплектованных командой. Всего никак не меньше двухсот пятидесяти человек. Талавера сразу же заспорил с ним, считая эти требования завышенными. Надо отметить, что Фердинанд отличался скупостью, и его сановники никогда не забывали об этом. Ресенде, к которому обратился архиепископ, оценил стоимость экспедиции в сорок-пятьдесят тысяч золотых флоринов, отчего длинное лицо архиепископа еще больше вытянулось.

— Если только вы не умерите ваши аппетиты, сеньор, боюсь, нам не удастся договориться. Весь мир знает, что война истощила казну и сейчас их величества расплачиваются с поставщиками.

Колон знал не только об этом, но и о вспыхнувшей с новой силой борьбе между инквизицией и евреями. Фанатичный Торквемада громогласно заявлял, что новообращенные евреи тайно молятся своему богу, и требовал изгнания евреев из Испании, утверждая, что только так можно успокоить страну. Если б евреев изгнали, принадлежащая им собственность досталась бы казне. И владыки Испании, нуждающиеся в деньгах, могли не устоять перед искушением и взять сторону Великого инквизитора. Тонко чувствуя ситуацию, евреи, возглавляемые Абарбанелем и Сеньором, чьи титанические усилия по снаряжению победоносной армии, захватившей Гранаду, заслуживали, по меньшей мере, благодарности короля и королевы, предлагали внести в казну тридцать тысяч дукатов, чтобы покрыть все расходы на войну. В тот момент сохранялось хрупкое равновесие. Торквемада еще не швырнул свой крест во владык Испании, упрекнув их, что они намерены продать Христа за тридцать тысяч сребреников, тогда как Иуда продал Его за тридцать. И некоторые марины, занимавшие, как Сантанхель, важные посты, надеялись, что богатства заморской империи вкюпе с золотом, предложенным евреями, перевесят предложение инквизиции наполнить казну с помощью конфискаций.

Пока же казна оставалась пустой, о чем и напомнил архиепископ.

— На что тогда я могу рассчитывать? — осведомился Колон.

Талавера глянул на адмирала, ожидая от того ответа, но вмешался Фонсека.

— Нет необходимости рисковать больше чем одним кораблем.

Тут уже Колон посмотрел на Ресенде, ища у того поддержки.

— Нет, нет, — Ресенде покачал головой. — Слишком опасно. Как минимум, нужно два корабля, но этого явно недостаточно. А вот трех, я думаю, сеньору Колону вполне хватит.

— Пусть будет так, — согласился Колон. — Если это будут хорошие, надежные корабли.

Талавера сделал пометку на лежащем перед ним листе бумаги и спросил Колона, какое вознаграждение потребует тот за свою службу. Колон ответил без малейшего промедления, поскольку много над этим думал.

— Одну десятую часть всего того, что принесут Испании мои открытия.

— Одну десятую! — архиепископ ужаснулся и не скрывал этого. — Одну десятую!

— Неужели вы рассчитываете, что их величества будут столь расточительны, — фыркнул Фонсека.

— Разве это расточительность? Я бы, к примеру, с удовольствием согласился бы отдавать вам по десять мараведи из каждой сотни, которую вы мне принесете.

— Ваш пример неудачен, — возразил Талавера. — В данном случае их величества финансируют вашу экспедицию.

— Они рискуют золотом, — добавил Фонсека, — вы же — ничем.

— За исключением собственной жизни, — усмехнулся Колон. — А вкладываю я мой опыт мореплавателя, мужество, необходимое для того, чтобы противостоять тем опасностям, которые могут подстергать нас в неведомом, и иду, для реализации которой отправляется экспедиция. Мой взнос скромн, дон Хуан, но и прошу я всего лишь одну десятую. Если же от меня потребуются затратить какие-то средства на снаряжение экспедиции, соответственно должна возрасти и моя доля прибыли.

Злобная гримаса, перекосившая лицо Фонсеки, побудила Кьянтаньялю вмешаться.

— Мне представляется, сеньоры, что мы можем с этим согласиться, при условии, что их величества одобряют наше решение.

— Именно с одобрением их величествами, — подчеркнул Фонсека.

— Очень хорошо, — кивнул Талавера. — Тогда, я полагаю, с этим все ясно.

— Все? — брови Колона картинно поднялись. — Все? — он оглядел бесстрастные лица остальных. — Как же так, сеньоры. Вы словно принимаете меня за обычного наемника. Мы только начали, господин мой архиепископ.

— А что еще вы можете требовать?

— Титул адмирала во всех землях, которые я открою, с соответствующими почестями и привилегиями, полагающимися адмиралу королевства Кастильского.

— Помогите нам Боже! — воскликнул Фонсека, а дон Родриго Ресенде наградил Колона убийственным взглядом.

Колон же спокойно продолжал:

— Причем титул, почести и привилегии должны передаваться по наследству моим потомкам.

— А при чем здесь ваши потомки? — поинтересовался Квантанья.

— Нынешние дворяне носят же титулы, полученные их далекими предками.

— Вновь я вынужден заметить, сравнение неудачное, — покачал головой Талавера.

— Разумеется, неудачное, — поддержал архиепископа Фонсека.

— Позвольте пояснить мою точку зрения. Открытые мною земли останутся во владении Испании на долгие времена, если не навечно, и я хочу сохранить причитающуюся мне долю. Но, раз я смертен, она должна достаться моим потомкам.

Едва ли они могли придаться к логике его рассуждений, но их возмущала сама мысль о том, что иностранец, да еще низкого происхождения, требует родовых привилегий.

— Согласиться с этим, — вскричал Фонсека, — означает уравнивать вас со знатнейшими грандами Испании.

— Ни один гранд не сослужил Испании столь добрую службу, как я.

— Матерь божья! Вы рассуждаете так, словно ваши открытия уже явь, а не грезы.

— Когда они станут явью, я потребую кое-что еще.

— Еще? — Талавера нахмурился, Ресенде рассмеялся. — Что же еще вы можете потребовать?

— Звание вице-короля на всех открытых мною территориях.

На какие-то мгновения все просто лишилось дара речи. Первым пришел в себя Фонсека.

— Наверное, только скромность мешает вам потребовать корону Испании.

Архиепископ сумел воздержаться от комментариев.

— Других требований у вас нет, сеньор Колон? — сухо спросил он.

— Вроде бы я сказал все.

— Не теряю надежды, что со временем вы придумаете что-нибудь еще, — ухмыльнулся Фонсека.

Талавера тяжело вздохнул.

— Слава Богу, мы с этим покончили. Буду с вами откровенен, сеньор. Ваши требования превосходят все то, что я мог бы порекомендовать их величествам. Присутствующие здесь мои коллеги, похоже, придерживаются того же мнения. Решение, разумеется, будут принимать их величества. Но я не сомневаюсь, вам откажут, если вы не умерите ваши притязания.

Колон резко встал, стройный, высокий, посмотрел на них сверху вниз, гордый, как Люцифер.

— Я не сниму ни одного из моих требований. Сделать это — значит принизить величие затеваемой экспедиции. С вашего разрешения, господа, позвольте откланяться, — небрежно поклонившись, он повернулся и вышел из комнаты.

Над столом повисла тишина изумления.

— Вот к чему приводит исобузданное воображение, — пробурчал Талавера.

— Наглый выскочка, раздувшийся от гордости, словно мыльный пузырь, — поддакнул Фонсека.

— Проявим в наших суждениях хоть немного милосердия, — попытался образумить священнослужителей Киянтанья.

Талавера аж вспыхнул.

— Милосердия, сеньор? Милосердие не означает, что наглость надо принимать со смирением. И нет нам нужды подавлять праведное негодование, лицедрея гордыню, за которую ангелов низвергали в ад.

— Не стоит удивляться тому, что он высоко ценит предлагаемый им товар, — заметил Ресенде. — Каждый торговец ведет себя точно так же, утверждая при этом, что ни на йоту не снизит цену. Если их выличества откажут ему, он станет куда благоразумнее.

— Если? — возмущенно переспросил Талавера. — Да в этом не может быть никаких сомнений.

Прошла целая неделя, прежде чем король и королева, занятые проблемами, связанными с Гранадой и евреями, смогли принять архиепископа и его коллег.

Киянтанья, глубоко уважавший Колону, сохранял полный нейтралитет. Ресенде придерживался мнения, что назначенная Колонном цена может стать предметом переговоров. Но Фонсека и Талавера требовали решительного отказа.

— Таковы его требования, — Талавера весь кипел от негодования. — Как ясно видят ваши величества, наглость его не знает пределов.

Фердинанд зло рассмеялся.

— Хитрая тварь, я понял это с самого начала. Тс-рать ему нечего, поэтому и требует по максимуму.

Но королева не согласилась с ним.

— Он может потерять жизнь, — не зная того, она повторила слова Колона. — Он может не вернуться из путешествия в неведомое.

— То есть мы поддерживаем его авантюру, хотя у нас на счету каждый мараведи.

— Мы обещали поддержать его.

— Обещали. Но его чрезмерные требования освобождают нас от ранее принятых обязательств. Я усматриваю в этом руку провидения.

— Вы выразили мою мысль, ваше величество, — вставил Талавера.

— Думаю, неудачную мысль, — одернула их королева. — Провидение нельзя использовать как предлог для того, чтобы не сдержать данное нами слово.

Талавера не стал возражать, но в бой вступил Фонсека.

— Ваше величество, и речи нет о том, чтобы не сдержать слово. Просто вы не можете выполнить обещанного при поставленных условиях. Если бы этот человек попросил корону Испании, едва ли вы согласились бы на это только потому, что обещали поддержать его экспедицию.

— Но он же не просил корону Испании.

— Не просил, — кивнул король. — За что, похоже, мы должны быть ему безмерно признательны. Но он же хочет стать вице-королем, со всеми полагающимися вице-королю привилегиями. Разве чувство собственного достоинства позволит нам вознести его столь высоко?

Королева сидела, глубоко задумавшись. Талавера решил, что ее величество колеблется, и ринулся на подмогу Фердинанду.

— Мадам, речь идет о чести и достоинстве вашей короны. Я убежден, что такой титул, пожалованный безвестному авантюристу-иностранцу, унизит и то, и другое. Триумф креста над полумесяцем принес заслуженную славу вашим величествам. И сейчас не след оказывать поддержку этой экспедиции, которая наверняка закончится провалом.

Брови королевы сошлись. Глаза стали холодными, как лед.

— Вы ставите под сомнение мои действия?

Талавера разом сник, вспомнив, что и духовник королевы остается ее подданным.

— Рвение услужить вам подвело меня, ваше величество.

— И не только рвение. Ваши доводы. Что они, основываются на зыбком песке, если вы столь легко меняете их? Сначала говорите, что этому человеку надо отказать, потому что нет денег. Потом причиной становятся затребованные им привилегии.

Фердинанд громко рассмеялся.

— Нет, нет, мадам. Не делайте козла отпущения из моего архиепископа. Причины для отказа выдвигаю я, а он меня поддерживает, как и должно верноподданному. А ко всему прочему, и согласен со мной. Этот авантюрист требует слишком многого. Тут уж ничего не попишешь. И я рад, что он выдвинул неприсмлемые требования, поскольку этим освобождает нас от ноши, которую мы не можем взвалить на себя.

Изабелла покачала головой.

— Я не могу разделить с вами эту радость. Экспедиция эта имеет очень важное значение. Если она завершится успешно, мы выполним волю божью, распространив Его учение среди тех, кто блуждает во тьме.

— Если завершится успешно, то да, мадам, — проворкотал Талавера. — Но пока все это не более как мечты.

На губах королевы зяграла улыбка.

— Мечты? Ему уже говорили об этом прямо в глаза. В вашем присутствии, господин мой архиепископ. Вы поймите его ответ? Как вам показалось, граничащий с срьсью.

Талавера покраснел, но король вновь поспешил ему на подмогу.

— Архиепископ прав в том, что мы станем посмешищем для всего мира, если поддержим Колона, а его мечты останутся нерезализованными.

— Я думаю, что победа над маврами, увенчавшая многолетнюю войну, уберезет на сот насмешек. Итак, — она повернулась к четырем советникам, — мы поняли, что вы хотели нам сказать. Теперь его величество и я должны принять решение. Вы можете идти.

Принятие решения затянулось надолго. Верность королевы данному слову боролась с нежеланием короля согласиться с условиями Колона. Последний все это время находился в Санта-Фе, безо всякого удовольствия принимая участие в празднествах победы над маврами.

Наступил февраль, в воздухе запахло весной, и только тогда король и королева смогли нащупать взаимоприемлемый вариант. К Колону послали Талаверу. Королева, поддерживаемая маркизой Мойя, настояла на том, чтобы выйти к мореплавателю со встречным предложением.

Колон получил требуемую десятую долю до конца дней своих и титул адмирала. Но его потомкам не доставалось ничего. Не могло быть и речи о титуле вице-короля.

Более выгодного для Колона решения Талавера, пожалуй, одобрить бы не мог. Придя в дом Кинтанильи, высокий, худощавый, в простом монашеском одеянии, несмотря на сан архиепископа, ровным бесстрастным голосом он изложил королевское послание.

Колон, стоя перед архиепископом, слушал вполуха. Его оскорбило, что их величества, после столь долгого ожидания не приняли его во дворец, а направили к нему посыльного.

— Возможно, ваше преподобие забыли сообщить их величествам, что я не откажусь ни от одного моего условия?

Тень улыбки пробежала по лицу Талаверы.

— Будьте уверсны, я в точности передал им ваши слова.

— Тогда, мой господин, не буду больше отнимать вашего времени. Мне нечего вам сказать.

— Как, сеньор? — вознегодовал архиепископ. — Таков ваш ответ на королевское послание?

— Кажется, вы что-то не так поняли. Это я получил ответ. И, исходя из него, считаю для себя необходимым незамедлительно покинуть Испанию.

Кинтанилья поспешил вмешаться:

— Не делайте этого, сеньор Колон. Вы же погубите свое будущее.

Колон рассмеялся.

— Погублю свое будущее? Едва ли. Пострадаю не я — Испания, — он подошел к двери, открыл ее. — Целую ваши руки, господин мой архиепископ.

Талавера вздрогнул, словно его ударили.

— И это все, что вы хотели мне сказать?

— Подумайте, — молил Колон Кинтанилью.

— Мое решение неизменно. Человек, готовый оказать Испании такую услугу, не может довольствоваться жалованьем наемника.

— Благословенны будут смиренные, — с сарказмом процедил Талавера.

— Потому что их можно топтать ногами, — ответил Колон.

На пороге архиепископ задержался, посмотрел Колону прямо в глаза.

— Столь гордый человек, как вы, не придаст, наверное, особого значения мнению бедного монаха. Но я по-

лагаю, что их величеств можно будет поздравить с вашим отказом.

— Ваше преподобие неточно в изложении фактов. Отказался не я, но их величества.

— Да пребудет с вами Бог, — и архиепископ вышел из дома.

— Бог пребывает с вашим преподобием, но дьявол все равно утащит вас в ад, — вторую половину фразы Колон произнес после того, как за Талаверой закрылась дверь.

Когда Колон вернулся в комнату, Кинтанилья встретил его печальным взглядом.

— Ах, Колон! Так сразу от всего отказаться!

— Удивительная ошибка для их величеств.

— Их ошибка? — изумился Кинтанилья. — Я говорю о вашей глупости!

— Вы полагаете, что у меня нет гордости? Или я не представляю себе, что предлагаю и какую должен получить награду? Неужели я даже недостойн аудиенции и со мной можно разговаривать через посыльных? — Колон кипел от ярости. — Если Господь Бог открыл мне то, что невидимо другим людям, можно ли идти против воли божьей? Даже подумать об этом — святотатство. Будьте уверены, другие подберут то, что бросили владыки Испании.

Монолог этот поверг Кинтанилью в отчаяние, а Колон, оставив его, отправился к Сантанхелю, чтобы сообщить о своем решении покинуть Испанию.

— Я всегда буду помнить ваше доброе отношение ко мне, дон Луис.

— Куда же вы поедете? — спросил Сантанхель.

Колон гордо вскинул голову.

— Во Францию. Обогащать ее дарами, отвергнутыми Испанией.

Сантанхель прошелся по комнате, обставленной роскошной мавританской мебелью, вывезенной из Гранады.

— Этого нельзя допустить. Неужели вы не можете отказаться хоть от каких-то условий?

— Предлагаемое мною гораздо больше того, что я прошу. Со мной не согласились. Более здесь мне делать нечего.

Сантанхель подошел к сидящему на диване Колону.

— А Беатрис? — мягко спросил он.

Серые глаза затуманились.

— Еще одна причина для отъезда.

— Оставленные надежды, — пробормотал Сантанхель.

— Надежды, так и неосуществленные, лучше оставленных. Они приносят только боль.

— А разве нет боли в отчаянии? Что еще в оставленных надеждах? Пока вы в Испании, Беатрис не потеряна навсегда. Вы не должны уезжать. Я сделаю все от меня зависящее, чтобы королева еще раз приняла вас.

— Не хватит ли с меня аудиенций? Отсрочки, задержки, комиссии, наконец, этот худосочный монах, предлагающий мне жалкую подачку. Я думаю, с меня хватит, — Колон встал. — Я уезжаю в Кордову. Соберу вещи, что остались у Бенсабата, и отправлюсь во Францию.

— Ну подождите хотя бы, пока я не повидаяюсь с королевой.

Колон покачал головой.

— Даже ваша просьба не остановит меня. Надоело! Я предлагаю свои услуги, а меня встречают так, будто я прошу милостыню.

Никакие доводы не помогли, и на следующее утро Сантанхель и Кинтанилья стали единственными свидетелями его отъезда. Колон не попрощался ни с кем из своих друзей и лишь попросил дону Луиса извиниться за него перед ними.

На глазах Сантанхеля навернулись слезы, когда Колон исчез в февральских туманах. Только теперь, думая о том, что никогда больше не увидят Колона, Сантанхель понял, сколь сильно привязался он к этому отважному мечтателю. И расставался с ним, как с сыном.

— Бедняга, — тяжело вздохнул канцлер Арагона. — Он заслуживал лучшей судьбы.

— Возможно, — Кинтанилья тоже сожалел об отъезде Колона. — Но гордость его воздвигает непродолимые барьеры.

Сантанхель резко повернулся к нему.

— Если бы мы могли видеть то, что видит он, возможно, и наши требования оказались бы ничуть не меньше, — и отправился к Кабрере и маркизе, чтобы сообщить им об отъезде Колона.

— Как он мог уехать, не попрощавшись с нами! — воскликнула маркиза.

Сантанхель попытался защитить Колона.

— Его гордая внешность прячет под собой разбитое сердце. И он не попрощался с вами только потому, что не хотел причинять себе лишнюю боль.

— Вы не должны были отпускать его.

— Я сделал все, что мог.

— Его нужно вернуть! — твердо заявил Кабрера. — Нельзя допустить, чтобы Франция нажила на нашей медлительности.

Маркиза встала.

— Пойдемте со мной, дон Луис. Мы должны рассказать все королеве.

Фаворитка Изабеллы могла прийти к ней в любой час; и она приняла маркизу в туалетной комнате. Королева сидела перед зеркалом и выбирала украшенную драгоценностями сетку для волос из ларца, стоящего у ее локтя. Ей прислуживали две придворные дамы.

Она улыбнулась, увидев в зеркале отражение маркизы.

— Вы сегодня рано, Беатрис.

— Целую руки вашему величеству, — поздоровалась та и сразу перешла к делу. — Колон покинул Санта-Фе. Он едет во Францию.

Королева нахмурилась, брови ее сошлись у переносицы. Затем положила сетку обратно в ларец и полуобернулась к маркизе.

— Я, честно говоря, этого не ожидала, несмотря на то, что рассказал нам архиепископ. Гордый, негибасмый человек, — она вздохнула. — Однако, если таково его решение, мы бессильны.

— Едва ли можно утверждать, что решение принял он. Скорее его приняли ваши величества, отказавшись выполнить его условия.

— А вы знаете, что это за условия?

— Да, мадам.

— И вы думаете, нам следовало их принять? — королева улыбнулась. — Сожалею, что заслужила ваше исодобрение, Беатрис.

— О, мадам! — запротестовала донья Беатрис, но тут же добавила: — Но вот отпускать его не стоило. В приемной ждет дон Луис. Ваше величество может принять его?

Королева на мгновение задумалась.

— Почему нет? Позовите его.

Маркиза не успела повиноваться, как открылась дверь в королевский кабинет и на пороге возник Фердинанд в длинном, до пола, отороченном мехом синем халате.

— Заходите, сир, — улыбнулась ему королева. — Мне вот тут говорят, что мы обидели Колона. Он уже уехал из Санта-Фе и собирается во Францию.

Фердинанд не торопясь двинулся к королеве.

— Пусть он там и преуспеет, — беззаботно ответил он.

— Если преуспеет он, то преуспеет и Франция, за счет Испании, — смело возразила маркиза.

Фердинанд удивленно приподнял бровь. Затем рас-

смеялся. Полученная новость явно подняла ему настроение. Он поиграл золотой цепью на груди.

— Я как раз думаю о том, сколько нам пришлось бы потратить, останься он в Испании. Причем платили бы мы не только золотом, но и достоинством. Чего ты такой мрачный, Сантанхель. Наверное, не согласен со мной?

— Раз уж вы спрашиваете меня, сир, не согласен. Я пренебрег бы вашими интересами, если б проявлял полное безразличие к тому, что другие обогатятся, используя шанс, выпавший нам.

Поддержала его и маркиза.

— Ни одному королю мира не предоставлялось такого случая прославить себя на века и обогатить страну.

— Что до славы, то мы нашли ее здесь, в Гранаде. А богатство придет. Война, как вы знаете, обошлась нам недешево, и у нас нет денег на авантюры.

— Нет, нет, — не согласилась с ним королева. — Причина не в этом, как я уже и говорила вам. По крайней мере, не эта причина заставила меня отказаться от своего слова.

— Ни у кого нет в этом ни малейшего сомнения, мадам, — заверил ее дон Луис. — Но владыки Испании и раньше часто шли на риск. Так почему бы не поддержать и эту экспедицию. В случае неудачи потери будут не так уж и велики, а успех принесет несметные богатства. Разве мы в этом сомневаемся?

— Не все согласны с Колоном, — напомнил ему король.

— Разумеется, не все, — вмешалась маркиза. — Сомневающиеся были и будут всегда. Но нерешительных могут и обогнать.

— Да и в любом случае, — продолжил дон Луис, — что есть сомнения наших докторов в сравнении со словом Тосканелли? — он повернулся к королеве. — Ваше величество вкрасно знает, какие славу и богатство прилесли Португалии ее мореплаватели. Колон предлагает Испании затмить Португалию.

— Мы это уже слышали, — пробурчал Фердинанд.

— И я много думала об этом, — добавила королева. — Поэтому и сожалею о решении Колона. Но условия, выдвинутые им, неприемлемы. Человек низкого происхождения, он требует почестей, которых мы не удостоиваем и наших знатнейших грандов.

— Позвольте спросить ваше величество, — вставила маркиза, — кто из этих грандов готов положить к вашим ногам целую империю?

Король, стоявший у столика, покачал головой, улыбаясь.

— Империя эта пока только в его мечтах.

— Так же, как и титулы, которые он просит, — последовал быстрый ответ. — До открытия заморских территорий они останутся пустыми словами.

Глаза королевы вспыхнули.

— Действительно, в этом что-то есть. Дадим ему титул адмирала, но лишь после того, как его открытия станут явью. Пусть он будет нашим вице-королем, но лишь в тех землях, которые он добавит к нашим владениям. Такое решение устроит все стороны. Что бы ни случилось, никто не сможет упрекнуть нас в излишней доверчивости только потому, что мы заплатили вперед.

Она посмотрела на Фердинанда, ожидая согласия, но тот медленно покачал головой.

— Вы забываете про корабли, которые мы должны снарядить для него.

— Мы уже согласились на это.

Но Фердинанд твердо стоял на своем.

— Не я, мадам. Не я. Я на это не соглашался. Я лишь рассматривал его предложение. Когда же я уступил вам и решил поддержать экспедицию, то оговорил мое согласие определенными условиями. Колон их не принял. Так что вопрос этот я считаю закрытым.

— Вы слишком прислушиваетесь к архиепископу, — упрекнула его королева.

— Можете ли вы предложить мне лучшего советника, чем ваш духовник?

— В вопросах веры, нет.

— Святой Хамес, а о чем мы сейчас говорим, как не о вере?

— Давайте не будем препираться по пустякам. Ваше величество полагает, что мы должны отпустить Колона?

— Или, как вы и сказали, дать ему титулы адмирала и вице-короля после того, как он найдет свои Индии, но при условии, что деньги на снаряжение экспедиции он добудет сам.

Королева не стала скрывать, что такой ответ ей не понравился.

— Это последнее слово вашего величества? — спросила она.

— Самое последнее, — подтвердил Фердинанд.

— Пусть будет так, — она вздохнула. И добавила уже более твердым тоном: — В таком случае, я возьму все затраты на себя, и на мачтах кораблей Колона взвьется флаг Кастильского королевства.

Все застыли в изумленном молчании. Первой пришла в себя маркиза.

— Мадам, это решение принесет вам славу, которой не знала ни одна королева.

Фердинанд криво усмехнулся.

— Но расходы, мадам? Где вы возьмете такие деньги?

Изабелла глянула на Сантанхеля.

— Во сколько вы оцениваете эту экспедицию, дон Луис?

— Расходы будут не так уж велики. При необходимости Колон соглашается плыть и на двух кораблях. Все снаряжение обойдется в три тысячи крон.

— Такие деньги я найду.

Она положила руку на ларец с драгоценностями.

— Возьмите их, дон Луис, и принесите мне эти три тысячи. Я думаю, содержимое ларца стоит куда дороже.

— Ваше величество! — Сантанхель даже замахал руками. — В этом нет необходимости. Деньги я найду. В казначействе Арагона.

— Сантьяго! — взревел Фердинанд. — Откуда ты собрался их взять?

Сантанхель остался невозмутим.

— Я намерен взять эти три тысячи в казначействе Арагона. Они будут возмещены золотом или другими товарами, привезенными Колоном. Так что, некоторым образом, сам финансирует экспедицию.

— Некоторым образом! — Фердинанд насупил. — Повезло мне с казначеем. Ты у меня финансовый волшебник, не так ли, Сантанхель? А если он вернется с пустыми руками? Или вообще не вернется?

— Тогда я сам возьму эти деньги.

Фердинанд хмуро глянул на него, а затем пожал плечами.

— Даже не знаю, Сантанхель, чему мне больше завидовать — твоему богатству или твоей вере в Колона. Однако на таких условиях ты можешь свободно распоряжаться тем, что еще осталось в моей казне.

Глава 26
МОРЯКИ ПАЛОСА



одами Колон подстраивался под других, старался ублажить сильных мира сего, но победил, проявив твердость. Именно непреклонность Колона заставила владык Испании согласиться практически со всеми его требованиями.

Известие о принятом решении настигло его уже в сумерках. Он подъезжал к Пиносскому мосту, когда услышал быстро приближающийся топот копыт. Отряд альгасилов, возглавляемый офицером, остановил его. Офицер сообщил, что королева приказывает ему вернуться в Санта-Фе. Получил он и записку от Сантанхеля. В трех коротких строчках канцлер Арагона сообщал о его триумфе.

Наутро, после поздравлений Сантанхеля, Кабреры и маркизы Мойя, которая даже всплакнула, Колон прибыл на аудиенцию во дворец, где королева отругала его за столь внезапный отъезд, а король, которого его хитрый канцлер уговорил так поддержать экспедицию, холодно ему кивнул. А потом Изабелла тепло напутствовала Колона, поскольку действительно хотела, чтобы плавание в неведомое завершилось успехом.

И проситель, едва не ставший объектом насмешек придворных, вышел с аудиенции доном Кристобалем Колоном, адмиралом моря-океана, поднявшегося на один уровень с представителями благороднейших родов Испании.

Путь его был долгим, трудным, но в конце концов он занял место, которое считал достойным себя. И хотя ему еще предстояло совершить подвиг, уготованный ему судьбой, в душе Колон не сомневался, что из неведомого он вернется победителем.

Началась подготовка, довольно неспешная, сезон не требовал торопливости, но в конце апреля он уже мог покинуть Санта-Фе, чтобы завершить ее непосредственно на кораблях.

По странному совпадению отплыть предстояло ему из того самого порта, в котором он ступил на землю Испании. За какой-то проступок жителей на Палос наложили штраф: полностью снарядить две каравеллы. Прижимистый король Фердинанд тут же сообразил, что использование этих каравелл может уменьшить число мараветди, которое казна Арагона должна была одолжить Кастилии.

Кристобаль Колон прибыл в Палос в начале мая.

Он не мог не захватить туда, даже если б намеревался

отплыть из другого порта, потому что там оставался его сын. Королева, выражая свое благоволение к Колону, назначила маленького Диего пажом ее сына, принца Хуана. Наверное, тут следует отметить, что обычно пажами принцев становились знатнейшие из знатных, то есть Изабелла уже не сомневалась, что Колон выполнит обещанное.

По дороге, выющейся между сосен, Колон ехал в монастырь, не известный странник, сравнивающий себя с Картафилусом, постучавшийся в ворота, чтобы попросить хлеба и воды для своего сына, но дон Кристобаль, командующий экспедицией и полномочный представитель их величеств в заморских землях.

За долгие месяцы его отсутствия ничего не изменилось в Ла Рабиде. Тот же привратник появился на его стук и удивленно подумал, что нужно в такой глуши этому знатному господину в длинном синем плаще и высоких сапогах из отличной кордобской кожи, спешившему с черной андалузской кобылы. Еще более удивился он, когда незнакомец обратился к нему по имени.

— Помогите вам Бог, брат Инносенсио. Передайте преподобному приору, что прибыл дон Кристобаль Колон.

— Дон Кристобаль! — челюсть привратника отвисла, поскольку титул, властность голоса и величественность наряда не вязались с тем путником, которого, как он вспоминал сейчас, ему уже доводилось видеть. — Помогите Бог вашей милости, — наконец поздоровался он, не зная, как реагировать на столь внезапное изменение социального статуса Колона.

Но тот не стал корчить из себя важную птицу, и рука его добродушно опустилась на плечо привратника.

— Разве так встречают давних друзей, брат Инносенсио?

Привратник рассмеялся и бросился в объятия Колона.

А к ним уже спешил фрей Хуан Персс. И он тепло обнял Колона.

— Сын мой, вам нет нужды говорить мне, что дела у вас идут прекрасно, — он пристально всмотрелся в глаза Колона. — Хотя вас и не миновала чаша страданий. Дорога была длинная, трудная, и иногда вам казалось, что препятствия стали непреодолимыми. Но почему я говорю, а не слушаю, — он весело рассмеялся. — Болтливость — грех стариков. Я уже послал за Диего. Разумеется, именно он привел вас к нам.

— Я был бы неблагодарной собакой, если бы приехал только ради него. Нет, я у вас в вечном долгу за то, что вы направили меня на тропу, которая привела к завет-



вой цели. А кроме того, по приказу их величеств я должен отплыть из Палоса.

Едва он произнес последнее слово, как появился высокий светловолосый мальчик во фланелевой блузе и серых рейтузах. С трепетом взирал он на великолепную фигуру Колона, пока тот не опустился на колени и не протянул к нему руки. И Диего устремился в его объятия, прильнул к груди отца.

— Меня долго не было, Диего. Я не хотел возвращаться к тебе без добрых вестей, — и все еще прижимая мальчика к себе, рассказал о великой чести, оказанной ему, ибо теперь он — паж принца Хуана. А уж потом перешел к подробностям, которые более всего интересовали фрейя Хуана...

Завершая подготовку экспедиции, Колон поселился в Ла Рабиде.

Как выяснилось, его надежды на скорое отплытие не оправдались. Возникали все новые препятствия, преодолеть которые даже ему, облаченному королевскими полномочиями, удавалось с большим трудом.

В полдень следующего дня в сопровождении приора и алькальда Палоса, смуглолицего Диего Родригеса Прието, нотариуса, трубача и полдюжины альгасилов Колон появился на ступенях церкви святого Георгия.

Ранее городской глашатай объявил, что ожидается важное сообщение, и на площади собралась большая толпа матросов, рыбаков, конопатчиков, вязальщиков канатов, купцов, владельцев кораблей, капитанов, а также женщин и другого портового люда.

Зантрала труба, и над площадью повисла тишина. Нотариус выступил вперед и зачитал королевский указ.

Из него следовало, что город Палос в течение десяти дней должен поставить под начало дона Кристобала Колона две боевые каравеллы. Команды этих судов будут получать обычное для военного флота жалованье, причем им уплатят за четыре месяца вперед. Далее следовал перечень необходимого снаряжения, а заканчивался указ перечислением наказаний, ждущих тех, кто осмелится не повиноваться их величествам.

Если владельцы кораблей сразу погрузистели, поскольку выбор мог пасть на их каравеллы, то моряки радостно загалдели, предвкушая, как они потратят полученное вперед четырехмесячное жалованье.

Обманутый их энтузиазмом, Колон в прекрасном настроении вернулся в Ла Рабиду.

В тот день он принял двух посетителей. Первым появился рослый мужчина лет тридцати, одетый небогато,

но держащийся весьма уверенно. Он назвался Васка Аранда, заявил, что он — совладелец недавно затонувшего корабля. Это происшествие, добавил он, лишило его средств к существованию. В море он уже десять лет, пять последних прослужил на военных кораблях Испании, сражавшихся с алжирскими пиратами. Его заслуги не остались незамеченными, он был назначен капитаном корабля, а потом стал его совладельцем. Оставшись без корабля, он потерял не только деньги, но и работу. И теперь он готов на все, чтобы вернуть себе прежнее положение в обществе.

Колон выслушал его благосклонно. А еще более Аранда завоевал расположение адмирала, немедленно согласившись на участие в экспедиции к заморским землям.

— Я не прочь рискнуть. Кто не рискует, тот не выигрывает. А большой выигрыш требует и большого риска. Если вы наймете меня, я могу привести шесть матросов моей прежней команды. Они здесь, в Палосе, и пойдут за мной хоть в ад.

— Надеюсь, нам не придется плыть так далеко, — улыбнулся Колон.

— Куда бы вы ни плыли, я отвечаю за этих парней. Меня знают большинство владельцев кораблей Палоса. Они могут подтвердить мою репутацию.

Колон тут же сообразил, что едва ли он найдет лучшего офицера по вербовке команды, и он предложил Аранде эту должность, пообещав, что по выходе в море определит его если не капитаном одного из кораблей, то на какую-нибудь высокую должность.

Визит Аранды Колон воспринял как добрый знак. Ему уже казалось, что моряки Палоса будут драться за место на его каравеллах. В такой вот эйфории он принял Мартина Алонсо Пинсона.

— К вам ваш хороший друг, — представил его фрей Хуан, — который желает вам только добра и в котором вы можете обрести верного помощника.

— Вы долго отсутствовали, — Пинсон крепко пожал Колону руку, — но, как видно, не теряли времени даром, судя по тем полномочиям, которыми наделили вас их величества.

Приор уговорил Пинсона остаться на ужин. И тот не уставал улыбаться и сыпать комплиментами. Когда же братья-монахи удалились, Пинсон перешел к делу.

— Мне кажется, вы подвергаете себя отчаянному риску, отправляясь в неведомое только на двух кораблях.

— Большого мне не дали.

— Но только два корабля! — Пинсон покачал голо-

вой. — Слишком опасно. Если один затонет, вы будете полностью зависеть от второго. Благоразумный человек так бы не поступил. Я даже опасаясь, что многие моряки откажутся из-за этого участвовать в экспедиции.

Но Колон, вдохновленный разговором с Арандой, не разделял сомнений Пинсона.

— Я не ожидаю никаких проблем с вербовкой команд моих каравелл. Помимо плавания, есть еще шанс сказочно разбогатеть. Такое предлагается нечасто.

— Возможно, вы и правы. Однако я чувствовал бы себя поуверенней, имея большее число кораблей. Даже третий существенно снизил бы риск.

— Согласен с вами. Но, как вы, наверное, слышали, их величества выделили мне два корабля.

— Так почему бы вам самому не снарядить третий корабль?

Колон помнил последний разговор с Пинсоном в Ла Рабиде. Кстати, в договоре имелся пункт, согласно которому Колон имел право взять на себя одну восьмую часть общих расходов на экспедицию с соответствующей компенсацией в виде одной восьмой ожидаемых доходов. Его ввели для того, чтобы ублажить гордость адмирала. Благодаря этому пункту никто не мог сказать, что Колон решил прокатиться в Индию на чужом горбе, не заплатив ни гроша. Но он не собирался говорить об этом Пинсону. По-прежнему Колон относился к преуспевающему купцу с нескрываемым подозрением. Согласиться с участием такого человека в экспедиции означало рискнуть частью славы, которую Пинсон обязательно потянет на себя. А до славы Колон был не просто жадеи. Он полагал, и вполне справедливо, что вся она должна достаться тому, кто задумал этот грандиозный проект. И ответил Колон весьма уклончиво.

— Если я снаряжу корабль, то мне придется взять себе часть прибыли, полагающейся их величествам.

— Конечно. Но едва ли их величества станут возражать, учитывая, что увеличение количества кораблей резко повысит шансы на успех.

— вполне возможно, что им это не понравится, — гнул свое Колон. Уж Фердинанду наверняка, мысленно добавил он.

— Если и так, вы должны подумать и о себе, — настаивал Пинсон. — Вы же рискуете жизнью. Добавьте один корабль к вашей эскадре, и риск резко уменьшится.

— Мне кажется, это разумно, дон Кристо-баль, — вмешался приор. — Я думаю, вы поступите мудро, прислушавшись к сеньору Пинсону.

— О, я его слушаю, благодарен ему за заботу. Но едва ли в моей власти изменять решение их величеств.

— Что-то мне не верится, — не унимался Пинсон. — Вам нужно лишь сообщить им о том, что сами снарядили третий корабль. Помните, как я сразу поддержал ваш проект. И по-прежнему верю в его осуществимость. У меня есть для вас корабль, маленькая крепкая каравелла, полностью снаряженная и готовая ко всем превратностям дальнего плавания. Одно ваше слово, и она будет в полном вашем распоряжении вместе с надежной командой. Все эти люди плавали со мной раньше и готовы плыть сейчас.

Синие глаза Пинсона буравили Колона из-под черных бровей.

— Я тронут вашей верой в меня, — с холодной вежливостью ответил Колон. — Она придает мне сил. Но, к моему великому сожалению, в данной ситуации я не могу принять вашего великодушного предложения.

На лице Пинсона отразилось разочарование. Но он не признал поражения.

— Ситуацию можно изменить. Я в этом убежден. Подумайте, дон Кристобаль. Я не считаю ваш отказ окончательным. Мы еще поговорим об этом. Возможно, я смогу помочь вам своим участием в экспедиции.

— Это я понимаю и теперь, — Колон улыбнулся и добавил, все-таки не желая окончательно рвать отношения с судовладельцем: — Давайте посмотрим, как будут идти дела.

— Давайте, — Пинсон поднялся. — И я надеюсь, что все пойдет так, как вы того желаете.

Действительность, однако, опровергла его прогноз. Все затормозилось. Два дня спустя Колон посетил алькальда Палоса, чтобы узнать, где его корабль. Алькальд, низенький, толстый, грустно покачал головой.

— Тут не обошлось без вмешательства дьявола. Судовладельцы узнали, для чего вам потребовались корабли.

Колон рассердился.

— И что? Они же слышали королевский указ.

— Разумеется, слышали. Но они пришли ко мне с протестом, потому что должны поставить два корабля для обычного плавания сроком на один год. Вы же предлагаете совсем иное, и послать корабли в неведомое все равно что расстаться с ними навсегда. Слишком малы шансы на возвращение. Поэтому в данном случае речь идет не о предоставлении кораблей в распоряжение их величеств, а о конфискации. А в штрафе, наложенном на город, об этом ничего не говорится.

— Все это пустая болтовня. У них есть указ, и закон требует повиновения. В Палосе представитель закона — вы, сеньор. И я полностью полагаюсь на вас.

Алькальд раздраженно махнул рукой.

— Вы не понимаете. То, что они говорят, и есть закон. И ему подчиняются. Закон в данном случае на их стороне, и я бессилён.

— Я думаю, вы не правы. Разве в законе не сказано, что судовладелец имеет право на компенсацию, если корабль не возвращен ему после указанного срока или затонул?

Алькальд погладил бородку.

— Сказано, — признал он.

— Вот вы им все и разобъясните, а если они откажутся, употребите власть.

Алькальд согласился, но, когда Колон вернулся к нему спустя еще два дня, оказалось, что ничего не изменилось.

— Они сказали мне, что готовы дать корабли, но матросов вы не найдете. В Палосе нет дураков, чтобы отправляться в такое плавание. Мы можем прибегнуть к силе, но корабли не сдвинутся с места.

Колон выругался.

— Руганью тут не поможешь, — покачал головой алькальд. — Беда в том, что они слишком рано узнали, куда снаряжается экспедиция.

— Но как они это узнали? В указе об этом нет ни слова.

— Понятия не имею. Но в Палосе нет ни одного моряка, не знающего, куда вы собрались плыть, и, следовательно, ни один моряк Палоса не поплывет с вами. А корабли без команды, я думаю, вам ни к чему.

— Какая мне от них польза, вы узнаете, когда корабли будут у меня. Пожалуйста, позаботьтесь об этом, что бы ни говорили судовладельцы, или я доложу их величествам, что вы ни в чем не содействуете мне.

Оставив алькальда в глубоком раздумье, Колон отправился в контору Аранды. Но и там его ждало разочарование.

— Может быть, ваша милость скажет мне, что творится в Палосе? Эти собаки называют себя моряками, а сами, похоже, боятся воды. Контора открыта уже четыре дня, а у меня ни одного рекрута. Я хожу от причала к тавернам, от таверн — к причалам и получаю один и тот же ответ. Кто мотнет головой, кто предложит идти с Богом, это плавание, мол, не для них. Когда я спрашиваю, неужели им хочется всю жизнь прозябать в нищете, ког-

да есть возможность разбогатеть, они просто смеются надо мной. Жалкие свиньи! Поначалу они вились вокруг меня, а теперь дали задний ход. Вспомнили о своих женах, а у кого их нет — о матерях.

Колон сел на бочку.

— Как город узнал, куда мы намерсны плыть? Вы никому не говорили?

— Чтоб мне умереть, если я сказал кому хоть слово. Да в этом и не было необходимости. Им известно куда больше меня.

Колон горько рассмеялся.

— Не для того я долгие годы боролся с дураками, чтобы в конце концов отступить перед трусами. Я найду вам рекрутов.

И он вернулся к алькальду.

— Давайте пошевеливаться. Я наберу команду, даже если это будут преступники.

Их величества предоставили ему право объявлять амнистию тем преступникам, отбывающим наказание, кто хотел бы плыть с ним к Индиям.

— Будьте любезны немедленно объявить об этом. Таков мой ответ судовладельцам.

Разыграв таким образом свой главный козырь, Колон в хорошем настроении покинул алькальда и, выйдя на улицу, нос к носу столкнулся с Пинсоном, которого сопровождал его брат, Висенте.

Мартин Алонсо приветствовал его взмахом руки, представил брата, выразил надежду, что подготовка к отплытию идет успешно.

— Пока никаких успехов нет, — отрезал Колон. — Моряки Палоса не жаждут открытий. Приключениям и золоту они предпочитают грязь покойного бытия.

Пинсоны насупились.

— Клянусь, дон Кристобаль, вы к ним несправедливы, — воскликнул Висенте.

— И все же я могу их понять, — добавил Мартин Алонсо. — Как-никак вы для них — незнакомец, а это серьезный недостаток. Люди не спешат принять участие в рискованном предприятии, если не знают того, кто будет ими руководить. Вы должны иметь это в виду и не судить их слишком строго, — говорил он с улыбкой, крепкие белые зубы блестели в черной бороде.

— Возможно, так оно и есть, — согласился Колон. — Но теперь, думаю, дела наши пойдут быстрее, — и он рассказал Пинсону об амнистии тех осужденных, что поплывут с ним.

Лицо Пинсона вытянулось, подтверждая тем самым

подозрения Колона, что этот человек приложил руку к возникшим осложнениям.

— Вы не одобряете моего решения? — в голосе адмирала слышалась едва уловимая насмешка.

Мартин Алонсо не замедлил с ответом.

— Не одобряю. И считаю глупостью отправляться в плавание с командой головорезов и бандитов. Ничего путного из этого не выйдет.

— За моря они поплывут уже не головорезами и бандитами. Они будут есть из моих рук, ибо их жизни будут зависеть от меня. Вы, наверное, не подумали об этом.

Пинсон нахмурился.

— Не мне учить вас, дон Кристоаль. Но я знаю наверняка, что никакие богатства Индий не заставили бы меня выйти в море с такой командой.

С Пинсоном согласился и фрей Хуан, когда, вернувшись в Ла Рабиду, Колон сообщил ему о принятом решении.

— Плыть с преступниками?! — ужаснулся приор. — Неужели вы пойдете на это?

Но и он, и Мартин Алонсо напрасно опасались подобной, действительно безрадостной перспективы. Столь велик был страх перед неизвестным, что ни один из осужденных не согласился купить свободу такой ценой. Они лишь посмеялись, когда алькальд объявил им предложение Колона. Как и моряки Палоса, они прекрасно знали о целях экспедиции, хотя так и осталось загадкой, какими путями достигли их эти сведения.

Неделя сменялась неделей, а Палос, разомлевший под жарким солнцем, не желал подчиниться королевскому указу. Колон уже не мог показаться на улицах, не вызывая насмешливых улыбок. Таков, видимо, был его удел. Сначала над ним потешались придворные, теперь — портовое отребье.

Даже Васко Аранда заколебался.

— Вам противостоят влиятельные силы, дон Кристоаль, — как-то пожаловался он.

— Я это заметил, — кивнул Колон. — Но вы не узнали, кто именно?

— В винных погребках говорят, что экспедиция обречена и никто из отплывающих не вернется назад. Я спорил с ним. Говорил, что их величества никогда бы не поддержали вас, если б не рассчитывали на успех. Рассказал о домах, крытых золотом, о жемчужинах и рубинах, встречающихся так же часто, как камешки в Андалузии. Убеждал, что за одно плавание они обогатятся на

всю жизнь. Многие обещали мне, что рискнут и отправятся с вами. Но при следующей встрече отказывались от прежних слов. А те, кто принял присягу и поставил крест на договоре, куда-то исчезли. Я готов поклясться, что после разговора со мной с ними говорил кто-то еще. Я в этом не сомневаюсь, дон Кристобаль. У вас есть враг, для которого в Палосе нет тайн.

Они сидели в келье Колона в Ла Рабиде. И Колон ничем не мог развеять подозрения своего офицера-вербовщика.

— Ваши полномочия велики, но и их недостаточно, — продолжал Аранда. — Вам нужен королевский указ на реквизицию кораблей и вербовку команды.

И Колон согласился, что иного выхода просто нет. Он написал письмо Сантанхелю и попросил Аранду отвезти его.

— Вы знаете, что здесь происходит, Васко, и сможете ответить на все вопросы, которые могут возникнуть по прочтении моего письма.

Аранда ускакал в Санта-Фе, и вновь потянулись недели бездействия.

Вернувшись, он привез не только требуемый указ, но и решительного офицера, призванного проследить, чтобы указ исполнялся незамедлительно.

В результате Палос взбунтовался, и Колон, попытавшийся выступить перед моряками, едва не лишился жизни. На площадке, неподалеку от церкви святого Георгия, на него набросилась толпа, возглавляемая Расконом, владельцем каравеллы, которую власти намеревались отдать Колону. Они кричали: "Смерть авантюристу! Переломаем ему кости! Сбросим его в море! Смерть слуге дьявола!"

Колон отступил к церковной стене, выхватил меч.

— Я, значит, слуга дьявола! — проревел он. — Клянись святым Фердинандом, сейчас я отправлю в ад всех, кто этого хочет!

Сверкающее лезвие заставило остановиться нападавших, вооруженных только ножами. Но, наверное, Колон нашел бы смерть на площади Палоса, не подоспей на помощь Аранда с ею шестью матросами.

Благодаря им Колону удалось уйти целым и невредимым, под свист и улюлюканье толпы.

По всему выходило, что он потерпел поражение. Этими невеселыми мыслями он поделился с Арандой, но тот резко возразил:

— В Палосе — возможно. Но Палос — не единственный порт Испании. В других вы найдете больше мужества и меньше интриг.

— Но ни один из этих портов не должен поставить две каравеллы, — напомнил Колон. Он не без оснований опасался, что осторожный и жадноватый король Фердинанд не уступил бы желанию королевы послать экспедицию в Индию, если б корабли не достались столь задешево. Размышляя об этом, Колон пришел к выводу, что неудача в Палосе поставит крест на его замыслах.

Он обсуждал с приором возникшую ситуацию, когда в Ла Рабиду в очередной раз пожаловал Мартин Алонсо. Колон и фрей Хуан сидели за маленьким столиком, на котором стояла тарелка с оливками и кувшин вина, в прохладе увитой виноградом беседки. Направо открывался вид на порт Палоса, гавань с многочисленными кораблями. Уже начался прилив, и рыбацьи лодки возвращались с богатым уловом. Колон смотрел на корабли, как посаженная в клетку птица — на манящее синее небо.

— Я вижу себя орудием в руке Господа, предназначение которого — донести до неведомых земель Его святое слово. И мне совершенно ясно, что и Сатана не сидит, сложа руки, а всячески пытается помешать мне.

— Если это не просто слова, 'сын мой, — ответил фрей Хуан, — если вы действительно в это верите, то вам нужно набраться терпения, поскольку нет сомнений в том, что в конце концов Бог обязательно победит.

— В конце концов да, но когда это случится?

— Когда будет угодно Господу нашему.

Вот тут-то на дороге, выходящей из соснового леса, показался Пинсон.

Процветающий купец, в темно-вишневом камзоле из прекрасного камлота, держался он чуть ли не с достоинством придворного. Он выразил Колону свое негодование по поводу случившегося на площади и поблагодарил Бога, что адмиралу не причинили вреда.

— У моряков Палоса головы забиты суевериями, — Пинсон пододвинул стул, сел. — Им кажется, что дорога в ад идет через океан. Они населяют его просторы чудовищами, гоблинами, василисками, охраняющими свои владения от непрошенных гостей. Нет смысла говорить с ними языком логики. Нет смысла спрашивать, как спросил я, а видел ли кто хоть одно такое чудовище? Что же в этом случае делать вам? — он пожал тяжелыми плечами и широко развел руки. — Они отвечают вопросом на вопрос. Если я верю, что океан безопасен, почему не плыву сам?

— Ответ прост, — улыбнулся фрей Хуан. — Капитан не может плыть без команды.

— Мои слова, — кивнул Пинсон. — Но они смются

надо мной, говоря, что я нашел бы себе команду, если б отправился в это плавание на собственной каравелле.

— И им можно в этом поверить? — спросил приор.

— Кто знает? Ничего определенного тут не скажешь, проверить их можно только делом. Но мне представляется, что моряки пойдут за мной, — как бы между прочим ответил Пинсон, выбирая оливку с блюда.

Колон, разумеется, не обмануло это нарочитое безразличие. Пинсон вновь ставил вопрос о своем участии в экспедиции. Не случайно он выбрал и момент, по всей видимости, подготовив бунт на площади у церкви святого Георгия. Колон видел в нем не только влиятельного купца, но тайного врага, возможно, самого опасного из тех, о ком говорил Аранда.

У более простодушного фрея Хуана, наоборот, не возникло никаких подозрений. Он лишь понял, что Пинсон предлагает Колону выход из тупика. И торопливо выплюнул изо рта пару оливковых косточек, чтобы они не мешали ему говорить.

— Как я помню из нашего чуть ли не первого разговора, сеньор Пинсон, вы хотели участвовать в экспедиции на своем корабле. Что бы вы сказали, дон Кристоаль, если б он подтвердил, что это желание у него не пропало?

Колон ответил осторожно, с непроницаемым лицом:

— Но не пропало ли у вас желание, сеньор?

Пинсон также не рванул с места в карьер. Приподнял бровь, словно вопрос захватил его врасплох. Вроде бы задумался. А потом красные губы за черной бородой разошлись в улыбке, сверкнули белоснежные зубы.

— Кто знает? Сейчас все не так просто, как раньше. Возникли серьезные трудности. Сегодняшняя потасовка на площади — тому свидетельство... — его синие глаза встретились со взглядом Колона, на губах продолжала играть улыбка.

Колон, конечно же, понимал, куда клонит Пинсон. Тот по-прежнему хотел плыть в Индии, но теперь его интересовало, на каких условиях. Как купец, он не мог не позаботиться о собственной выгоде.

— Весь вопрос в том, сможет ли ваше влияние преодолеть страхи моряков Палоса, — ответил адмирал.

— Кто знает? — последовало вновь. А после продолжительной паузы Пинсон добавил: — Полной уверенности у меня нет. Но думаю, что найду достаточно людей для укомплектования команд, заявив об участии в экспедиции. Пока, разумеется, это лишь предположение.

— Но вы готовы его проверить?

— Пожалуй, что да, — последовал неспешный ответ, — если вы согласны принять мою помощь, разумеется, гарантируя соответствующую компенсацию.

— За полную компенсацию я ручаться не могу. По договору с их величествами мне дозволено субсидировать из собственных средств до одной восьмой всей суммы расходов на экспедицию. В этом случае мне отойдет восьмая часть прибыли.

— Одна восьмая? Но, предоставляя в ваше распоряжение третий корабль, я имею право рассчитывать на треть.

— Справедливо. Но в договоре нет речи о третьем корабле. Только об одной восьмой части затрат на экспедицию. Это все, что мне положено. Как вы видите сами, корона не желает расставаться с ожидаемой добычей, и даже восьмая часть далась мне с большим трудом.

— А вы не хотите пересмотреть эти условия?

— Только в том случае, если решусь просить владык Испании снаряжать экспедицию в другом порту. По правде говоря, Палос не заслуживает тех благ, которые принесет ему открытие Индии.

Это был тонкий ход. Колону удалось напугать Пинсона, ясно дав понять, что другого случая отправиться за моря может и не представиться. И принимать решение необходимо тотчас же, не откладывая до лучших времен.

Пинсон огладил бороду.

— И какой, по-вашему, будет восьмая доля добычи?

Тут уж улыбнулся Колон, пожал плечами.

— И вы меня спрашиваете? Должно ли мне объяснять вам, что мы найдем или ничего, или несметные богатства. Но ничего нам не найти только в одном случае — если я ошибся. А я уверен в своей правоте, как, похоже, и вы, сеньор Пинсон.

Мартин Алонсо забрал бороду в кулак, погрузившись в раздумье.

— Тут надо все взвесить, — изрек, наконец, он. — Мы еще поговорим об этом. Скорее всего завтра, — а затем добавил, что спросит кое-кого из моряков Палоса, поплывут ли они с ним, чтобы проверить, пользуется ли он достаточным влиянием, и с тем откланялся.

— Я думаю, — удовлетворенно заметил фрей Хуан, когда они с Колоном остались вдвоем, — что вашим трудностям пришел конец и он примет решение присоединиться к вам.

— А мне кажется, что он давно все решил, до того, как заявился сюда. Даже до того, как создал те самые трудности, которые теперь исчезнут сами собой.

И фрей Хуан, ужаснувшись, пожурил Колона за чрезмерную подозрительность к человеку, который от всей души стремился ему помочь.

Глава 27 ОТПЛЫТИЕ



ри всем своим добрым отношением к людям, в дальнейшем приор Ла Рабиды, пусть и с неохотой, не смог не признать, что Колон не ошибся, подозревая в коварстве богатого судовладельца.

Мартин Алонсо прибыл на следующий день, чтобы подписать контракт. Не один, но с братьями Висенте и Франсиско. Оба они также решили отправиться в Индию и уверенно заявили, что поддержка семьи Пинсон, самой влиятельной в Палосе, поможет смести все преграды, включая и суеверия, мешающие отплытию.

По заключении сделки ситуация начала меняться разительно. Энергия Мартина Алонсо разбудила спящего на ходу альгасила и его рехидоров. Очнувшись от летаргии, они рьяно приступили к исполнению королевского указа, и в несколько дней Колон получил два корабля в добавление к "Пинте", каравелле Пинсона, его доле в экспедиции.

Тут же началась работа по их снаряжению и комплектованию команд, и Аранде уже не приходилось мотаться от одной портовой таверны к другой в поисках рекрутов. Словно магический ветер прошелестел над Падосом. Там, где прежде его встречали насмешками, моряки чуть ли не дрались за право плыть на каравеллах Колона, и Аранда уже мог выбирать самых лучших. С течением времени энтузиазм поутих. Женщины Палоса, похоже, не хотели отпускать мужей в столь опасный вояж. Приток в контору Аранды поубавился. Кое-кто из завербованных как сквозь землю провалился. Но все-таки он набрал девяносто мужественных парней, сколько и требовалось для укомплектования команд трех каравелл, и все они приняли участие в завершении подготовки к отплытию.

Васко Аранда, получивший важный пост главного альгасила экспедиции, в июле вновь отбыл в Санта-Фе, доложить о достигнутом и отвезти ко двору маленького Диего Колона, чтобы тот мог приступить к исполнению пажеских обязанностей.

День отплытия стремительно приближался. Флагма-

ном эскадры Колон выбрал самую большую, крутобокую, даже бочкообразную трехмачтовую каравеллу водоизмещением порядка двухсот тонн, длиной девяносто футов, построенную для торговли с Фландрией. Называлась она "Мариягаланте". Чрезмерно высокие нос и корма указывали на ее малую остойчивость. Судно не предназначалось для плавания в бурных водах, но Колона прельстили размеры каравеллы.

Фривольное ее название он нашел безвкусным, но, решив переименовать корабль, колебался между любовью земной и небесной, между обожанием девы Марии и страстью к Беатрис. Он тянул и тянул, моля богородицу простить его колебания, проявить милосердие к человеку с разбитым сердцем. Велико было желание дать каравелле имя любимой женщины, которую он считал потерянной для себя, образ которой постоянно преследовал его. Но в итоге набожность восторжествовала: Колон решил, что в неведомое покойнее плыть под сенью святого имени и, следовательно, под защитой небожительницы. Более того, он пришел к выводу, что и Беатрис одобрила бы его выбор. В результате "Мариягаланте" стала "Санта-Марией".

Думая о названии для своей каравеллы, Колон не забывал следить и за снаряжением экспедиции. На борт доставляли бомбарды и фальконеты, их каменные и железные ядра служили судну балластом. В трюм загружались бочки с солониной, рыба, копченое мясо, сыр, фасоль, мешки с мукой, лук, оливки, вино, растительное масло. Рядом ложились паруса, канаты, глыбы вара, а также прочее, прочее, прочее, все необходимое в дальнем плавании, которое могло продолжаться более шести месяцев.

Закупкой припасов ведали, главным образом, Пинсоны. Сами мореходы, они знали, во-первых, что искать, а во-вторых, где, так как имели обширные торговые связи. Пригодились и знания Колона касательно того, чем расплачивались португальцы за приобретенные золото и слоновую кость в Африке. Он позаботился о том, чтобы на борту оказалось достаточно стеклянных бус, колокольчиков, зеркалец и других безделушек.

К концу июля осталось взять только воду. Подготовка к выходу в море завершилась.

Мартин Алонсо получил под свою команду "Пинту", каравеллу длиной в сорок пять футов, в два раза короче "Санта-Марии", с единственной мачтой на корме, но с благородными обводами, говорившими за ее быстроходность. Штурманом на "Пинте" плыл брат Мартина Алон-

со, Франсиско. Как и "Санта-Мария", "Пинта" имела прямое парусное вооружение, в то время как "Нинья", третья, самая маленькая каравелла эскадры, шла под латинскими парусами, к которым Колон относился настороженно. Командовал "Ниньей" Висенте Пинсон.

Что же касается матросов, то наиболее опытные и проверенные оказались на кораблях Пинсонов. Они ранее плавали под их началом, и Мартин Алонсо и Висенте, естественно, затребовали их к себе. "Санта-Марии" повезло меньше. Ее команду составили не только менее опытные матросы, но и те преступники, что решились отправиться в плавание ради свободы. Колон, однако, это не смущало. Он полагал, что бывшие преступники, привыкшие к суровой тюремной жизни, лучше выдержат предстоящие экспедиции испытания. Что же до их неуправляемости, адмирал верил, что сможет удержать их в руках.

Помимо матросов, в последний момент к экспедиции присоединились несколько отчаянных искателей приключений, так что всего на борту каравелл готовились подняться сто двадцать человек. Среди них были два цирюльника-хирурга и переводчик, маран по фамилии Торрес, в совершенстве знавший еврейский, греческий и арабский языки, который мог оказаться весьма полезным в Сипангу. Взял с собой Колон и письмо от владык Испании Великому Хану, на случай, что он доберется до дальних земель, о которых упоминал Марко Поло.

К вечеру последнего дня июля в Палос прибыла каравалькада, какую редко видели в этой обители моряков и торговцев.

С приближением дня отплытия эскадры грусть и тоска опустились на Палос. Дурные предчувствия мучили тех, чьи мужья, отцы, сыновья отправлялись в дальний путь. Те же семьи, кого миновала чаша сия, сочувствуя отплывающим, из лучших побуждений пересказывали циркулирующие по городу слухи, все, как один, предрекавшие гибель отважным путешественникам. Из этого уныния и вырвал Палос прибывший в сопровождении великолепной многочисленной свиты высокопоставленный гость. Известие о том, что сам канцлер Арагона дон Луис де Сантанхель специально приехал в Палос, чтобы передать дону Кристобалию пожелание удачи от их величеств, в мгновение ока облетело город, и его жители высыпали на улицу.

Канцлер въехал в Палос на белом арабском скакуне, дородный, важный, в камзоле из дорогой парчи, отороченном серебристым мехом. На его груди блестела золо-

тая цепь с такими крупными звеньями, что одного из них хватило бы любому моряку Палоса на всю жизнь. Канцлера сопровождали вооруженные всадники, в панцирях и шлемах, Васко Аранда и королевский нотариус, Эсковедо, также отправляющийся в плавание.

Кавалькада, не останавливаясь, проследовала через город и скрылась в основном лесу, за которым белел монастырь Ла Рабида.

Колон в монастыре не было. Он находился на борту "Санта-Марии", в своей каюте, куда перенес в тот день свои личные вещи. Сойдя на берег, он узнал о прибытии Сантанхеля и поспешил в Ла Рабиду. И, едва миновав ворота, столкнулся с канцлером, который обнял его и крепко прижал к груди.

— Дон Луис! — радостно воскликнул Колон, но в глазах его появилась тревога. Он побледнел, отступил на шаг. — Что привело вас в Палос?

— Неужели вы взаправду полагали, что я отпущу вас в столь долгий вояж, не пожелав удачи? Все-таки я внес, пусть и малую, лепту в осуществление этой, не побоюсь сказать, великой экспедиции.

— Малую? Если б не эта малость, я сидел бы сейчас у разбитого корыта, — ответил Колон, а после паузы добавил. — Но... это все?

— Все? — изумился канцлер. — А чего же недостает? Или вы недовольны моим приездом?

— О чем вы говорите? — запротестовал Колон и тут же тяжело вздохнул, бессильно взмахнув рукой. — Вы же все видите сами, дон Луис. Дело не в том, что я не рад встрече с вами. Но ваш приезд породил во мне надежду. Простите меня. Причины на то не было. Я истово молился о том, что услышу о Беатрис до отплытия. И, увидев вас, решил, что вы принесли мне желанную весть — Беатрис найдена.

Сантанхель печально покачал головой.

— Ах, сын мой, если б ее нашли, я бы привез вам не известие об этом, а ее самое. И не думайте, что я забыл о ней. Я виделся в Кордове с доном Ксавьером и попросил его продолжить поиски. Мы обязательно найдем ее.

Эти слова Колон воспринял как попытку успокоить его. Вновь тяжело вздохнул и поспешил изменить тему разговора. Но позднее, когда монастырь уже спал, а они вдвоем сидели в келье Колона, вновь вернулся к тому, что более всего заботило его.

— Вы были мне таким добрым другом, дон Луис, и так много сделали для меня, что я решусь обратиться к

вам еще с одной просьбой. Если Беатрис найдут, дайте ей знать о моих чувствах к ней, заверьте ее, что я раскаиваюсь в своем столь торопливом суждении. И, если экспедиция завершится успешно, а я потеряю в ней жизнь, позаботьтесь о том, чтобы она получило долю из наследства Диего. Я хотел бы, чтобы она оберегала его, относилась к нему как к собственному сыну, а он, я надеюсь, найдет в Беатрис любящую мать. Все это я изложил в письме, по существу, в завещании. Оставляю его вам, дон Луис, если вы возьмете на себя и эту ношу.

— Положитесь на меня, — заверил его Сантанхель. — И не сомневайтесь, мы продолжим поиски, так что, возможно, по возвращении она будет ждать вас.

Два дня спустя, в четверг, эскадра Колона отплыла в Индии.

В ночь со среды на четверг фрей Хуан исповедовал Колону, и еще до рассвета адмирал, сопровождаемый Арандой, отправился в Палос, уже проснувшийся, со светящимися окнами домов, чтобы выслушать мессу и принять святое причастие вместе с остальными моряками в церкви святого Георгия.

На молу собралась толпа женщин и детей, провожавших в дальнее плавание мужей и отцов. Колона они встретили недружелюбными взглядами, но воздержались от проклятий, резонно полагая, что слова их рикошетом могут задеть и тех, чьи шансы на возвращение зависели от мастерства и мужества адмирала.

Когда же солнце выкатилось из-за холмов Альмонте, Колон сошел в ожидающую его шлюпку, которая понеслась к "Санта-Марии", покачивающейся на волнах рядом с двумя другими кораблями эскадры, отделенными от моря песчаной косой Солтрес.

С высокого юта отдал Колон первую команду. Трубач поднес к губам трубу и проиграл сигнал отплытия. Пронзительно заверещал боцманский свисток, звякнула якорная цепь, поползла вверх, из воды вынырнул якорь.

Заскрипели блоки, развернулись паруса, на мгновение обвисли, а затем надулись, поймав утренний бриз, и "Санта-Мария" заскользила по водной глади.

Громады парусов белели над ее черным корпусом на носовой и кормовой мачтах. Папский крест украшал фок "Санта-Марии", мальтийский — квадратный грот. Флаг Фердинанда и Изабеллы, золотой с красным, с замками и львами, реял на грот-мачте, выше распятия. Вымпел Колона был поднят на бизань-мачте:

Сгрудившиеся на шкафуте искатели приключений, в городских костюмах, и босоногие матросы, в рубахах и брид-

жах, молчали в благоговейном трепете. Многие из них только сейчас осознали, что отправились в неизвестное, на поиски земель, существовавших лишь в воображении этого высокого мечтателя, стоящего на юте. Каравелла набирала ход, и скоро до нее перестали доноситься крики провожающих.

“Пията” и “Нинья” следовали за “Санта-Марией”, поравнявшейся с монастырем Ла Рабида. Колон подошел к бортику. На фоне утреннего неба, в золотых лучах солнца, он ясно видел у белого здания монастыря фигурки Сантанхеля и фрейя Хуана, двух людей, более, чем кто-либо в Испании, поспособствовавших тому, чтобы экспедиция в Индии стала явью.

Колон поднял руку, приветствуя добрых друзей. Сантанхель в ответ помахал беретом, фрейя Хуан — шарфом, до корабля долетел колокольный звон.

Колон не сводил глаз с канцлера и приора, пока каравелла не обогнула мысок и обе фигурки, ставшие совсем крошечными, не скрылись из виду. А затем спустился на шканцы, где собрались его офицеры. Усилилась качка, ибо “Санта-Мария” вышла из-под прикрытия песчаной косы в открытое море.

Посоветовался с Хуаном де ла Коса, невысоким, широкоплечим, со светлыми волосами и добродушным веснушчатым лицом. Де ла Коса был совладельцем “Санта-Марии”, а в плавание отправился штурманом. Был выбран южный курс, назначены вахтенные, и адмирал удалился в свою каюту, которой на долгие месяцы предстояло стать его домом. Кровать за красным пологом, маленький столик, стул, гладильная доска, пара кресел с высокими спинками, сундучок, да несколько книг на одной полке и астролябия и градусник на другой составляли всю обстановку. На гладильной доске стояли песчаные часы. Переборку напротив украсил портрет девы Марии в бронзовой раме, ранее висевший в комнате Колона в Кордове.

Глава 28

ПЛАВАНИЕ



ольшую часть первого дня они плыли на юг, а затем повернули на запад, держа курс на Канарские острова. А в каюте дон Кристобаль внес первые записи в журнал, в котором намеревался подробно излагать все текущие события. Журнал этот преследовал две цели: ознакомить владык Испании с ходом экспедиции и прославить того, кто его вел. Образец для журна-

ла Колон видел в "Комментариях" Юлия Цезаря. Тем самым современный читатель может понять, сколь высоко оценивал он экспедицию в Индию.

Он преодолел интриги, предательство, зависть людей. Испытания же морем не пугали его, поэтому он и полагал, что сумеет удержать в подчинении свою довольно-таки разношерстную команду. И теперь ему хотелось как можно быстрее миновать Канарские острова, потому что, оказавшись в открытом океане, моряки не могли не осознать, что их жизни целиком зависит от капитана корабля. Но на первом этапе плавания он был бессилён остановить людей, если бы дурные предчувствия, навязанные слезами расставания в Палосе, привели к требованию о немедленном возвращении в Испанию.

Поэтому он очень встревожился, более, чем того требовала создававшаяся ситуация, когда на третий день плавания "Пинта", самая быстрая каравелла эскадры, шедшая впереди под громадой белоснежных парусов, внезапно сбавила ход и откатилась назад: руль выскочил из гнезда.

Слишком свежий ветер не позволял им прийти на помощь. Но опытному Пинсону она и не потребовалась. Канатами ему удалось закрепить руль и добраться до Гран-Канарии, но крейсерская скорость эскадры существенно упала.

На Гран-Канарию они прибыли в четверг, через неделю после отплытия, и оставались там, пока на "Пинту" не установили новый руль. Колон воспользовался задержкой, чтобы поменять латинские паруса "Ниньи" на квадратные, поскольку первые не позволяли каравелле идти круто к ветру.

Не рискуя отпускать команду на берег, он повел "Санта-Марию" на остров Гомера, под предлогом, что хочет найти там другую каравеллу взамен "Пинты". Не найдя ничего подходящего, вернулся на Гран-Канарию, аккурат к завершению ремонтных работ.

Три недели, однако, были потеряны. Но, наконец, шестого сентября эскадра вновь вышла в море. Первым делом они зашли на Гомеру, пополнили запасы пищи и воды, а потом взяли курс на запад.

Далеко, однако, уехать им не удалось. Они попали в полосу полного штиля, море стало гладким, как Гвадалквивир, и они едва ползли, не теряя из виду землю.

На рассвете девятого сентября они все еще видели остров Йерро, серую массу в девяти лигах за кормой. Но, наконец, поднялся ветер, надул паруса, и каравеллы заскользили по воде. Ветер крепчал, скорость его достиг-

да десяти узлов, каравеллы плыли все быстрее, остров Йерро исчез за горизонтом. Началось путешествие в неизвестное, и душа Колона успокоилась.

Команда же повела себя иначе. С исчезновением земли, когда со всех сторон пустое небо на горизонте смыкалось с пустым морем, моряков охватила паника. Их стенания, плач, горестные вопли донесли до Колона, сидящего в каюте над путевым журналом.

Их пугало не само по себе исчезновение земли. Если не считать нескольких молодых матросов да тех искателей приключений, что присоединились к экспедиции, практически всем морякам доводилось видеть, как земля исчезает за линией горизонта, и к этому ранее они относились достаточно хладнокровно, потому что знали, что вскорости она покажется вновь. Теперь же они плыли в бескрайние просторы океана, которые не бороздил еще ни один корабль, и никто не мог сказать наверняка, окажется ли в океанской пустыне хоть один оазис тверди, если, конечно, не принимать в расчет рассуждения этого сумасшедшего, чьими заботами они ввязались в столь рискованную авантюру.

Ругательства, поношения, проклятья звучали все громче, но тут на шкандах появился Колон, спокойный и величественный, с градштоком в руке. Неторопливо, размеренным шагом подошел он к бортику, ветер взъерошил его густые рыжеватые волосы.

Появление его послужило причиной взрыва. Угрожающе загудели матросы, сгрудившиеся на шкафуте. С сердитыми криками вскочили те, кто сидел на камингах люков или на бомбардах.

Колон поднял руку, призывая к тишине, все разом смолкли, и лишь единственный пронзительный голос объяснил ему, что происходит.

— Куда вы нас ведете?

— От безызначности к славе, — ответил Колон. — От нищеты к богатству. От голода к сытости. Вот куда веду я вас.

И хотя в глазах их величеств ему еще предстояло заработать титул адмирала, для команды он уже являлся адмиралом и в тот переломный момент доказал на деле, что по праву назначен их командиром.

Решительный, уверенный в себе, Колон несколькими фразами привел моряков в чувство.

— Что вы тут бормочете об аванюре? А если это и так? Что вы оставили на берегу? Пустые желудки, нищету, грязь, непосильную работу. И ради этого вы готовы отказаться от шанса разбогатеть и прославиться? Я ска-

зал шанса. Это не шанс, не авантюра. Я знаю, что делаю, куда плыву. Разве я не убедил их величества в необходимости этой экспедиции, не посрамил тех, кто противодействовал мне? Неужели вы думаете, что владыки Испании доверили бы мне эти корабли, если б сомневались в успехе?

Вон там, на западе, в семистах лигах отсюда, нас ожидают несметные богатства Сипангу, и после нашего возвращения в Испании вам будет завидовать каждый.

Магия его слов, твердость тона, непоколебимая уверенность в собственной правоте разительно изменили настроение команды. Вопли отчаяния сменились криками радости.

Довольный содеянным, Колон поднял градусник и прищурился, чтобы определить высоту солнца. Для большинства матросов его движения казались священнодействием, еще более укрепляя их веру в то, что адмирал сможет найти верный путь в бескрайнем океане.

А Колон тем временем выбрал рулевого за то, что они слишком уклонились к северу. Вызвал Косу и сурово отчитал его, потребовав, чтобы нос каравеллы все время смотрел на запад. И спустился в каюту, чтобы отметить местоположение корабля на карте. Он уже понял, что должен принять меры предосторожности на случай, если неверно вычислил расстояние до Сипангу. Слишком уж уверенно заявил он, что от земли их отделяет ровно семьсот лиг. И люди его не могли не взбунтоваться, если б не увидели желанного берега, оставив за кормой отмеренное им расстояние. Поэтому Колон решил оставить себе свободу маневра. Для этого он начал несколько уменьшать путь, пройденный каравеллой за день. Истинные же значения он заносил в путевой журнал. Время от времени Мартин Алонсо и Висенте Пинсоны, капитаны "Пинты" и "Ниньи", присылали ему свои карты, на которых он помечал местонахождение судов. И хотя его данные могли расходиться с замерами, сделанными на "Пинте" и "Нинье", однако принимались за более достоверные, поскольку Колон считался непререкаемым авторитетом в исчислении пройденного пути.

Сложнее оказалось объяснить изменение направления стрелки компаса. Произошло это через неделю, в двухстах лигах к западу от Йерро, повергнув команду в шокосое состояние.

Тоска, которую единожды удалось разогнать Колону, вновь окутала "Санта-Марию", когда двумя днями раньше мимо них проплыла мачта корабля, по водоизмещению не уступающего их собственному. Все прежние стра-

хи возродились с новой силой. Если их застигнет шторм, говорили моряки, им не найти гавани, в которой можно укрыться. А когда стало известно об изменении направления стрелки компаса, тревога закралась даже в души самых мужественных. Не только невежественных матросов, но и офицеров. Колон первым заметил, что стрелка компаса вместо того, чтобы указывать на Полярную звезду, отклонена на несколько градусов на запад. Готовый пойти на любой риск, но не признать поражение, он скорее всего скрыл бы это обстоятельство, но отклонение стрелки заметили и другие. Один из штурвальных обратил на это внимание своего командира, Раты. Тот, встревоженный, поспешил к де ла Косе. Другие, подслушавшие их разговор, подняли тревогу. Дело происходило ночью, и шум разбудил спящего адмирала.

Он сел в постели, прислушался к доносившимся крикам. Потом, поняв, что происходит, отбросил одеяло и встал. Сунув ноги в шлепанцы, надел халат и вышел из шканцы. Внизу, у нактоуза толпились люди, фонарь освещал их испуганные лица. Мгновение спустя Колон прокладывал себе путь сквозь толпу.

— Что тут происходит? — спросил он и тут же набросился на рулевого. — Держи крепче руль. Нас сносит. В чем дело?

— Стрелка, адмирал, — ответил Коаа, и шум мгновенно стих — люди ждали, что скажет адмирал.

— Стрелка? А что с ней? О чем вы говорите?

— Ей больше нельзя верить.

Колон, однако, продолжал прикидываться, будто ничего не понимает.

— Нельзя верить? Это еще почему?

Ему ответил Иресс, моряк средних лет, вроде бы ирландец по происхождению, избородивший все моря известного мира.

— Она потеряла силу. Потеряла силу. Теперь мы затеряны в неведомом мире, и даже компас не поможет нам определить наше местоположение.

— Это так, адмирал, — мрачно поддержал матроса Рата.

— И означает это только одно, — завопил седоволосый Ниевес, один из помилованных преступников. — Мы покинули пределы мира, в котором Бог поселил человека.

— Мы обречены, — добавил чей-то голос. — Покинуты и обречены. И дорога нам — в ад.

— Пусть я умру, если не знал, что этим все и кончится! — взревел Иресс.

И тут же толпа угрожающе надвинулась на Колона.

— Тихо! — осадил он матросов. — Дайте мне пройти, — он подступил к нактоузу, свет фонаря подал на его спокойное, решительное лицо. Матросы затаили дыхание, пока адмирал пристально смотрел на стрелку компаса. Тишину нарушил голос Раты.

— Смотрите сами, дон Кристобаль. Вон Полярная звезда. Стрелка отклонилась на пять градусов, не меньше.

Если Колон и смотрел, то не для того, чтобы убедиться в справедливости слов Раты, об отклонении стрелки он знал и так. Просто ему требовалось время, чтобы найти приемлемое объяснение.

В свете фонаря матросы увидели, как изменилось его лицо. Губы расплзлись в улыбке. Адмирал громко рассмеялся.

— Идиоты! Безголовые идиоты! А вам, Коса, просто стыдно, при вашем-то опыте! Вы меня удивляете. Да как вы могли даже подумать, что стрелка изменила направление, потому что не указывает более на Полярную звезду.

Коса вспыхнул:

— А разве можно объяснить это иначе?

— Конечно, сместилась звезда, а не стрелка.

— Звезда? Да разве...

— Что ж тут непонятного? — Колон поднял руку и посмотрел вверх. — Звезда, как вы можете убедиться сами, движется поперек небес. Куда бы увела нас стрелка компаса, если бы следовала за ней? Она сослужила бы нам недобрую службу, если б не оставалась нацеленной в невидимую точку, на север, — он опустил руку, пренебрежительно повел плечами. — Расходитесь с миром и не забивайте головы тем, чего вы не понимаете.

Властность голоса, наукообразные рассуждения, презрение, сквозившее в каждой фразе, подействовали безотказно. Исчезли последние сомнения в правоте Колона.

Матросы разошлись, направился в каюту и адмирал, но у самого трапа на его плечо легла рука Косы. Штурман, он разбирался в вопросах навигации не хуже Колона.

— Я не стал спорить с вами, адмирал, чтобы не спровоцировать бунт. Но...

— Вы поступили мудро.

— Но, проведя в море столько лет, я понятия не...

Колон прервал его ледяным тоном:

— Вы же никогда не плавали по этой параллели,

Хуан.

— И вы тоже, дон Кристобаль, — последовал ответ. — Для вас это внове, как и для меня. И каким образом вам стало известно...

Снова ему не дали договорить.

— Так же, как мне известно, что мы плывем в Индии. Так же, как я знаю многое из того, что не проверено другими. И вы поверьте мне на слово, если не хотите, чтобы эти крысы запаниковали, — Колон похлопал штурмана по плечу, показывая, что разговор окончен. — Доброй ночи, Хуан, — и скрылся в каюте.

А де ла Коса еще несколько минут стоял, почесывая затылок, не зная, чему и верить.

Импровизация Колона показалась убедительной не только команде "Санта-Марии", но и Пинсонам, которым на следующий день он сообщил причину доселе загадочного отклонения стрелки компаса. И на какое-то время обрел покой.

Шли они в полосе устойчивых ветров, дующих с востока на запад. Корабли оставляли за собой лигу за лигой, идя под всеми парусами.

И матросы наслаждались передышкой. Играли в карты и кости, купались в теплой воде, мерялись силой, пели под гитару. Каждый вечер, на закате солнца, по приказу Колона все они собирались на шкафуте, чтобы пропеть вечернюю молитву Богородице.

Так прошло несколько дней, но как-то ночью небо окрасилось огнем падающих метеоров. Вид их разбудил суеверные страхи, заставил вспомнить страшные истории о чудовищах, охраняющих океан от непрошенных гостей. Но паника оказалась недолгой, потому что небо затянули облака, пошел мелкий дождь, а к утру, когда вновь выглянуло солнце, метеоры уже забылись.

А вскоре они оказались меж обширных полей водорослей, где-то пожелтевших и увядших, где-то свежих, нежно-зеленых. Вокруг каравелл сновали тунцы, и Колон, чтобы поднять настроение команды, уведомил матросов, хотя сам в этом сильно сомневался, что тунцы никогда не отплывают далеко от берега.

На "Нинье" выловили несколько больших рыб и поджарили их на жаровнях, установленных на шкафуте. Моряки с удовольствием отведали свежей рыбы, потому что солонина уже не лезла в горло.

Поля водорослей все увеличивались в размерах, и с борта каравелл казалось, что они плывут по заливным лугам. Скорость заметно упала, и в душах матросов вновь проснулась тревога. Пошли разговоры, что они попали на мелководье, а вскоре корабли сядут на скалы и останутся там навсегда.

Колон помнил рассказ Аристотеля о кораблях из Кадиса, которые унесло на запад к полям водорослей, напоминающим острова. Поля эти привели моряков древности в ужас. Но не стал говорить об этом команде. Не решился он и предположить, что поля эти свидетельствуют о близости земли, поскольку они прошли лишь триста шестьдесят лиг и находились, по его расчетам, на полпути к Сипангу. Однако, чтобы рассеять страхи матросов, Колон приказал промерить глубину. Дна, естественно, не достали, и досужие разговоры стихли.

Наконец, поля водорослей остались позади, и они вновь вышли в чистые воды, подгоняемые устойчивым восточным ветром.

Один из искателей приключений, плывущих с ними, Санчо Гомес, обедневший дворянин из Кадиса, заявил, что вода стала менее соленой, то есть они уже недалеко от суши и пресные воды рек разбавляют соль моря. Мнения других моряков, попробовавших воду, разделились. Оптимисты соглашались с Гомесом, пессимисты, возглавляемые Иресом, утверждали обратное.

Гомес, однако, твердо стоял на своем, и в тот же вечер, после того, как пропели молитву деве Марии, каравелла огласилась его криком: "Земля! — рука его указывала на север. — Неужели и теперь вы, твердолобые упрямы, будете говорить, что я не прав?"

Что-то туманное, похожее на береговую линию, высилось на горизонте, подсвеченное заходящим солнцем.

Колон стоял на шканцах вместе с Косой, Арандой, Эсковедо и еще тремя офицерами. Крик Гомеса заставил его подойти к правому борту, всмотреться в горизонт. Наверное, он бы поддержал Гомеса, если б не его убеждение, что землю они могут увидеть только на западе.

— Это не земля, — охладил он надежды команды. — Облака, ничего более, — и рассмеялся, пытаясь шуткой скрасить разочарование. — Желание получить награду, Санчо, застлало вам глаза.

Он имел в виду десять тысяч мараведи, обещанные королевой тому, кто первым увидит землю.

Но никто не рассмеялся, а Санчо Гомес твердил, что может отличить землю от облаков. И на шкафуте все громче звучало требование повернуть на север.

Но Колон быстро положил этому конец.

— Не забывайте о том, что на каравелле один капитан, и плыть она будет, куда он прикажет. Очертания земли сеньора Гомеса уже меняются. Но я обещаю вам, что утром мы изменим курс, если увидим эту массу по правому борту.

Они подчинялись его воле, а на рассвете обнаружили, что между небом и водой ничего нет. Пришлось соглашаться, что прошлым вечером за землю они приняли облака.

К сожалению, на этом дело не кончилось. Несбывшиеся надежды оставили горький осадок, исчезнувший мираж возродил прежние страхи. Поначалу слышалось лишь глухое ворчанье, но Аранда, постоянно находившийся среди моряков, услышал в нем приближение бури и незамедлительно предупредил Колону.

Ближе к полудню пара олушей пролетели над кораблем. Колон, верил он в это или нет, объявил, что эти птицы не отлетают от берега более чем на двадцать янг. И приказал промерить глубину. Веревку с грузом опустили на двести морских саженей¹, но дна так и не достали.

Ближе к вечеру над ними пролетела стайка маленьких птичек. Летели они на юго-запад. Колон сразу понял, что это означает. Он знал, что португальские мореплаватели часто ориентировались по направлению полета птиц, и пришел к выводу, что эскадра скорее всего плывет между островами. Говорить он об этом никому не стал, а там наступила ночь. Тем не менее Колон решил не менять курса. Во-первых, ветер по-прежнему дул с востока, а во-вторых, поворот мог бы посеять сомнения в доверии к капитану. Команда, того гляди, могла подумать, что он не знает, куда надо плыть. До сих же пор именно уверенность в себе, непогрешимость принятых решений позволяли ему удерживать моряков от бунта. Малейшее колебание могло вызвать непредсказуемые последствия.

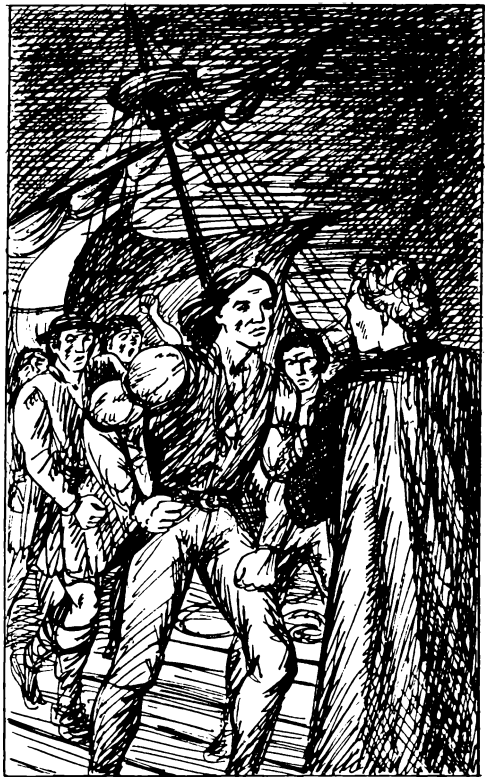
Короче, они продолжали плыть на запад.

Однако избежать стычки с командой Колону не удалось. Многие обратили внимание на постоянство ветра. Сначала это обстоятельство отнесли к превратностям погоды. Затем возникли страхи, которые сформулировал Иресс.

— Превратности погоды? — его окружали матросы. — С погодой это никак не связано. Да кто из моряков слышал о ветре, дующем в одном направлении в течение четырех недель? Клянусь вам, мне с таким сталкиваться не приходилось. Никогда. До этого чертова плавания. Разве вы не понимаете, что это означает, други мои? Я вам скажу, клянусь адом. Но прежде ответьте мне на один вопрос: "Как мы сможем вернуться назад, плывя против ветра?"

Морякам словно открылась истина.

¹ Примерно 360 метров.



— Святая Мария! — ахнул один.

— Клянусь дьяволом! — отозвался другой, и над палубой понеслись проклятья.

Толпа все росла, а Ирес, раздувшийся от гордости первооткрывателя, вещал, прислонившись спиной к ялику.

— Теперь вы понимаете, в какую передрагу мы попали? Ветер выдувает нас из обитаемого мира. Прямо в ад. Вот что происходит, други мои. И чем дальше мы плывем, тем ветер крепчает. Разве вы этого не заметили?

Ему ответил новый взрыв проклятий.

— И каждый новый день уменьшает наши шансы вновь увидеть Испанию.

Но тут ему возразил Родриго Хименес, еще один из обедневших дворян, отправившийся в плавание, родом из Сеговии.

— Придержи свой грязный язык, болтун. Кто ты, моряк или жестянщик? Неужели ты не видел корабля, идущего против ветра?

— Против ветра? — передразнил его Ирес. — Посмотрите на этого сухопутного моряка, так хорошо разбирающегося в управлении кораблем. Сколько лет потребуется нам, чтобы плыть против ветра, если мы будем идти прежним курсом? И откуда возьмется пища и питье, если мы хотим добраться до Испании живыми? Еды-то у нас все меньше, а то, что осталось, гниет в трюме. Много же вы знаете о море, мой сеговийский идалго.

Хименеса зашикали, ирландца поддержали. Поддержка вдохновила его на более решительные действия, и он, во главе толпы, устремился к шканцам.

О том, что на палубе неладно, Колон понял еще до того, как в его каюту спустился Аранда.

— Что это они так расшумелись? — спросил адмирал.

Короткого доклада Аранды оказалось достаточно, чтобы адмирал вскочил из-за стола, за которым работал над картами, и поспешил наверх. На шканцах он явился на мгновение раньше Иреса, поднимавшегося со шкафута.

Увидев перед собой Колона, моряк в нерешительности остановился, хотя сзади напирала толпа.

— Вниз! — проревел адмирал. — Прочь со шканцев!

Но Ирес, чувствуя поддержку стоящих сзади, не сдвинулся с места.

— Мы хотим вам кое-что сказать, дон Кристобаль.

— Скажете, когда вернетесь на шкафут. Вниз, черт побери!

Ирес, чтобы не потерять лица, не подчинился. Наоборот, его рука легла на рукоятку ножа. Он рассчитывал, что адмирал, увидев оружие, не станет настаивать на своем. И ошибся. В следующее мгновение Колон схватил его за грудки, приподнял и сбросил с трапа. Если бы не моряки, стоявшие на нижних ступенях, Гильерм Ирес наверняка переломал бы все кости.

— Теперь можешь говорить, — разрешил Колон.

Заговорил, однако, Гомес, поскольку Ирес лишь сыпал проклятьями.

— Дон Кристобаль, мы требуем изменить курс и плыть в Испанию, пока еще есть надежда на возвращение.

— Вы требуете? О, уже и требуете. Лучше молчите и слушайте. Эти корабли доверены мне их величествами для плавания в Индии, и мы поплывем туда и только туда. А чтобы убедить вас в этом, я примерно накажу одного или двух зачинщиков, хотя по натуре человек я очень мирный.

— Адмирал, мы приняли решение. И не поплывем дальше.

— Тогда прыгайте за борт, ты и остальные, кто думает так же. Я вас отпускаю. Можете плыть в Испанию. Но этот корабль поворачивать не будет.

Возмущенные вопли перекрыл сердитый крик.

— Вы ведете нас на смерть, адмирал. Мы не сможем вернуться, все время плывя против ветра, дующего с востока.

Тут-то Колон понял, чем вызвано недовольство команды. Предыдущий опыт не мог подсказать ему нужного ответа, снова пришлось импровизировать. И на этот раз он ловко вышел из положения, найдя столь логичное объяснение, что ни у кого не осталось сомнений в его правоте.

— Господи, дай мне терпения с этими недоумками, — он возвел очи горе. — Ну почему я должен растолковывать вам простые истины. Если на одной параллели дует восточный ветер, есть и другая параллель, на которой ветер дует с запада. То есть один поток воздуха уравновешивается встречным. По второй параллели мы и вернемся. Но лишь после того, как достигнем Индий. И больше я не хочу об этом слышать.

С этим Колон оставил их, спустившись в каюту в сопровождении Аранды. Прежде чем он затворил дверь, до них донесся голос Хименеса: “Ну, сеньор Ирес, кто из нас жестянщик? Кто лучше знает океан и его повадки?”

В каюте Колон сел за стол и склонился над листом

бумаги. Он взял за правило вместе с картами посылать Мартину Алонсо короткие записки, информируя того о трудностях, с которыми приходилось сталкиваться, и принятых решениях. Впрочем, на других кораблях плавание проходило более мирно. Пинсонам с матросами повезло больше. Удивляться этому не приходилось, потому что большинство плавало с Мартином Алонсо и Виссите раньше и полностью доверяло своим капитанам.

— На этот раз пронесло, адмирал, — заметил Аранда. — К счастью, вы смогли рассеять их страхи.

— Да, повезло. Удачная догадка.

— Догадка? Параллель с восточным ветром — догадка?

Колон поднял голову, улыбнулся.

— Она же не противоречит логике.

— Понятно, — Аранда задумался. Брови его сошлись у переносицы. — А ваши Индии тоже догадка?

Колон пристально посмотрел на него.

— Точные математические расчеты вернее любой догадки, Васко.

— Вы успокоили меня. На мгновение у меня возникла мысль, а не авантюра ли это плавание, как говорят между собой матросы.

— Землю мы найдем наверняка. Я лишь не могу гарантировать, что там будет много золота. Но откуда такие сомнения?

Аранда показал на карту, все еще лежащую на столе.

Колон проследил за его взглядом, потом вопросительно глянул на Аранду.

— Я не шпион, — пролепетал тот. — Я увидел это случайно. Наше сегодняшнее местоположение в пятидесяти лигах западнее вашего Сипангу.

— Совершенно верно. Но так ли велика ошибка в пятьдесят лиг в подобных расчетах?

— Мы, однако, еще не достигли Сипангу, но это, возможно, и неважно. Куда важнее наше местоположение, отмеченное вами на карте Пинсона. Вы обманываете его, как обманули матросов с восточным ветром.

Колон вздохнул, затем чуть улыбнулся.

— Разве у меня есть выбор? Если я хочу достичь цели, то должен в зародыше подавлять все сомнения. Но в главном, Васко, я не обманываю. Я знаю, что впереди лежит земля. В этом я абсолютно уверен.

Их взгляды встретились. И заговорил Аранда после долгой паузы.

— Простите меня. Я вам верю и никогда не расскажусь в том, что поплыл с вами, какие бы неожиданности ни ждали нас впереди.

— Раскаиваться вам не придется, Васко, — и Колон вновь начал писать.

Когда же Арайда ушел, унеся письмо и карту, чтобы отправить их Пинсону, Колон, оставшись один, глубоко задумался. Прошел ровно месяц после отплытия с Гомеры. Каравеллы покрыли расстояние, на пятьдесят лиг превосходящее расчетное до побережья Сипангу. И отмахнуться от такой ошибки он не мог, хотя и уверял Аранду, что это сущий пустяк. Наоборот, отсутствие Сипангу все более тревожило его.

Не далее как утром Мартин Алонсо, обратив внимание на направление полета птиц, предложил изменить курс и идти на юго-запад. Колон отказался, чтобы не давать команде повода усомниться в том, что он знает, куда плывет.

Поздним вечером, расхаживая по юту, размышляя над тем, а не проплыли ли они мимо Сипангу, он вновь услышал, как пролетели над кораблем птицы все в том же юго-западном направлении.

Он продолжал ходить взад-вперед в поисках выхода из тупика, в который сам же загнал себя. Он уверил всех, что земля лежит на западе, логика же подсказывала, что земля находится там, куда летят птицы, то есть южнее.

С высоты юта Колон посмотрел на шкафут. Тут и там, свернувшись калачиком, спали моряки в серебристом свете луны. Ни одного фонаря не горело внизу, за исключением того, что освещал нактоуз.

Горел фонарь и на юте. И каждый, кто бодрствовал в ту ночь, видел черный силуэт вышагивающего адмирала. Не спустился он в каюту и на рассвете, когда начали просыпаться, потягиваясь, моряки.

Коса, выйдя из носового кубрика, увидел его и поднялся на шканцы.

— Птицы, адмирал. Всю ночь я слышал, как они летели на юг.

— И что из этого?

— Птицы маленькис. Такие живут на суше. Они летели к земле. На юг.

— Возможно, там есть земля, но не та, которую я ищу. Моя земля лежит впереди.

Коса открыл было рот, чтобы возразить, но промолчал, встретив суровый взгляд Колона. А потом избрал обходной путь, выводя себя из-под возможного удара.

— На это обратили внимания матросы. И сделали соответствующие выводы. Их терпение на исходе, адмирал.

— Пусть они не испытывают мое, а не то, клянусь святым Фердинандом, я вздерну одного-двух на рее для острастки других. Проследите, чтобы они узнали об этом. Их непослушание у меня как кость в горле.

— Вы навлекаете на себя беду, адмирал, — предупредил его штурман.

— Иногда это лучший способ избежать ее.

Коса ушел, что-то бормоча в рыжеватую бороду, а Колон отправился завтракать. Соленая рыба пахла тухлятиной, сухари — плесенью, и он смог проглотить их, лишь обильно запивая вином. А потом, утомленный ночным бдением, лег на кровать и заснул.

Пока он спал, мятеж на корабле вспыхнул с новой силой. Искрой послужило предупреждение адмирала, переданное Косой, и зачинщиком вновь стал Ирсс, который весь кипел от суровой отповеди, полученной днем раньше.

— Повесит одного или двух из нас, а? — Ирсс презрительно плюнул. — Что ж, это будет благодеянием для повешенных. Сократит агонию, на которую обречены остальные. Потому что никто из нас не увидит дома, если мы не остановим его.

Он стоял босиком, сложив руки на груди, лицо его пылало. Обращался он к полудюжине матросов, сидевших на палубе. Гомес, за его спиной, подпирал плечом переборку.

— Клянусь Богом, Гильерм, я полностью согласен с тобой, — процедил он.

— Разве есть на борту хоть один дурак, кто думает иначе? — продолжал Ирсс. — Этот мерзавец, этот лунатик готов пожертвовать своей никчемной жизнью ради славы. Его жизнь принадлежит ему, и он может распоряжаться ею, как заблагорассудится. Но почему он распоряжается нашими жизнями? Почему мы должны плыть в ад через бескрайний океан, в поисках земли, которая существует только в его воспаленном мозгу? Если мы будем плыть дальше, то станем такими же чокнутыми, как и он.

— Разве мы можем что-то изменить? — спросил один из матросов.

— Да, да. Скажи нам, что делать? — поддакнул другой.

— Я уже говорил. Нужно развернуть корабль и плыть обратно.

— Не поздно ли? — засомневался Гомес. — Продолствия на обратный путь не хватит.

— Придется есть меньше. Лучше пустой желудок, чем смерть.

Пожилой моряк, по фамилии Ниевес, сидящий перед Ирессом, кивнул.

— Клянусь Богом, я полностью с тобой согласен. Но как нас встретят в Испании?

— А чего нам бояться? — ответил Иресс вопросом на вопрос. И тут же заговорил Гомес.

— Действительно, бояться нам нечего. Этот выскочка, должен вам сказать, не пользуется авторитетом ни у дворянства Испании, ни среди ученых. Насколько мне известно, многие возражали против этой экспедиции. Так что никто не удивится, если мы вернемся с пустыми руками.

— Возможно, возможно, — доводы Гомеса, похоже, не убедили Ниевеса. — Но я достаточно долго жил на свете, чтобы знать, как поступают с бунтовщиками, правы они или нет, — и он покачал седой головой. — Бунт карается смертью. Нас всех повесят, и не следует забывать об этом.

— А разве он не угрожает повесить некоторых из нас? — воскликнул кто-то из сидящих вокруг.

Гомес приблизился к матросам. Наклонился. Снизил голос до шепота.

— Есть другой путь. Более простой. Если ночью, выйдя на ют, этот Иона упадет за борт, что останется нам, как не возвратиться домой? Пинсоны не решатся идти вперед, если исчезнет тот единственный человек, который вроде бы знает, куда мы плывем.

В упавшей на шкафут тишине все лица повернулись к Гомесу. В глазах некоторых мелькнул страх. Но не в глазах Иресса. Тот хлопнул себя по ляжке.

— Чаша воды для страждущих в аду. Вот что принес ты нам, идальго.

Аранда, спускавшийся с бака, услышал эти слова. А последовавшее за ними молчание усилило его подозрения. Он подошел к матросам.

— Что это еще за чаша воды?

Матросы потупились, но Гомес тут же нашелся с ответом.

— Я подбодрил их, выразив уверенность, что к воскресенью мы будем на берегу. Возможно, услышим мессу.

— Да, да, сеньор, — поддакнул Иресс. — Его слова приободрили нас.

Тут уж у Аранды пропали последние сомнения о том, что Гомес лжет.

— Тем более нет причины бездельничать, когда вокруг полно грязи. Берите ведра и швабры и вымойте всю палубу.

И ушел, оставив их заниматься порученным делом. С Колоном он смог поговорить лишь несколько часов спустя.

— Адмирал, на корабле что-то готовится.

— То же сказал мне и Коса, — холодно ответил Колон.

— Не знаю, можно ли полностью доверять ему.

— Что? Ну ладно, ладно. Пусть нарыв прорвется, тогда его легче вылечить.

Но Аранда полагал, что к возникшей угрозе следует отнестись более серьезно.

— Боюсь, что на этот раз обойтись разговорами не удастся. Ирес спелся с Гомесом, и они собрали вокруг себя шайку головорезов. Отдайте приказ, адмирал, и я закую этих двоих в кандалы и брошу в трюм, прежде чем начнется бунт.

Колон задумчиво потер подбородок.

— Для этого нужны веские основания. Не просто подозрения.

Аранда рассмеялся.

— Основания будут. В их теперешнем состоянии достаточно искры, чтобы они вспыхнули. Я могу поручить Иресе работу юнга — вымыть матросский кубрик. Или приказать Гомесу дранть палубу. А потом закую в кандалы за неподчинение.

— А те, кого они уже привлекли на свою сторону? Они не взбунтуются?

— У нас достаточно верных людей, чтобы осадить их.

— Риск.

— Если не сделать этого сейчас, потом будет поздно.

Колон молча поднялся. Взял Аранду под руку, и вдвоем они вышли из каюты. Со шканцев он увидел бунтовщиков, собравшихся у люка. Ирес что-то говорил им тихим голосом, энергично размахивая руками.

— Вот и повод, — заметил Аранда. — Я приказал им дранть палубу, а они и пальцем не шевельнули. Причина куда как серьезная. Сейчас я их разгоню, а Иресса примерно накажу.

Он уже ступил на трап, когда прогремел оружейный выстрел. Все бросились к правому борту, где в паре кабельтовых¹ рассекала синюю воду "Пинта". Желтоватый дым поднимался из дула одной из ее бомбард. На юте стоял Мартин Алонсо и махал рукой.

¹ Чуть больше трехсот метров.

— Земля! Земля! — ревел он. — Я требую награды!

И тут же матросы метнулись к мачтам, полезли на реи.

На южном горизонте выднелось туманное очертание побережья, которое первым заметил Мартин Алонсо. От суши, как они прикинули, их отделяло не более двадцати лиг.

— Слава тебе, Господи! — от всего сердца воскликнул Колон.

Радость его была велика, несмотря на то, что земля оказалась не там, где он ожидал. И когда он направил Аранду к рулевому с приказом изменить курс, до него донеслась благодарственная молитва, которую хором запели матросы "Пинты". Присоединились к ним матросы "Санта-Марии", а чуть позже и "Ниньи", и слова благодарения вознеслись к небесам, как дым благовоний.

И на закате солнца вечернюю молитву они пропели от всего сердца: дева Мария не могла не внести лепту в благополучный исход к неведомым землям.

Никто уже не опускал глаз при виде Колона. Наоборот, его встречали дружелюбные взгляды и улыбки на губах. То и дело на палубе слышалось: "Да здравствует адмирал!"

Адмирал! Да, адмирал и вице-король. Титулы эти перестали быть только словами. Долгожданная береговая линия превратила их в реальность.

Вернувшись в каюту, Колон преклонил колени перед образом мадонны, благодаря ее за успех, который выпал на его долю. В этот победный для себя миг думал он и о Беатрис, о том, как будет гордиться она его удачей, о тех богатствах, что положит он к ее ногам. В том, что к его возвращению ее найдут, Колон уже не сомневался. И если себя он почитал вторым после короля человеком в Испании, то Беатрис отводил место рядом с собой.

Он провел беспокойную ночь, возбуждение не давало уснуть. На палубе играли гитары, в каюту доносились смех и пение матросов.

Корабль затих в предрассветные часы. Колон вышел на шканцы, когда один из юнг тушил на юте фонарь.

Он рассчитывал увидеть обетованную землю, но его ждало жестокое разочарование. К горлу подкатила тошнота, он пошатнулся, схватился за поручень. Горизонт был пуст. Облачные массы, принятые за побережье, растаяли в ночи. Сипангу еще предстояло найти.

Глава 29
ТЯЖЕЛОЕ ИСПЫТАНИЕ



осле того, как прошел шок разочарования, Колон охватила злость. Теперь он корил себя за то, что согласился изменить курс. Быстрым шагом направился он к рулевому. Отстранив его, взялся за румпель и не выпускал его, пока нос каравеллы не повернулся к западу.

— Идем этим курсом, — коротко приказал он остолбеневшему матросу.

Только поднимаясь на шканцы, Колон обратил внимание на сильную качку. Ветер стих, паруса обвисли. Оглядев небо, он весь подобрался, увидев поднимающиеся с горизонта черные облака.

Его громкие крики разбудили спящих на шкафуте. Те, кто вскакивал, получали четкие приказы.

— Убавить паруса. Быстро! Пошевеливайтесь. Взять на гитовы паруса бизани. Близится шторм!

Качка усиливалась с каждой минутой, волны поднимались все выше. Но его внимание вновь привлек шкафут. Ирес вскочил на камингс люка и вещал с него, как с трибуны.

— Идиоты! Бедные обманутые идиоты! Земля исчезла. Ее и не было. Мы видели мираж. Мы плыли к фатаморгане. Вот куда завел нас этот дон Кристобаль. Идиоты! Земли нет. И не будет, если плыть в том же направлении. Этому надо положить конец. Пора поворачивать назад.

Матросы оглядывали пустой горизонт. Разочарование медленно перешло в злость и ярость. Радужные надежды обратились в прах. Дюжина наиболее отчаянных, под предводительством Иреса, двинулась на корму, чтобы завладеть румпелем. Колон встретил их у трапа, вооруженный кофель-нагелем.

— Назад, крысы! — прогремел он. — Назад!

Но Ирес, ослепленный яростью, гордый тем, что стал главарем мятежников, рванулся вперед, на несколько шагов опережая остальных.

Колон махнул кофель-нагелем, и ирландец с разбитой головой покатился по палубе, остановив следовавших за ним. А мгновением позже подоспевшие Аранда, Коса, Брито, цирюльник-хирург, стюард и еще два-три офицера атаковали мятежников сзади.

— Разойдитесь, собаки! Дорогу! — орал Аранда, щедро раздавая тумаки. — Дорогу!

Мятежники сдаваться не собирались. Колон ударом

кофель-нагеля сломал руку Гомесу, в которой тот зажал нож, уложил еще одного из нападавших. Постепенно в драку втянулась вся команда на той или на другой стороне. Мятежников, однако, было больше, и Колон чувствовал, что те берут верх. Но дрался, как лев, отражая и нанося удары.

Аранда с его людьми не смог пробиться к адмиралу. Наоборот, его оттеснили на бак, и Колон на какое-то время остался один на один с нападавшими. Но затем подоспели Хименес, Санчес и еще четверо обедневших дворян, отправившихся в Индии за золотом. Они-то прекрасно понимали, случись что с Колоном, несдобровать им всем. Мечами они проложили путь к адмиралу, окружили его плотной стеной. Один из них рухнул от удара веслом, но нападавший матрос тут же поплатился за это своею жизнью, ибо Хименес проткнул его мечом.

Колон швырнул кофель-нагель в мятежников, а сам подхватил с палубы меч упавшего дворянина. Схватка разгорелась с новой силой, и никто даже не замечал все усиливающейся качки.

Но внезапно корма "Санта-Мария" поднялась столь высоко, что нос ушел под воду, а волна прокатилась по шкафуту, сбивая людей с ног, нападавших и защищающихся, таща их за собой, к бортам, к переборке бака. Колон удержался на ногах, успев схватиться за поручень трапа, остался один на пустой, вздыбленной палубе. В следующее мгновение нос резко пошел вверх, и человеческая лавина покатила к корме.

Она погребла бы Колона под собой, если б тот не успел взбежать по трапу.

А тут порыв ветра, пойманный громом, выпрямил каравеллу, и Колон, опытный мореплаватель, в несколько секунд оценил ситуацию.

Волны становились все выше. Черные облака затянули полнеба, поглотив солнце. Держась за поручень одной рукой, сжимая меч в другой, Колон крикнул: "Слушать меня! Всем, кому дорога жизнь!"

Морская баня охладила самые буйные головы, все они поняли, что каравелла в смертельной опасности. И взгляды их устремились к человеку на трапе, которого они только что хотели уничтожить. А решительный вид Колона подсказывал, что только он может спасти и каравеллу, и команду. И теперь его короткие, ясные приказы выполнялись мгновенно.

— Укоротить паруса! — И матросы, забыв про синяки, ссадины, раны, подстегиваемые паникой, бросились к мачтам. — Хасинто! — крикнул он боцману. — Четверых

на бизань. Взять паруса на гитовы. Остальные, задрать все люки. Коса, зарифить фок. Оставить только трисель, убрать остальные паруса!

Вновь из-за плеча глянул он на черный, с металлическим отливом горизонт.

— Поторапливайтесь! Поторапливайтесь, если хотите жить.

Колон мог бы их и не подгонять. Настоящие матросы, в минуту смертельной опасности, они и думать забыли о мятеже. Им и раньше случалось попадать в жестокие штормы. И они знали, что капитан, знающий свое дело, уберет их от беды. Не обращая внимания на качку, лезли они на мачты, и скоро реи "Санта-Марии" оголились. А дворяне, только что храбро сражавшиеся, стояли на баке с побледневшими лицами, ибо им-то казалось, что любой шторм неминуемо кончается кораблекрушением. В битве с природой они чувствовали себя совершенно беспомощными.

И своим следующим приказом Колон поручил Аранде отвести их в кубрик, где они были бы в безопасности и не мешались под ногами.

За кормой появилась стремительно приближающаяся белая линия бурунов. Шторм накатывал на "Санта-Марию". И первый его вал ударил в корму, едва последний матрос спустился с мачты. "Санта-Мария" ушла носом в воду, затем выпрямилась и затряслась, как собака, вылезшая из реки.

Колон отдавал команды, стоя на шканцах, Коса, с рваной раной на голове, полученной в схватке, сошел с бака и нетвердой походкой направился к корме.

Шторм неумолимо приближался, молнии то и дело пронзали черные тучи. Хлынул тропический ливень, вздымая фонтаны у водопотоков палубы. Протестующе стонало дерево, скрипели натянутые канаты, дребезжали блоки.

По правому борту сквозь пелену дождя виднелись силуэты "Пинты" и "Ниньи", также с голыми мачтами. Размерами в два и более раза меньше флагмана, они были более устойчивыми, податливыми в управлении и под уверенной рукой Пинсонов противостояли урагану лучше "Санты-Марии". Но в Колон, восстановив контроль над командой, чувствовал себя очень уверенно, не сомневаясь, что из схватки с океаном он тоже выйдет победителем.

Колон спустился по трапу, крепко держась за поручень, подхватил под руку Косу, поввал хирурга, чтобы тот перевязал штурману голову, распорядился протянуть

вдоль шкафута спасательный конец, велел Аранде поддерживать порядок на баке, принял решение удвоить число рулевых на каждой вахте. Но море было столь бурным, что он не мог полностью довериться никому из рулевых, а мгновенное замешательство последних или просто неловкое движение могло привести к катастрофе. Поэтому он сам встал у румпеля, чтобы держать нос "Санта-Марии" против ветра и доворачивать руль при его перемене.

Только теперь, когда были приняты все возможные меры предосторожности, Колон понял, что шторм этот, немилосердно бросающий маленькое суденышко с гребня волны в глубокую впадину и поднимающий обратно, чтобы снова сбросить вниз, не что иное, как божественное вмешательство, спасшее его от другой, смертельной опасности. Если б не водяной вал, едва не поставивший каравеллу на попа, его судьба была бы решена. Мятужники, числом превосходившие тех, кому достало ума стать на его сторону, наверняка одержали бы верх. Колон, конечно, мог оставаться в живых, но о плавании к Индиям пришлось бы забыть.

В этот час более чем когда-либо видел он себя орудем в руке божьей, о чем не побоялся сказать докторам из Саламанки. Этот шквал, спасший ему жизнь, был нечем иным, как знаком Его благоволения. Буйство природы напомнило мерзавцам об их бессмертных душах и заставило взывать о милосердии, молить о прощении.

И среди молний, рассекающих почерневшее небо, в грохоте грома, под неистовыми порывами ветра, с водяными валами, перекатывающимися через нос и шкафут "Санта-Марии", Колон, стоя рядом с перепутанным рулевым, от всего сердца благодарил свою покровительницу деву Марию за своевременно оказанную помощь, пусть и выразившуюся в жестоком урагане.

Хладнокровие Колона постепенно успокоило и матроса, стоящего у румпеля, так что нос каравеллы ни на йоту не отклонялся от заданного курса.

Два часа спустя другой матрос, посланный Косой, мертвой хваткой цепляясь за спасательный конец, чтобы не оказаться за бортом, добрался до кормы, чтобы сменить рулевого. Подоспел он вовремя, потому что последние полчаса рулевой уже едва держался на ногах от усталости, и адмиралу все чаще приходилось браться за румпель.

Когда вновь прибывший добрался до них, очередная волна с такой силой тряхнула корабль, что его бросило на адмирала, и они вдвоём едва не упали. Каравеллу на-

чало разворачивать бортом к ветру, вода в мгновение ока смыла планширь правого борта, и Колон едва успел всем телом навалиться на румпель, чтобы вернуть "Санта-Марию" на прежний курс.

— Хесус Мария! — завопил рулевой в тот ужасный момент, когда почувствовал, что руль не слушается его.

— Ты устал, Хуан, — Колон ни в чем не упрекнул его. — Пора тебя сменить. Можешь идти, но скажи сеньору Косе, чтобы он прислал сюда плотника и двух парней покрепче.

У румпеля встал сменщик, а когда прибыли плотник и два матроса, Колон приказал им снабдить румпель хомутом, прикрепив с каждой стороны по блоку с двумя таями на каждый. С такой упряжью управлять румпелем стало гораздо легче.

И не было на корабле ни единого человека, что в те часы не помянул Колона в своих молитвах. Все они поняли, что только он может спасти каравеллу и их самих. Тем временем на корме появился Коса со свеженаложенной повязкой на голове. Стоя рядом с Колоном, ему приходилось кричать, чтобы адмирал услышал его.

— Я опасался, что балласт переместится, когда она чуть не перевернулась, — прокомментировал Коса тот момент, когда румпель едва не вырвался из рук рулевого. — Если бы это случилось, мы уже предстали бы перед нашим Создателем. Просто чудо, что каравелла осталась на плаву.

— Чудо, — согласился Колон. — Как вы только что сказали. Все это чудо, — он склонился к уху штурмана. — Балласт очень беспокоит меня. Вернее, его недостаток. Мы выпили почти все вино, воду, и еды осталось самую малость. Правда, у нас есть пустые бочки. "Санта-Марию" не хватает массы.

Он повернулся к плотнику, который все еще возился с таями.

— Кликни мне боцмана с дюжиной матросов.

Когда они пришли, Колон приказал шестерым спуститься в трюм через сходный люк у румпеля, чтобы вытащить на палубу пустые бочки. По мере поступления их осторожно скатывали на шкафут, наполняли морской водой, закупоривали и отправляли обратно в трюм, где расставляли согласно указаниям Косы, а плотник и его помощник закрепляли бочки с помощью распорок.

На все это ушло немало времени, матросы получили не один синяк, три бочки смыло за борт, когда их наполнили водой, но в итоге увеличение балласта позволило хоть немного уменьшить килевую качку каравеллы.

Руководя всей операцией, адмирал оставался рядом с рулевым и не сдвинулся с места после того, как отпустил боцмана с его дюжиной матросов. За весь день он ничего не ел, лишь утолил жажду кружкой подогретого вина с пряностями, которое принес ему заботливый стюард. Не покинул он своего поста и с наступлением ночи, и рассвет следующего дня застал его у румпеля. Рулевые же менялись регулярно, и каждому он был готов прийти на помощь, чтобы исправить любую ошибку. В результате нужный курс выдерживался при любых, даже едва заметных колебаниях направления ветра.

Дважды за ночь на корме появлялся Коса, предлагая сменить его, один раз в сопровождении Аранды. Но адмирал остался непоколебим. Он полностью доверяет только себе и никому другому, сказал он, и сам, разумеется, с божьей помощью, преодолет выпавшее на их долю тяжелое испытание.

Второй день урагана он провел у румпеля, и не однажды его интуиция и мастерство спасали корабль при неожиданных порывах ветра. Казалось, шестое чувство предупреждало его о надвигающейся опасности, и всякий раз он успевал отвести ее.

А ближе к вечеру шторм начал выдыхаться. Прекратился дождь, ветер притих, зеленые волны перестали перекатываться через нос "Санта-Марии", грозя увлечь ее на дно морское. Деревянный корпус еще зловеще скрипел, но, по крайней мере, не дал течь, и не сломался ни один рангоут. К наступлению ночи с востока дул лишь легкий бриз, хотя море еще не успокоилось. Только тогда, под очистившимися от облаков небесами, Колон, с посеревшим лицом, с налитыми кровью глазами, передал управление кораблем Косе, а сам направился к трапу в каюту. Перед тем как ступить на него, он оглядел море и небо. Менее чем в четверти мили от "Санта-Марии" различил силуэты двух других каравелл эскадры, мерно поднимающихся и опускающихся на волнах, идущих уже под всеми парусами. И они выдержали шторм, в чем, собственно, Колон и не сомневался, полагаясь на опыт Пинсонов.

Он глянул на шкафут. Там собирались люди, тридцать шесть часов назад жаждавшие его смерти. Они выползали из укрытий, благодарили Бога за то, что остались в живых, еще не пришедшие в себя от пережитого ужаса, отбросив все мысли о мятеже, ибо осознавали, что жизнь им спас тот самый человек, которого они хотели убить. А самые набожные расценили шторм как божественное вмешательство, спасшее их бессмертные души от вечных мук.

В каюте адмирал первым делом опустился на колени перед образом Девы Марии, чтобы возблагодарить ее за покровительство, уберегшее корабль, названный ее именем, от опасностей урагана. Затем снял насквозь промокший камзол, скинул башмаки, без сил рухнул на кровать и мгновенно заснул.

И было ему в ту ночь видение, о чем он рассказывал позже, хотя едва ли его можно назвать иначе, чем сон. Образ, которому он молился перед тем, как уснуть, увеличился в размерах до человеческого роста, а затем сошел с картины и поплыл к кровати, широко раскинув руки.

— Спи спокойно, Кристобаль, — слышался голос, — ибо я с тобой и храню тебя, — но эти ясные печальные глаза, эти полные губы, изогнувшиеся в божественной улыбке, принадлежали не Деве Марии, а Беатрис Энрикес.

Глава 30 ЗЕМЛЯ!



роснулся Колон лишь во второй половине следующего дня, бодрый и полный сил. В иллюминаторы увидел теперь уже спокойное, залитое солнцем море.

Гарсия, стюард, принес ему еды, на которую он набросился с жадностью изголодавшегося.

Скоро появился Коса, чтобы определить местоположение судна и передать полученные результаты на другие каравеллы. О точности говорить не приходилось, поскольку во время урагана никаких замеров не делалось.

Выйдя потом на палубу, Колон полной грудью вдохнул свежий воздух. Устойчивый ветер надувал паруса. На борту царил полный порядок. Разрушенное ветром и волнами уже заменили. Команды боцмана и плотника поработали на славу! Хватило дел и цирюльнику-хирургу, поскольку шторм и предшествующая ему жаркая схватка оставили на моряхах немало отметин.

Западный горизонт, к которому они продолжали идти, оставался все таким же пустым. Впрочем, последнее теперь больше волновало Колона, а не матросов, поскольку буйство морской стихии, похоже, выпило из них всю энергию, и теперь они не могли даже возмущаться, не то что бунтовать.

Вновь у корабля появились тунцы, пролетела мимо

стаяка птиц, держа курс на юго-запад. Дон Родриго Хименес, поднявшись по трапу, обратил на них внимание адмирала.

— Если бы не миражи, которые уже столько раз обманывали нас, — заметил идалго, — я бы сказал, что земля совсем близко.

— Наверное, так оно и есть, — не стал разубеждать его Колон. — Это же цапли, которые никогда не улетают далеко от земли.

Это утверждение на самом деле являлось очередной догадкой, хотя, возможно, основывалось на его личных наблюдениях. Во всяком случае ранее ему не приходилось видеть цаплю над морем на большом расстоянии от берега.

Слова его достигли ушей трех или четырех матросов, сращивающих канаты, и все они с надеждой подняли головы к небу, провожая взглядами больших серых птиц.

Какое-то время спустя они увидели пеликана, а еще позже — утку, предвестницу суши. Появились и другие свидетельства близости земли. Из моря выловили зеленую ветку с ягодами. А Мартин Алонсо, приплывший на ялике с "Пинты", привез с собой часть ствола сосны, поднятой ими из воды. Он доложил, что "Пинта" с честью выдержала ураган, и высказал предположение, что земля совсем рядом, но искать ее надо на юго-западе.

Колон, однако, с ним не согласился, продолжая утверждать, что Сипангу находится на западе. Говорил он об этом столь уверенно, что Мартин Алонсо не стал даже спорить, а отбыл на свою каравеллу.

Когда его ялик отвалил от борта, Аранда, присутствующий при разговоре, спросил адмирала, на чем основана такая убежденность.

— Убежденность? — Колон рассмеялся и ответил с предельной откровенностью, которую позволял себе только с Арандой. — Убежден я только в одном: если мы будем идти зигзагами, то можем пройти мимо всех островов океана. А прямолинейное движение по крайней мере гарантия того, что рано или поздно мы наткнемся на землю.

— Я молюсь за то, чтобы это случилось рано, — вздохнул Аранда, — ибо матросы затихли только на время. Признаки близости земли приободрили их. Но да поможет нам Бог, если они и на этот раз окажутся ложными.

В золотом великолепии солнце закатилось за пустынный горизонт, и в вечерней молитве, как обычно, пропетой на корабле, слышались меланхолические нотки.

А потом команда видела, как Колон беспокойно расхаживал по юту под ночными звездами, отбрасывая черную тень в свете фонаря.

Внезапно он остановился, схватился за поручень, всмотрелся в темноту шкафута. Внизу шевельнулись какие-то тени.

— Эй! — позвал он их.

— Что, дон Кристоаль? — ответил ему Хименес.

— Поднимайтесь сюда, — возбужденно воскликнул Колон. — Кто там с вами? Поднимайтесь вдвоем.

Хименес тут же поднялся на ют, за ним следовал Санчес, также один из обедневших дворян.

Пальцы Колона сжали руку дона Родриго, как железные тиски.

— Посмотрите туда. Прямо перед собой. В направлении бушприта. Скажите мне, что вы там видите.

Всмотревшись, Хименес увидел крохотную яркую точку, огонек, и сказал об этом.

— Да, огонь! — кивнул Колон. — Я боялся поверить своим глазам. Или фонарь, или факел. Им машут из стороны в сторону. Видите?

— Вижу. Вижу.

Колон повернулся. Присущее ему спокойствие исчезло. Он дрожал от возбуждения.

— Видите, Санчес? Посмотрите! Видите?

Он указал на крошечный огонек. Тот, однако, исчез, и Санчес ничего не увидел.

— Но он там был, дон Родриго это подтвердит, — настаивал Колон. — И светили с суши. С суши! Вы понимаете?

— Несомненно, адмирал, — согласился Хименес. — Другого и быть не может.

— Наконец-то земля, — выдохнул Колон. Затем осенил себя крестным знаменем и выкрикнул во весь голос. — Земля! Впереди земля!

Крик разбудил "Санта-Марию". Зашевелились спящие на шкафуте. Загудели голоса. Матросы делились друг с другом услышанным. Хименес и Санчес спустились вниз, чтобы рассказать, что они видели. В ту ночь на флагманском корабле уже не спали. На нем царил возбуждение, надежда, но не вера. Слишком часто земля оказывалась призрачной, о чем напоминал им Ирес с перебинтованной головой.

— Свет, фонарь, — ерничал он. — Да еще кто-то им махал. Ерунда. В небе полно звезд, но никто же не заявляет, что они светят с земли. И не говорите мне об этом. По эту сторону ада земли нам не видать. Сгинем мы в пучине морской, и никто не вырвет нам после смерти могилу. Рыть будет негде.

Многие соглашались с ним. Но к двум часам после

полуночи, когда взошла луна, число скептиков заметно поубавилось. На "Пинте" вновь громыкнула бомбарда, а в двух лигах впереди в серебристом сиянии они увидели береговую линию.

Изумленное молчание сменилось радостными криками и перемешку с истерическим смехом и даже рыданиями.

А затем штурман и боцман передали команде приказ адмирала убрать паруса. Колон решил не приближаться к берегу до рассвета.

С гулко бьющимся сердцем стоял он на юте, с нетерпением ожидая прихода дня, чтобы увидеть: то ли перед ним Сипангу с золотыми крышами, то ли маленький, затерянный в океане островок. Великую радость, как и печаль, тяжело переживать в одиночку, поэтому он вызвал к себе Аранду.

— Я оказался прав, Васко. Доказал этим придворным насмешникам и докторам из Саламанки, что заморские территории не фантазия, а явь. Сколько мне пришлось претерпеть унижений, вымаливать крохи, словно нищему на паперти. Но не зря говорят, хорошо смеется тот, кто смеется последним. И все последующие поколения вместе со мной будут смеяться над докторами из Саламанки, посмеявшимися назвать меня мошенником, — и голос его вибрировал от юношеского задора.

— Завтра, Васко, нет, уже сегодня, я стану полноправным адмиралом и вице-королем земель, которые лежат перед нами. И передо мной склонятся те испанские гранды, что видели во мне лишь безродного иностранца.

Но тут же при мысли о Беатрис взгляд его затуманился, и в молчаливой молитве он попросил деву Марию позволить ему разделить свой триумф с любимой женщиной.

Глава 31 ОТКРЫТИЕ



В о главе эскадры, под всеми парусами, "Санта-Мария" горделиво вошла в бухту удивительной красоты, окаймленную широкой полосой серебристого песка; за которой зеленой стеной поднимался лес, где пели и щебетали незнакомые птички, сверкающие, словно драгоценные камни.

Матрос на носу промерял глубину, хотя в этом и не было особой необходимости, потому что через кристально чистую воду каждый ясно мог видеть дно.

Колон со шканцев оглядывал берег. Песок, на который с тихим рокотом накатывали волны, деревья за ним, которых ему не доводилось видеть раньше. Пальмы, переплетенные лианами с белыми, красными, лиловыми цветами. Дальше поднимался лес с громадными соснами и еще какими-то деревьями, чем-то напоминающими вязы, но с плодами, похожими на тыквы. А среди листвы, потревоженные лязгом якорных цепей, летали птицы самых фантастических расцветок.

Октябрьский воздух, прохладный, как в мае в Андалузии, наполняли незнакомые ароматы. Прозрачная вода бухты кишела рыбой. Все говорило за то, что они попали в райский уголок. Колон уже понял, что видит перед собой всего лишь остров, причем совсем не Сипангу, которого хотел достичь. Должно быть, они подошли к одному из тысяч островков, окаймлявших Азию, думал он, о чем писал Марко Поло. Следовательно, Сипангу лежал дальше к западу, а уж за ним находился сам материк.

В этот момент из леса появились люди, обнаженные, со смуглой, чуть темнее, чем у испанцев, кожей. Теперь уж у Колона отпали последние сомнения в том, что он открыл не просто новые земли, но новый мир.

Отдав Аранде короткий приказ касательно тех, кто отправится с ним на берег, Колон прошел в каюту. Надел панцирь из сверкающей стали, плащ из ярко-алого камлота — парадный наряд, приличествующий столь торжественному событию. И с королевским штандартом в руках сел в шлюпку, где уже ждала вооруженная охрана. Его сопровождали нотариус Эсковедо, Аранда, Коса, Хименес, Санчес. Братья Пинсоны прибыли с "Пинты" и "Нинья" на своих шлюпках.

Первым ступив на берег, Колон опустился на колени и поцеловал землю. Не поднимаясь с колен, подождал, пока остальные последуют его примеру, а затем молитвой возблагодарил Бога. Тем временем шлюпки уже плыли к каравеллам, чтобы перевезти остальных матросов.

Когда на берегу собралось чуть более пятидесяти человек, адмирал объявил остров владением короля и королевы, правителей Испании. И вбил в песок древко королевского штандарта с зеленым крестом и инициалами "Ф" и "И". Затем, обнажив меч, нарек остров Сан-Сальвадором.

Этим днем, пятницей, двенадцатого октября, и был датирован переход Сан-Сальвадора во владение правителей Испании, Фердинанда и Изабеллы. Составленный нотариусом Эсковедо акт первым засвидетельствовал Кристобаль Колон, адмирал.



А местных жителей все прибывало. Молча, в изумлении, появлялись они из леса и подходили поближе к странным существам, привезенным к берегу большими птицами, уже свернувшими свои огромные белые крылья. Некоторые из индейцев, так неточно назвал их Колон, полагая, что приплыл в Индии, были вооружены дротиками, вернее, палками с заостренным концом, но никто из них не выказывал страха или враждебности. Ибо, как впоследствии узнали испанцы, страх и враждебность были чужды местным жителям, так же, как и право собственности, характерное для цивилизации и во многом вызывающее и страх, и враждебность. Индейцы же владели сообща тем малым, что имели, а плодородная земля удовлетворяла все их нужды.

Дружелюбие лукайянцев, так называли себя жители этого из ближайших островков, их мелодичные голоса и добрые глаза, заставили Колона задуматься, не попал ли он в рай, где не свершилось первородного греха и обитателям его не приходилось в поту добывать хлеб насущный. Толпа аборигенов состояла, за единственным исключением, из молодых мужчин, высоких, атлетически сложенных, с правильными чертами лица и с большими глазами под красиво изогнутыми бровями. Волосы прямые и грубые, с челкой на лбу, а сзади длинные, достигающие плеч. Подбородки и щеки без признаков бороды, тела, расписанные разноцветными полосами, черными, красными, белыми. Кое-кто расписывал и лица: круги у глаз, полоски у носа. У некоторых в носу блеснула пластинка желтого металла, в котором без труда узнавалось золото.

Приблизившись, туземцы распростерлись перед странными существами с белыми волосатыми лицами, с телами, скрытыми от глаз кусками материи разнообразных цветов и формы, в панцирях, словно черепахи. Они достаточно быстро поняли, что главный среди прибывших к ним богов — высокий светлоглазый человек в ярко-алом плаще, ибо по завершении церемонии передачи земли во владение Фердинанда и Изабеллы остальные приветствовали его, а трое-четверо упали перед ним на колени.

То были зачинщики мятежа, среди них и Иресс. Они боялись, что Колон, став вице-королем Индий, то есть приобретя право распоряжаться жизнью и смертью своих подданных, потребует у них ответа за мятеж. А уж деревень, чтобы их повесить, вокруг хватало с лихвой. Поэтому мятежники смиренно стояли перед ним на коленях, признавая свои грехи и моля простить их.

Но его высочество адмирал Моря-Океана, вице-ко-

роль Нового Света, в то утро пребывал в превосходном настроении и не собирался омрачать день сведением счетов. Мятежники отделались очень легко. В наказание Колон обаял их вылить морскую воду из бочек, заполненных во время урагана, и налить в них пресную воду.

Покончив с этим, Колон повернулся к туземцам и дружескими улыбкой и жестами предложил им подойти ближе. Слов они, разумеется, не поняли, но тон Колона не оставлял сомнения в его мирных намерениях.

В каждой руке он держал по паре металлических колокольчиков, и глаза дикарей раскрывались от восторга, когда они слышали мелодичное треньканье. Он протянул колокольчики двум юношам, что стояли ближе других, и те тут же затренькали колокольцами сами.

Один из юношей, посмелее, коснулся рукой рукава камзола адмирала. Затем его меча. Колон же надел на жесткие волосы свою шапочку из алой шерсти. Другому туземцу подарил стеклянные бусы. Потом знаком позвал к себе единственную девушку, изумительно сложенную, загорелую, и дал ей металлическое зеркальце. Она всмотрелась в свое отражение, сначала с благоговейным трепетом, затем — с радостной улыбкой. И далее он и испанцы, выказывая свое дружелюбие, продолжали раздавать безделушки туземцам, пока их запас не подошел к концу.

Лишь один инцидент омрачил эту идиллию, и инициатором его стал Гомес, только что получивший прощение за участие в мятеже. Он решил показать свой меч индейцу, ошупывавшему ножны. Тот схватился за блестящее лезвие, и из глубокого пореза хлынула кровь.

Ужас охватил туземцев, впервые они увидели, сколь могучи пришельцы, как легко им ранить и даже убить любого из них.

Но адмирал тут же снял возникшую напряженность, сурово отчитав испанца, который, поникнув головой, убрал меч в ножны.

А потом они пробовали странные, но очень вкусные фрукты и лепешки из маниоки, которыми угощали их лукаянцы. Получили они от туземцев и другие подарки, но как мало могли те предложить, кроме своих дротиков да ручных попугаев, необычных птиц с ярким оперением, изумивших испанцев тем, что говорили совсем как люди, будто обладая человеческим разумом.

Более всего Колона интересовали пластинки из самородного золота, которые многие лукаянцы носили в носу. Пластинки эти указывали на то, что золота в этих местах в избытке, как и писал Марко Поло. Крутя в ру-

как одну из пластинок, Колон знаками попытался спросить у туземцев, где они их взяли. Как он понял, пластинки приходили к ним откуда-то с юга, и Колон предположил, что речь идет о Сипангу. Тем временем, уловив интерес Колона, туземцы подарили ему несколько пластинок, еще более укрепив его в мысли, что уж в Сипангу-то золота этого хоть пруд пруди.

Они проехали на Сан-Сальвадоре и следующий день. На шлюпках прошли они вдоль берега, держа курс на северо-запад. Всюду приветствовали их туземцы. Некоторые даже подплывали к их лодкам, с легкостью, удивлявшей испанцев. Другие сопровождали их на челнах, выдолбленных из стволов деревьев. Среди челнов встречались и такие, что могли вместить до пятидесяти человек.

Необычные тропические фрукты, цветы, птицы с оперением неопишуемой красоты, говорящие попугаи продолжали поражать их воображение. Воздух наполняли сладкие ароматы, но нигде не видели они крупных животных.

Утверждая власть Испании над Сан-Сальвадором и скорое обретение местными жителями христианской веры, Колон воздвиг на берегу большой крест. А затем, наполнив бочки водой, взяв на борт дрова и фрукты, в тот же вечер они подняли якорь и вышли в море, не отказываясь от намерения найти Сипангу. На "Санта-Марии" отплыли с ними и семь лукаянцев, или ганаани, как называли они себя, хотя желающих было гораздо больше.

Чтобы перейти от языка жестов к более удобным формам общения, лукаянцев начали незамедлительно обучать испанскому. Сначала им показывали какую-то часть тела и называли ее по-испански до тех пор, пока лукаянцы, поняв, что от них требуется, в точности не повторяли произнесенное слово. Затем пришел черед таких общих понятий, как небо, солнце, море, ветер, дождь, земля, деревья. После этого — предметов обихода. Лукаянцы учились на удивление быстро, и уже через несколько дней могли вести простой разговор. Научили их повторять, как попугаев, две молитвы и креститься. Все это делали они с готовностью и радостью, и Колон увидел в этом их стремление стать верными христианами.

Через день после отплытия с Сан-Сальвадора они бросили якорь у другого островка, с такой же буйной растительностью и туземцами, как две капли воды похожими на ганаани. Колон еще более утвердился во мнении, что они достигли тысячи островов, которые, по сведениям Марко Поло, окаймляли восточное побережье ма-

тсрика. Остров он назвал Санта-Мария де ла Консепсьон.

Следуя далее на запад, они догнали обнаженного индейца, в одиночку плывшего в челне. Его подняли на борт вместе с суденышком, в котором нашли тыкву с водой и лепешку из маниоки, которые тот взял с собой. По нитке бус на шее индейца Колон догадался, что того послали на другие острова, чтобы предупредить о пришествии необычных людей. Поскольку индеец мог поспособствовать их доброму приему на еще не открытых островах, Колон увлек его в каюту, где угостил медом, хлебом, вином и щедро одарил красной шапочкой, бусами, колокольчиками. После этого челн спустили на воду и дозволили индейцу продолжать плавание.

И действительно, когда днем позже, пролежав ночь в дрейфе, они достигли нового, более крупного по размерам острова, индейцы облепили их, наперебой предлагая фрукты, печеный картофель, лепешки из маниоки. На этом острове они заметили первые элементы примитивной цивилизации. Хотя все мужчины и большинство женщин ходили обнаженными, среди последних уже существовало понятие одежды, ибо некоторые носили фартуки, сотканые из хлопка. Жилища их напоминали шалаши, со стенами из ветвей и крышами из пальмовых листьев. Спали они на сетках из тех же хлопковых нитей, которые испанцы нашли весьма удобными и позволяющими экономить немало места и в дальнейшем использовали для себя, сохранив индейское название — гамак. Здесь же они увидели первых животных — прирученных собак, кроликов, ящериц длиной до шести футов, которых индейцы называли игуанами. Мясо последних оказалось весьма приятным на вкус.

На этом острове, названном Колоном Фернандина, и на соседнем, которому он дал имя Изабелла, они провели несколько дней, наслаждаясь красотой здешней природы и не переставая удивляться плодородию земли. На каждом из островов, закрепляя владычество Испании, Колон установил по кресту.

Он собирал образцы местной растительности, травы и пряности, но золота не находил, за исключением украшений, которые охотно предлагали ему индейцы.

Лукаянцы уже настолько хорошо освоили испанский, что смогли ответить на вопрос, откуда берется этот желтый металл. Как выяснилось, его привозили с юга, с острова, называемого Куба, и другого, расположенного восточнее, Богио. Как понял Колон из разговора с лукаянцами, золото и пряности привозили оттуда торговые суда. Возможно, толкование было слишком вольным, но Колон

тем не менее решил, что Куба и есть желанный Сипангу, и направил каравеллы на юг.

Остановившаяся по пути у различных островов, каждый из которых казался им прекрасней предыдущего, двадцать восьмого октября, через полмесяца после высадки на Сан-Сальвадор, перед ними во всем великолепии предстала Куба с ее высокими горами, густыми лесами, побережьем, протянувшимся до горизонта с запада на восток.

Бросив якорь в устье поливодной реки, Колон объявил остров собственностью Испании и назвал его Хуаной, в честь принца Хуана, пажом которого служил теперь маленький Диего.

Красота и плодородие нового приобретения превзошли все их ожидания. И обитатели острова перешагнули стадию примитивной невинности, с которой испанцы встретились ранее, поскольку все они прикрывали тело подобием одежды. Поняли они, что кубинцам знакомо и чувство страха, так как при приближении незнакомцев все они убежали в леса, оставив свои хижины. Хижины эти строились посolidнее, чем шалаши на Фернандине. В них испанцы нашли грубо вырезанные статуэтки и маски, а также крючки, гарпуны, сети, сотканные из пальмовых нитей. Из этого испанцы сделали вывод, что питались туземцы главным образом рыбой.

На каждом шагу испанцев поджидали новые чудеса. Одни деревья цвели, на других наливались соком фрукты, у третьих ветви гнулись под тяжестью спелых плодов. Попугай, зеленые дятлы сидели среди густой листвы, колибри вились над цветами, а уж совсем поразила их стая розовых фламинго, пролетевших над головой.

Они плыли на запад вдоль побережья острова, длиною превосходящего Англию и лишь немного уступающего Англии и Шотландии, вместе взятым. Но не достигли западной оконечности острова, потому что Пинсон со слов двух лукаянцев, находящихся на борту "Пинты", понял, что перед ними — материк.

Колон это не убедил, поскольку он полагал, что они никак не могут находиться на побережье Китая, и он и дальше плыл бы на запад, но его лукайцы уверили Колона, что золота больше всего в Богио, на востоке. В то же время, если они все-таки достигли Азии, где-то в глубине материка должно было находиться государство Великого Хана, о котором писал Марко Поло. Чтобы ответить на этот вопрос, Колон отправил на берег экспедицию, в состав которой вошли Торрес, знаток языков, и два индейца, один с Сан-Сальвадора, лучше всех освоив-

ший испанский, и второй — из кубинской деревеньки. К тому времени испанцы уже наладили отношения с местными жителями.

Пока они шли в глубь острова, Колон продолжал плыть на запад вдоль дивной красоты берега, но до его оконечности так и не добрался. В итоге он повернул назад и вновь бросил якорь в устье реки, на месте своей первой стоянки на Кубе, где и стал дожидаться возвращения сухопутной экспедиции. Государства Великого Хана те не нашли. Им встретилась большая деревня, окруженная обширными полями манса. Их встретили очень тепло, хорошо приняли, и среди увиденных ими чудес они упомянули о привычке индейцев сворачивать листья какого-то растения, называемого табаком, поджигать их с одного конца и вдыхать дым, который, по их словам, снимал усталость. Никаких богатств они не обнаружили, за исключением удивительного плодородия почвы, что само по себе, естественно, могло послужить источником богатства. Но золота не было, и им также сказали, что источник желтого металла сосредоточен на большом острове, называемом Богио.

Так что Колон поднял якорь и взял курс на северо-восток. Вместе с испанцами в плавание отправились полдюжины кубинских юношей и столько же женщин.

Глава 32

МАРТИН АЛОНСО



омимо того, что Мартин Алонсо сбил с толку Колона, утверждая, что они достигли материка, он скорее всего вызнал у своих лукайнцев что-то очень важное, заставившее его выбрать иной, отличный от эскадры путь.

Случилось это в конце ноября, когда Колон, встретившись со встречным ветром и бурным морем, решил вернуться на Кубу. Сделав крутой разворот, он отдал приказ выстрелом бомбарды подать сигнал двум другим каравеллам следовать за ним. Висенте Пинсон тут же повиновался. Но "Пинта", не обращая внимания на последующие выстрелы, продолжала следовать прежним курсом. Даже после наступления ночи, положив "Санта-Марию" в дрейф, адмирал продолжал подавать сигналы фонарем на верхушке мачты. Тем не менее, когда взшло солнце, "Пинту" они не увидели.

Столь подчеркнутое неповиновение отданной коман-

де встревожило Колона. Вновь пробудилось в нем недоверие к Мартину Алонсо. В богатом, многоопытном купце при всех его несомненных достоинствах чувствовалось необузданное честолюбие. Поэтому, собственно, с такой охотой Колон согласился на участие Мартина Алонсо в экспедиции. Он подозревал, что тот, представясь удобный случай, попытается присвоить себе лавры первооткрывателя. Может, размышлял Колон, именно этим и обусловлено поведение Пинсона. Неужели он сам отправился на поиски Сипангу, чтобы обогатиться найденными там сокровищами, а затем, вернувшись в Испанию, оттеснить Колона на второй план? Предположение это представлялось адмиралу весьма логичным, учитывая те интриги, которые плел Пинсон в Палосе, стремясь убедить Колона взять его в долю.

Но, какими бы ни были истинные цели Пинсона, предпринять Колон ничего не мог, поскольку по скорости "Пинта" значительно превосходила "Санта-Марию". Поэтому, несмотря на негодование и дурные предчувствия, с которыми адмирал не замедлил поделиться с Висенте Пинсоном, оба оставшихся корабля двинулись на восток, нанося на карту очертания береговой линии Кубы. В первую неделю декабря они достигли восточной оконечности острова, являющейся, если верить утверждению Мартина Алонсо, и восточной оконечностью Азии.

Колон, однако, рискнул поплыть дальше, и вскоре на юго-востоке они увидели вздымающиеся к небу горы. Великолепие нового острова потрясло испанцев. Да и в наши дни Гаити по праву считается одним из красивейших уголков земли.

Колон сошел на берег, как обычно, объявил остров собственностью Испании, нарек его Эспаньола, а затем воздвиг крест на высоком холме над бухтой, где бросила якорь его эскадра.

На Гаити они увидели не только деревни, но связывающие их дороги и другие признаки пусть рудиментарной, но более развитой, чем на той же Кубе, цивилизации. И здесь индейцам оказалось знакомо чувство страха, поэтому все они покинули жилища при появлении кораблей, ища спасения в лесах.

Испанцы провели на острове почти неделю, прежде чем им удалось захватить одну индианку, которую тут же доставили к адмиралу.

Цивилизация на Гаити еще не достигла стадии, требующей обязательного ношения одежды, и девушка, прескрасно сложенная, загорелая, была совершенно голой.

В ужасе она боролась изо всех сил, пытаясь вы-

рваться, и двое дюжих испанцев с трудом втащили ее на корабль и бросили перед адмиралом. Без сил, застыла она у его ног.

Колон подозвал к себе одного из лукайцев и попросил объяснить девушке, что они пришли с миром и никому не желают зла.

Немного успокоившись присутствием человека ее племени, убедившись, что и другие индейцы, похоже, ладят с этими бледилицыми, бородатыми незнакомцами, она решилась глянуть на высокого, разодетого мужчину, что стоял перед ней. Колон ободряюще улыбнулся, что-то ласково сказал, хотя она не поняла ни слова. Постепенно страх покинул ее, она села, огляделась. Теперь ее не пугали даже стоящие вокруг улыбающиеся, заросшие черным волосом мужчины. Ее уговорили пройти с Колонном и лукайцем-переводчиком в адмиральскую каюту. Там Колон угостил ее хлебом и медом. Пока она ела, ее большие темные глаза изумленно оглядывали каюту. Лукайнец, сидя на сундучке, заверил ее, что адмирал позволит ей незамедлительно вернуться на берег.

Она же, похоже, уже никуда не торопилась и, утолив голод, встала и с детским любопытством прошлась по каюте, прикасаясь рукой ко всему, что видела.

При расставании Колон еще более порадовал ее, подарив стеклянные бусы и колокольчики. В шлюпку она спускалась смеясь. Вместе с ней испанцы высадили на берег двух лукайцев-переводчиков. Они должны были подтвердить слова девушки, что пришельцы ничем не грозят обитателям Гаити. И действительно, после ее рассказа об увиденных на корабле чудесах и радушном приеме индейцы тысячами высыпали на берег, приветствуя божественных существ, явившихся к ним с неба.

Они повели Колонна и отряд испанцев в глубь острова, в большую деревню, состоящую из тысячи домов, и устроили в его честь пир, угостив рыбой, лепешками из маниоки, удивительными тропическими фруктами.

На Гаити испанцы провели полмесяца. Путешествовали по острову, и везде встречали их с благоговейным почтением. Да и к кораблям часто подплывали челны индейцев, маленькие и большие, выдолбленные из огромных стволов красного дерева. Индейцы щедро делились с испанцами не только едой и фруктами, но и золотом. Украшения из золота встречались в изобилии, то есть на острове его хватало. Гаитянце отдавали золото даром, ничего не прося взамен, и бывали безмерно счастливы, получая бусы или колокольчики.



Среди тех, кто желал засвидетельствовать свое почтение всемогущим пришельцам, были и касики. Один из них, прибывший в носилках, которые несли четверо мужчин, отобедал с адмиралом в каюте последнего на "Санта-Марии". Прощаясь, он подарил адмиралу пояс и две золотые пластинки.

Побывало на флагманском корабле и посольство более могущественного касика, Гаканагари, принеся с собой плетеный пояс удивительной красоты и большую деревянную маску, с глазами, носом и языком, отлитыми из золота. Подарил он также Колону золотые самородки и двух ручных попугаев. Касик этот правил большим городом на северо-западе Гаити, в котором они еще не успели побывать. Там не только строили дома и вырезали из дерева статуи. Жители его уже имели понятие об одежде, и хотя большинство ходили обнаженными, многие, включая касика, носили набедренные повязки.

Видя проявляемый испанцами интерес к золоту, гаитянце рассказали им, что более всего желтого металла в восточной части острова, которую они называли Сибao. Они говорили, что тамошние касики отливают из золота целые статуи.

Анализируя слова гаитянцев, Колон пришел к выводу, что Сибao — исковерканное Сипангу, то есть в восточной части острова и находятся сокровища, о которых писал Марко Поло. И накануне Нового года Колон приказал поднять якорь и взять курс на восток. Но добраться до Сибao им не удалось, ибо случившееся в ту ночь несчастье положило конец новым открытиям.

"Санта-Мария" лежала в дрейфе в лиге от берега. Ночь выдалась спокойной, море было гладким, как шелк, и не только вахтенные, но и рулевой потеряли бдительность. Ослушавшись приказа Колона, все они завалились спать, оставив у румпеля юнга.

Недвижимость моря оказалась обманчивой. Подводное течение понесло "Санта-Марию" к берегу, а юнга не обратил внимания на усиливающийся шум прибоя. Внезапно дно каравеллы заскрежетало по песку, а накатывающиеся волны начали заваливать ее на бок.

Проснувшийся адмирал выскочил из каюты и, возможно, еще сумел бы спасти судно, если б команда в точности выполнила его указания.

Он велел вахтенным сесть в шлюпку, захватив с собой якорь, закрепленный на корме, и с его помощью стащить каравеллу с мели. Вахтенными командовал Коса, но, стремясь сделать как лучше, вместо того, чтобы выполнить приказ Колона, он поплыл к "Нинье", находя-

щейся в миле от "Санта-Марии", чтобы привлечь на помощь ее команду. Промедление оказалось роковым. Когда подоспела "Нинья", помощь "Санта-Марии" уже не требовалась. Течение загнало каравеллу еще ближе к берегу, развернуло поперек, и волны прибоя быстро сделали свое дело. Корпусные швы начали расходиться, вода смыла планширь левого борта и хлынула в трюм.

Маленькая каравелла, на которой Колон пересек Атлантический океан, погибла. Осталось только спасти кое-какое снаряжение, припасы, вино, чем они и занялись на Рождество Христово. Гаитянки на своих челнах помогали им разгружать "Санта-Марию", предоставив в их распоряжение хижины на берегу.

Когда же разгрузка закончилась, испанцы задумались о своем будущем, о последствиях кораблекрушения. И быстро поняли, что на крошечной "Нинье" всем им в Испанию не вернуться. Поэтому они решили построить форт для тех, кто останется на Эспаньоле до следующей экспедиции.

Строили они капитально, используя обшивку корпуса погибшего корабля. На стенах установили бомбарды, также снятые с "Санта-Марии". Последнее, однако, казалось совершенно бессмысленным. В мире и покое Эспаньола даже сама мысль о войне представлялась кощунственной.

Гаитянки во всем помогали, а Гаканагари постоянно выказывал свое доброе отношение к Колону, посылая ему в подарок золотые пластины и украшения и деревянные маски с золотыми ушами, глазами, носом.

Каждый день адмирал получал все новые золотые подношения, то ли пластины, то ли песок, свидетельствующие о богатстве острова. Теперь Колон уже не жаждал найти источник золота. Он знал, что его тут много, и успокаивал себя тем, что поиски месторождения можно отложить до лучших времен. Тревожило его лишь отсутствие Мартина Алонсо, мысль о том, что этот предатель мог уже отправиться в обратный путь, чтобы опередить Колона и присвоить себе лавры открывателя Индий.

Впрочем, была у Колона еще одна и, пожалуй, более серьезная причина для волнений. Возвращаться в Испанию предстояло на "Нинье", самой маленькой из каравелл, отпльвших из Палоса. Колон хорошо представлял себе опасность такого плавания. Если он стинет в океане вместе с бортовым журналом, картами, подробным дневником, если и Мартина Алонсо, также плывущего в одиночку, постигнет аналогичная участь, в Испании никто не узнает о его открытии. Наоборот, будет заявлено, что

экспедиция погибла, не преодолев пределов обитаемого мира. И его имя, вместо того чтобы войти в историю, станет синонимом мечтателя, шарлатана. И люди, которых он оставлял на Эспаньоле, первые колонисты Нового Света, станут и последними. Они доживут свои дни на этой прекрасной земле и отойдут в небытие.

Другие участники экспедиции об этом и не задумывались, и не было недостатка в тех, кто хотел остаться на острове, продолжить разведку его богатств и поработать на найденных золотых копях.

С большой неохотой расставаясь с Васко Арандой, адмирал, однако, назначил его командиром сорока человек, остающихся в Ла Навидад, как он назвал форт, построенный после кораблекрушения. Заместителем Аранды стал Хименес, с ними же остался и Эсковедо, королевский нотариус. На него возложили обязанность вести учет поступающего золота. Не обделил адмирал маленькую колонию и мастерами, оставив плотника, бондаря, кузнеца, портного, оружейника, а также хирурга, пловца на "Нинье".

В первые дни января подготовка к отплытию завершилась, и в пятницу, четвертого числа, Колон поднял якорь и пошел на восток, держа курс на мыс, названный им Монте-Кристи. Сильный встречный ветер, однако, убавил их скорость, и они не успели удалиться от берега Эспаньола, когда 6 января увидели пропавшую "Пинту".

Неожиданное возвращение беглянки удивило Колону и одновременно успокоило. Во-первых, он уже мог не опасаться, что Мартин Алонсо опередит его с возвращением в Испанию. А во-вторых, наличие второго корабля значительно повышало шансы на благополучный исход обратного плавания. Тем не менее адмирал не считал возможным скрыть негодование по поводу действий капитана "Пинты" и выразил ему свое неудовольствие.

"Пинта", идущая под всеми парусами, быстро приближалась к ним, и Колон, желая услышать объяснения Пинсона, приказал развернуть "Нинью", и вслед за "Пинтой" они бросили якорь в безопасной бухте, неподалеку от оконечности Монте-Кристи.

Колон поджидал Мартина Алонсо у верхней ступени короткого трапа "Ниньи". Рядом стоял и Висенте Янес Пинсон, предчувствовавший, что брату может потребоваться его поддержка.

Мартин Алонсо взошел на палубу, приветственно поднял руку, улыбнулся.

— Сохрани вас Бог, адмирал, и тебя, Висенте.

Лицо Колона осталось суровым.

— Наконец-то соизволили вернуться, — холодно процедил он. — Хотелось бы знать, что вас задержало и почему.

Пинсон продолжал улыбаться.

— Мы начнем с почему, ибо я не могу взвалить на себя ответственность за случившееся. Под натиском непогоды “Пията” не могла плыть иначе.

— Кроме как против ветра, — съязвил Колон.

— Я испугался близости берега. Буруны указывали на подводные рифы. Мы ничего не знали о течениях, которые вкупе с ветром могли принести беду. Поэтому я продолжал идти против ветра, удаляясь от суши, как делали и вы, когда я видел вас в последний раз.

— Я делал это лишь потому, что продолжал подавать вам сигналы, требуя разворота.

— Сигналы? Пусть я умру на месте, если видел их.

— У вас что-то с глазами или у всей команды?

— Вы забываете, что видимость была хуже некуда, и спускался туман.

— Да, да, так оно и было, — подтвердил Висенте.

— А как ваши уши? Вы еще и оглохли? Я приказал стрелять из бомбарды.

— Правда? — глаза Мартина Алонсо изумленно раскрылись. — Должно быть, все заглушил шум прибоя.

— У вас на все готов ответ, — сердито бросил Колон.

— Конечно, адмирал, — Пинсон нагло улыбнулся. — А исходя из того, что вы потеряли “Санта-Марию”, осторожность моя более чем оправдана.

— “Санта-Марию” я потерял совсем не в тот день. Она села на мель при полном штиле из-за халатности рулевого.

— При полном штиле! Вот вам и доказательство того, что приближаться к берегу опасно. Но что мы все говорим да говорим, адмирал. Не стоит сердиться на меня. Я не терял времени даром. Открыл бухту на востоке и реку, которую назвал Мартин Алонсо. Тамошние земли я объявил своей собственностью и собрал все золото, которое там было.

Лицо адмирала потемнело еще больше. Какое право имел этот человек делать то, что положено было только ему?

— О чем вы говорите мне, сеньор? Вы прибрали себе часть Эспаньолы, хотя я уже объявил весь остров собственностью владык Испании? Не слишком ли много чести? Остров принадлежит королю и королеве, и более никому. Да еще назвали реку своим именем. Какая наглость! Об этом не может быть и речи.

Мартин Алонсо побагровел.

— При чем здесь наглость?

— Действительно, при чем? — встрял Висенте. — Если он открыл реку, почему он не может назвать ее своим именем?

— Своим именем? Я открыл весь Новый Свет, но покажите мне хоть кусок суши или воды, названный моим именем?

Мартин Алонсо промолчал, но Висенте нашелся с ответом.

— Вы могли бы это сделать, адмирал, будь на то ваше желание.

— Вот именно, будь на то мое желание! Есть у меня одно желание, как следует наказать этого зарвавшегося наглеца.

— Сеньор! — возмущенно воскликнул Мартин Алонсо.

— Разве для наречения новых земель не хватает имен наших повелителей? А когда они иссякнут, нет ли в нашем распоряжении имен всех святых? Хватит об этом! Вы нанесете реку на мою карту, и мы подберем ей подходящее название. Значит, вы нашли немало золота. Что вы с ним сделали?

Мартин Алонсо переступил с ноги на ногу.

— Половину роздал команде, половину оставил себе и готов поделить ее с вами. Ваша доля — почти тысяча песо.

Если Мартин Алонсо и рассчитывал, что таким щедрым даром вернет себе расположение адмирала, он ошибся. Колон сухо улыбнулся.

— Неужели вы не слышали моего установления, что все найденное золото принадлежит короне?

— О, слышал. Но ведь и мне принадлежит определенная доля добычи. Не забывайте, что я субсидировал экспедицию и имею право на восьмую часть.

— Поэтому вы оставляете себе, сколько хочется, до того, как подсчитана вся добыча. Интересная у вас логика, сеньор.

Мартин Алонсо сдался.

— Я сожалею, что заслужил ваш неудовольствие.

— Я тоже. Что касается золота, то с ним мы разберемся по возвращении в Испанию, где я потребую у вас точного отчета. Вскоро мы отправимся туда. Но сначала взглянем на открытую вами реку, — и саркастически добавил: — Реку Мартина Алонсо.

Они вошли в устье на следующий день. Колон, разумеется, тут же переименовал ее в Рио де ла Грасиа, немало задев этим гордость Мартина Алонсо. Но его бе-

ды этим не кончились, потому что в тот же день адмирал, кипя от гнева, поднялся на борт "Пинты".

Туземцы при появлении кораблей бросились в лес, точно так же, как и в тот раз, когда эскадра впервые подошла к Эспаньоле, прежде чем стало известно, что испанцы пришли с миром. Один из лукайянцев, посланный вдогонку, доложил Колону, что причина тому — грубое отношение с индейцами Пинсона, который силой захватил и увел на "Пинту" четырех мужчин и двух женщин. Поэтому и отправился адмирал на корабль Мартина Алонсо.

— Действительно ли вы держите в трюме шестерых туземцев, захваченных против их воли? — сурово спросил Колон.

— Ну и что из этого? — вскинулся Пинсон. — Или вы отказывали мне в праве взять несколько рабов?

— А кому я давал такое право?

— Кому? Святой боже! Да и сейчас на "Нинье" с дюжину индейцев.

— Но не рабов. Не взятых на корабль насильно. Все они плывут с нами по доброй воле. Я приказывал, и вам хорошо об этом известно, держаться с индейцами учтиво, чтобы те считали нас своими друзьями. Только тогда я могу оставить в Ла Навидад сорок человек, не опасаясь за их жизни. А насидим вы только показываете, что от христианина добра не жди. Вы учите их не доверять, но остерегаться нас. За такие действия, учитывая ваше прошлое непослушание, мне следовало бы повесить вас на рее.

Мартин Алонсо усмехнулся.

— Хорошенькая награда за то, что я помог вам подняться столь высоко.

От такой невиданной наглости у адмирала даже перехватило дыхание.

— Вы помогли мне подняться! Вы! Святая Мария! Я думал, вы достигли предела в своей гордыне, назвав реку собственным именем. А вы, оказывается, смогли пойти и дальше. Хватит! — он сдвинул брови. — Приведите ко мне этих индейцев.

Мартин Алонсо даже не шевельнулся. Наоборот, расправил плечи.

— Позвольте спросить, для чего?

— Приведите их, — повторил Колон.

Их взгляды встретились и долго не расходились. Очень уж хотелось Пинсону не подчиниться. Он мог рассчитывать на поддержку братьев, да и большая половина матросов "Пинты" тут же встала бы на его сторону. Ос-

торожность, однако, напомнила ему, что, поднимая мятеж против адмирала Моря-Океана и вице-короля Индий, не следует забывать и об ответе, который придется держать по возвращении в Испанию.

И в итоге, пожав плечами, он отвел глаза.

— Мы еще посчитаемся, — пробурчал он.

— Вполне возможно, — холодно ответил Колон.

Он тоже осознавал щекотливость ситуации. И не хотел полного разрыва, потому что в этом случае Мартин Алонсо мог пойти напролом, не думая о последствиях.

Шестерых пленников вывели из трюма. Они сжались при виде адмирала, но тот постарался успокоить их улыбкой и добрыми словами.

Что он сказал, они не поняли, но тон не оставлял сомнений в его намерениях. В довершение всего Колон погладил их по склоненным черноволосым головам, а затем под сердитым взглядом Мартина Алонсо свел в шлюпку и перевез на "Нинью". Там он накормил индейцев хлебом с медом, угостил вином, одарил женщин рубашками и бусами и отправил на берег, чтобы они рассказывали всем и вся о щедрости испанцев.

Глава 33

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ



обратный путь они тронулись в середине января.

Полмесяца шли на северо-восток, возможно, надеясь попасть в полосу восточных ветров, о которой сказал матросам Колон, пытаясь развеять их страхи, вызванные постоянством западного ветра. И действительно обнаружили эту полосу тридцатью восемью градусами севернее. Было ли это случайностью или доказательством его правоты, мы не знаем. Но, поймав попутный ветер, Колон повел корабли на восток.

К моменту отплытия с Эспаньолы Колон полностью уверовал в то, что достиг Азии. Последние подтверждения он получил от тех, кто плывал с Мартином Алонсо. От индейцев они слышали об острове, называемомся Мартинино, населенном только женщинами, и других островах, на которых жили то ли карибы, то ли канибы, питающиеся человеческим мясом. Марко Поло также писал об амазонках и людоедах, обитающих на островах у побережья Китая.

Слышал Колон и о других чудесах, не упомянутых



венецианским путешественником. О людях с хвостами, обитающих в самых глухих уголках Эспаньолы. А сирен, вынырывающих из воды, чтобы издали посмотреть на корабль, он видел сам. И не было нужды привязывать его к мачте, как Одиссея, поскольку песен карибские сирены не пели и не отличались красотой, заставляющей матросов прыгать за борт, чтобы погибнуть в их объятьях. Скорее всего Колон видел морских коров, но по наивности и незнанию сделал вывод, что древние просто преувеличивали красоту сирен.

И куда больше радости доставили морякам встречавшиеся в изобилии тунцы, которых ловили, поднимали на борт и ели, поскольку с другими припасами у них было не густо.

В отличие от плавания в Индии обратный вояж стал непрерывной битвой с непогодой, и едва ли не ежедневно смотрели они в лицо смерти.

Три самых страшных дня пришлось на середину февраля, когда на них накатил жесточайший шторм. Шли они с голыми ряси, под одним лишь триселем, и каждый миг мог оказаться последним. Волны сотрясали хрупкую "Нинью", и сорок человек, сбившиеся в кучу на шкафуте, то и дело прощались с жизнью. И тут они не могли положиться только на мастерство Колона, хотя и безоговорочно верили свосму адмиралу. Матросы, да и сам Колон чувствовали, что для спасения от буйства природы человеческих сил будет недостаточно. И все они дали обет, если Дева Мария сохранит им жизнь, совершить паломничество, босиком, в рубищах, со свечами в руках, в церковь Санта-Клара де Мигэр, около порта Палос, и прослушать благодарственную мессу.

Тревожила Колона и мысль о том, что с его смертью Испания может лишиться плодов открытия Индий. Не забывал он и о маленьком гарнизоне, оставшемся в Ла Навидад. И решил подстраховаться. Несмотря на сильную качку, написал короткий отчет об экспедиции, завернул его в вощеную бумагу, пакет положил в коробку и залил растопленным воском. Коробку сунули в бочку, забили дно и бросили бочку за борт, в надежде, что ее вынесет на берег и содержимое каким-то образом попадет к правителям Испании, которым адресовался отчет. В послесловии Колон отметил, что причитающуюся ему награду следует разделить в полном соответствии с завещанием, хранящимся у дона Луиса де Сантанхеля. Пожизненную пенсию, поскольку он первым увидел землю, Колон отписал Беатрис Энрикес.

И со спокойной совестью он сделал все, что мог.

Колон обратил все внимание на управление маленькой каравеллой, не теряя надежды выиграть и эту битву с океаном.

Тем же самым занимался на борту "Пинты" и Мартин Алонсо. С темнотой, спустившейся вечером четырнадцатого февраля, ветер еще более усилился, а волны все яростней набрасывались на судно. В полумиле от кормы он еще различал сигнальный фонарь "Ниньи". Видел, как она взлетала на гребень волны, на мгновение замирала, а затем проваливалась в глубокую впадину между валами.

А потом черная беззвездная ночь и пелена дождя и водяных брызг поглотила "Нинью". Мартин Алонсо, держа за спасательный конец, наклонился к стоящему рядом брату и прокричал ему в ухо, чтобы перекрыть рев урагана: "Боюсь, мы видели "Нинью" в последний раз".

Младший же Пинсон больше думал не о "Нинье", но о своей душе, готовясь к встрече с Создателем.

— Ты думаешь, мы переживем эту ночь?

— Если только чудом, но, клянусь Богом, я не сделал ничего такого, чтобы заслужить его. Но меня более заботит "Нинья" и Висенте. Удивительно, что она до сих пор не рассыпалась на куски. Она и так текла, как решето, а каждый удар волны образует в корпусе все новые щели. "Нинья" пойдет ко дну еще до зари. Господи, помоги Висенте.

— Висенте, конечно, жалко, — кивнул Франсиско. — А сколько на "Нинье" золота, — вздохнул он.

— Оно понадобится адмиралу, чтобы покупать воду в аду.

Время, казалось, остановилось, и прошла целая вечность, прежде чем занялся рассвет. "Пинта" осталась на плаву, хотя в трюме ее плескалось немало воды. Матросы работали, как бешеные, откачивая ее, а Пинсоны тревожно оглядывали серо-зеленый океан. Но не видели ничего, кроме череды волн: "Нинья" исчезла.

Мартин Алонсо, смертельно уставший, с налитыми кровью глазами, в насквозь промокшей одежде, повернулся к брату. Всю ночь он не отпускал его от себя, вероятно полагая, что тонуть лучше вместе.

— Я оказался хорошим пророком. Адмирал утонул, взяв с собой нашего Висенте. Упокой, Господи, их души!

— Это невозможно, — покачал головой Мартин Алонсо. — Мы шли под одним ветром, с голыми реями. Если б "Нинья" не пошла ко дну, мы обязательно увидели бы ее.

Они посмотрели друг на друга, скорбя о смерти брата, думая о том, что и сами едва избежали той же участи.

Но "Пинта", пусть маленькая, но сработанная на совесть, сохранила плавучесть, а главное — бизань-мачту. Ветер поостепенно стихал, и два дня спустя, когда установилась хорошая погода, Пинсоны начали осознать, что гибель "Ниньи" принесла им немалую выгоду. И, если бы не смерть брата, они могли бы сказать, что выгода эта с лихвой компенсировала потери.

— Раз "Ниньи" нет, открытие Индий принадлежит нам, — подвел итог своих рассуждений Франсиско.

— Мне уже приходила такая мысль, — кивнул Мартин Алонсо.

— К счастью, у нас на борту есть пара индейцев, добрый запас золота, да и другие свидетельства нашего пребывания в Индиях.

— Доказательств у нас больше чем достаточно, — согласился Мартин Алонсо.

К теме этой они не возвращались с полмесяца, пока "Пинта" не бросила якорь в бухте Байоны. Благополучное прибытие в Европу не могло не радовать их, но болезнь Мартина Алонсо, прошедшего большую часть этих дней в каюте, привела к тому, что они оказались далеко от Палоса. Франсиско, менее опытный мореплаватель, увел каравеллу на запад.

Только теперь, находясь в полной безопасности, Мартин Алонсо смог оценить, сколь благосклонна оказалась к нему судьба. Открывшиеся перед ним радужные перспективы приободрили его, вернули силы, растраченные на борьбу с жестокими штормами. Слава, принадлежавшая Колону, сама катилась к нему в руки. Единственный оставшийся в живых капитан великой экспедиции, он становился наследником всех привилегий, причитающихся открывателю Нового Света. Он по праву мог претендовать на титулы адмирала Моря-Океана и вице-короля Индий. Плавание это расчищало ему дорогу в первые ряды испанского дворянства.

Конечно, могли возникнуть осложнения. Жадноватый король Фердинанд добровольно не расстался бы ни с одним мараведи. Но у Мартина Алонсо были куда как веские аргументы. Ему принадлежали секреты открытия, он знал путь в Индии, у него находились подробные карты. Новый Свет ждал следующей экспедиции, назначением которой становилось освоение открытых ими земель, разработка месторождений золота, которые они пусть и не нашли, но привезли с собой свидетельства их

наличия. На этот раз через океан следовало посылать не три жалкие каравеллы, но могучую эскадру, ибо фантазии Колона обернулись явью. И ключ от этой экспедиции держал в руках он, Мартин Алонсо.

— Я еще понадоблюсь, Франсиско, — заверил он брата. — Если их величества не проявят должной щедрости, придется с ними поторговаться. И я приложу все силы, чтобы моя награда оказалась ничуть не меньше обещанной Колону. Упокой, Бог, его душу.

— Действительно, упокой, Бог, его душу, — отозвался Франсиско. — Может, и к лучшему, что он утонул. Останься он жив, в своем высокомерии он мог попытаться отнять то, что принадлежит нам.

— Наверняка попытался бы. И тому у нас есть доказательства. Бог наказал его за гордость и жадность, — воскликнул Мартин Алонсо и тут же зашелся в кашле. А оправившись от приступа, продолжил уже более спокойно. — Справедливость восстановлена, только и всего. В конце концов, кому, как не мне, обязан он открытием Индий? Если б не моя вера в его проект, стал бы фрей Хуан Перес убеждать королеву? Если б не моя поддержка, нашел бы он моряков, которые поплыли бы с ним? Без меня не было бы и открытия. И плоды его принадлежат мне и только мне.

— И небо, похоже, позаботилось о том, чтобы они достались тебе, — поддакнул Франсиско. — Да, Мартин, а ведь есть еще нечестивцы, которые не верят в божественную справедливость.

И перед тем как отплыть из Байоны, Мартин Алонсо отправил письмо их величествам, сообщая о своем возвращении из Индий. Коротко перечислил открытые острова, расписал обширность территорий, богатства тамошних земель, упомянул о гибели "Ниньи" и Колона на обратном пути. Указал, что лишь благодаря его мужеству и самообладанию экспедиция завершилась успешно, и смиренно просил их величеств принять его с дарами новых земель, над которыми отныне развеется испанский флаг.

Курьер повез запечатанное письмо в Барселону, где, по сведениям Пинсонов, в те дни находился двор, а "Пинта" подняла якорь, взяв курс на Палос.

Преодолевая встречный востер, они шли вдоль побережья Португалии, в полдень 14 марта обогнули мыс Сан-Висенти и к вечеру пятнадцатого подошли к песчаной косе Салтес.

Состояние Мартина Алонсо ухудшалось с каждым днем. Но его поддерживала мысль о ждущей его славе.

Бодрый духом, вел он каравеллу в порт Палоса и уже собирался отдать команду запалить фитиль, чтобы выстрелом из бомбарды отметить возвращение в родной город, когда перед его глазами открылось зрелище, от которого последние остатки крови схлынули с лица.

Прямо перед ним, на якоре, с парусами, поднятыми к реям, покачивалось потрепанное непогодой, но знакомое судно.

Франсиско Пинсон схватил его за плечо.

— “Нинья”! — со злостью выкрикнул он, забыв на миг, что на каравелле плыл его родной брат. — Как она здесь оказалась?

— Не иначе, с помощью дьявола, — прохрипел Мартин Алонсо.

Бомбарда так и не выстрелила, а он сам пошатнулся и упал бы на палубу, если б Франсиско вовремя не подержал его.

Жажда жизни покинула Мартина Алонсо. Надежда на божественную справедливость не оправдалась. Сердце его разбилось.

Мартина Алонсо перенесли на берег, в его большой и красивый дом, где он и скончался по прошествии нескольких дней.

Глава 34

ПРИБЫТИЕ



Возможно, наиболее удивительным совпадением в истории является прибытие двух каравелл, разлученных штормом месяцем ранее и добравшихся до берега разными курсами, после невероятных приключений, в родной порт в один и тот же день, с разрывом лишь в несколько часов.

“Нинья”, ведомая твердой рукой Колона, с многими течами в бортах, 18 февраля вошла в порт Санта-Мария на Азорских островах. Встретили их не слишком приветливо. На следующий день португальский губернатор приказал арестовать двадцать матросов, когда те, босоногие и в рубищах, двинулись в церковь, чтобы прослушать мессу во исполнение данного на борту каравеллы обета. Колон и губернатор крепко поцапались, долго обменивались взаимными угрозами, но в конце концов адмирал взял верх и сразу же после освобождения матросов вышел в море. Опять попал в шторм, каравеллу отнесло далеко на север, и им пришлось искать убежища в Тагу-

се. Здесь, на побережье Португалии, он представился кастильским адмиралом Моря-Океана и объявил о сделанном им великом открытии. Он знал, что об этом незамедлительно сообщат королю Жуану и радовался тому, что наглядно показал властителю Португалии, какой шанс упустил тот, послушавшись невежд.

Как и рассчитывал Колон, ему предложили прибыть ко двору. Он поехал, взяв с собой индейцев, попугаев, золото, и так изумил португальскую знать, что те подобру-поздорову отпустили его из Лиссабона.

Перед отъездом он написал длинное письмо дону Луису де Сантанхелю, с деталями высадки на Сан-Сальвадоре, подробным описанием Кубы, названной им Хуаной, с длиной побережья, превосходящей Англию и Шотландию, и Эспаньолы, площадью больше Испании. Потеря "Санта-Марии", писал Колон, заставила его повернуть назад и доложить о достигнутых результатах. Он подчеркивал богатство открытых земель, наличие там золота, хлопка, пряностей, плодородие почвы, покорность и трудолюбие индейцев. Люди эти, писал он, станут верными подданными их величеств и с радостью примут христианскую веру. Письмо он просил передать их величествам, а в записке, предназначенной только для дона Луиса, добавлял, что плывет в Палос, где будет ждать от него вестей, в надежде, что Беатрис уже найдена, ибо без нее триумф не принесет ему радости.

Отплыв из Тагуса 13 марта, утром пятнадцатого он достиг Палоса. До полудня ему пришлось подождать прилива, чтобы преодолеть песчаную косу Салтес. Приближение маленького суденышка с вымпелом адмирала на бизани не осталось незамеченным. Сначала ее заметили зеваки, от нечего делать разглядывающие море. Вскоро, однако, кто-то из них признал в "Нинье" одну из каравелл эскадры, несколько месяцев назад отправившейся в вояж за океан. Палос уже распрощался с надеждой на ее возвращение.

Известие о появлении на рейде "Ниньи" передавалось из уст в уста, из дома в дом, и толпа тут же запрудила пристань. Над городом поплыл колокольный звон.

В полдень, при полном приливе, "Нинья" преодолела песчаную косу под восторженные крики собравшихся на берегу.

Взор Колона устремился к белым стенам Ла Рабиды, откуда, собственно, и началось его путешествие. На площадке перед зданием монастыря собрались монахи. Один из них стоял чуть впереди, махая обими руками.

Гордо выпрямившись, в роскошном красном плаще, надетом по случаю знаменательного события, Колон торжественно поднял руку, приветствуя своего благодетеля, фрей Хуана Переса.

Они бросили якорь, спустили на воду шлюпку. Еще несколько минут, и Колон уже окружен радостно галдящей толпой. Матросы, рыбаки, плотники, кузнецы, бондари, владельцы мелких лавочек, строители, даже состоятельные купцы, весь город сбежался встречать Колона. Более всех шумели женщины. Те, кто нашел своих мужчин, пронзительно смеялись и висли у них на шеях. Другие, не видя мужей, возлюбленных, сыновей, братьев, задавали озабоченные вопросы.

С трудом адмирал добился тишины. Попытался успокоить толпу. Сказал, что все, кто отплыл с ним, целы и невредимы. Сорок человек остались на открытых им землях, заложили основу колонии, которая обеспечит процветание всей Испании. Сорок приплыли вместе с ним. А остальные сорок плывут на борту "Пинты", с которой месяц назад его развел жестокий шторм. Но, раз утлая "Нинья" выдержала его, есть все основания предполагать, что и более крепкая "Пинта" также осталась на плаву. И в самом ближайшем времени можно ожидать ее прибытия в Палос. Наверное, Колон и сам не ожидал, что его пророчество сбудется столь скоро.

Пробившись сквозь людскую стену под градом приветствий и благословений, в одиночку ступил он на тропу, выющуюся меж соснами, по которой когда-то безвестным путником, ведя за руку сына, поднимался к Ла Рабиде.

Фрей Хуан поджидал его у ворот и поспешил навстречу с распростертыми объятьями, сияя отцовской гордостью за сына, вернувшегося с победой. Он крепко обнял Колона.

— Придите, сын мой. Сюда, к моему сердцу. Мы уже слышали о том, что вы полностью оправдали надежды Испании.

— Надежды Испании! — Колон рассмеялся. — О Господи, да пальцев одной руки хватит, чтобы пересчитать тех испанцев, что всрили в меня. Остальная Испания, включая и высокоученую комиссию, держала меня за безумца.

— Сын мой, — запротестовал фрей Хуан, — уместна ли сейчас такая горечь?

— Горечь? Во мне ее нет. Оставим ее тем несчастным, которые не могут опровергнуть оппонента. Я же, в ответ на насмешки Испании, принес ей Новый Свет. Так что никакой горечи я не испытываю.

Глава 35
ВОЗВРАЩЕНИЕ ПАБЛО



лучилось так, что в те самые часы, когда Колон вкушал первые плоды победы, пусть и не без риска для себя, при дворе короля Португалии, в Малаге, с борта рыбацкого кеча сошел на берег мужчина, в котором и самые ближние родственники с трудом признали бы Пабло де Арану. Бородатый, с впалыми щеками, грязными, спутанными волосами, одетый в лохмотья, отданные ему рыбаками, которые двумя неделями раньше выловили его из моря.

Венецианцы, потеряв надежду заполучить карту Тосканелли, отправили Пабло на трирему, искупать прегрешения перед Богом и человеком.

Трирема, на которую он попал, отплыла в Испанию, чтобы доставить ко двору их величеств одну высокопоставленную особу. Судно попало в свирепый шторм, один из тех, что прокатились по всем морям в первые месяцы 1493 года. Венецианской триреме повезло меньше, чем каравеллам Колона. Она не выдержала напора ветра и волн и начала тонуть.

Жажда жизни придала Пабло де Аране сил, и он вырвал из палубы скобу, к которой был прикован, а затем прыгнул в бурлящую воду, отплыл от гибнущего корабля. Вскоре тот затонул, да и Пабло едва не последовал за ним, потому что цепь на ноге тянула вниз. На его счастье, мимо проплывало длинное весло, за которое держался другой раб. Схватился за весло и Пабло. Первый хозяин весла, с такой же цепью на ноге, запротестовал, резонно указывая, что весло двоих не потянет. Пабло придерживался того же мнения, потому что мгновением позже, упираясь в весло, выпрыгнул из воды и ударил своего собрата по несчастью между глаз. Полуослепший, тот разжал руки и исчез под водой.

— Иди с Богом, — проводил его Пабло и оседлал весло.

Среди волн виднелись головы тех, кто избегал участи триремы. Одни уже схватились за обломки судна, другие молили о помощи. Пабло и раньше-то считал, что следует заниматься только своими делами и не лезть в чужие, если это не сулит прибыли. Поэтому и здесь он решил, что лучше всего держаться от людей подальше, дабы ни у кого не возникло желания оспорить у него права на весло. И он усердно работал руками и ногами, пока последняя голова не скрылась из виду.

Оказавшись в относительной безопасности, он начал осознавать, что до спасения-то еще очень и очень далеко. Он не только не видел землю, но и не знал, в каком направлении она находится. Небо затянули черные тучи, брызжущие дождем, не позволяющие определить местоположение солнца. Дело к тому же шло к вечеру. И весло уже не казалось ему надежным убежищем. При удаче, конечно, он мог пережить ночь, возможно, еще один день. А что потом? Кто будет искать его в бушующем море? Поневоле Пабло пришлось задуматься о бессмертной душе, даже пожалеть о ее бессмертии. Как никогда ясно увидел он, что жизнь его — сплошной грех, и нет даже надежды на прощение. Ему-то всегда казалось, что перед встречей с Создателем он успеет найти священника, который исповедует его и отпустит грехи, так что в последнее путешествие он отправится с чистой совестью. Но его обманули, лишили первейшего права христианина, бросили умирать без исповеди, со всеми грехами, которые неминуемо утащат его в ад. Душа его вознегодовала от столь чудовищной несправедливости. Да возможно ли такое?! Нет, Бог в милосердии своем неизбежно поможет ему избежать столь страшной участи, даст ему шанс начать новую, более праведную жизнь, к которой приведет его покаяние. Что же оставалось ему, как не обещать покаяться во всех грехах, добравшись до берега. И он просил Деву Марию пожалеть его, подкупая ее обещаниями совершить паломничество в один из ее храмов, босиком, в рубище, со свечой в руках, как смиреннейший из кающихся грешников.

Такие вот обеты давал этот мерзавец всю ночь, сидя верхом на весле, которое бросало с волны на волну.

К полуночи ветер ослабел, а к рассвету стих окончательно. Да и волны уже не бились, а чинной чередой шли друг за другом. Когда же совсем рассвело, вдали Пабло увидел берег. Но их разделяло чуть ли не десять миль, и надежда достичь берега была очень призрачной. Он уже с трудом держался за бревно, наваливалась усталость, быстро убывали остатки сил.

Тем не менее, больше от отчаяния, он заработал руками, гоня бревно к берегу.

К полудню расстояние до него заметно сократилось, хотя отдыхать ему приходилось все чаще, и все дольше сидел он на бревне, тяжело дыша, не чувствуя ни рук, ни ног. И когда Пабло совсем уже отчаялся, он разглядел впереди, между собой и берегом, коричневый парус. И откуда только взялись силы. Правда, большую их часть он потратил на бесплодные крики и попытки вы-

прыгнуть из воды, в надежде, что его заметят.

Судьба, похоже, не хотела в тот день расставаться с Пабло, предполагая, что он может еще понадобиться. Ветер, дующий с суши, и прибрежное течение позаботились о том, чтобы рыбачий кеч и сидящий на весле человек сошлись в одной точке. Полубесчувственного Пабло выудили из воды и подняли на палубу.

Как тряпичная кукла лежал он на грязных, пахнущих рыбой досках. Но ему дали глотнуть огненной агардиснте, укрыли одеялом. Рыбаки, естественно, сразу поняли, кто он такой. Об этом ясно говорили цепь, прикованная к его ноге, и шрамы на спине от ударов кнута надсмотрщика. Оставалось только выяснить, с чьих галер он сбежал, и вот тут-то хитроумный Пабло усмотрел возможность поживиться.

И изобразил из себя христианского мученика. Он, мол, дворянин из Севильи, в жестоком морском сражении захваченный в плен мусульманскими пиратами и посаженный на цепь на алжирской галере. Не в силах более выдерживать ита неверных, он решил рискнуть жизнью ради свободы и однажды ночью, во время шторма, вырвал из палубы скобу, к которой крепилась его цепь, и прыгнул за борт.

Слушали его внимательно. Он уже сидел, прислонившись спиной к мачте, на его волосах и бороде появился белый налет высушенной соли.

— Ага! — кивнул капитан кеча. — Но откуда тогда весло? Как оно оказалось у тебя?

Про весло Пабло забыл. Но нашелся с ответом.

— Весло? А, вот вы о чем, — его губы разошлись в улыбке. — Мы шли по ветру, только под парусами. Все галерники спали. Я вытащил весло из уключины и бросил в воду перед тем, как прыгнуть самому. В темноте и шуме шторма никто ничего не заметил. А теперь милосердием Господа нашего и Девы Марии моя отчаянная попытка спастись удалась, и я вновь среди христиан, — Пабло перекрестился, поднял очи горе, и его губы зашевелились в беззвучной молитве.

Рыбаки сочувственно покивали, вновь угостили его агардиснте, а уж потом Пабло признался, что умирает от голода. Ему дали луковицу и краюху хлеба.

Они расклепали железное кольцо, на котором держалась цепь, ссудили его кое-какой одеждой, извиняясь, что не могут предложить идалго ничего лучше.

В тот же вечер кеч бросил якорь в Малаге, и капитан отвел Пабло в августинский монастырь у подножия Гибралтара, где тот повторил свой рассказ. Добрые мона-

хи с распростертыми объятьями приняли пострадавшего от мавров. Предоставили кров, накормили, приодели в более достойный костюм. Заботясь о том, чтобы он как можно быстрее оказался в кругу друзей, они нашли купца, отправлявшегося через несколько дней в Севилью со своим товаром, и предложили Пабло присоединиться к нему. И тот не нашел предлога отказаться, поскольку с самого начала заявлял, что родом из Севильи. Впрочем, у него не было резона и отказываться. Куда он не хотел попасть, так это в Кордову, где его хорошо знали, а тамошнего коррехидора могла не подвести память. И мошенник решил, что Севилья ничуть не хуже других городов Испании, а уж простаков там никак не меньше, чем где-то еще.

Кордова, например, влекла его, ибо там могла оказаться Беатрис, на деньги которой он привык жить. Тем более, что сестричка была перед ним в большом долгу. Во всяком случае, ее винил Пабло во всех выпавших на его долю бедах. Если б она выполнила то, что от нее требовали, он не попал бы на галеры и не пришлось бы ему пройти по острию ножа, балансируя между жизнью и смертью. Ибо спасение свое он рассматривал не иначе как чудо. Должок предстояло отдать, и Пабло не сомневался, что получит от Беатрис все, что пожелает, при условии, что найдет ее. Но отправиться на поиски в Кордову он не рискнул. И решил повременить, дожидаясь более удобного случая.

А пока он мог рассчитывать только на себя да на те мизерные суммы, что удавалось выклянчить у состоятельных и набожных сограждан, слушавших печальный рассказ о жестоком обращении мавров с христианскими пленниками. Каждый раз Пабло особо подчеркивал, что неверные еще и обчистили его до последнего гроша.

С этими подачками он отправлялся в таверны Севильи, где не столько пили, как играли в карты и в кости. Рука у Пабло была легкой, и в кости он чаще выигрывал, особенно у молодых и неопытных, а с другими он просто не играл. Так он и жил; без особого достатка, но и не бедствуя, а принадлежность его к дворянству состояла разве что в мече да плюмаже на шляпе.

Как раз в таверне, где он бывал наиболее часто, Посада де Паломарес, что неподалеку от Пуэра дель Аренал, впервые услышал Пабло о доне Кристобале Колоне. Сначала имя это случайно донеслось до его ушей, но вскоре оно было у всех на устах. Слава этого человека распространялась по Европе, и каждый день приносил все новые удивительные подробности великой экспеди-

ции, значительно расширившей границы известного мира. Колону приписывали чуть ли не те же заслуги, что и Создателю. А уж сколько говорилось о чудовищах, населявших доселе неведомые воды и земли. Дельфины, наяды, люди с собачьими лицами и с хвостами, пигмеи, ходящие на четырех ногах, гиганты с одним глазом во лбу. Упоминали и о странных животных, которых привез Колон, среди них птиц, говорящих человеческими голосами. Золото в Новом Свете встречалось так же часто, как грязь — в Испании, а драгоценные камни устилали русла рек. В каждом дворце, лачуге, монастыре, таверне, даже борделе главной темой разговоров стали в те дни дон Кристобаль Колон и его экспедиция. Его долгая борьба за признание послужила отличным исходным материалом для уличных певцов, и в сложенных ими куплетах доктора из Саламанки получили по заслугам. Действительно, над ними смеялась вся Испания.

А потом Севилью взбудоражило известие о скором приезде великого путешественника. Их величества повелели ему прибыть в Барселону, и он уже выехал из Палоса, начав триумфальное шествие по Испании.

И пока Севилья лихорадочно готовилась к торжественной встрече первооткрывателя новых миров, Пабло де Арана сидел за бутылкой вина, снедаемый мрачными мыслями. С чего, недоумевал он, такая суета? Выскочка-иностранец, безродный лигурец, обыкновенный моряк, которому нечего было терять, кроме своей жизни, рискнул переплыть океан и открыл там новые земли. Раз земли там были, их рано или поздно кто-нибудь да открыл. Ну почему надо поднимать столько шума?

Некоторые, возможно, соглашались с ним, но большинство отвергало подобные рассуждения, а кое-кто, рассердившись, угрожал, что заткнет эти слова ему в глотку.

Неприятие величия плавания в Индии, однако, не умерило любопытства Пабло, и в то памятное вербное воскресенье вместе со всем городом он вышел на улицу, чтобы встретить дону Кристобала.

Севилья сделала все, чтобы достойно принять героя. Мостовые устлала пальмовые листья, веточки мирты, жасмина, абрикосового, лимонного дерева, чуть ли не из каждого окна свешивались гобелены и полотна яркого бархата.

Отзвуки праздника проникли даже в уединение монастырей. На одну из улиц, по которой предстояло проехать Колону, выходила глухая стена, окружающая сад монастыря Санта-Паулы. В саду воздвигли подмости, чтобы сестры могли взглянуть на кавалькаду. Мать-

настоятельница, женщина образованная, отлично понимала значение открытия Колона и хотела, чтобы сестры оказали ему достойный прием, пусть и не выходя за пределы монастыря. Она же принесла известие о возвращении Колона своей племяннице Беатрис, в прошлом певичке, а теперь мирской сестре, набожностью удивляющей даже монахинь.

— Он совершил подвиг, достойный великого Сида, — щебетала мать-настоятельница. — Храбрый моряк, покоритель океана, на маленькой утлой каравелле преодолел все преграды, открыл новый мир и положил его к ногам доброй королевы Изабеллы. Он навеки прославил Испанию и нас, испанцев.

— Новый мир? — переспросила племянница, которая вышивала у окна.

— Не иначе. Он открыл острова, каждый из которых больше Испании, так мне, во всяком случае, говорили, а золота там столько, что наша страна станет самой богатой в мире. Часть этого богатства отойдет на подготовку крестового похода. И мы отобьем у неверных гроб господний. Дон Кристоаль, — добавила она, — едет из Палоса в Барселону.

— Дон Кристоаль? — у Беатрис перехватило дыхание, она посмотрела на высокую, статную мать-настоятельница.

— Путь его лежит через Севилью, — глаза той сверкали. — Его ждут здесь в воскресенье, и город готовится принять его с королевскими почестями. Санта-Паула должна внести свою лепту. Мы вывесим на стены наши лучшие гобелсы. Я думаю...

— Вы сказали, дон Кристоаль? — глухим голосом повторила Беатрис.

— Дон Кристоаль. Да, — мать-настоятельница с удовольствием произнесла все титулы первооткрывателя. — Благородный дон Кристоаль Колон, адмирал Моря-Океана и вице-король Индии.

— Господи, помоги мне, — Беатрис смертельно побледнела, откинулась на спинку стула, закрыла глаза.

— Что с тобой? Ты больна, дитя мое?

— Нет, нет, — Беатрис взяла себя в руки, выдавила из себя улыбку. — Все в порядке. Вы сказали... дон Кристоаль Колон... Вице-король, вы говорите...

— Именно, вице-король. Вице-король Индии, который он открыл. Разве он заслужил меньшего? Кто из живущих более достоин этого высокого титула? Покорение Гранады — значительное событие. Но что есть провинция по сравнению с целым миром? Сама видишь, мы

все должны достойно встретить его. Пойдем со мной. Поможешь мне отобрать лучшие гобелены.

Беатрис покорно последовала за ней, но мать-настоятельница отметила удивительную рассеянность своей племянницы и пожурила ее, ибо она не выказывала радости по поводу благополучного возвращения экспедиции.

Но Беатрис не приняла этих упреков. Лишь в редкие моменты не вспоминала она Кристобая и теперь благодарила Бога, что миссия его удалась. Успех Колона почти примирил Беатрис с тем, что она потеряла его навсегда, столь чистой и неэгоистичной была ее любовь к этому человеку. А может, думала она, и к лучшему, что их пути разошлись. Какое место мог предложить ей он, поднявшийся столь высоко? Кто она ему, как не помеха на его блистательном пути? Такое бескорыстие привело Беатрис на тропу смирения. Нельзя сказать, что путь этот дался ей легко. Тропа оказалась столь же крутой, что и Голгофа, и крестом, под тяжестью которого сгибалась Беатрис, стала мысль о том, с каким презрением вспоминает, если и вспоминает, ее Колон.

Боль ее усилилась бы от встречи с Колоном, но она не смогла заставить себя отказаться от едва ли не единственной возможности увидеть его. И в последний день марта стояла среди монахинь на помостях, возвышающихся над глухим забором, огораживающим сад. В черной накидке, как и они, под черным капюшоном вместо монашеского чепца.

Вскоре после полудня колоркальный звон возвестил о том, что дон Кристобаль Колон в городе.

Алькальд Севильи встретил его у Пуэрта де Корбова в сопровождении почетного эскорта конных альгасилов и произнес короткую приветственную речь. Часть альгасилов двинулись первыми, чтобы проложить Колону путь по узким улочкам, запруженным горожанами.

Алькальд, дон Руис де Сааведра, хотел вместе с адмиралом возглавить процессию. Но тот решил иначе, предлагая горожанам первым делом увидеть плоды своего успеха. Он сам сформировал колонну, пустив за альгасилами цепочку лошадей и мулов, груженных добычей, привезенной из Нового Света. Одни короба блестели золотом, в других лежали пряности и драгоценные камни. В клетке, подвешенной на шестах меж двух ослов, сидела пара игуан длиной в шесть футов каждая. Гигантские ящерицы вызвали крики удивления и ужаса горожан. В клетках поменьше сверкали разноцветьем оперения тропические птицы. С десятков матросов вели животных под уздцы, раздуваясь от гордости.

Сразу за ними следовала горстка индейцев, стройные тела которых для приличия прикрывали одеяла. Первая пара несла шесты с масками из дерева и золота, подаренные Колону касиками. Толпа изумленно ахала, во все глаза разглядывая туземцев, некоторые из которых разрисовали лица, а другие украсили волосы перьями птиц. Мужчины несли дротики или луки, у каждой из трех женщин на руке сидел попугай.

Севильцы вытягивали шею, чтобы получше разглядеть все эти чудеса, то и дело раздавались возгласы: "Господи, помоги нам!" да "Хесус Мария!" Но более всего потряс их большой попугай, сидевший на руке идущего последним индейца. Стоило индейцу почесать голову попугая, птица выкрикивала: "Вива эль рей дон Фердинандо и ла рэйна донья Исабель!"¹

Севильцы не могли поверить своим ушам, спрашивая себя, что же это за мир открыл Колон, если там могут говорить даже птицы. За индейцами вновь шли моряки Колона, а уж за ними он сам, первооткрыватель Индий, на белом арабском скакуне, в компании алькальда. Величественно, как принц крови, сидел он в седле, в алом, расшитом золотом камзоле и белоснежной рубашке, с обнаженной головой, и горожане видели, сколь щедро тронула седина его рыжеватые волосы.

Восторженные крики толпы вызвали улыбку на его губах, серые глаза сияли.

Когда Колон проезжал мимо монастыря Санта-Паулы, он поднял глаза, привлеченный возгласами приветствующих его монашек. А Беатрис, мгновением раньше, в страхе укрылась за спиной своей соседки, так что его взгляд увидел лишь сияющие под белыми чепцами лица монахинь.

Когда же, помахав рукой, Колон миновал монастырь, Беатрис выступила вперед, чтобы еще раз увидеть голову и спину.

Так уж вышло, что Пабло де Арана наблюдал за процессией с противоположной стороны улицы, как раз напротив монастыря Санта-Паулы. И едва прошли альгасилы, замыкающие процессию, горожане устремились следом, к Алькасару, где в честь вице-короля Индий городские власти давали банкет.

Пабло, однако, не пошел вместе с толпой. Человеческий поток обтекал его, а он застыл, как столб, намертво вкопанный в землю. На улице он уже остался один,

¹ "Да здравствует король Фердинанд и королева Изабелла".

но изумление все еще не отпускало его, не давая двинуться с места. Наконец, приняв решение, он скорым шагом пересек мостовую и вдоль стены монастыря, монашки уже давно покинули помост, направился к зеленой деревянной двери. Дернул за цепь колокольчика с такой силой, будто хотел разорвать его, прислушался к далекому звяканью.

Ставень на забранном решеткой окошке в двери приоткрылся, и на Пабло глянуло морщинистое лицо старого монастырского садовника. Глаза старика неприязненно оглядели гостя.

— Что тебе нужно? — сварливым голосом осведомился садовник.

— Прежде всего вежливости, — осадил его Пабло. — А потом передайте госпоже Беатрис Энрикес де Арана, что из Италии приехал ее брат и хочет ее видеть.

Взгляд старика стал подозрительным.

— Это ты ее брат?

— Я самый. А зовут меня Пабло де Арана.

— Подожди здесь.

Ставень захлопнулся. Пабло нетерпеливо ждал и уже вновь взялся за цепь колокольчика, когда заскрипели засовы и распахнулась дверь.

— Можешь заходить.

Он оказался в ухоженном саду, с аллеями, обсаженными миртом. Вдали, за шеренгой кипарисов, апельсиновыми и гранатовыми деревьями, белели стены монастыря.

Беатрис стояла у гранитного фонтана среди серебрянолистных алоэ. В черной накидке до пят, в простом сером платье безо всяких украшений. Капюшон она откинула, и в солнечном свете ее густые каштановые волосы отливали бронзой. Бледная, с напряженным лицом, испугом в глазах, наблюдала она за приближением Пабло.

— Слава Богу, ты на свободе, Пабло, — приветствовала она его.

— Свободой я обязан только себе, — отрезал он.

— Я рада... так рада... что они отпустили тебя.

— Отпустили? — он рассмеялся. — Отпустили на галеры. Вот куда отпустили они меня. Они и ты.

Тем самым он ясно дал понять, что пришел не как любящий брат. Упрека она, правда, не приняла.

— Как ты нашел меня?

— Благодаря случаю. Надеюсь, счастливому. Бог знает, я имею право на удачу. За всю жизнь она редко улыбалась мне.

Беатрис указала ему на гранитную скамью.

— Расскажи мне о побеге.

Пабло сел.

— Галера попала в шторм неподалеку от Малаги. Перед тем как она затонула, я успел прыгнуть в воду. Провел в море ночь и день, и уже полумертвого меня подобрала рыбаки. Они же высадили меня в Малаге. Я сказал, что бежал с турецкой галеры, благодаря чему получил приют в монастыре. Потом оказался в Севилье. Дьявол меня заведи, если я знал, зачем, пока сегодня утром не увидел тебя на монастырской стене. Да и сейчас не уверен, стоило ли мне приходить сюда. Не чувствую, что ты рада меня видеть.

Пока он говорил, Беатрис пристально разглядывала брата. От нее не укрылись ни вульгарный наряд, вкупе с мечом и плюмажем на шляпе, голодный блеск глаз, желание предстать в ее глазах мучеником. Однажды, из жалости, она только и думала, как бы защитить его от тягот повседневной жизни. Считала себя обязанной оберегать его, потому что они вышли из одного чрева. Убежала с ним из Испании. Пожертвовала бы ради него своей жизнью. Но все это ушло в далекое прошлое. Теперь же она находила Пабло отвратительным, зная, что отвращение это возникло в то мгновение, когда в венецианском подземелье он умолял ее продать свое тело, чтобы спасти его от заслуженного наказания. И в какой-то мере, слава Богу, что не до конца, она сделала это, о чем он просил, загубив жизнь, отказавшись от счастья.

Возможно, Пабло выбрал неудачный момент для визита. Возможно, при виде Кристобала вновь открылись начавшие затягиваться раны. Но Беатрис и не подумала скрыть отношение к брату. Она села на другой конец скамьи.

— Ты появился столь внезапно, столь неожиданно. И застал меня врасплох.

— Сюрприз, и не из приятных, так надо тебя понимать?

— Какая уж тут радость, если я знаю, что пребывание в Испании грозит тебе опасностью? — в словах ее, конечно, была и доля правды.

— Ш-ш-ш! Какого дьявола! — он торопливо оглянулся, чтобы убедиться, что их никто не подслушивает. И облегченно улыбнулся, не заметив ничего подозрительного. — Едва ли мне что-то грозит, если я буду держаться подальше от Кордовы. Да и сомнительно, чтобы и там кто-либо помнил о случившемся. С другой стороны, ты, конечно, права, и мне лучше уехать из этой проклятой страны. В этом ты можешь мне помочь, Беатрис.

— Помочь?

— Человек не может путешествовать с пустыми карманами. А я, как назло, без гроша, когда деньги нужны мне более всего.

— Я не помню, чтобы они у тебя когда-нибудь были.

— И ты еще насмехался надо мной, — он вновь изобразил из себя мученика. — Видит Бог, мне никогда не везло в жизни.

— А ты хоть чем-то заслужил это везение?

Кровь бросилась в лицо Пабло.

— Во всем виновата только ты. Ты сломала мне жизнь. А теперь еще и упрекаешь меня. Думаешь, я не знаю, чему обязан тебе? Думаешь, мне не сказали в Венеции, за что отправляют меня на галеры?

— К галерам тебя приговорили за кражу, — холодно напомнила ему Беатрис.

— Чтоб тебе проглотить твой бессовестный язык. Если б не ты, я бы давно обрел свободу. О, они все мне рассказали. Тебе дали шанс послужить Венеции, и ценой твоей службы было мое освобождение. Но разве заботила тебя судьба брата? Нет, ты обманула их, забыв обо мне. Обо мне, своем брате. Брате! Вот какая ты любящая сестра, Беатрис. Наша святая мать, упокой, Господь, ее душу, — он перекрестился, — должно быть, персвернулась в гробу от твоего предательства. И ты, однако, смеешь упрекать меня. Это... это невероятно.

В изумлении смотрела она на Пабло. Он... он не притворялся, не играл. Говорил искренне. Верил в то, что именно она виновата во всех его бедах. И в Беатрис медленно закипела злость.

— А они сказали тебе, что от меня требовалось? Сказали, на какую мерзость толкали? Так знай, они хотели, чтобы я поехала в Испанию и обворожила Кристо-баля Колона.

— Колона! Кристобаля Колона! — в изумлении у него отвисла челюсть. Еще не веря услышанному, он повторил: — Колона.

В волнении Беатрис сказала ему чуть больше, чем следовало.

— Да, Колона. Они хотели, чтобы я выкрала у него карту и, таким образом, помешала бы ему открыть Новый Свет и навеки прославить Испанию. Вот что от меня требовалось, ради чего я отправилась в Кордову, — ее глаза яростно блеснули. — Теперь ты все знаешь.

Но, если она пылала яростью, то Пабло совсем уже успокоился.

— Действительно, я этого не знал. Значит, ты при-

ехала в Кордову за картой. А что потом? Что помешало выкрасть ее?

— Беатрис презрительно усмехнулась.

— Мое грешное тело. И мое сердце. Мне открылась та низость, на которую меня толкали. Но из-за тебя, Пабло, я натворила такого, что зачтется мне и на том свете.

Под "таким" Пабло понимал только одно. Но поверил не сразу.

— Что же ты натворила? Ты говоришь загадками. Тебя попросили что-то сделать, ты вроде бы ничего не сделала, но все равно считаешь себя виноватой. Глупость какая-то.

— Неужели ты не понимаешь? Колон запал мне в душу. Мы полюбили друг друга.

— Дьявол! Что ты хочешь мне сказать? Ты была его любовницей?

Щеки Беатрис зарделись под его пристальным взглядом.

— Ты, конечно, оскорблен до глубины души, — и добавила в самозащиту. — Он предлагал мне выйти за него замуж.

— Замуж! Мой Бог! Замуж! Вице-король Индий! — его глаза широко раскрылись. — Ты никогда не лгала, Беатрис, и я должен верить тебе. Но чтобы вице-король хотел жениться на тебе... Матерь божья! — он задумался, теребя черную бороденку большим и указательным пальцами правой руки. — А почему бы и нет? Действительно, почему?

— Потому что у меня уже есть муж, хотя он недостойн и воспоминаний.

— Муж? Базилио? Фу! Можно считать, что он мертв.

— Но он жив.

— Он приговорен к галерам и останется там до последнего вздоха. Нужно было тебе упоминать о нем? Дура ты, Беатрис. Как ты могла упустить такую возможность? Мы все время хватаемся за соломинки, чтобы хоть как-то облегчить себе жизнь, а тебе выпала такая удача! Будь ты сейчас вице-королевой Индий, тебе не составило бы труда помочь бедолаге-брату. Конечно, ты никогда не думаешь обо мне. Не хочешь видеть, как все могло бы измениться для меня, — он уже чуть не плакал.

Беатрис же горько рассмеялась.

— На этот раз я действительно не подумала о тебе.

— На этот раз? А когда ты вообще вспоминала ме-

ня? О ком ты когда-либо думала, кроме себя? Ты же осу-
твила меня гнить в Подзи.

— Лучше бы мне и не питать иллюзий, что могу
вызволить тебя из подземелья.

— Ну вот, ты опять за свое. Лучше для тебя. Всегда
для тебя. Не для кого другого. Не для меня. И ты сме-
ешь говорить мне это в глаза!

Беатрис резко встала. Ей не хотелось иметь с бра-
том ничего общего. Что бы она ни сказала, в ответ по-
слышались бы все новые и новые упреки.

— Тебе лучше уйти, Пабло. Честно говоря, я не по-
нимаю, зачем ты приходил. Здесь ты ничего не полу-
чишь.

На мгновение Пабло даже потерял дар речи. Никог-
да не говорила она с ним столь холодно, столь отстра-
ненно. Поистине, это утро выдалось для него богатым на
сюрпризы.

— Пусть я умру, но ты же моя нежная, любящая
сестричка. Неужели у тебя нет сердца, Беатрис? Я же
сказал тебе, что у меня нет ни гроша, а ты... ты... — от
негодования у него перехватило дыхание. — Это выше че-
ловеческих сил!

— Тебе нужны деньги? Поэтому ты искал меня?

— Нет! — возмущенно прогремел он. — Я пришел,
потому что для меня кровь людская — не водица, потому
что ты — моя сестра, потому что люблю тебя, как брат.
Потому что я не такая бесчувственная рыба, как ты, Бе-
атрис. Вот почему я пришел.

— Жаль, что я разочаровала тебя, Пабло. Если же
ты пришел за деньгами...

— Я сказал, что нет. Нет. Но я попал в такую по-
лосу неудач, что не могу отказаться от помощи любого,
даже если это мой злейший враг. Если приходится выби-
рать между гордостью и голодом, гордость должна усту-
пить. На пустой желудок трудно сохранить прямой спи-
ну.

— Я поняла. Подожди здесь.

И Беатрис оставила его наедине со своими мыслями,
не слишком приятными. Какой бы ни была причина его
прихода к Беатрис, едва ли он сам мог назвать истин-
ную, но встреча не принесла ему ничего, кроме разоча-
рования. Горько осознавать себя незванным гостем для
ближайшей родственницы, видеть, что родную сестру ни-
сколько не волнуют его неудачи. Впрочем, и раньше он
не был высокого мнения об умственных способностях Бе-
атрис. Только круглая идиотка могла пройти мимо такого
шанса, любезно предложенного судьбой. Да, такова уж

ирония жизни, что Господь Бог всегда подсовывает орешки беззубым.

Возвращение Беатрис прервало его меланхолические размышления. Она протянула ему маленький зеленый вязанный кошелек, сквозь петли которого проблескивало золото и серебро.

— Это все, что я могу дать тебе, Пабло. Тут половина всех моих денег.

— Лучше что-то, чем ничего, — поблагодарил он ее, подкидывая кошелек на ладони. — На что ты живешь, Беатрис?

— Учю музыке, продаю вышивания, помогаю в монастыре по мелочам. Тетя Клара очень добра ко мне.

— Тетя Клара? Ну конечно. Как же я мог забыть. Она аббатиса, не так ли?

— Мать-настоятельница монастыря Санта-Паулы.

— Мне следовало вспомнить об этом раньше, — он сокрушенно покачал головой. — Надо заглянуть к ней. В конце концов, она сестра нашей матери.

— Не стоит тебе этого делать, — возразила Беатрис. — Она у нас строгих взглядов, и ей известно о твоих... похождениях в Кордове.

— И ты думаешь... — вот и еще один неприятный сюрприз. — Дьявол. Ну и семейка подобралась у меня.

— Да, с родственниками тебе не повезло. Пойдем, Пабло, я провожу тебя.

В мрачном настроении последовал он за Беатрис. Но остановился на полпути к стене.

— Зачем тебе такая скучная жизнь, Беатрис? Вышивание, уроки музыки, — он скорчил гримасу.

— Этого достаточно. Я обрела покой.

— Покой и нищету. Отвратительное сочетание. Тем более для женщины с твоей внешностью. Какой у тебя голос, какие ноги. Да за твои песни и танцы тебя осыплют золотом. Если я буду оберегать тебя, мы сможем снова поехать в Италию. Я буду там в полной безопасности, разумеется, за пределами Венецианской Республики. Что ты на это скажешь?

— Значит, ты пришел за этим?

— Такая мысль только сейчас осенила меня. Пусть я умру, если не так. Мысль-то отличная. Ты не будешь этого отрицать.

— Благодарю за заботу, — улыбка Беатрис ему не понравилась. — Но здесь у меня есть все, что нужно, — она двинулась к калитке, и ему не осталось ничего другого, как пойти следом.

— Дьявол меня разрази, Беатрис, разве можно до-

вольствоваться столь малым?

— Можно. Сказано же в заповедях, блаженны кроткие.

Она отодвинула засовы.

— К дьяволу заповеди, — взорвался Пабло. — Под моей защитой ты сможешь жить в роскоши. И не перетруждаясь.

— Не лучше, чем здесь, — Беатрис открыла дверь. — Иди с Богом, Пабло. Я помолюсь за тебя. Рада, что ты на свободе. Будем надеяться, что ты опять не попадешь в темницу.

— Святая Мария! Какой толк от свободы, если нет денег. Подумай о моем предложении. Я еще зайду.

Беатрис покачала головой.

— Не стоит, Пабло. Это небезопасно. Тут тетя Клара. Иди.

Пабло шагнул вперед, кляня эгоизм сестры. А Беатрис закрыла дверь и задвинула засовы, отгородившись от Пабло и его отношения к жизни.

Глава 36 ТЕ ДЕУМ



т короля и королевы дону Кристобалу Колону, их адмиралу Моря-Океана и вице-королю и губернатору островов, открытых в Индиях“.

Конверт с такой надписью вручил Колону королевский посыльный на следующее утро после прибытия адмирала в Севилью. Остановился он во дворце графа Сифузитеса, который принял его с почестями, оказываемыми только царственным особам.

Сама по себе надпись на конверте указывала на более чем доброжелательное отношение к нему правителей Испании. Никогда раньше королевское письмо подданному не содержало таких теплых слов благодарности, признания неоплатного долга, в котором оказалось перед Колонном государство. Ибо его фантазии обратились в огромный, бесконечно богатый мир, над которым засияла корона Испании. Но Колон знал себе цену и не раздулся от гордости, получив это письмо. Если оно и льстило его самолюбию, внешне он ничем этого не выдал. Да и к чему теперь восхвалять себя, справедливо полагал он. Его дела куда как прославили его, и в глазах мира он стоял едва ли не выше королей.

Письмо не ограничивалось одними комплиментами.

Их величества просили Колона поспешить в Барселону, чтобы из его уст услышать о новой империи. Ему предлагалось незамедлительно начать подготовку новой экспедиции в Индию, и казначейство, с которым он недавно спорил за каждый мараведи, на этот раз предоставляло ему неограниченный кредит. Заканчивалось письмо заверениями в ожидающем его теплом приеме и обещаниями новых титулов и почестей.

До Барселоны Колон добрался в середине апреля, и по всей Испании его чествовали, как возвращающегося с победой римского императора.

Но торжества в Барселоне по размаху не знали себе равных. На подъезде к городу Колон встретила кавалькада придворных, среди которых были и самые титулованные дворяне. Триумфальные арки, украшенные гобеленами балконы, грохот орудий, цветочный дождь отмечали его продвижение от городских ворот до дворца.

Их величества ожидали его в главном зале под навесом из золотой материи. Тут же собрался весь двор: гранды Испании в бархате и парче, рыцари Калатравы и Сантьяго, прелаты в лиловых сутанах, кардинал Испании, весь в алом, военачальники выстроились по обе стороны навеса. Придворные дамы встали за спиной королевы и справа от нее.

Трубачи возвестили о прибытии Колона, и придворные возбужденно загудели.

Два служителя отдернули гобелены, закрывающие ведущую в зал арку, и Колон выступил вперед, высокий, с гордо поднятой головой. Бесстрастное его лицо скрывало внутреннее волнение. Одет он был в роскошный красный камзол, отороченный собольим мехом.

На мгновение застыл на пороге, сосредоточив на себе взгляды всех, кто находился в зале.

Не отрывая от него глаз и прекрасная маркиза Мойя, стоявшая за спиной королевы. Она гордилась успехом человека, который, будь на то ее воля, принадлежал бы ей душой и телом. У Сантанхеля даже затуманился взор. Колон с блеском оправдал его надежды и ожидания. А около принца Хуана широко улыбался высокий, для своих двенадцати лет, юноша, Диего Колон, в последние недели купавшийся в отсветах славы своего великого отца.

Выдержав паузу, Колон направился к навесу, и тут произошло событие, не знающее прецедента на памяти старейшего из придворных. Их величества поднялись, чтобы встретить Колона стоя.

Колон ускорил шаг, взлетев на возвышение под на-

весом, где и преклонил колени, чтобы поцеловать протянутые ему королевские руки, под доброжелательными взглядами их величеств. Эти же руки незамедлительно подняли Колону, и не только с колен. Королева повернулась к Фонсеке, стоявшему рядом с возвышением.

— Дон Хуан, — и последовала невероятная команда, — будьте так добры, принесите стул для дона Кристобала.

Желтое лицо Фонсеки пожелтело еще больше, чуть выпученные глаза сверкали злобой. Мало того, что этот иноземный авантюрист будет сидеть в присутствии их величеств, так его, потомственного кастильского дворянина, заставляют, как лакея, принести стул. Но дону Хуану не оставалось ничего иного, как проглотить свое негодование и исполнить приказ.

— Пожалуйста, садитесь, дон Кристобаль, — улыбнулась королева и сама опустилась на трон.

Тут дрогнул даже Колон.

— Слишком большая честь, ваше величество, — отклонил он предложение королевы.

Но ее поддержал король Фердинанд.

— Слишком большая для всех, кроме великих, — такой теплой улыбки на его лице Колон еще не видел. — Садитесь, мой вице-король.

И Колон с душевным трепетом сел, ибо понял, что для владык Испании он уже не подданный, но равный им. Сел, и взгляд его прошелся по стоящим полукругом грандам, прелатам, восначальникам, на мгновение задержался на маркизе Мойя, которая чуть подмигнула ему.

— Мы собрались здесь, дон Кристобаль, — улыбнулась королева, — чтобы услышать рассказ о вашем великом путешествии.

Колон не замедлил с ответом, заранее подготовив его.

— К радости вашего величества, милосердием Господа, в чьих руках я не более чем инструмент, исполнитель воли Его, о чем я всегда и заявлял, хотя мне и не верили, я кладу к подножию вашего трона империю, богатство которой невозможно измерить.

После этого, еще раз подчеркнув свою роль в открытии Индий, он перешел непосредственно к рассказу.

Все, что довелось ему увидеть, не могло не поразить воображения даже искушенного человека, и Колон стремился не упустить мельчайших подробностей. Он повторил, как уже указывал в письме их величествам, что длинной побережья Куба сравнима с Англией и Шотландией, вместе взятыми, а Эспаньола площадью не уступа-

ет Испания, не говоря уже о меньших островах, вроде Сан-Сальвадора, который они увидели первым из всех. Не забыл упомянуть о чудесном мягком климате островов, удивительном плодородии почвы, богатстве и разнообразии фруктов и прочей растительности, бескрайних лесах с могучими деревьями, хлопке, специях и, конечно, туземцах, по невинности своей не знающих одежды, послушных и работающих, жаждущих принять христианскую веру. А напоследок подчеркнул, сколь богаты тамошние земли золотом, жемчугом, драгоценными камнями. Золото, утверждал Колон, там можно добывать, как глину в Испании. Нужно строить рудники, а рабочей силы будет вдосталь, ибо новые подданные их величеств с радостью потрутся во славу королевства. Жемчуг, продолжал он, на островах собирают корзинами, драгоценных камней тоже хватает. И при этом нужно не забывать, напомнил Колон присутствующим, что побывал он лишь на границах новой империи и дальнейшим открытиями помешала гибель "Санта-Марии", после чего он счел за благо вернуться домой и доложить о достигнутом. И множество островов, как он понял со слов лукайцев, еще ждут открытия и освоения, а за ними лежит целый материк.

О том, что Эспаньола, по его убеждению, и есть Сипангу Марко Поло, Колон предпочел не упоминать. Какие-то сомнения у него все же оставались, и ему не хотелось делать однозначные выводы.

Рассказ неоднократно прерывался ахами и охами восторга, Новый Свет уже блистал перед слушателями всеми цветами радуги, когда Колон попросил у их величеств дозволения показать малые образцы того, что в изытке имелось за океаном.

И то, что вслед за полученным дозволением продемонстрировал Колон придворным, потрясло их сильнее слов, хотя казалось, что рассказ уже поразил их до глубины души.

Шесть индейцев, трое мужчин и трое женщин, вошли в зал. Уважая чувства их величеств и придворных, пояснил Колон, он не мог показать туземцев в их девственной наготе, а посему попросил прикрыть тело одеялами. Но и так испанцы смотрели на них, вытаращив глаза.

Жесткие черные волосы мужчин украшали красные и зеленые перья попугаев. Черные круги у глаз и полосы на щеках придавали им свирепый вид. Еще больше удивления вызвали женщины, стройные, гибкие, с золотистой кожей.

Неторопливо, легкой кошачьей походкой, мужчины приближались к трону, пока их не остановила поднятая рука Колона. Тогда они опустились на колени, а затем распростерлись перед их величествами, касаясь лбами пола. Женщины склонились в глубоком поклоне.

Потом шестерку индейцев отвели в сторону, и в зал вошел седьмой, в одной лишь набедренной повязке, с разрисованными лицом и телом, с перышками в черной гриве волос. В правой руке он держал золотую пластину, свернутую в хомут. На ней сидел большой зеленый попугай.

Индеец подошел к возвышению, опустился на колени, почесал головку попугая, что-то прошептал. Птица взмахнула крыльями, а затем громко и отчетливо произнесла:

— Вива эль рей дон Фердинандо и ла рейна донья Исабель.

Услышав, как птица говорит человеческим голосом, королева даже отпрянула в испуге, а придворные начали изумленно перешептываться.

Белые зубы индейца блеснули в улыбке, он встал.

— Вива эль Альмиранте! — прокричал попугай. — Вива дон Кристобаль!

— Да здравствует, — отозвался король. — Увидеть такое чудо мы не ожидали, дон Кристобаль.

— Это только начало, ваше величество, — заверил его Колон. — Я привез вам многое, многое другое.

знаком он предложил лукайцу присоединиться к первой шестерке, а в зал вошли моряки с коробами в руках. Из них он доставал золотой песок, самородки, грубые золотые украшения, камни с прожилками золота и передавал их величествам.

— Это лишь образцы. Малая толика того, что там есть. Будь у меня в трюме достаточно места, я бы завалил золотом весь этот зал.

— Клянусь Богом, мы позаботимся о том, чтобы в следующий раз места вам хватило, — король Фердинанд завороченно смотрел на тускло блестящие самородки.

Голос королевы дрожал от волнения.

— Какое же могущество, дабы было оно употреблено на добрые дела, передали вы в наши руки, дон Кристобаль.

— И поэтому, ваше величество, почитаю себя счастливейшим из смертных.

Это уж точно, подумали придворные, в большинстве своем не испытывая особой радости. Ибо в душе многие ревновали этого иноземного выскочку, завладевшего вни-

манием их величеств и получающего от них почести, которые им, несмотря на самое высокое происхождение, и не снились. И не у одного гранда лицо потемнело от злобы, пока Колон демонстрировал все новые и новые чудеса: маски, статуэтки, вырезанные из твердого, как железо, дерева, вату, гамаки, стрелы и луки, птиц с ярким опереньем, как уличный торговец, нашли они подходящее сравнение, раскладывает свой товар, чтобы выманить лишний грош у глупой домохозяйки. Их величества же только нахваливали Колону да всячески выказывали ему свое благоволение.

А когда похвалы Колону иссякли, они возблагодарили Господа Бога. Опустились на колени прямо на возвышении, и все придворные тут же последовали их примеру. Со слезами на глазах королева произнесла короткую молитву.

— Смирненно благодарим мы тебя, о Господи, за щедрый дар и молим Тебя научить нас воспользоваться им, чтобы еще более прославить имя Твое.

Вдохновленный словами королевы, видя, какие чувства переполняют ее сердце, Талавсра запел *Te deum laudamus*¹. Мгновенно все придворные подхватили благодарственный гимн, и звуки его заполнили огромный зал, эхом отражаясь от сводчатого потолка.

Глава 37 ЗЕНИТ



о вот все и окончилось.

Грандиозный прием достиг пика в Те Деуме, когда люди, обращая слова Богу, в душе благодарили Колону.

Потом правители Испании приняли Колону у себя и в дружеской беседе заверили адмирала, что все ресурсы Кастилии и Арагона в полном его распоряжении.

При разговоре присутствовал принц Хуан, а принца сопровождал маленький Диего, который держал отца за руку, пока тот говорил с их величествами. С поздравлениями подходили и другие. Знатнейшие испанские гранды, Мендоса, кардинал Испании, Эрнандо де Талавера, архиепископ Гранады, сдержанный в комплиментах, но

¹ Тебя, Боже, хвалим — начальные слова католического благодарственного гимна.

признавший, что сожалеет о прежнем недоверии, адмирал дон Матиас Ресенде, раскаивающийся в давешнем скептицизме. И многие, многие из тех, кто совсем недавно не мог смотреть на Колона без усмешки. Разумеется, к их числу не относились Кабрера и его красавица жена. Они-то с первой встречи безоговорочно поддерживали Колона.

Маркиза, тепло пожав ему руку, одарила взглядом, от которого когда-то он едва не потерял голову.

— Доказав свою правоту, вы подтвердили правильность наших суждений, Кристоаль. Так что и нам принадлежит часть одержанной вами победы.

Кабрера подмигнул Колону.

— Остерегайтесь ее. Еще немного, и она потребует свою долю в открытии Индий.

— Она требует лишь принадлежащего ей по праву, — улыбнулся Колон. — Разве не она открыла первооткрывателя?

— Вы щедры, — маркиза еще сильнее сжала руку Колона. — Слишком щедры. Но я делала все, что в моих силах.

— И результаты налицо.

Позднее, однако, наедине с Сантанхелем, он отозвался об этих же результатах иначе.

Поселили Колона во дворце, и в тот же вечер среди роскошных гобеленов и персидских ковров он принимал старого канцлера, переполненного безмерной радостью.

— Вы знаете, как я верил в вас, сын мой, — без устали повторял дон Луис. — Но ваши открытия превосходят все то, что я мог ожидать, и, позвольте предположить, наверно, все то, что вы ожидали сами.

Колон добродушно рассмеялся. Наедине с доном Луисом он не нуждался в маске самодовольного гордцеа и мог позволить себе откровенность.

— Превосходят, и намного. Фортуна оказалась благосклонной ко мне более, чем я заслуживал, и, между нами говоря, порази меня Бог, если я знаю, что открыл. Во всяком случае, не тот Сипанту, кто значился на моей карте.

— Одно, по крайней мере, вы знаете, — взгляд дона Луиса лучился отцовской любовью. — Вы знаете, как удержать на плечах ношу величия и не согнуться под ней. Для этого требуется врожденное благородство, — он помрачнел. — Вы столкнетесь с завистью и злобой. Вам будут яростно противодействовать. Но я верю, что вы дадите им достойный отпор и одержите победу.

— Ба! Да стоит ли принимать их всерьез? Трудно предугадать, что уготовила мне судьба, но уж эти-то бу-

дут тут как тут. Меня не смущает их мышиная возня.

Однако тон его не понравился дону Луису, прохаживающемуся по комнате, и он пристально посмотрел на Колона. Тот сидел, уперевшись локтями в колени, с взглядом, устремленным в никуда.

— Крестобаль, что вас гложет? О чем вы думаете?

Колон вздохнул. Улыбнулся.

— О чем? Лесёф опьянила меня. Слишком долго не пил я этого вина, оно ударило мне в голову и затуманило взор, мелкое увеличилось в размерах, никчемное заблестело золотом. Но едва пары выветрились, взгляд мой стал зорче. Вот что гложет меня, дон Луис.

У канцлера округлились глаза.

— Теперь еще и чудовищная неблагодарность! Вас обласкали принцы, в вашем распоряжении деньги, люди, корабли, вы можете сами выбирать друзей, вам улыбаются все женщины, и тем не менее вы находите повод для жалоб. Вы просто ненасытны, если не удовлетворены сегодняшним торжеством.

— В иной ситуации я был бы на вершине блаженства. Но нужно ли все это человеку, если он... одинок.

— Одинок? В такой миг?

— Да, одинок. В преодолении океанской стихии, в стремлении открыть новые земли мне помогала уверенность в том, что во время моего отсутствия поиски ваши завершатся успешно.

— Беатрис? — осенило Сантанхеля.

Колон кивнул.

— Ваше письмо, полученное мною в Севилье, обратило эти надежды в прах. Гордость и утоленное тщеславие до сих пор поддерживали меня, вдохновляли, заглушали боль, — Колон встал. — Хорошо, конечно, зачаровывать их величества рассказом об увиденных чудесах, поразить их добытыми за океаном трофеями, знать, что весь мир восторгается моими открытиями. Лучи славы ослепляли меня, отрезали от реальностей жизни. Но теперь, наедине с собой, я вижу, как мизерны мои достижения в сравнении с тем, какими они могли бы быть, если б плоды моих трудов я мог сложить к ногам Беатрис. А без нее моя слава становится горстью пепла.

— Она так много значит для вас?! — голос Сантанхеля переполняло сострадание.

— Так много, — эхом отозвался Колон.

Канцлер подошел и положил руку ему на плечо.

— Но почему такое отчаяние? Поиски продолжаются. Она где-то в Испании, и рано или поздно мы ее найдем.

— Где-то в Испании? Почему? Мир велик. Она бы-

вала за границей. Почему ей не уехать снова, тем более что на родине ее ничего не держит? Да жива ли она? А если жива, то как она живет? Вы представляете, какая мука этот вопрос для влюбленного? Без средств к существованию, куда ее может подтолкнуть жизнь? И я, отказавший ей в доверии? Кто уверит меня, что она не умерла, а если жива, то ей нечего стыдиться? Теперь, наверно, вы понимаете, что есть все мои приобретения по сравнению с такой потерей?

— Мужайтесь, сын мой! Мужайтесь! — попытался ободрить его Сантанхель. — Вы мучаете себя воображаемыми страхами. У вас нет ни грана доказательств. Не теряйте веры, и Беатрис найдется.

Мужество Колонухватило, и он внешне ничем не выдавал свою боль, хотя Сантанхель чувствовал, что она мешает адмиралу насладиться триумфом. И последующие дни Колон делил между торжественными приемами и обществом маленького сына, любовь которого оказалась способной скрасить его одиночество.

Много времени проводил он и с правителями Испании. Получил фамильный герб, украшенный львом Арагона и замком Кастилии, вызвав зависть родовитых грандов.

Часто ездил верхом на улицах Барселоны рядом с королем Фердинандом, приветствуемый восторженными криками горожан. Великий Мендоса, кардинал Испании, которого не зря называли Третий король, устроил банкет в его честь, на котором присутствовали, по доброй воле и без оной, знатнейшие из знатных. Маркиза Мойя сидела по правую руку и заботливо опекала его, давая пищу злым языкам. Колон же показал себя галантным кавалером. Его отношение к маркизе осталось тем же, но взгляд ее огромных глаз уже не заставлял учащенно биться сердце, а белые полукрещья груди в глубоком вырезе платья не зажигали кровь. Для него существовала только одна женщина.

Долгие часы уходили на подготовку новой экспедиции. Не две или три каравеллы, но могучая эскадра в двадцать или более судов готовилась доставить в Новый Свет более тысячи человек для освоения уже принадлежащих Испании островов и открытия новых земель.

И вот пришел день, когда в присутствии Сантанхеля началось обсуждение финансовых аспектов экспедиции. Однако, к явному неудовольствию правителей Испании, их прервали. События в Фуэросе требовали немедленного вмешательства короля Арагона.

— Позвольте мне самой довести дело до кон-

ца, — предложила королева, которой хотелось сегодня же поставить точку.

— Прошу вас, мадам, — взмолился Фердинанд, — дайте отложим этот разговор. Мне кажется, я не буду лишним, когда придет время принимать решение.

И королева не стала спорить.

— Как угодно вашему величеству. Значит, завтра в полдень, дон Кристобаль. А потом вы останетесь пообедать с нами.

Фердинанд улыбнулся.

— Вот и прскрасно. Вы очень добры, мадам. До завтра, дон Кристобаль.

Колон поклонился.

— Целую ноги ваших величеств.

Глава 38

САТИСФАКЦИЯ



тот же день, когда Колон вернулся к себе, паж передал ему, что некий дон Пабло де Арана нижайше просит принять его.

Надо отметить, что Колон, поднявшись столь высоко в придворной иерархии, оставался доступен всем, кто хотел его видеть.

В отличие от многих знаменитостей, он не стал затворником. Имя ничего не сказало ему, но он приказал ввести незнакомца.

Он увидел перед собой еще молодого мужчину, среднего роста, худого, довольно небрежно одетого. На бледном бородатом лице лихорадочно блестели черные глаза.

— Вы — дон Кристобаль Колон? — осведомился незнакомец.

— К вашим услугам, — адмирал поклонился и сел, знаком предложив незнакомцу последовать его примеру. — Что вам угодно от меня?

Незнакомец даже не взглянул на стул.

— Сатисфакции.

Брови Колон^а удивленно взлетели вверх, в голову закралась мысль, а не сумасшедший ли пожаловал к нему.

— Сатисфакции? — переспросил он. — За что же?

— За то зло, что причинили вы моей сестре.

Тут уж Колон не выдержал. Рассмеявшись, встал.

— Вы принимаете меня за кого-то другого. Я не имею чести знать вашу сестру.

— Так говорят все соблазнитель, — стоял на своем

Пабло. — Со мной у вас этот номер не пройдет.

— Не пройдет? А чего вы от меня хотите?

— Компенсации. Вот чего я требую у вас. Компенсации. Колону начал надоедать этот навязчивый гость.

— Дорогой мой, дверь у вас за спиной. Воспользуйтесь ею сами, пока я не кликнул слугу и он не выгнал вас палкой.

Незнакомец скорчил гримасу.

— Стоит ли проявлять такое неблагоприятное? Вы же сегодня знаменитость, не так ли, дон Кристобаль? Адмирал, вице-король и еще бог знает кто. Но все ваше величие не защитит вас. Выгоните меня, и весь мир узнает о вашем злодействе. Тогда мы посмотрим, будет ли благоволить к вам королева или...

— Достаточно! — оборвал его Колон. — Ваше общество мне не нравится. Вон отсюда, не испытывайте моего терпения.

Пабло отступил на шаг. Развел руками.

— Пусть будет так. Я надеялся спасти ваше имя от позора, надеялся, что вы внемлете голосу разума. Нет, нет, я ухожу, — добавил он, видя, как наливаются кровью лицо Колона. — Но не удивляйтесь, если я расскажу кому-то еще историю о том, что вы сделали с бедной Беатрис Энрикес.

— С кем? — проревел Колон.

Пабло уже оказался у двери, но тут понял, что едва ли Колон набросится на него с кулаками. И на его губах заиграла улыбка.

— Я же сказал, с Беатрис Энрикес. Видно, вы меня сразу не поняли. Она моя сестра.

Колон побледнел, дыхание его участилось.

— Где Беатрис? — сам того не ведая, он разом поставил себя в положение защищающегося.

А Пабло быстренько сообразил, что к чему, и покачал головой.

— Этого я вам не скажу.

— Почему же? Как еще могу я возместить нанесенный ей урон? — в голосе адмирала появились просительные нотки. — Да, я знаю, что был не прав. Знаю! И из-за этого на мою долю выпало немало страданий, хотя я их и заслужил. Но теперь, хвала Деве Марии, вы пришли ко мне, чтобы положить этому конец. Ну, где она? Говорите?!

Пабло лишь молча смотрел на него. Он-то ожидал совсем другого хода событий. Где-то в его расчеты вкралась ошибка. И не оставалось ничего иного, как тянуть время, чтобы успеть разобраться, что к чему.

— Почему я должен сказать вам, где она?

— Почему? Разумеется, чтобы я незамедлительно поехал к ней.

— А с чего вы взяли, что она захочет вас принять? Колон побледнел еще больше.

— Неужели вы думаете, что она не простит меня?

— А вас это удивляет?

Колон не ответил. Постоял, глубоко задумавшись. Походил по комнате под пристальным взглядом Пабло. Остановился перед ним. Вскинул голову. Лицо его возбужденно горело, но голос остался ровным и спокойным.

— Я должен рискнуть. Должен поехать к ней. Увидеть ее и объяснить. В конце концов, речь идет о ее счастье, так же, как и о моем. Где она? Говорите.

— Я не могу нарушить данное ей слово, — бессовестно лгал Пабло.

— Она вас простит. Говорите. Не заставляйте меня ждать, — голос его дрожал от нетерпения.

Пабло по-прежнему пребывал в замешательстве, поскольку Колон разом лишил его всех, казавшихся ему вескими, аргументов. Каким образом, недоумевал он, Колон узнал, что Беатрис — не предательница. И почему Беатрис вела себя так, словно нанесла Колону непоправимый урон и сама не рассчитывает на прощение? Не зная, как вести себя дальше, Пабло мог лишь уклоняться от прямого ответа и смотреть, что из этого выйдет.

— Вы, похоже, плохо ее знаете, если думаете, что она вас простит.

Колон же буравил его взглядом, причем в глазах его появилось новое выражение, почему-то сразу встревожившее Пабло.

— А зачем же вы явились сюда? Вы говорили о сатисфакции, возмещении ущерба, не так ли? Что за возмещение вы имели в виду?

Под взглядом серых, холодных глаз Пабло переминался с ноги на ногу, медля с ответом.

— А как обычно возмещают ущерб обманутой и брошенной женщине?

— Не знаю. Мне такого делать не доводилось.

Пабло наеупился. Ему никак не удавалось взять верх. Он пожал плечами.

— По-моему, все просто. Если у нее нет средств к существованию... — он не договорил, отведя глаза.

— А! Деньги. Вот за чем вы пришли?

— Именно за этим.

— Я понимаю. Понимаю, — от его тона по спине Пабло пробежал холодок. — И вы смеете утверждать, что вас послала Беатрис?

Колон резко поднял руку. Чтобы избежать удара, Пабло не только отшатнулся, но и ответил: "Разумеется, нет".

— Ага!

— Беатрис скорее умрет, чем прикоснется хоть к одному вашему маравсди, — быстро добавил Пабло. — Но это не означает, что вы не должны позаботиться о ее благополучии, — тут ему показалось, что он нащупал правильный путь. — Я — ее брат и должен приложить все силы, чтобы она ни в чем не нуждалась.

— Вы совершенно правы. И в этом меня не надо принуждать. Все мое состояние принадлежит ей. Но услышит она об этом от меня. Так что скажите мне, где ее найти.

— Ни за что. Она не хочет вас видеть и не примет от вас и ломаного гроша.

— Значит, милостыню она будет получать от вас. Понятно. Но можно ли вам доверять?

— У вас нет иного выхода.

— Я еще могу указать вам на дверь.

— И позволите, чтобы я ославил великого дона Кристобалья Колона? Подал королеве петицию с просьбой наказать соблазнителя моей сестры? Вы этого хотите?

И вот тут, когда Пабло уже уверовал, что победа у него в кармане, Колон громко рассмеялся.

— Жалкая тварь. Кажется, я начинаю вспоминать, кто ты такой. Уж не ради ли того, чтобы спасти тебя от венецианских галер, решилась она на предательство, которое разлучило нас?

Пабло этот вопрос ой как не понравился. Что еще мог знать о нем адмирал? Он проклял болтливость Беатрис.

— Ну и что? — Пабло попер напролом. — Она повиновалась сестринскому инстинкту.

— Или поддалась уговорам брата. Но ты, я вижу, удрал с галер, чтобы взяться за старое.

— С венецианских галер, — отпарировал Пабло. — А на Испанию законы Венеции не распространяются. И довольно обо мне. Что вы готовы сделать для моей сестры?

— Все что угодно, как только ты скажешь, где ее найти.

— Мы ходим кругами. Этого вы от меня не узнаете.

— Дружок, ты поступаешь не по-братски. Сам же говорил, что заботишься о благополучии сестры. Я могу осчастливить ее и сам найти счастье. Ну же. Где она?

— Вы заставляете меня повторяться. Я ничего вам не скажу.

— Даже если я заплачу?

Пабло мигнул, не веря своим ушам. А затем гулко забилось его сердце. Он загнал-таки жертву в угол. Великий Колон в полной его власти. Пабло подергал бородку, выдерживая паузу.

— Вы меня искушаете. Но... Ладно, если есть на то ваше желание. Тысяча золотых флоринов для вас сущий пустяк. И будьте уверены, вы найдете Беатрис там, где я ее оставил. Она в монастыре. Пусть я умру, если лгу. Тысячу золотых флоринов, и я скажу вам, где ее найти.

— Скромные у тебя запросы. Я хотел дать куда более высокую цену.

— Да? — глаза Пабло зажглись алчностью. Он поклонился. — Я полностью полагаюсь на вас.

— Мудрое решение. Ибо цена, которую я намерен дать за то, что ты сообщил мне ее местонахождение, — твоя жизнь.

— Моя жизнь?!

Колон усмехнулся. Потом лицо его посуровело.

— Видишь ли, о тебе мне кое-что известно. К примеру, почему ты ускал в Италию, захватив с собой сестру, как жил там на ее заработки. Ты удрал из Кордовы, потому что убил человека. Я не знаю его имени. Но это и неважно. Имя это наверняка помнит мой добрый друг, дон Ксавьер Пастор, коррехидор Кордовы. Он, разумеется, поблагодарит меня, если я отправлю тебя к нему, и именно так я и поступлю, если ты не скажешь, где найти Беатрис. Так что выбирай сам, мой бесстыжий приятель.

От обретенной было уверенности Араны не осталось и следа. Глаза его выкатились из орбит. Задрожали губы. Долго еще он не мог произнести ни слова, а затем разразился потоком ругательств. Ярость и страх боролись в нем, но злился он не столько на Колону, как на Беатрис, которая выдала его с потрохами.

— Хватит! — Колону надосло выслушивать вопли Пабло. — Мы и так потеряли много времени. Выбирай

— Проклятье! Пусть я умру, но это несправедливо. Вы не оставляете мне никакого выбора.

— Наоборот. Я даю тебе то, что ты никоим образом не заслужил. У коррехидора есть средства развязывать людям язык, даже самым отважным храбрецам. Ты же, похоже, если чем и отличаешься, то только не храбростью. Поэтому отвечай на мой вопрос. А чтобы ты не думал, что со мной можно затеять новую игру, я хочу сразу сказать тебе, что до моего возвращения ты сидишь за решеткой. И я передам тебя коррехидору, если ты сейчас солжешь мне. Считаю, что ты предупрежден.

— А где гарантии, что вы не обманете меня, если я скажу, где Беатрис?

— Никаких гарантий ты не получишь. Придется тебе поверить мне на слово. Но я бы не стал тратить на тебя столько времени, если б не собирался отпустить на свободу после того, как найду Беатрис. Я бы мог сразу отправить тебя в Кордову, и на дыбе ты все рассказал бы сам.

Тут уж Пабло окончательно понял, что проиграл.

— Беатрис в монастыре Санта-Паулы в Севилье.

Глаза Колона сверкнули.

— Это правда?

— Клянусь моей душой.

— Сомневаюсь, что она у тебя есть. Ну да ладно. Думаю, у тебя не хватит духа лгать мне. Когда я вернусь, ты получишь пятьдесят флоринов и уберешься из Испании. Если же ты этого не сделаешь или еще раз попытаешься увидеться с сестрой, я устрою тебе дружескую встречу с коррехидором Кордовы.

Он хлопнул в ладоши.

— До моего указания этого человека держать под строгим арестом, — приказал он появившемуся пажу. — Вы можете идти, сеньор Арана. И последнее предупреждение: никаких фокусов.

С поникшей головой Пабло последовал за пажом, кляня свою несчастную судьбу.

А Колон поспешил в покои Сантанхеля.

— Великое известие, дон Луис.

Канцлер отложил перо, поднял голову, он работал, сидя за столом, и на лице его отразились изумление: Колон, казалось, помолодел лет на десять.

— Да поможет мне Бог! Что случилось? Глядя на вас, можно подумать, что вы сделали еще одно открытие.

— Сделал. Еще более великое, чем Индии, — Колон радостно рассмеялся. — Я нашел Беатрис. Она в Севилье.

Дон Луис встал, слова Колона искренне обрадовали его.

— Слава Богу!

— Я немедленно еду в Севилью.

— Немедленно? — радости Сантанхеля поубавилось. — Но не сегодня же?

— Не позднее, чем через час. Как только оседлают лошадь.

— Но это невозможно, — запротестовал Сантанхель. — Сегодня вы ужинаете с герцогом Аркосским. Он же устраивает званый вечер в вашу честь.

— Почествуете меня сами. Извинитесь за меня перед герцогом.

Сантанхель расстроился.

— Он никогда не простит вам.

— Я никогда не прощу себе, если останусь ужинать с ним.

— Но... — тут уж канцлер совсем загрустил. — Дьявол вас побери! Разве вы забыли, что их величества пригласили вас завтра на обед?

— Их величества отлично отобедают без меня. Пожелайте им доброго аппетита и объясните, что неотложные дела потребовали моего отъезда в Севилью.

— Вы сумасшедший?

— Вполне возможно, — рассмеялся Колон.

— Но вы не можете уехать. Королевское желание...

— Сейчас я выполняю волю небес.

Сантанхель ужаснулся.

— Как вы можете так говорить, образумьтесь! Их величествам не терпится завершить обсуждение новой экспедиции.

— А мне не терпелось отправиться в прежнюю. Но пришлось ждать. Теперь их величества и я поменяемся местами. Вот и все.

— Но Кристобаль, друг мой! — канцлер заломил руки. — Это же чистойшей воды безумие. Послушайте меня, сумасшедший вы мой. Таким поступком вы наживете себе новых врагов, а у вас их и так предостаточно. Вы представляете, какие пойдут разговоры, сколько на вас выльют грязи? И их величества могут прислушаться к вашим недоброжелателям, потому что обидятся, узнав, что вы идете супротив их желаний. Короли очень ревнивы. Особенно, когда дело касается их прав в отношении подданных. Подумайте, какой опасности подвергаете вы себя.

Но Колон его не слушал.

— Я могу думать только о Беатрис. Ни о чем другом. Влюбленный взял верх над первооткрывателем. Но и первооткрыватель еще достаточно велик, чтобы рискнуть вызвать неудовольствие их величеств и злобную зависть придворных. — Он обнял встревоженного канцлера. — Помогите мне в этом, как друг, самый близкий мне человек. Шепните на ушко королеве истинную причину моего отъезда. Она женщина, и у нее доброе сердце. Она поймет.

— А король? — печально спросил дон Луис. — Что я должен сказать ему?

— Убедите его, что этим внезапным отъездом я сэкономлю ему много денег, — рассмеялся Колон. — И он простит мне любое прегрешение.

— Нельзя же все обращать в шутку, — воскликнул Сантанхель.

— Ничего иного не остается, — Колон схватил руку канцлера, пожал ее. — Сохрани вас Бог, дон Луис, — и вихрем вылетел за дверь.



ОГЛАВЛЕНИЕ

- Глава 1. ПУТНИК...5*
Глава 2. ПРИОР ЛА РАБИДЫ...10
Глава 3. ПОРУЧИТЕЛЬ...16
Глава 4. ЗАБЫТЫЙ ПРОСИТЕЛЬ...22
Глава 5. ДОЖ...36
Глава 6. ЛА ХИТАНИЛЬЯ...41
Глава 7. ИНКВИЗИТОРЫ...47
Глава 8. БРАТ И СЕСТРА...53
Глава 9. ПРИМАНКА...57
Глава 10. СПАСЕНИЕ...61
Глава 11. АГЕНТЫ...66
Глава 12. У ЗАГАРТЕ...70
Глава 13. В СЕТИ...82
Глава 14. ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОНА РАМОНА...90
Глава 15. НАСЛЕДСТВО...98
Глава 16. В ПРЕДВЕРИИ ПРАЗДНИКА ТЕЛА ХРИСТОВА...109
Глава 17. ПРАЗДНИК ТЕЛА ХРИСТОВА...114
Глава 18. КОМИССИЯ...118
Глава 19. ДОКЛАД...129
Глава 20. ЦЫГАНЕ...143
Глава 21. МАРКИЗА... 150
Глава 22. РЕАБИЛИТАЦИЯ...158
Глава 23. ЧАША СТРАДАНИЯ...161
Глава 24. ОТЪЕЗД...169
Глава 25. УСЛОВИЯ...174
Глава 26. МОРЯКИ ПАЛОСА...191
Глава 27. ОТПЛЫТИЕ...205
Глава 28. ПЛАВАНИЕ...210
Глава 29. ТЯЖЕЛОЕ ИСПЫТАНИЕ...228
Глава 30. ЗЕМЛЯ!...234
◦ Глава 31. ОТКРЫТИЕ...237
Глава 32. МАРТИН АЛОНСО...245
Глава 33. ОБРАТНЫЙ ПУТЬ...255
Глава 34. ПРИБЫТИЕ...261
Глава35. ВОЗВРАЩЕНИЕ ПАБЛО...264
Глава36. ТЕ ДЕУМ...278
Глава37. ЗЕНИТ...283
Глава38. САТИСФАКЦИЯ...287





